

Майк Омер

Заживо в темноте

Глава 1

Сан-Анджело, Техас, пятница, 2 сентября 2016 года

Он подтянулся и вылез на край могилы. Из-под ног осыпался песок; песчинки с шорохом падали на крышку ящика и пачкали ее. На миг накатило раздражение: ему хотелось, чтобы ящик, когда смотришь на него сверху, оставался чистым. Впрочем, он тут же улыбнулся себе, сообразив, как нелепо это желание. Ящик будет захоронен под несколькими тоннами земли; что за беда, если на него просыпалась струйка песка?

На миг он задумался о втором участнике – участнице – эксперимента. Вполне возможно, она слышала шорох песка; наверное, даже поняла, что это значит... Его сердце зашлось: мысль о том, как тесное пространство и крошечная темнота внутри усиливают звук, вызвала возбуждение.

Он поднял лопату, воткнул в землю – и вдруг остановился. Что за идиот! Увлечшись процессом, самое важное-то и позабыл. Отложив лопату, он повернулся к ноутбуку, убедился, что тот работает. Обидно будет, если посреди эксперимента сядет аккумулятор.

За спиной раздался громкий рев мотора: мимо проезжал грузовик.

Он напрягся, скрипнул зубами. Место для эксперимента выбрано тщательно – стена кактусов, деревьев и кустарника надежно скрывает его от посторонних глаз. Этой дорогой почти не пользовались, однако время от времени здесь все же кто-то проезжал. А ему не хотелось, чтобы его отвлекали. Для важного дела требуется полная сосредоточенность!

Он включил видеотрансляцию, взгляделся в экран. Пожалуй, угол не тот: слишком высоко. Подошел к камере, отрегулировал высоту треножника. Проверил снова – вот теперь отлично! Наступал ключевой момент. От волнения перехватило дыхание. На миг он замер. Потом нажал кнопку, и трансляция началась.

Вновь взявшись за лопату, он швырнул на крышку ящика первую порцию песка и гравия, стараясь не смотреть в сторону камеры. «Улыбнись в камеру, сынок!» – вечно твердила мать. Постоянно требовала, чтобы он позировал ей для снимков в семейном альбоме.

На четвертом взмахе лопатой снизу донесся приглушенный стук. Должно быть, рев грузовика привел девушку в сознание, и теперь она колотит по крышке ящика. Пытается открыть. Кричит... кричит... От этой мысли он едва не уронил лопату: его пронзило острое желание, по телу прошла жаркая волна.

«Не сейчас! Еще будет время, когда я все закончу!»

Пять минут – и крышка ящика скрылась из виду, хотя, прислушавшись, еще можно было различить стук и крики. Интересно, кто-нибудь уже смотрит трансляцию? Может быть. В конце концов, ради этого он все и затеял. И что думают? Просто пялятся на экран, ожидая пояснений? Считают, что это розыгрыш? Или звонят в полицию и пытаются объяснить, что видят?

Дикое, непреодолимое возбуждение охватило и тело, и разум. Он не мог больше сосредоточиться, не мог вспомнить детали плана. Нужно сделать перерыв – хоть на пару минут. Выпустить пар.

Он бросил лопату и, подхватив ноутбук, поспешил к фургону.

Закончив, обтерся салфетками, снова надел перчатки и вернулся к своему делу, надеясь, что зрители не слишком по нему скучали.

Где-то он слышал, что средний объем внимания у юзера, просматривающего видеоклипы в Интернете, – тридцать семь секунд. За эти тридцать семь секунд он должен выиграть конкуренцию с прикольными котиками, порнухой, трейлерами новых фильмов. Надо действовать быстро. Вот почему подготовлены контейнеры с землей.

Он подошел к крайнему контейнеру справа, перевернул его вверх дном и опустошил в яму, зачарованно глядя, как комьями рассыпается земля. Затем разровнял спекшуюся землю лопатой. То же повторил с другими контейнерами. Странно и сладко было смотреть, как дыра в земле заполняется и исчезает на глазах. Крики и грохот давно смолкли, надежно скрытые земляным покровом. Но зрители в Интернете их точно слышат. Об этом он позаботился.

Он выпрямился и остановился, чтобы полюбоваться делом своих рук. Яма в земле почти неразличима. В спешке ее точно не найдут.

Он потянулся – от работы ныла спина – и краем глаза посмотрел туда, где блестела стеклянным глазом камера.

«Улыбнись в камеру, сынок!»

Вот теперь можно улыбнуться. Пусть никто и не увидит его лица.

Глава 2

Квантико[1], Вирджиния, понедельник, 5 сентября 2016 года

Зои Бентли сидела за столом в кабинете и держала перед собой фотографию. Мужчина и молодая девушка улыбаются в камеру, сблизив головы, почти

касаясь друг друга. Случайный наблюдатель не обратил бы на этот снимок никакого внимания – обычное селфи! – но Зои замечала мелкие детали. У мужчины пустой взгляд, и улыбается он лишь плотно сжатыми губами – так улыбаются врагам. А у девушки лицо невинное, наивное. Она ничего не понимает.

Девушка – Андреа, сестра Зои. Мужчина – Род Гловер, тот, что изнасиловал и задушил нескольких женщин.

Прошел месяц с тех пор, как Гловер зловещим призраком появился в Дейле. Появился, сделал пугающий снимок – и снова исчез.

Зои бросила фото в ящик стола и с грохотом захлопнула. Но знала, что надолго ее не хватит. Скоро опять достанет снимок и начнет в него вглядываться.

Много лет назад Гловер жил по соседству с ее семьей. Зои, тогда совсем юная, узнала о его преступлениях и сообщила в полицию. Увы, к тому времени, как кто-то обратил внимание на слова девчонки, Гловер успел скрыться. Но с тех пор поддерживал с Зои связь: время от времени присылал ей серые галстуки, такие, какими душил своих жертв.

Прошлым летом его одержимость Зои усилилась. Когда она расследовала серийные убийства в Чикаго, Гловер начал за ней следить, напал на нее и едва не прикончил. А вскоре прислал эту фотографию. Подошел к Андреа на улице, и сестра согласилась с ним сфотографироваться, не подозревая, кто он. После этого Гловер исчез, словно растворился в воздухе...[2]

Зои встала и прошлась взад-вперед по тесному кабинету в Отделе поведенческого анализа ФБР. Голова гудела, было трудно сосредоточиться. В последние дни она плохо спала, а когда все же засыпала, ее мучали кошмары.

Сев за стол, Зои открыла ПИНП – «Программу исследования насильственных преступлений». Сюда вносятся данные обо всех насильственных преступлениях – чтобы облегчить поиск «серийников». Зои искала любые преступления, включающие в себя изнасилование и удушение, за последние двадцать четыре часа. Нашла одно совпадение – и с сильно бьющимся сердцем просмотрела отчет. Сорокапятилетняя женщина изнасилована и задушена в собственном доме в Нью-Йорке... Нет, совсем непохоже. Даже отдаленного сходства нет. Жертва уже немолода, задушена голыми руками, да и Нью-Йорк слишком далеко. Это не он.

«Где же ты, Гловер?»

Была бы возможность – Зои поместила бы Андреа под охрану, лучше всего с переездом в особое жилье для свидетелей, пока Гловера не найдут. Однако ничего не выйдет. И так пришлось потратить несколько недель и почти сорвать голос, уговаривая сестру хотя бы временно пожить у нее.

Агент ФБР, занятый этим делом, больше не желает разговаривать с Зои – как и полиция. Все считают, что Гловер прочно исчез с горизонта. Что снова подбираться к кому-то из сестер Бентли он не рискнет. Но Зои знала: они ошибаются. Поняла по тому, как смотрел на нее Гловер во время последней встречи. По глазам, по голосу.

На ее столе не было ни фотографий, ни безделушек. Дважды она пыталась украсить рабочее место цветами в горшках: первый цветок высох за пару дней, второй – кактус – продержался почти месяц. Зои считала, что проблема в недостатке воды и солнечного света, а вот Тейтум, ее коллега и приятель, уверял, что она пугает цветы до смерти, когда вот так на них пялится. В конце концов от цветов Зои отказалась – решила, что довольно с нее стола и беспорядочной кипы бумаг.

За дверью послышались знакомые энергичные шаги. Зои вскочила, выбежала за дверь – и очень вовремя: успела поймать начальницу отдела Кристин Манкузо.

– Шеф, можно тебя на пару слов?

Манкузо не остановилась, даже едва на нее взглянула.

– Только побыстрее, Зои. Неделя едва началась, а мне уже надо быть в шести местах сразу.

Темные волосы Манкузо, как обычно, были стянуты в строгий гладкий узел, костюм безупречно отглажен. Все в ней, вплоть до помады на губах, говорило: «Эта женщина здесь главная, и с ней шутки плохи!»

– Я хочу работать по делу Гловера вместе с агентом Колдуэллом.

Дэн Колдуэлл, как и сама Зои, трудился в ОПА, составляя профили серийных убийц. Узнав, что его бросили на дело Гловера вместо нее, Зои пришла в ярость, однако Манкузо была непреклонна.

– Мы это уже обсуждали. Нет.

– Мне кажется, непосредственное знакомство с преступником будет очень ценно при составлении его профиля. Необходимо использовать все, что нам известно. Особенно поскольку есть основания полагать, что он может нанести новый удар.

Манкузо остановилась у большого принтера, выплевывающего листы бумаги, взглянула на верхний лист, недовольно скривилась. Затем снова повернулась к Зои:

– Поэтому агент Колдуэлл и беседовал с тобой два дня подряд. Выяснял все, что ты знаешь и помнишь о Гловере.

– Не думаю... По-моему, я могу быть объективной...

– Не можешь, – непрекаемо отрезала Манкузо.

– Тогда дайте мне отпуск.

– Чтобы начать охотиться за ним самостоятельно? Нет, Зои. Ты нужна мне здесь.

– Зачем? – Она повысила голос. – Я работаю над делами десяти-пятнадцатилетней давности. Что в них такого срочного?

Манкузо поджала губы.

– Бентли, ты забываешься!

Она повернулась к принтеру, перебрала распечатанные листы, взяла несколько из них и зашагала обратно, не трудясь проверять, идет ли Зои следом.

Та поспешила за ней. Чтобы не отставать, приходилось почти бежать.

– Кристин! Я не могу сосредоточиться, пока этот человек угрожает моей сестре! Не могу работать. Пожалуйста, дай мне несколько дней! Больше ни о чем не прошу. Несколько дней и аналитика в помощь.

Манкузо немного замедлила шаг. Зои нанесла удар единственным оружием, которым с начала работы в Квантико еще ни разу не пользовалась – и в ближайшее время пользоваться не собиралась: назвала начальницу по имени. Напомнила о том, что когда-то, на оперативной работе в Бостоне, они были подругами.

– Вот что я тебе скажу, – ответила Манкузо. – Хочу, чтобы ты взглянула на одно дело. Когда закончишь с ним, дам тебе пять дней, с условием, что работать будешь напрямую с агентом Колдуэллом.

– Договорились! – быстро ответила Зои, не веря своей удаче. – А что за дело?

Манкузо остановилась у двери в один из кабинетов.

– Сейчас тебе перешлю. Полицейского файла нет, дело как таковое еще не заведено. Информация поступила только сегодня утром.

– Нет полицейского файла? – с удивлением переспросила Зои. – А что же есть?

– Ссылка на видео, на котором кто-то хоронит женщину заживо.

– Не понимаю. Если это серийный убийца, должны быть другие случаи...

– Это первый случай.

Зои недоуменно моргнула.

– Но мы ищем серийных убийц!

– Скорее всего, будут и следующие.

– Почему ты так думаешь?

– Потому, – ответила Манкузо, взявшись за ручку двери, – что видео озаглавлено «Эксперимент номер один».

Глава 3

Кристин Манкузо открыла дверь в кабинет Тейтума Грея и, проскользнув внутрь, захлопнула ее у Зои перед носом. Видит бог, она любит Зою, но в последнее время та словно задалась целью довести ее до безумия! Весь последний месяц – бесконечный шквал электронных писем, телефонных звонков, разговоров лицом к лицу, и все об одном чертовом серийном убийце. Пусть Бентли хоть на несколько дней оставит ее в покое!

Тейтум поднял голову, удивленный ее появлением у себя в кабинете.

– Доброе утро, шеф. Как прошли выходные?

– Слишком быстро, – ответила Кристина, садясь напротив.

На столе перед ним лежала открытая папка; когда Кристин вошла, он читал дело. Грей присоединился к ОПА недавно, тех знаний и опыта, каких ожидала Кристин от своих профайлеров, ему еще не доставало. Однако приходилось, пусть и нехотя, признать: хотя бы отчасти это компенсируется инстинктами. У Грея чутье как у охотничьей собаки; и, мало того, он обладает почти невиданным умением слышать, что говорят другие люди.

Тейтум показал себя в деле месяц назад, когда работал вместе с Зою над убийствами в Чикаго. Манера расследования Кристин не вполне устроила, зато ее подчиненные действительно предотвратили убийство целой семьи.

Она с удовлетворением отметила, что сейчас Тейтум не улыбается. Вечную его улыбку кое-кто находил обаятельной, но, на взгляд Кристин, она придавала ему вид обнаглевшего юнца. Сейчас Тейтум смотрел на нее серьезно и с интересом.

– Что скажешь о Гленне Уэллсе? – спросила она.

Грей недоуменно моргнул и откинулся на стуле, его широкие плечи заметно напряглись. Несколько секунд спустя он ответил:

– Уэллс – педофил, дело которого я расследовал в Лос-Анджелесе. Нападал на девочек по дороге в школу. Хватал, насиловал и угрозами заставлял молчать. И фотографировал. В компьютере у него мы нашли фото более тридцати жертв. Одна девочка попыталась покончить с собой.

Тейтум говорил, а Кристин не сводила с него глаз. Агент держался спокойно, говорил четко, однако губы его чуть подергивались, а правая рука сжалась в кулак.

– Трудно было найти прямые доказательства. Все улики косвенные. Мы долго за ним следили, и наконец повезло: у нас на глазах он схватил на улице тринадцатилетнюю девочку и куда-то потащил. Мы подбежали, чтобы его задержать.

– Что произошло дальше?

– Он бросился наутек. В переулок. Я погнался за ним. Посреди дороги Уэллс повернулся ко мне. Я навел на него оружие и приказал: «Руки за голову!» Вместо этого он быстро сунул руку в наплечную сумку. Я выстрелил. Трижды.

– И что оказалось в наплечной сумке?

– Только камера. Видимо, он хотел стереть снимки, прежде чем мы его схватим.

– И Уэллс умер...

– Было служебное расследование. Меня оправдали.

– Теперь это дело могут открыть и пересмотреть, – заметила Кристин.

Тейтум широко раскрыл глаза.

– Почему?

– Судя по всему, появился новый свидетель. Какой-то человек видел стрельбу и решил об этом сообщить.

– И почему ждал столько времени?

Кристин пожала плечами.

– Почему люди вообще поступают так или иначе?... Сегодня утром мне позвонил специальный агент ОВР, парень по фамилии Ларсон. Знаешь его?

ОВР – Отдел внутренних расследований ФБР; и разговор с этим Ларсоном вышел не самый приятный.

– Знаю, – коротко ответил Тейтум и стиснул челюсти.

– Кажется, ты ему не слишком-то нравишься. Не представляю, как тебе удастся везде наживать себе врагов?

– Упорные тренировки. – Грей усмехнулся.

– Словом, рассказывая мне об этом, он просто лучился от счастья. Хотел предупредить, что в ближайшее время тебя вызовут на беседу.

– Когда, сказал?

– До этого мы не дошли. Я ответила, что сейчас ты расследуешь дело, в котором крайне важна срочность, и несколько дней тебя беспокоить нельзя.

– Но я сейчас ничего не расследую!

Манкузо вздохнула.

– Вот тут ты ошибаешься. Думаешь, я стала бы врать Ларсону?

– И... чего ты хочешь? – растерянно спросил Тейтум.

– Хочу выяснить побольше о том, кто и почему возобновил дело. И уже работаю над этим. Но мне нужно время. На несколько дней, пока я с этим не разберусь, тебе нужно залечь на дно.

Тейтум кивнул; Кристин заметила, что теперь он сжал оба кулака. Если она что-то понимает в этом человеке, не пройдет и суток, как он начнет сам звонить и выяснять, кто и зачем пришел по его душу. Попытается все разрулить. И выйдет только хуже. Намного хуже.

Глава 4

Известие о том, что внутреннее расследование снова открыто, вызвало у Тейтума горечь. Он-то думал, с этой историей давно покончено! Но нет, вновь тени прошлого выползают из тьмы...

Час или около того он старался погрузиться в работу, потом сдался и пошел в поисках утешения на крохотную офисную кухню. Но искать в таком месте что-нибудь духоподъемное – дело, обреченное на провал. Тейтум с трудом разгрыз горькое окаменевшее печенье, отправился назад – и, проходя мимо двери Зои Бентли, подумал, что дружеское участие ему сейчас не помешает.

Он постучал. Из-за двери доносились тревожные приглушенные звуки, словно там кто-то плакал.

– Войдите! – крикнула Зои, и он открыл дверь и вошел.

Зои сидела за столом перед компьютером, устремив взгляд на монитор.

Ростом она была намного меньше Тейтума – да и большинства женщин, коль уж на то пошло, – и самой выразительной чертой ее лица были пронзительные зеленые глаза. Однажды Тейтум слышал, как двое агентов за спиной у Зои называли ее «стервятницей», и позже понял почему. Сквозило у нее во взгляде что-то хищное – и такое, словно она видит человека насквозь, читает его сокровенные мысли. Ну и добавьте к этому длинный острый нос, кончик которого слегка загибается вниз, точно клюв.

Плач, который Тейтум слышал из-за двери, доносился из динамиков. Зои взглянула в его сторону, нажала на паузу – плач прекратился, и Тейтум расслабил напряженные плечи.

– Извини. Зайду в другой раз.

– Хорошо. – Она снова повернулась к монитору.

Тейтум поднял бровь. Они не виделись с пятницы: может, хоть спросит, как у него дела? Он повернулся и хотел уйти, решив, что дружеской поддержки здесь вряд ли дождется.

– Тейтум, погоди!

– Да?

– Мне не мешает еще пара глаз. Взглянешь?

– Конечно, – ответил он, удивленно моргнув. Обычно Зои работала в одиночку.

Грей обошел стол и взглянул на экран компьютера. Видеоклип, поставленный на паузу: время – 43:32. Полная длина видео – чуть меньше часа. На экране молодая девушка лежит в каком-то тесном и темном пространстве, лицо ее искажено страхом. Изображение черно-белое; возможно, тепловизионная камера. Зои запустила видео с начала.

Начиналось оно с разделенного надвое экрана. В нижней половине – все та же черно-белая девушка в каком-то темном и тесном месте; но теперь она отчаянно кричит. Верхняя половина – песчаная почва, возможно, пустыня. Прямоугольная яма в земле, напоминающая могилу. Видны мужские ноги: какой-то человек, орудуя лопатой, засыпает яму песком.

Девушка страшно кричала. Тейтум вспомнил, что оставил дверь открытой, покосился на нее и поспешно закрыл.

– Можешь сделать потише? – попросил он.

Зои кивнула, пощелкала мышкой, и невыносимые, надрывные вопли зазвучали чуть глуше. Тейтум снова взглянул на экран. Там мужчина высыпал в могилу полный контейнер земли. Опрокинул его ногой, и земля рассыпалась комьями, а остатки он выгреб из контейнера лопатой. Женщина кричала и отчаянно колотила кулаками по крышке над собой.

Контраст между спокойной, сосредоточенной работой мужчины в верхней части экрана и истерикой девушки внизу заставил Тейтума вздрогнуть. Перегнувшись через плечо Зои, он поставил видео на паузу. Вопли прекратились, и Грей вздохнул с облегчением.

– Что это?

– Видеосъемка: женщину хоронят живьем.

– Откуда ты это взяла?

– Манкузо прислала. А ФБР это получило от полиции Сан-Анджело, штат Техас. Манкузо попросила меня поделиться мыслями. – Она протянула руку, чтобы снова запустить видео.

– Подожди! – поспешно сказал Тейтум.

Ее рука на мгновение зависла над мышью, затем снова легла на стол.

– Что мы имеем? – спросил Тейтум вслух, глядя на монитор.

Название под видео гласило: «Эксперимент номер один». Дальше серым шрифтом ник человека, загрузившего видео: Шредингер. Дата и время загрузки: 2.09.2016, 08:32. И больше ничего – только сам клип и пустая белая страница вокруг. Тейтум взглянул на URL страницы – выглядит как случайный набор букв и цифр.

Зои переключилась на свой почтовый ящик и быстро просмотрела почту.

– Полиция Сан-Анджело идентифицировала женщину на видео: это Николь Медина, девятнадцати лет, проживает в Сан-Анджело вместе с матерью. Три дня назад мать подала заявление об ее исчезновении. Через несколько часов после того, как сообщение об исчезновении появилось в СМИ, эта ссылка была разослана с временного почтового ящика двум журналистам и восьми блогерам.

Тейтум читал письмо, глядя ей через плечо.

– И девушку пока не нашли.

– Не нашли. – Зои ткнула пальцем в конец письма, до которого Тейтум еще не добрался. – По словам матери, она никогда раньше так не пропадала.

– Может быть, фейк? Розыгрыш ради хайпа? Мать тоже может быть в стоворе...

– Все может быть.

– Но ты так не думаешь?

– Пока не знаю, что думать.

– Давай посмотрим остальное.

Комнату снова заполнили вопли Николь. Тейтум с трудом заставил себя отвернуться от искаженного мукой лица и сосредоточиться на верхней части записи – на мужчине, закапывающем яму. Важна именно верхняя часть видео. Любая деталь, которая подскажет, что это за место. Камера стояла так, что видны были только земля, руки и ноги мужчины, контейнеры и яма, медленно заполняемая землей. Мужчина в джинсах и рубашке с длинным рукавом, руки в толстых перчатках. Ни клочка обнаженной кожи. Звук исходил только от нижней половины видео – с девушкой, уже не вопящей, а истерически рыдающей.

Вдруг кое-что в «могиле» привлекло внимание Грея.

– Смотри! – Он указал на один из углов ямы; оттуда поднималось, змеясь, что-то длинное и тонкое. – Шнур.

– Верно. Может быть, воздуховод?

Тейтум внимательно всмотрелся в экран.

– Вряд ли, – ответил он наконец. – Скорее, электрический провод. Это объясняет, почему мы видим похороненную женщину и слышим ее крики. Если, конечно, она действительно там.

– Но зачем использовать провод? Почему не блютуз или что-нибудь вроде этого?

– Толстый слой земли будет создавать помехи для передачи.

– Верно... – Не сводя глаз с экрана, Зои кивнула.

Мужчина опустошал контейнеры в течение семи минут. В какой-то момент он вышел из кадра, и несколько минут верхняя половина экрана оставалась пустой; в нижней в это время Николь снова отчаянно кричала. Потом он вернулся, закончил с контейнерами, разровнял землю лопатой. Могила стала практически незаметна. Мужчина повернулся к камере.

– Что он делает? – спросил Тейтум.

– Кажется, просто отдыхает. Хотя... нет, подожди!

Мужчина приблизился к камере, на ходу доставая что-то из кармана. Смартфон. Щелкнул крышкой, повернул телефон экраном к камере. Тейтум нахмурился. На экране выступал президент. Без звука – единственными звуками в записи оставались приглушенные рыдания Николь.

– Это что, какое-то политическое заявление?

Зои покачала головой.

– Видео выложили в пятницу утром. – Она ткнула пальцем в дату под заголовком «Эксперимент номер один». – А это кадры из выпуска новостей, прямой эфир. Он доказывает нам, что его видео – тоже прямой эфир.

На экране мужчина опустил телефон и сунул в карман. Затем начал наклоняться к камере... и тут верхняя половина экрана погасла. Николь внизу снова начала колотить по крышке, крики ее сделались громче и истеричнее.

– Через минуту или две видео развернется на полный экран, – пояснила Зои.

– Ты смотрела до конца?

– Да.

Тейтум откашлялся.

– И что в конце? – Идиотский вопрос, тут же понял он.

Зои навела курсор на индикатор продолжительности видео, начала двигать плашку вправо. Замелькали кадры. Зои остановила плашку на 57:07 и отпустила кнопку. Здесь Николь уже молчала, только изредка всхлипывала. А десять секунд спустя экран погас.

– Трансляция просто останавливается, – сказала Зои.

Тейтум нахмурился.

– Я ожидал, что он будет транслировать до самого конца. Пока она не задохнется.

– Может быть, не задохнулась?

– Тоже верно.

– Или Николь вообще не в этой яме. Даже если она не притворяется, это может быть жестокий розыгрыш. Возможно, ее заперли где-то еще.

– Может быть, запись с мужчиной – «живое» видео, а с Николь в яме – нет, – добавил Тейтум. – Прямой эфир на телефоне мы видели только в верхней половине экрана. А верхнюю с нижней ничто достоверно не связывает.

– Возможно, это отсылка к коту Шредингера. – Зои указала на ник человека, загрузившего видео: Шредингер. – Я не помню подробностей... по-моему, там шла речь о коте, запертом в ящике.

– И мы не знаем, жив кот или мертв. Значит, он и жив, и мертв одновременно.

– А здесь в ящике женщина, и нам тоже остается только гадать, жива она или мертва. – Зои откинулась на спинку стула. – Так что думаешь?

– О чем именно?

– Эту женщину действительно похоронили заживо? Видео озаглавлено «Эксперимент номер один». Значит, могут быть и следующие.

– Если предположить, что здесь все настоящее... – У Тейтума вдруг болезненно сжалось сердце. – Возможно, она еще жива?

Зои покачала головой.

– Если он ее там оставил – нет. Это я проверила первым делом. Позвонила Лайонелу и попросила его взглянуть.

Тейтум кивнул. Лайонелом звали одного из аналитиков, работающих с ОПА.

– Он сумел приблизительно прикинуть размер ямы, сопоставив его с ногами мужчины, и высоту ящика, сопоставив ее с головой Николь. В лучшем случае – если ящик заполняет могилу целиком, – в нем около девяноста дюймов в длину, тридцати в ширину и двадцати пяти в высоту. Как обычный гроб, может, чуть больше. В любом случае, даже если мы сильно ошибаемся в расчетах, Николь должна задохнуться самое позднее в течение тридцати шести часов. А учитывая, что вначале она была в истерике и потребляла намного больше воздуха, чем нужно для выживания, Лайонел считает, что больше двенадцати часов она протянуть не могла.

Тейтум присел на край стола, поверх раскиданных бумаг.

– И что же, Манкузо хочет, чтобы ты выяснила, кто перед нами, организатор безумного розыгрыша или убийца?

– Или что-то третье. Быть может, он похитил Николь, но пока не убил. Название «Эксперимент номер один» может означать и то, что нас ждут новые видео с Николь в главной роли.

Тейтум поморщился: такое предположение показалось ему самым страшным.

– Что будешь делать?

Зои хотела ответить, но в это время отворилась дверь, и вошла Манкузо.

– О, ты уже здесь! – воскликнула она, бросив взгляд на Тейтума. – Отлично. Я как раз хотела пригласить тебя присоединиться. Уже видел запись?

– Частями, – ответил Тейтум.

Манкузо удовлетворенно кивнула и повернулась к Зои:

– Есть какие-нибудь идеи?

– Нужно поговорить с детективом, который занимается этим делом. Пусть расскажет подробности. Полезно будет побольше узнать о Николь Медина. И, разумеется, любые технические данные об этом видео, которые помогут...

– Значит, ты считаешь, нам стоит этим заняться?

– Даже если это розыгрыш, непохоже, чтобы Николь участвовала в нем добровольно, – ответила Зои. – По меньшей мере перед нами похищение.

– Хорошо. Я хочу, чтобы вы оба отправились туда, – приказала Манкузо. – Как можно скорее – на случай, если Николь еще жива. Хотелось бы помочь полиции Сан-Анджело всем, что в наших силах.

Тейтум нахмурился.

– Шеф, сомневаюсь, что для этого нужно лететь в Техас. Уверен, несколько телефонных разговоров...

– Я предпочитаю, чтобы наши люди были на месте, – невозмутимо ответила Манкузо. – Если история получит продолжение, мы должны быть к этому готовы.

– Шеф! – На лице Зои отразилось удивление и тревога. – Моя сестра...

– С твоей сестрой, Бентли, всё в порядке. – По голосу Манкузо было понятно, что спорить с ней бессмысленно. – А теперь покупайте билеты – по возможности на сегодняшний вечер. Я хочу, чтобы вы занялись делом Николь Медина. Вы оба.

Несколько секунд Зои и Манкузо меряли друг друга взглядами, а Тейтум боролся с желанием куда-нибудь провалиться. До него дошло, что начальница беспокоится не только о безопасности Николь Медина. Она не хочет, чтобы

Зои вмешивалась в расследование дела Гловера. Все в отделе знали, что Бентли и агент, брошенный на это дело, постоянно спорят о профиле Гловера – и агент уже жаловался, что Зои не дает ему работать.

А еще, разумеется, хочет самого Тейтума убрать подальше от Ларсона и от внутреннего расследования.

Наконец Зои, сжав губы, отвела взгляд.

– Что-нибудь еще, шеф?

– Свяжитесь с полицией Сан-Анджело, сообщите им, что вылетаете. И держите меня в курсе всего, что у вас там происходит.

Глава 5

Гневные вопли Марвина, своего деда, Тейтум слышал еще с лестничной площадки. Похоже, старик в ярости. Интересно, кто на этот раз надул ему в ботинки? Должно быть, Веснушка, рыжий кот Тейтума – и, скорее всего, вполне буквально. Входную дверь Тейтум открывал осторожно: в последнее время Веснушка полюбил спать прямо на пороге и, стоило задеть его дверь, становился очень недоволен. А недовольный Веснушка имеет дурную привычку вцепляться когтями в ноги любому, кто окажется рядом. Сегодня, однако, мелкий хищник охотился где-то в других краях, и в дом удалось войти спокойно.

Крики доносились с кухни. Слышался только голос деда; Тейтум заключил, что Марвин говорит по телефону. Точнее, кого-то распекает.

– Все, мисс, с меня хватит! Свяжите меня с вашим начальником или еще с кем-нибудь, у кого в голове чуть больше мозгов! Я хочу... да, разумеется, хочу медицинскую страховку – ради этого и позвонил! Нет, черт возьми, страховка для пенсионеров меня не интересует! Мне нужна... Алло! Алло!

Тейтум закатил глаза и вошел на кухню. Марвин сидел за столом с полупустой чашкой чая. Он поднял на внука острый взгляд.

– Чертовы страховые агенты! Кровопийцы проклятые! Вытягивают из нас все деньги, да еще и за эти деньги работать не хотят! Ну что им стоит разок пошевелить мозгами, а не отвечать по инструкции?

– Рад, что ты наконец этим занялся, – заметил Тейтум, наливая себе чай. О медицинской страховке он напоминал Марвину уже несколько недель.

– А толку-то? Они не могут понять, что мне нужно!

Тейтум понимающе кивнул. Дед – человек старой школы, предпочитает все вопросы решать лицом к лицу. Заполнять анкеты в Интернете для него невыносимо, от телефонных разговоров он бесится, если они длятся дольше пяти минут. Тейтум ему сочувствовал: мир меняется слишком быстро, и Марвин за ним не поспевает.

Он налил себе и деду кипятка и сел напротив.

– Хочешь, я сам этим займусь? Я знаю, как с ними разговаривать.

Марвин колебался.

– Да ну? – недоверчиво проворчал он. – Правда возьмешься?

– Конечно. Что тебе нужно?

– Застраховаться для прыжка с парашютом.

Тейтум поперхнулся и отчаянно закашлялся. Горячий чай – отличная штука, только не в носу!

Марвин, скрестив руки на груди, сверлил его взглядом.

– С парашютом? – переспросил наконец Тейтум, все еще отфыркиваясь.

– Да, прыгаю через три дня, уже все оплатил. А теперь вдруг выясняется, что мой возраст их не устраивает! Видите ли, их страховка мой возраст не покрывает, и я должен застраховаться отдельно. Представляешь, наглость какая? Сущее вымогательство!

– Представляю, – ответил Тейтум, вытирая рот салфеткой. – Дед, ты не можешь прыгать с парашютом.

– Это еще почему, черт возьми?

– Потому что тебе восемьдесят семь.

– И что с того? Всего делов – выпрыгнуть из самолета! Земное притяжение, если ты не знал, на стариков и на молодых действует одинаково.

– При чем тут притяжение? У тебя же сердечный приступ будет.

– Не говори ерунды. У меня сердце как у быка.

– У тебя уже был сердечный приступ!

– Больше десяти лет назад? Что нас не убивает, Тейтум, то делает сильнее. Не так уж много времени мне осталось – самое большее, лет тридцать-сорок. Я хочу прыгнуть с парашютом, пока еще живой. Неужто я хочу слишком многого?

– Ну почему ты не можешь играть в бридж или ходить на рыбалку, как любой нормальный дед?

– Послушай, ты сказал, что поможешь мне. Так будешь звонить туда или нет?

– Конечно, нет.

Марвин в гневе вскочил и, чеканя шаг, вышел из кухни. Тейтум вздохнул. Если бабуля сейчас смотрит на них с небес – то-то, должно быть, помирает со смеху!

Он встал, взял с собой чай и пошел вслед за дедом в гостиную. Свирепый рыжий кот Веснушка сидел посреди комнаты, яростно хлестал себя хвостом по бокам и не сводил глаз с аквариума, где вокруг единственного украшения – пивной бутылки – невозмутимо плавала кругами одинокая золотая рыбка. Точнее, рыбка. Звали его Тимоти, и они с котом вели постоянный поединок характеров.

Несколько недель назад Тейтум проснулся среди ночи от страшного грохота, с пистолетом в руке вбежал в гостиную – и обнаружил посреди комнаты Веснушку, мокрого насквозь и в полном недоумении, а рядом – опрокинутый цветочный горшок. А в аквариуме, наполовину опустевшем, все так же бодро плавал Тимоти. С тех пор Веснушка регулярно кружил вокруг аквариума, пожирая его обитателя злобным взглядом. Ну а Тимоти... он вел себя так, как и положено аквариумной рыбке.

Хмурый Марвин сидел на диване. Тейтум понимал: если не разрешить конфликт немедленно, дед ввяжется во что-нибудь еще похуже прыжков с парашютом. А он сегодня улетает в Техас – и вовсе не хочет вернуться к свежей могиле. Нужно чем-то занять старика.

– Послушай, – начал он, плюхаясь на диван рядом с дедом. Чай у него в руках опасно всколыхнулся, но каким-то чудом в основном остался в чашке. – Я вечером улетаю в Техас. Хочу попросить тебя об одолжении.

– Ах, теперь тебе от меня что-то нужно?... Что ж, Тейтум, я не в настроении тебе помогать.

– Ты ведь знаешь Зои Бентли? С которой я работаю?

Марвин покосился на него с явным любопытством.

– Знаю.

– Того парня, что на нее напал, так и не поймали. Ну, помнишь, того серийного убийцу...

– Рода Гловера. Помню, Тейтум. Маразма у меня пока нет.

– Теперь этот тип угрожает ее сестре. Возможно, даже следит за ней. И Зои боится оставлять сестру одну. Ты не сможешь... заглядывать к ней иногда, проверять, как она там?

– Хм. А почему полиция ничего не делает?

– Гловер исчез; о нем ни слуху ни духу уже больше месяца. Однако Зои допускает, что он рыскает где-то рядом. Пожалуйста, просто заходи к ней иногда. Так и ей самой, и ее сестре будет спокойнее.

– Еще бы! Ведь у меня есть пистолет.

Тейтум побелел.

– Э-э... нет, вот пистолет лучше оставить дома.

– И как ты себе это представляешь? Появляется маньяк – и что, я луплю его тростью по башке?

– У тебя же нет трости.

– Ты чертовски прав, Тейтум. Трости нет. А пистолет есть. Так что передай Зои: о ее сестре я позабочусь. Я всегда готов прийти на помощь ближнему, в отличие от некоторых!

Глава 6

Лежа на кровати, с ноутбуком на коленях, Зои снова и снова просматривала «погребальное» видео. На нижнюю половину, где Николь Медина надрывалась в крике и колотила кулаками по крышке своего гроба, она не смотрела. Чуть раньше, когда в комнату заглянула Андреа и спросила, что это за крики, Зои выключила звук.

Она не сводила глаз с мужчины в верхней части экрана. Неотрывно следила за его спокойными, неторопливыми, обыденными движениями. По крайней мере, такими они казались с первого взгляда. Приглядевшись внимательно, Зои заметила, что в какой-то момент его движения ускоряются, становятся торопливыми, возбужденными. И походка делается неуклюжей: так ходят мужчины, когда борются с внезапной и неуместной эрекцией. Он сексуально возбужден.

Еще одно свидетельство, что это не розыгрыш. Этот человек воплощает в жизнь свою фантазию. Что именно его возбуждает? Что он снимает все это на камеру и показывает миру? Крики и стук из-под земли? Или само закапывание ямы?

Пока рано судить.

В дверь постучала Андреа.

– Зои? Есть хочешь?

Еще бы не хотеть! Зои поставила видео на паузу, вновь, нахмурившись, взглянула на экран. В верхней его части мужчина разравнивал песок. В нижней – в беззвучном крике, с широко открытым ртом застыла Николь.

Зои захлопнула ноутбук и встала. Она действительно проголодалась: от запаха жареного мяса приятно заурчало в желудке. Андреа ждала за дверью – бледная, с потухшими глазами, и при виде ее Зои охватили сострадание и стыд. Уже очень давно она не видела сестру такой. Обычно Андреа была веселой, энергичной, полной жизни... теперь же ее угнетал и высасывал силы неизбывный страх.

– И что у нас на ужин? – с показной бодростью поинтересовалась Зои.

– Я сделала шницель с пюре.

– Шницель? Звучит очень по-европейски!

– Кажется, это австрийское блюдо, – ответила сестра и, повернувшись, побрела на кухню.

Зои последовала за ней и увидела на клетчатой красно-белой скатерти две тарелки, от которых поднимался пар. Почетное место на каждой занимал кусок мяса – по всей видимости, курицы, – обжаренный и вываленный в сухарях, а рядом – горка пюре с маслом, украшенная декоративным зеленым листочком. На краю каждой тарелки лежал ломтик лимона. И выглядело, и пахло все очень аппетитно: рот у Зои сразу наполнился слюной.

Пока та садилась за стол, Андреа достала из холодильника две банки пива.

– Выдави лимон, – посоветовала она.

Так Зои и сделала. Затем отрезала кусочек шницеля и положила в рот. В хрустящей корочке чувствовался вкус сухарей, перца – и укта. Курятина мягкая, нежная, отлично прожаренная: сущее наслаждение! И лимон удивительно к месту.

– Здорово, правда? – улыбнулась Андреа, и на миг Зои показалось, что перед ней прежняя сестренка, веселая и энергичная.

– Потрясающе!

– На самом деле ничего особенного. Просто куриная грудка в сухарях. Едва ли заслуживает звезды Мишлена.

– Но определенно заслужила звезду Зои!

– Ты просто проголодалась, – слегка порозовев, заметила Андреа и начала резать свой шницель.

– А почему ты дома? – отхлебнув пива, спросила Зои. – Разве сегодня вечером не работаешь?

Андреа пожала плечами, уткнувшись в тарелку.

– Меня уволили.

– Что?

– Сегодня позвонил Фрэнк. Сказал, что нашел кого-то мне на замену. – Как ни старалась сестра говорить беззаботно, ее голос срывался.

Фрэнком звали хозяина ресторана, где работала Андреа.

Переваривая эту новость, Зои поняла, что первая ее реакция – облегчение. Ночные смены в ресторане были для них с сестрой источником постоянных споров. Зои считала, что это большой и совершенно ненужный риск. Гловер может подстеречь Андреа на задворках ресторана, куда она выходит выбросить мусор. Или выяснить, каким маршрутом она возвращается домой, и схватить, едва девушка выйдет из такси. Или...

– И почему он тебя уволил? – спросила она наконец.

– А ты как думаешь? – с горечью ответила Андреа. – Сказал, что не может платить официантке, которая не готова отрабатывать три ночные смены в неделю.

– Милая, мне очень жаль, но...

Андреа бросила вилку на стол.

– Зои, я так больше не могу! Прошло уже больше месяца. И никто, нигде, ни разу его не видел! А агент Колдуэлл говорит...

– Агент Колдуэлл ошибается! – гневно выплонула Зои. – Он не видит, что Гловер...

– Он говорит, что Гловер очень осторожен. Что он не рискнет вступить в прямой контакт.

– Колдуэлл ничего не понимает! Фантазия Гловера в том...

– Зои, мне плевать на его фантазии! Что, если он действительно лег на дно – и будет скрываться еще год, или два, или пять? Все это время я буду вот так жить?! – Слезы, которые она долго пыталась скрыть, покатались по щекам; одна слеза упала на шницель и впиталась в слой сухарей.

– Андреа! – Зои потянулась к сестре, но та отдернула руку.

– Ладно, забудь, – сказала она. – Работа все равно была хреновая.

Не зная, как утешить сестру, Зои молча вернулась к еде. Андреа утерла слезы и тоже принялась за шницель.

Через несколько минут тяжелого молчания Зои сказала:

– Звонил Тейтум. Не возражаешь, если, пока мы будем в Техасе, к тебе будет иногда заглядывать его дед? Он уже стар, и Тейтум говорит, что ему очень одиноко.

Андреа смерила ее пронизательным взглядом. В отличие от Зои, она не унаследовала от матери длинного носа с горбинкой, но получила от отца те же пристальные зеленые глаза. Зои прямо встретила ее взгляд. Несколько секунд прошли в молчании; Зои не знала, поверила ли сестра ее невинному объяснению.

– Конечно, – ответила наконец Андреа. – Он милый, правда?

– Правда. И почти никого здесь не знает.

Это была уже откровенная ложь. За те полтора месяца, что Тейтум с дедом прожили в Дейле, Марвин успел завести себе компанию – в основном из людей намного моложе себя – и дважды устраивал в квартире внука шумные вечеринки, после которых соседи вызывали полицию, а квартиру приходилось долго приводить в порядок.

– Мне все равно нечем заняться. Собственного жилья нет, работы теперь тоже...

– Найдешь другую работу.

– Я устала, Зои. Страшно надоело бояться!

Зои молча кивнула: нежное, тающее во рту пюре вдруг утратило для нее вкус. Андреа всего этого не заслужила! В отличие от Зои, она всегда старалась держаться подальше от насилия. Не могла видеть, как кому-то делают больно – даже по телевизору. А теперь из-за того, что она – сестра Зои, в ее жизнь ворвался монстр...

– Как только вернусь, я все исправлю, – пообещала Зои, от души надеясь, что сумеет сдержать свое слово. – Манкузо обещала дать мне доступ к делу. Найду этого ублюдка Гловера и засажу его за решетку!

– А если нет?

– Что-нибудь придумаем. Обязательно. Обещаю.

Глава 7

Сан-Анджело, Техас, вторник, 6 сентября 2016 года

Едва они вышли из аэропорта, раскаленный воздух ударил Зои в лицо и на секунду прервал дыхание. В здании, где работали на полную мощность кондиционеры, было прохладно, и она думала, что погода снаружи не слишком отличается, – но как же ошиблась! Казалось, техасская жара за мгновение высушила кожу. Яркое солнце слепило глаза: прикрыв их ладонью, как щитком,

Зои огляделась. Торопливо сняла черный пиджак, сложила и повесила себе на локоть. Солнечные очки остались дома. Собиралась она в спешке и поздно ночью, так что о ярком солнце как-то совсем не подумала. Придется купить новые.

– Наша машина должна быть там. – Тейтум показал в сторону стоянки. Выглядел он как типичный агент ФБР из сериалов – строгий черный костюм, большие черные очки, начищенные до блеска ботинки – и, похоже, совсем не страдал от жары. – Серебристый «Хёнде Эксент». Сказали, он припаркован с северного края стоянки.

Зои взглянула в ту же сторону. Стоянка в нескольких дюжинах ярдов. Как дойти туда по этому пеклу?

– У тебя воды не найдется? – сипло спросила она, вспомнив, что Тейтум покупал бутылку воды в аэропорту.

Порывшись в сумке, Грей извлек оттуда воду и передал Зои. На жаре пластиковая бутылка сразу начала запотевать. Бентли отвинтила крышку и, запрокинув голову, поднесла горлышко к губам.

– Если хочешь... – начал Тейтум – но Зои уже опрокинула в себя все одним глотком, – ...допивай.

– Спасибо! – Она с наслаждением облизнула губы.

Солнце пекло нещадно; Зои, пробираясь между машинами, буквально чувствовала, как плавятся мозги. Размышлять о серийных убийцах в таком климате невозможно: все мысли только о том, что купить, чтобы выжить на этой жаре. Какую-нибудь панаму на голову. Большую бутылку воды. Легкую блузку и шорты. Портативную морозилку, чтобы в ней жить...

– Вот она!

Тейтум открыл машину. Зои поспешно нырнула туда, надеясь спастись от жары, но и в салоне оказалось жарко и душно.

Грей завел мотор, и из кондиционера ударил поток горячего воздуха; впрочем, вскоре он остыл и принес благословенную прохладу. Зои направила струю воздуха прямо себе в лицо, чувствуя, как к ней медленно возвращается способность мыслить. Интересно, как она должна ловить здесь убийцу – не выходя из комнаты с кондиционером?

Пока Тейтум искал в телефоне кратчайший путь к отделению полиции Сан-Анджело, Зои включила радио и крутила ручку настройки. Услышав «Begin Again» Тейлор Свифт, удовлетворенно откинулась на спинку сиденья, ожидая, когда Тейтум тронется с места.

– Так. – Он поднял глаза от телефона. – Мы же не будем это слушать?

– Будем.

– Зои, я так не могу!

– А придется. Давай, поезжай.

– Вот что я тебе скажу! – Тейтум просиял. – Давай выбирать музыку по очереди. В этот раз я решаю, что слушать, в следующий раз – ты.

– Ладно.

Грей подключил свой телефон к заряднику и немного в нем порылся.

– Что ж, мой выбор – «Дженезис».

– А мне нравится «Дженезис», – откликнулась Зои, довольная тем, что попытка Тейтума привить ей хороший музыкальный вкус провалилась. – В молодости у меня была кассета «Invisible Touch» – заслушала до дыр!

– Не сомневаюсь. Но я говорю о «Дженезис» до того, как оттуда ушел Питер Гэбриел и группа покатила на дно. Этот альбом называется «Selling England by the Pound». Шедевр!

Он включил музыку и тронулся с места. Рокот автомобильного мотора сплелся с печальным голосом одинокого певца.

Прислушиваясь к музыке, Зои выглянула в окно. С одной стороны расстилалась бесконечная равнина, лишь кое-где тянулись к небесам одинокие деревья. Другую сторону дороги скрывали от взора заросли кактусов.

Мысли Зои обратились к Андреа. Чем-то сейчас занята сестренка? Еще спит? Она говорила, что с утра начнет искать новую работу. Бентли подавила укол тревоги при мысли о том, что Андреа будет разъезжать по Дейлу одна. Зои оставила ей ключи от машины, чтобы сестре не приходилось брать такси или ездить на автобусе.

– Похоже, тебе жара совсем не мешает, – заметила она, повернувшись к Тейтуму, чтобы отвлечься от невеселых мыслей.

– Я вырос в Аризоне.

Зои кивнула.

– А тебе нравилось в... – Она сообразила, что не помнит названия городка, где родился Тейтум.

– В Уикенберге? Пожалуй. Город очень маленький, все друг друга знают. У меня была одна и та же компания – трое лучших друзей – с детского сада и до выпускного класса. И темп жизни там совсем не такой, как в большом городе. После школы мы часами играли в футбол или просто болтали, пока родители или Марвин не загоняли меня домой.

– Марвин жил поблизости? – спросила Зои.

Тейтум улыбнулся.

– После смерти бабули поселился в соседнем доме. Они с папой обожали общаться через окна. Дома стояли чуть поодаль друг от друга, так что

приходилось кричать. Соседи просто с ума сходили. «Эй, Марвин, зайдешь к нам посмотреть игру?» «Конечно, Толли, а что у вас на ужин?» «Марвин, ужин мы съели час назад!» «И меня не позвали?!» – Тейтум фыркнул. – И так, пока мама не захлопнет окно.

– Толли? – переспросила Зои.

– Толливер. Но все звали папу Толли... Послушай, великолепный проигрыш!

Зои не разделяла его восхищения «великолепным проигрышем». Ей вообще не нравилась музыка, в которой постоянно меняется стиль.

– А мои родители почти не кричали друг на друга, – сказала она. – Не хотели давать соседям пищу для сплетен. Если им случалось спорить, мама сначала проходила по дому, закрывала все окна, а потом уже начинала повышать голос.

– А у моих родителей громкие ссоры были любимым развлечением! По-моему, их обоих это только веселило. Что-то вроде сериала вживую.

Тейтум умолк и задумался, барабанил пальцами по рулю в такт музыке.

– А чем ты занималась, когда была маленькой? – спросил он несколько минут спустя. – До того, как начала ловить серийных убийц.

– В основном, читала. Все, что попадалось в руки. У нас в Мейнарде была хорошая библиотека, и несколько раз в неделю я отправлялась туда на велосипеде за новыми книгами.

– Так и думал, что ты была книжным червем!

– Ну нет, я вовсе не сидела на чердаке, обложившись горой книг, с утра до ночи! – возразила Зои. – У меня были друзья... точнее, одна подруга.

– ЛПН?

– Не знаю, что это значит.

Тейтум удивленно взглянул на нее.

– «Лучшая подруга навсегда»! Я думал, это все знают.

Зои пожала плечами.

– Ну, не очень-то навсегда – я с ней уже лет пять не общалась. Но в то время мы очень дружили. Постоянно ездили друг к другу в гости на велосипедах... Вообще, только сейчас осознаю, что с велосипедом я не расставалась. Хотя ни разу не садилась на него с тех пор, как уехала из Мейнарда.

– Я тоже всюду ездил на велике, – подхватил Тейтум. – Думая о детстве, первым делом вспоминаю, как давя на педали, разгоняюсь все быстрее и быстрее... Каждый день я ездил в школу и обратно – и засекал время, ставил рекорды и сам себя побеждал. И с ребятами мы устраивали велосипедные гонки

на шоссе. Или отправлялись на Черепашью Гору... Ну, не сказать, что это настоящая гора, но в то время этот холм казался нам огромным. Доезжали до вершины, а потом соревновались, кто быстрее спустится вниз.

– Просто чудо, что ты выжил!

Тейтум рассмеялся.

– С тех пор, как я переехал к Марвину, следили за мной не слишком усердно, это точно!

Зои попыталась представить, каким подростком был Тейтум. И вдруг поняла, что ей это действительно интересно – интересен этот человек.

– Что случилось с твоими родителями? – спросила она. Раньше они никогда об этом не говорили: Зои знала только, что Тейтума вырастил дед.

– Погибли в автокатастрофе, когда мне было двенадцать. В них врезался пьяный водитель.

– Мне очень жаль.

– Спасибо. Тот водитель тоже погиб – и, пожалуй, ему повезло. Иначе Марвин выследил бы его и прикончил. А так просто вырастил меня. По-моему, результат получился вполне пристойный.

– Более чем!

– Ты бы слышала, какие баталии вокруг времени возвращения домой разворачивались у нас в одиннадцатом классе! – Тейтум сверкнул улыбкой.

Они подъехали к городскому отделению полиции Сан-Анджело: громоздкому, довольно унылому на вид коричневому зданию. Тейтум притормозил и свернул на парковку.

– Ну что? – спросил он, выключая мотор. – Как тебе альбом?

– Нет припевов, нет ритма, и мне не нравится, когда солист начинает орать. Впрочем, вступление к первой песне звучит неплохо. Будь таким весь альбом, он бы мне понравился.

Грей скривил губы.

– Нужно послушать несколько раз, чтобы...

– Тейтум, этот раз был последним. И в следующей поездке музыку выбираю я.
– Она вышла из машины и захлопнула за собой дверь.

Отдел криминальных расследований в городском отделении полиции Сан-Анджело располагался на первом этаже, в дальнем конце длинного коридора, ведущего из холла. Открытое пространство было разбито на боксы с бежевыми стенами, не доходящими до потолка – такими невысокими, что Тейтум легко мог заглянуть в каждый «кабинет». Лейтенант Питер Дженсен, прошедший их внутрь, огляделся с таким видом, словно сам увидел эти боксы впервые.

– Здесь работают наши детективы. – С этими словами он обвел свое королевство величественным жестом. Дженсен был коротышка, ростом чуть повыше Зои. – А вот наша оперативная доска, – продолжал он, указав на большую белую доску. – Здесь мы делаем заметки по самым важным и срочным делам.

Доска была девственно чиста – не считая дальнего ее угла, где кто-то поиграл в крестики-нолики, и верхней части, на которой начали писать несмываемым маркером, но быстро поняли свою ошибку. В память об этой оплошности здесь остались, навеки вписанные в вечность, буквы «ГИБ». Дженсен бросил на доску мрачный взгляд, явно расстроенный тем, что не может показать фэбээровцам ничего важного и срочного.

– Очень интересно, – вставил Тейтум, надеясь прервать эту экскурсию. – А где мы можем поговорить о деле Медина?

– Идемте ко мне в кабинет. Сюда.

Он открыл дверь в конце зала с кабинками и впустил их в тесный угловой кабинет, бо́льшую часть которого занимал большой и совершенно пустой стол. На стене напротив двери висели несколько документов в рамках – благодарности полиции за усердную работу – и фотография Дженсена с каким-то, судя по виду, большим начальником.

– Присаживайтесь, пожалуйста.

За годы работы в ФБР Тейтум научился ясно понимать, когда ему не рады. Дженсен явно не горел желанием их здесь видеть. Чувствовалось, что он приготовил пространную речь, смысл которой можно вкратце передать как «валитека отсюда».

– Очень, очень приятно видеть, что ФБР так серьезно отнеслось к этому делу! – начал Дженсен. – Откровенно говоря, мы сообщили вам об этом видео, поскольку хотели поставить вас в известность на случай, если при определенных обстоятельствах эта история будет иметь продолжение.

«Кто-то позвонил в ФБР, не предупредив меня», – мысленно перевел Тейтум.

– Поэтому мы и здесь, – бодро ответил он. – Для того, чтобы предотвратить возможное... хм... продолжение.

– Разумеется. И мы очень, очень этому рады. Мы здесь, в отделении полиции Сан-Анджело, чрезвычайно высоко ценим межведомственное сотрудничество.

«Свое дерьмо предпочитаем разгребать сами. А прочие ведомства, черт бы их побрал, пусть не лезут не в свои дела!»

– Однако, возможно, прислать сюда команду было несколько преждевременно..

«Хотите перехватить у нас расследование? Только через мой труп!»

– Преждевременно? – перебила его Зои. – У вас тут, судя по всему, девушку похоронили заживо. Вы уверены, что управитесь самостоятельно?

– Ну... как вы понимаете, мы рассматриваем происшедшее со всех сторон. Видеозапись действительно вселяет тревогу. Тем не менее, возможно, она не отражает все факты..

«Да фейковое это видео! Такая же подделка, как и вы двое».

– Какие факты? – напряженно спросила Зои.

Тейтум задумался, не пора ли вмешаться. Перед ним стоял нелегкий выбор: с одной стороны, если Зои откусит этому напыщенному копу голову, из отделения полиции их вышвырнут и делом заниматься не дадут. С другой стороны, будет весело.

– Оскар Медина, отец Николь, сейчас отбывает срок за хранение и продажу наркотиков. Известно, что он связан с мексиканской мафией. Наш информант сообщил недавно, что одна местная банда пытается перенаправить канал поставок на себя. Так что очень возможно, что перед нами угроза в адрес Оскара Медины.

– Хотите сказать, какие-то местные бандиты похоронили Николь заживо и сняли это на видео, чтобы пригрозить ее отцу? – Зои прищурилась. – А дальше что? Выкопали ее обратно?

– Нужно изучить все возможности. И, разумеется, нам очень хотелось бы услышать точку зрения ФБР.

Зои набрала воздуху в грудь, явно готовясь к нападению, и Тейтум решил: хоть и забавно будет посмотреть, как от лейтенанта клочки полетят по закоулкам, пора все-таки вспомнить, ради чего они приехали в Техас.

– Кто из ваших детективов занимается этим делом? – поспешно спросил он.

– Наш самый опытный следователь. Поверьте, мы относимся к этому случаю очень серьезно!

Тейтум подавил в себе желание спросить, почему же не видно никаких следов на оперативной доске, предназначенной для самых серьезных дел.

– Разумеется. Покажете нам, где он сидит? Поговорим с ним, убедимся, что наши точки зрения совпадают, и отправимся восвояси.

Пухлые губы лейтенанта Дженсена тронула легкая улыбка. «Отправимся восвояси» – только это он и мечтал услышать!

Глава 9

Детектив Сэмюэл Фостер был чернокожим, с густой черной бородой, кое-где испещренной серебристыми пятнышками седины. На взгляд Зои, ему было около сорока, может, чуть больше: на лбу уже виднелись морщины. Кто-то говорил ей, что полицейские стареют быстрее; глупо, конечно, делать такие смелые обобщения, но Зои не раз встречала преждевременно постаревших копов. Когда вместе с лейтенантом Дженсеном они появились на пороге его кабинки, Фостер грыз карандаш и невидящим взглядом смотрел на монитор, где застыло в гримасе ужаса лицо Николь Медина.

– Детектив, это агенты Грей и Бентли из ФБР, – сообщил Дженсен деловым тоном, однако с ноткой легкой обиды. «Агентом» Зои не была, но поправлять его не стала.

Фостер повернулся на вращающемся кресле и вынул изо рта карандаш, сплошь покрытый отметинами от зубов. Его лицо оставалось бесстрастным: если он и испытывал какие-то чувства, то тщательно их скрывал.

– Агенты ФБР? Что им здесь нужно?

– Прилетели после того, как мы сообщили им о деле Николь Медина.

– А мы им сообщили? – Фостер широко раскрыл глаза. – Рад, что вы решились, лейтенант.

– Они просто послушают нас и выскажут свое мнение, – сказал Дженсен. Трудно было понять, как ему удастся говорить, практически не разжимая челюсти. – Буду благодарен, если вы введете наших гостей в курс дела.

– Разумеется, лейтенант.

Дженсен коротко кивнул и ушел.

В тот же миг детектив расплылся в широкой теплой улыбке. Секунду назад это был измотанный сердитый коп; теперь, словно по волшебству, он превратился в приятного и дружелюбного человека.

– Спасибо, что приехали! То, что нашим делом заинтересовалось ФБР, честно говоря, для меня большое облегчение.

– Это вы сообщили в ФБР? – спросил Тейтум.

– Я? – Фостер театрально прижал руку к сердцу. – Ну нет, я таких решений принимать не вправе! Я предложил позвонить федералам, но действительно ли нам необходимо внешнее вмешательство, решает только лейтенант.

– Что ж, очень хорошо, что кто-то нас известил, – подвела итоги Зои; ей не терпелось перейти к делу. – Надеюсь, мы поможем вам сузить список подозреваемых.

Фостер указал на соседнее офисное кресло.

– Присаживайтесь. А вы, пожалуйста, принесите себе третий стул вон из того бокса. О’Салливан сейчас в отпуске, он возражать не будет.

Зои села, а Тейтум сходил в соседний бокс и принес себе стул. Стало тесновато: бокс не был рассчитан даже на двоих, не говоря уж о троих.

– Думаю, запись вы видели? – Фостер бросил изгрызенный карандаш в стаканчик, откуда торчали несколько таких же.

– Да, – ответила Зои. – Лейтенант Дженсен считает, что налицо угроза отцу Николь Медина со стороны..

– У лейтенанта хватает безумных теорий, но, можете быть уверены, услышал он их не от меня, – вставил Фостер.

Зои переглянулась с Тейтумом.

– По словам лейтенанта, об этом ему сообщил информатор.

– Руфус «Блэки» Андерсон. Блэки всегда есть чем с нами поделиться, особенно с тех пор, как мы начали платить по сорок долларов за подсказку. Иногда выдает что-то ценное, но чаще просто кормит нас баснями... – Фостер покачал головой. – Нет, я ни на секунду не верю, что дело связано с наркотиками или с мафией. За этим стоит какой-то больной ублюдок.

– Что вы можете рассказать нам об исчезновении Николь Медина? – спросил Тейтум.

– О том, что она пропала, сообщила ее мать утром второго сентября, – начал Фостер. – Накануне вечером Николь пошла на вечеринку, сказав ей, что вернется около полуночи. Утром мать увидела, что Николь так и не вернулась, и позвонила нам. Мы поговорили с ее друзьями: они заверили, что довели Николь до дома на машине. Их показания совпадают, а кроме того, у нас есть запись с инфракрасной камеры наблюдения. На ней видны четверо в машине, и на заднем сиденье – Николь.

– Как она выглядит? – спросила Зои. – Пьяна? Может быть, спит?

– Посмотрите сами. – Фостер наклонился, положил руку на мышку и дважды щелкнул по иконке с открытой папкой.

На экране возникла фотография – стоп-кадр «Тойоты» на ночной дороге. Разрешение было очень плохое, однако Зои различила лицо девушки, смотрящей в окно.

– Видно, что она в сознании, – заметил Фостер. – Кроме этого, ничего не разглядишь. Саму запись с камеры я покажу вам позже.

– И что дальше? – спросил Тейтум.

– Если верить ее друзьям, они высадили ее возле дома и уехали. Вместе с водителем я съездил к ее дому, и он показал мне, где именно остановил машину. Мы обошли всех соседей. Никто не видел, как Николь выходила из машины. Как я сказал, показания ее друзей совпадают, да и сами они, судя по всему, вполне приличные ребята. На улице темно, к дому ведет неасфальтированная дорожка.

Зои нахмурилась.

– Думаете, кто-то схватил ее там?

– На дорожке есть следы, которые могут означать борьбу. – Фостер пожал плечами. – Но прямых улик нет. Ни крови, ни еще чего-то такого. В сущности, мать даже не может сказать наверняка, что Николь не возвращалась домой. Возможно, она вернулась, поспала и снова ушла куда-то рано утром. Хотя это маловероятно. Мы не нашли никаких следов ее возвращения.

Зои попыталась это себе представить. Если Николь схватили в двух шагах от дома... Рискованно. Даже очень рискованно. С другой стороны, рядом с домом девушка наверняка чувствовала себя в безопасности и расслабилась.

Фостер вздохнул.

– Надо отдать должное лейтенанту, к делу он подошел серьезно. Как и наш шеф. Мы со всеми поговорили, подробно опросили соседей. А затем, вечером, один местный парень по имени Ронни Кронин прислал нам ссылку на видео. – Он устало показал на монитор. – Просмотрел несколько раз. Ночью уснуть не смог.

Зои его понимала. Даже размытый застывший кадр на экране – широко раскрытые глаза, разинутый в крике рот, тесное темное пространство, в котором заточена девушка – наводил ужас.

– Местный парень... – повторила она. – А он откуда взял эту ссылку?

– Получил по электронной почте. Он ведет «Ю-тьюб» – канал о... – Фостер закатил глаза. – Даже затрудняюсь сказать, о чем. Посмотрел несколько его роликов – и половины не понимаю. Так или иначе, кто-то отправил ссылку ему и другим. Он переслал письмо мне. Письмо с временного ящика, и в нем только эта ссылка. Разослана по десяти разным электронным адресам. Восемь из них, включая Кронина – популярные «ю-тюберы» из Сан-Анджело и окрестностей. Еще двое – репортеры местных газет. Кое с кем я побеседовал; все говорят более или менее одно и то же – посмотрели несколько секунд, решили, что это какой-то мерзкий розыгрыш, и выключили.

– А Кронина вы проверили? – спросила Зои.

– Он чист. Всю ночь играл со своими друзьями в онлайн-игру и вел об этом прямой репортаж. Мы проверили, все сходится.

– Какие-нибудь другие зацепки? – спросил Тейтум.

– Мать дала нам несколько контактов подруг. Потом я съездил в тюрьму и поговорил с ее отцом. Он выглядел очень встревоженным, но заверил, что к мафии это не может иметь никакого отношения. Много вариантов нужно было проверить, а время поджимало... – Фостер вздохнул, невидящим взглядом глядя на монитор. – Надо мне было сразу настоять, чтобы позвонили вам! Но я думал, у нас получится быстро что-то разыскать. В общем, пока ничего не нашли. Все ниточки обрываются. И если девушку действительно похоронили заживо – скорее всего, теперь она уже мертва.

– И вы хотите, чтобы мы ее нашли, – медленно произнесла Зои. – Для этого позвонили в Бюро.

– Ну конечно. Вы же там умеете проследивать происхождение видео? Вы найдете того, кто его загрузил. Наш IT-отдел ничего не смог сделать, но федералы-то справятся!

Зои с досадой скрипнула зубами. В отличие от Фостера, она не верила в магические киберспособности федералов – и, что еще хуже, понимала, что Фостер обратился за помощью не туда, куда следовало. Ему был нужен кто-нибудь из отделения ФБР в Сан-Антонио. Вместо этого его запрос отправился в долгое странствие и наконец оказался в ОПА. В результате и куча времени потеряна, и на место преступления приехали не те, кто здесь нужен. Интересно, хоть кто-нибудь в Бюро пытался всерьез определить происхождение видео?

Фостер переводил взгляд с нее на Тейтума и обратно.

– Вы ведь поговорите с вашими аналитиками? Примените магию ФБР?

Зои покачала головой.

– Видите ли, мы не...

– Сделаем все, что сможем, – ответил Тейтум.

Глава 10

На взгляд Грея, во всем Бюро был только один стоящий аналитик: Сара Ли из лос-анджелесского отделения. Других сотрудников, носящих звание «аналитиков», он в расчет не принимал, и на то были причины. Конечно, и Сара не умела всего на свете – в ее знаниях и навыках имелись пробелы. Но, если требовалось что-то выяснить, Тейтум всегда обращался к ней. Вопрос о взрывчатке – звони Саре. Странные следы на месте преступления – первой набери Сару. Марвин сломал интернет-роутер, и непонятно, как его починить? Где там номер Сары?

Сидя в пустом боксе напротив рабочего места Фостера, Тейтум набрал ее мобильный: звонить по рабочему номеру и прорываться через операторов он смысла не видел.

– Тейтум! – послышался в трубке голос Сары. Как обычно, радость в нем смешивалась с предчувствием, что сейчас приятель снова начнет грузить ее вопросами.

– Сара! – Услышав ее голос, он заулыбался. – Как ты?

– Отлично. Как дела в ОПА?

– Да помаленьку, – ответил Тейтум, понимая, что от светского обмена любезностями не уйдешь. – Как поживает Грейс? – Так звали собаку Сары; Тейтум постоянно слышал о ней разные истории.

– Все хорошо. Вчера наелась кошачьих какашек.

– Потрясающе. Слушай, Сара, хочу попросить тебя об одном одолжении...

– Тейтум! Ты можешь хоть раз позвонить просто так и ни о чем меня не просить?

– Извини. Дело срочное.

– Неужели в Квантико некому тебе помочь?

– Там все идиоты. К тому же, чтобы обратиться к аналитику, сначала нужно заполнить кучу бумаг.

– Бумаг? – переспросила она. – Да неужели? И каких же?

– Ну, эти, как их... форма 212Б, форма 42А...

– Нет таких номеров, Тейтум. Ты вообще когда-нибудь писал запросы в лабораторию?

– А зачем? Ведь есть ты.

– Да, как удобно, когда есть человек, на которого можно просто сесть и поехать!

– Послушай, если я – Джеймс Бонд, то ты – мой Кью, глава отдела чудес науки и техники...

– Спорю, даже Джеймс Бонд иногда писал запросы.

– Ты – мой оракул, знающий все ответы...

– Ладно, ладно, хватит! Так что тебе нужно?

Тейтум вкратце рассказал ей о деле и переслал со своего ноутбука письмо со ссылкой. В трубке было слышно, как Сара что-то набирает на клавиатуре, а минуту спустя донеслись приглушенные крики Николь Медина.

– И чего ты от меня хочешь? – чуть погодя спросила Сара.

– Нужно понять, откуда взялось видео.

– Могу покопаться, но это потребует времени, и результат я не гарантирую.

– Она снова яростно застучала по клавишам. – Попробую выяснить, кому принадлежит доменное имя. Может, так удастся что-то найти...

Тейтум побарабанил пальцами по столу.

– Нет ли какого-то другого способа определить, где оно снято? Например, по фотосъемке с воздуха?

Сара фыркнула.

– И что искать? Кактусы, гравий и песок где-то посреди Техаса? Да весь Техас – это кактусы, гравий и песок!

– Тогда, может быть...

– А может быть, дашь мне спокойно заняться своим делом? Ты и уехав за тридевять земель ничуть не изменился – по-прежнему висишь у меня за плечом и даешь советы!

Снова стук клавиатуры. Тейтум терпеливо ждал.

– Я прокрутила немного вперед, – сказала Сара. – А как это связано с президентом?

– С президентом никак. Он использовал прямой эфир на Си-эн-эн, чтобы...

– Это прямой эфир на Си-эн-эн?

– Ну да.

– Так... перезвоню, как только что-то появится! – Судя по голосу, у Сары появилась какая-то идея.

– Спасибо тебе огромное! Я это очень ценю. Ты мой...

– Оракул, волшебница и отдел Кью в одном лице – знаю, знаю! Позвоню. – И она повесила трубку.

Немного прибодрившись, Тейтум повернулся к соседней кабинке, где Фостер и Зои склонились над монитором.

– Я хочу поговорить с матерью Николь Медина, – сказала Бентли. – И осмотреть место, где предположительно она исчезла.

Тейтум следовал за машиной Фостера – потрепанным серебристым «Шеви» – к дому Николь Медина. Фостер предложил подвезти их, но Тейтум предпочел остаться за рулем, чтобы немного почувствовать город.

Поездка прошла бы отлично, если б не очередь Зои выбирать музыку. Она навязала ему «Red» Тейлор Свифт, да еще сообщила, что некоторые песни будет пропускать, чтобы Тейтум слышал только самое лучшее. На его взгляд, особой разницы не было.

Наконец Фостер остановился у обочины. Грей притормозил и тоже съехал к краю дороги. Тротуаров здесь не было, сразу за асфальтом начиналась трава и сухая земля. Справа виднелись густые заросли дикорастущих кустов, а за ними шла утоптанная тропинка.

Тейтум заглушил мотор и вышел из машины.

Фостер ждал их, спрятав глаза за большими солнечными очками. Он указал в сторону тропинки.

– Вот этот дом.

Тейтум повернулся. Хозяева явно следили за маленьким, но опрятным и уютным домом. Аккуратно подстриженную лужайку украшали вкрапления цветов, рассеивая в воздухе влажную туманную дымку, журчали оросители. В этом доме София Медина, мать Николь, сейчас изнемогала от тревоги за дочь.

– Фонарей нет. – Зои покачала головой.

– Дом примерно в пятнадцати ярдах от дороги, – продолжил ее мысль Тейтум.
– И все соседи довольно далеко.

– Здесь легко спрятаться. – Бентли указала на кусты, затем – в ту сторону, откуда они приехали. – А машину можно оставить вон там, в нескольких ярдах дальше по дороге.

Зои будто совсем не замечала жары. Сознавала ли она, что солнце уже поднялось высоко над горизонтом и палит вовсю? Или мысленно перенеслась в ту ночь, четыре дня назад, когда исчезла Николь Медина? Она сделала несколько шагов по направлению к кустам, присела между зарослей. Тейтум внимательно за ней следил. В самом деле, если похититель прятался здесь, разглядеть его в темноте было практически невозможно.

Дверь в дом Николь Медина распахнулась, и навстречу им торопливо вышла, почти выбежала женщина средних лет.

– Детектив? – воскликнула она. – Есть новости о Николь?

– Мне очень жаль, миссис Медина, пока нет, – мягко ответил Фостер.

Плечи женщины поникли. Она повернулась к Тейтуму.

– Это агент Грей, – представил Фостер. – Из ФБР. Приехал к нам, чтобы помочь в расследовании дела вашей дочери.

Тейтум привык наблюдать на лицах людей, узнающих, что в их жизнь ворвались федералы, целый спектр эмоций. Однако на лице Софии Медина отразилось лишь слабое, почти незаметное облегчение.

– Спасибо, – сказала она. – Ее нет уже четыре дня.

– Понимаю, – ответил Тейтум. – Детектив...

– Поехала с подружками в гости. Потом они отвезли ее сюда, – торопливо, глотая слова, заговорила женщина. – Такие милые девочки, я их всех знаю. Джина, лучшая подруга Николь, можно сказать, выросла у нас дома. Они привезли ее сюда. Николь вышла вот здесь. Но в дом, похоже, так и не вошла. Утром зубная щетка осталась сухой, и не было грязной одежды в корзине для белья. А она каждый день меняет одежду. И чистит зубы перед тем, как лечь в постель. Я дам вам телефоны всех ее подруг. И учителей. Учителя ее любят, они вам расскажут...

Тейтум протянул к ней руки ладонями вперед, как бы ободряя и успокаивая, и женщина смолкла – лишь смотрела на него умоляюще.

Зашуршали кусты; оттуда вышла Зои, и София перевела взгляд на нее.

– Это моя напарница, Зои Бентли.

Ее должность Тейтум опустил намеренно: не хотелось объяснять Софии, почему дело Николь расследует психолог-криминалист.

– Не возражаете, если мы зайдем? – спросил Фостер.

София кивнула и провела гостей сквозь прохладную водяную завесу в дом. Там было темно: свет везде выключен, шторы по большей части задернуты. Открыто лишь одно окно, выходящее на улицу. Перед единственным открытым окном, выходящим на улицу, стояли одинокий стул, на полу рядом пепельница и несколько пустых чашек из-под кофе. Сторожевой пост. Должно быть, мать сидит здесь целыми днями и ждет полицию. А может, надеется увидеть, что Николь возвращается по тропинке домой.

– Вы не покажете нам комнату дочери? – вполголоса попросила Зои. В этом доме, словно на кладбище, не хотелось говорить громко.

– Идемте наверх.

Женщина отвела их в небольшую комнатку со стенами, покрашенными в нежно-желтый цвет. Кровать, застеленная бельем в веселый цветочек, у окошка деревянный стол, на нем несколько тетрадей, небольшая настольная лампа и ароматическая свеча.

– Вы прибирались в комнате после исчезновения дочери? – спросила Зои.

– Нет, – ответила София. – Николь у меня аккуратная. Любит порядок.

Тейтум подошел к дальней стене, где висела полка, сплошь заставленная фигурками черепашек. Всевозможных форм и размеров, из дерева, стекла, пластмассы, папье-маше. Взял в руки одну – глиняную, ручной лепки.

– Ее коллекция, – объяснила София. – С двенадцати лет собирает черепах.

– У Николь есть парень? – спросила Зои.

– Нет. Она рассталась с ним полгода назад, – ответила София.

– Кто это был?

– Мальчик из школы.

– Мы с ним поговорили, – вставил Фостер. – Они давно не виделись.

Зои покосилась на Фостера, с сомнением подняла бровь.

– А других не было? Она ни с кем не встречалась? Даже один-два раза?

– Нет, она бы мне рассказала, – твердо ответила мать.

– А какие-то новые люди в ее жизни появлялись в последнее время?

– У нее всегда было много друзей. Хотя новых, кажется, никого. Целыми днями она только и делает, что сидит в телефоне, переписывается с подружками. Телефон пищит и пищит, с утра до ночи, уж сколько я ей говорю...

Голос Софии дрогнул и сломался – быть может, лишь в этот миг она осознала, что уже четыре дня не слышит назойливого, раздражающего писка телефона.

– Ее любят? – спросила Зои.

– Да, все. Она такая милая, светлая! У нее талант заводить друзей.

Пока Зои расспрашивала о привычках Николь – как проводила день, с кем общалась, часто ли поздно возвращалась домой, – Тейтум бродил по комнате, разглядывая обстановку и краем уха прислушиваясь к ответам. Везде ощущалось присутствие пропавшей девушки: фотографии Николь на шкафу, щетка с несколькими разноцветными резинками на ручке, пара розовых пушистых шлепанцев в углу. Через некоторое время Зои перестала задавать вопросы и просто слушала – а София говорила, говорила о своей дочери. Как Николь любила плавать. Как в шесть лет боялась, что из-под кровати вылезет чудовище. Как три месяца копила деньги и купила маме подарок на день рождения.

Наконец София умолкла – застыла, охваченная страхом и тревогой, и тихо заплакала.

Фостер поблагодарил ее, и все трое вышли наружу, закрыв за собой дверь.

– Где вы нашли следы? – спросила Зои.

Фостер шагнул к краю тропинки.

– Вот здесь. – Он присел. – Сейчас уже трудно разглядеть... Мы их сфотографировали.

У Тейтума зазвонил телефон. Взглянул на экран – Сара Ли. Отойдя на несколько шагов, чтобы не мешать Фостеру и Зои, он ответил на звонок.

– Нашла что-нибудь?

– То видео Си-эн-эн на пленке – прямой эфир, верно? Чтобы было понятно, когда сделана запись?

– Верно, – ответил Тейтум, глядя на Фостера и Зои. Полицейский что-то говорил, показывая в сторону улицы.

– Я связалась с провайдерами сотовой связи, обслуживающими этот район, – сообщила Сара. – И попросила у них детализацию пользователей, которые примерно в это время заходили на сайт Си-эн-эн, на страницу прямого эфира.

Тейтум переваривал услышанное. Несколько секунд понадобилось ему, чтобы сообразить, что такое «детализация». Когда человек заходит на сайт Си-эн-эн – или на любой другой, – мобильная компания фиксирует его активность, в том числе доменное имя сайта и станции сотовой связи, обслуживающие запрос. Последнее позволяет приблизительно определить местонахождение абонента. По счастью, эта информация не защищена Четвертой поправкой[3], и чтобы ее получить, судебный ордер не требуется.

– Должно быть, огромный получился список!

– Верно, – с ноткой гордости ответила Сара. – Так что я его сузила. Рассматривала только Сан-Анджело и окрестности. Выяснила точное время, когда новостной ролик вышел в эфир, и ограничилась детализацией пользователей, посещавших сайт в эти пять минут. Так список сильно сократился.

– Насколько сильно?

– Восемнадцать телефонных номеров в Сан-Анджело и ближайших окрестностях. И из этих восемнадцати семнадцать – в самом городе, так что это не наш парень, правильно? Наш должен быть где-то за городом, в пустыне.

– Сара... – Тейтум ощутил, как часто, почти болезненно бьется сердце. – Ты нашла это место?

– Высылаю тебе координаты GPS. И, Тейтум, я уже проверила снимки со спутника. Точность локации не слишком велика, но то, что видно на фото, очень похоже на твое видео.

Зои смотрела на усыпанную гравием дорожку, стараясь представить себе ту ночь. Фонарей здесь нет – значит, стояла почти непроглядная тьма. Николь выходит из машины, и ее друзья уезжают. Она, должно быть, машет им рукой. Машина скрылась за поворотом, фары погасли – Николь осталась одна во мраке. Наверное, быстро пошла к дому. Мужчина, схвативший ее, прятался в кустах – в этом Зои была уверена почти на сто процентов. Самое удобное место. И, разумеется, не мог оказаться там случайно. Он все это спланировал.

– Я нашел место! – вывел ее из задумчивости взволнованный голос Тейтума.

Подняв глаза, Зои увидела, что напарник тычет пальцем в экран телефона.

– Где? – тяжело дыша, спросил Фостер.

– Спиллвей-роуд, – ответил Тейтум, указывая на карту на экране мобильного.

– Местоположение примерное. В радиусе пятисот футов.

Он переключился на спутниковые снимки. Пришлось подождать несколько секунд – Интернет на телефоне загружался медленно. Наконец их глазам предстала плоская равнина, почти сплошь заросшая кактусами, деревьями или кустарником.

Фостер взглянул на экран.

– Тогда это может быть и Чалимар-роуд.

– Непохоже. – Зои покачала головой. – Слишком близко к этой ферме. – Она ткнула пальцем в ферму на снимке.

– Пятьсот футов вдоль Спиллвей-роуд? В северной части дороги вряд ли, там слишком густые заросли. А ее похоронили на ровном открытом месте. Скорее всего, где-то здесь. – Фостер указал на небольшой участок голой земли.

– Надеюсь, вы правы, – согласился Тейтум.

– Немедленно вышлю туда патруль. Если она там, мы ее найдем.

– Нет, подождите! – вскинулась Зои. – Необходимы криминалисты, надо обследовать территорию!

– Шутите? – Фостер недоверчиво воззрился на нее. – Может быть, прямо сейчас девочка задыхается в ящике! У нас нет ни секунды..

– Если она там, то умерла три дня назад, – решительно заявила Зои. – Нет нужды спешить на помощь труп. Сейчас главное – найти какие-нибудь зацепки, чтобы поймать маньяка прежде, чем он сделает то же самое еще раз.

Фостер покосился на дом, будто опасаясь, что их услышит мать Николь.

- Вы же не знаете точно, - проговорил он почти шепотом.
- Знаю. Наш аналитик дал Николь максимум тридцать шесть часов.
- Это просто предположение!
- Это чистая математика.

Фостер шумно выдохнул и помотал головой.

- Я выкопаю девушку как можно скорее! - отрезал он и зашагал прочь.
- Давай позвоним лейтенанту. - Зои повернулась к Тейтуму. - Место преступления нужно сохранить в неприкосновенности.

Грей взглянул на нее, подняв бровь.

- Это не наше расследование, - напомнил он. - Мы только даем советы. И ссориться с детективом Фостером определенно не стоит.
- Но сейчас на могилу примчатся патрули, какая-нибудь тяжелая техника, начнут там копать, топтаться и уничтожат все улики!
- Что поделаешь? Не нам решать.

Глава 13

До Спиллвей-роуд добирались полчаса: по дороге Тейтум свернул не в ту сторону. Еще издали стало ясно, что полиция уже обнаружила точное место захоронения: там стояли две патрульные машины. Зои рядом с Тейтумом застонала, увидев, как четверо полицейских торопливо копают землю. Трое из них были вооружены лопатами, четвертый набирал и выбрасывал землю из ямы голыми руками.

Тейтум резко свернул на обочину, выскочил из машины и почти бегом поспешил к полицейским. Один из них повернулся к нему, должно быть, чтобы приказать: «Не подходите!»

- Агент Грей, ФБР, - представился Тейтум, сверкнув значком. - Приехал помочь.

Полицейский на секунду застыл в недоумении, затем пожал плечами и вернулся к работе. Патрульные копали торопливо, яростно, и Тейтуму передалось их волнение. Пришлось напомнить себе, что Зои, скорее всего, права. Если девушка находится под этой грудой земли и песка, ее давно нет в живых. Единственная надежда, что видео фейковое, или что через час преступник

поставил видео на паузу, выкопал жертву и увез. Зачем еще останавливать видео посреди «процесса»? Только если надо что-то скрыть.

Не успев додумать эту мысль до конца, Тейтум спрыгнул в яму к полицейским и тоже начал вычерпывать землю ладонями. Выбрасывая из ямы пригоршню за пригоршней, он пытался припомнить, глубока ли «могила». Кажется, фута три-четыре, не больше. С такой скоростью работы еще минут на десять.

Один из полицейских вскрикнул от боли: другой задел его лопатой по руке. Все повернулись в его сторону.

– Аккуратнее, Рамирес! – рявкнул он на своего соседа.

– Извини, – ответил Рамирес.

– Ты мне чуть палец не оттяпал! – Пострадавший тут же снова схватил лопату и вернулся к работе, не обращая внимания на окровавленную ладонь.

Через несколько минут подъехал еще один автомобиль. Детектив Фостер с целой охапкой лопат поспешил к могиле, на мгновение остановился, увидев Тейтума, а затем, коротко кивнув, протянул ему лопату.

Всего несколько секунд спустя одна из лопат с громким стуком ударилась о дерево.

– Есть! – заорал Рамирес. – Здесь!

Тейтум копал все быстрее, все яростнее: лихорадочное волнение охватило и его. Скоро на свет показалось дерево – необструганные доски. Копать становилось все неудобнее: он вышвырнул лопату из ямы и снова начал выбирать землю руками. Так же сделали и полицейские.

Набрать пригоршню земли – выпрямиться – выбросить наружу – согнуться – набрать – выпрямиться – выбросить... Тейтум подозревал, что завтра у него будет адски ломить спину.

– Хорош! – крикнул сверху Фостер. – Хватит. Все вон из ямы!

Обнажилась крышка ящика, покрытая бурыми пятнами песка. Открыть ящик теперь мешали только стоявшие на нем четыре человека. Тейтум выбрался из ямы, за ним и остальные. Один полицейский, рослый и широкоплечий, бритый наголо, наклонился и взялся за край крышки. Несколько секунд она не поддавалась – давил вес песка. Полицейский, что-то проворчав, рванул изо всех сил, раздался треск, и крышка отскочила.

Запах, ударивший в ноздри, сообщил Тейтуму все, что требовалось знать. Люди вокруг со стонами зажимали носы; кто-то бросился в близлежащие кусты.

Николь Медина была здесь. И давно мертва.

Не раз и не два Зои Бентли слышала, что она бесчувственный человек, начисто лишенный такта. Но когда у могилы Тейтум повернулся к ней лицом, даже Зои поняла, что лучше придержать язык. Его костюм, обычно безупречно отглаженный и чистый, был измят, покрыт пятнами пыли и грязи, белая рубашка расстегнута, волосы всклокочены. На измученном лице – горечь. На миг ей захотелось его обнять.

– Николь умерла по меньшей мере два дня назад, – сообщил Тейтум, подойдя к ней.

Зои коротко кивнула. В нескольких ярдах от них принял командование на себя детектив Фостер: приказал полицейским отойти и огородить место преступления. Теперь этот клочок земли стал местом убийства.

Зои подошла к могиле, заглянула внутрь и окинула взглядом тело. Медина полностью одета – видимо, именно так ушла на вечеринку. Бентли мысленно сделала себе заметку спросить ее подруг, в чем она была в гостях. Блузка измята, сбилась на сторону, но не порвана. Глаза закрыты. Будем надеяться, сказала себе Зои, она потеряла сознание задолго до того, как в яме закончился кислород. На синюшной коже выделяются темные артерии и вены. Муха села ей на лицо – первая муха. Насекомых, ползающих по телу, Зои не видела: то ли яма была слишком глубока, то ли сухая почва – не лучшее для них место.

В ящике рядом с головой покойницы Бентли заметила небольшое устройство. Камера. Провод шел от нее к стенке ящика, проходил сквозь просверленное отверстие и исчезал в земле.

Нахмурившись, она снова устремила взгляд на тело в самодельном «гробу». Ящик немного длиннее тела и существенно шире. Может быть, размеры стандартные? Надо проверить.

Интересно, сколачивая этот ящик, убийца имел в виду Николь – или делал «гроб», подходящий по размеру для любой случайной жертвы?

– Агент, не подпишете это? – Рядом с ней возник Фостер, протянул ей бумагу и ручку.

Зои взглянула на лист бумаги. Описание места преступления.

– Конечно. – Она взяла ручку и нацарапала свою подпись под фамилией Тейтума. – Только я не агент, детектив Фостер. Я гражданский консультант.

Фостер рассеянно кивнул; вряд ли он хорошо понимал разницу. Взгляд его был устремлен на могилу.

– Что за чудовище могло такое сотворить?

– Не чудовище, – машинально ответила Зои. Фостер прищурился, и она пояснила: – Вы имеете дело с человеком. Не с чудовищем. А человека можно изучить, понять. И поймать.

– Думаете, будут и другие случаи? Он – серийный убийца?

– Давайте лучше поговорим об этом, когда получим подробный отчет об обследовании места происшествия.

Фостер взглянул в небеса, на заходящее солнце.

– Сейчас сделаем, что можем, в темноте, при прожекторах, а утром надо будет пройти еще раз. – Тут у него зазвонил телефон, и он отошел, чтобы ответить на звонок.

Полицейский в форме, запачканной землей и грязью, натягивал вокруг невысоких кустов, окружающих яму, желтую оградительную ленту. Зои отступила на несколько шагов и окинула взглядом все окружающее. Со стороны дороги «могилу» скрывал кустарник с колючими узловатыми ветвями, густо увитыми плющом. Кактусы между деревьями создавали дополнительную маскировку: сквозь их плотные зеленые тела почти ничего невозможно было разглядеть. Сама дорога – узкий проселок, по которому почти никто не ездит. Унылые цвета: серый, коричневый, пыльно-зеленый. Дорога в никуда.

Отличное место, чтобы похоронить мертвеца. Или – в данном случае – еще живую жертву.

Оглянувшись, Зои увидела в стене кустарника прогал футов в шесть шириной. Сейчас в нем были припаркованы, одна за другой, две патрульные машины. Если здесь и были какие-то следы шин, сейчас их уже не найдешь. Бентли шагнула на узкую тропу, потом вдруг, нахмурившись, присела и начала разглядывать что-то на земле.

– Что там? – спросил у нее из-за спины Тейтум.

– Здесь тоже что-то росло. – Она указала на торчащий из земли корень. – Но кто-то все выкорчевал.

– Думаешь, убийца?

Она поднялась.

– Возможно. Смотри, тропа ведет прямо к яме! Как будто он заранее подготовил себе путь.

– Заранее нашел место, расчистил проезд... – Помолчав секунду, Тейтум добавил: – Может быть, и яму выкопал заранее.

– Но почему здесь? – удивилась вслух Зои. – Мы посреди пустыни. Мест, где можно закопать тело, миллион. Почему он выбрал клочок земли, над которым сначала пришлось долго работать?

Тейтум не отвечал, молча рассматривая обрезанный корень. Наконец выпрямился и взглянул на Зои.

– Я связался с Манкузо, сообщил ей последние новости. Она спрашивает, как мы думаем, будут ли еще жертвы.

– Пока судить слишком рано.

– Но догадки у тебя есть, верно? У меня так точно есть.

– Нельзя действовать, опираясь на догадки.

Тейтум вздохнул.

– Зои, а что говорит твое чутье?

Она закусила губу.

– Да, будут и еще. Он не хотел убить девушку по имени Николь Медина. Просто хотел кого-то закопать живьем. Это его фантазия.

– Вот и мне так кажется. – Грей кивнул. – И раз он назвал свое убийство «эксперимент номер один»...

– Велики шансы, что уже планируется эксперимент номер два.

Глава 15

Интернет его разочаровал.

Пусть он не ожидал, что видео немедленно станет вирусным, но все же ролик, на котором женщину хоронят живьем, должен был набрать побольше жалких 1903 просмотра.

Ни один из десяти блогеров и репортеров, которым он отправил ссылку, ничего об этом не написал. Бо?льшая часть зрителей пришла с сайта, собирающего видео с ранеными и умирающими, и даже там популярность видео была невысока. Один комментатор выразил недовольство: что же до конца-то не показали, где же самое интересное – как она умирает? Другой сообщил, что ролик явно постановочный, и оба актера играют очень хреново.

Что ж, не важно. Следующий выпуск наверняка привлечет внимание.

Он открыл «Инстаграм» и принялся просматривать ленты своих возможных следующих мишеней. Лично за ними он практически не следил. К чему рисковать, если женщины сами из штанов выпрыгивают, делая за него всю грязную работу? Всю необходимую информацию он отыскивал в новых селфи, в позах, в шутливых или зазывных заголовках. Отмечал тех, кто писал о новых парнях или сообщал: «Наконец-то я свободна, бегом на вечеринку!»

Самые удобные мишени. С теми, у которых кто-то есть, всегда сложнее.

Его внимание привлек профиль Глории Кинг. Глория только что выложила фото с подругами, явно из какого-то увеселительного заведения. На селфи все три улыбаются в камеру с бутылками пива в руках. Снимок свежий, загружен всего двадцать минут назад.

Отправилась куда-то и там напилась. Домой вернется пьяная, далеко за полночь. Родители будут спать. Где она живет, он, разумеется, знал. Дома есть собака, на ночь ее привязывают. От дороги к двери ведет узкая темная тропинка. Соседние дома далеко, оттуда ничего не услышишь и не разглядишь.

Интересная возможность!.. В этот миг судьба Глории Кинг висела на волоске.

Нет, слишком рано. Не стоит спешить. В конце концов, у него полно времени.

Он свернул окно браузера и дважды кликнул мышкой по папке «Видео» на рабочем столе. На мониторе появилось лицо девушки, медленно приходящей в себя. Он уже чувствовал, как нарастает возбуждение, когда она открыла рот и издала самый первый крик.

Он старался не пересматривать видео слишком часто – от повторения приедается любое удовольствие. Но пока что это зрелище возбуждало его почти так же сильно, как в первый раз.

Целиком, от начала до конца, он просмотрел видео только однажды. Всего оно длилось четырнадцать часов. Сырой материал, пока без всякого монтажа, и не все эпизоды одинаково интересны. Например, между 7:08:00 и 11:32:00 девушка просто лежит неподвижно с закрытыми глазами. А после 12:35:23 вообще перестает шевелиться.

Так или иначе, здесь есть с чем работать! Пожалуй, его личная режиссерская версия составит около трех часов.

А теперь, чтобы отдохнуть после трудного дня, можно побаловать себя несколькими приятными отрывками. Пожалуй, с 03:42:00.

Николь Медина колотила кулаками в крышку гроба и отчаянно кричала – а он, тяжело дыша, потянулся за пачкой салфеток.

Глава 16

Гарри Барри сидел за столом и пялился в стенку. За спиной навязчивой музыкой звучал нескончаемый шум редакции «Чикаго дейли газетт»: плевались бумагой принтеры, колотили по клавишам другие репортеры, в дальнем углу Ронда, как обычно, громогласно трепалась с муженьком по телефону. Гарри

привык к этому шуму и уже почти его не замечал. За шесть лет ничего не изменилось. Шесть лет одно и то же. Шесть долбанных лет он сидит здесь и пишет то, что редактор именует «завлекательными историями», а сам Гарри – чушью для домохозяек с прокисшими мозгами. Новости о знаменитостях и сексуальные скандалы. Скандалы со знаменитостями и новости о сексе. Или всё вместе.

Было время, ему это нравилось. И выходило неплохо.

Но однажды он вкусил нечто новое, и с тех пор повседневная жизнь словно подернулась мутной серой пленкой. Как человек, который изо дня в день ел котлеты и был доволен – пока не попробовал сочный стейк.

Об этом Гарри раздумывал, вспоминая недавний короткий разговор по телефону. Он получил подсказку. Намек на отличную историю – историю, мечта о которой преследовала его уже больше месяца! И следующая глава этой истории разворачивалась вовсе не в Чикаго, где он работал.

А в Сан-Анджело.

Вопрос в том, как туда попасть.

Брать отпуск и лететь в Техас за свой счет ему не улыбалось. Нет, куда лучше заставить шефа оплатить поездку и все расходы! А еще лучше, если это будет не отпуск, а служебная командировка. Только как убедить редактора? Над этим вопросом Гарри ломал голову уже час, однако ничего не мог придумать.

Он открыл в Интернете свою последнюю статью – заметку о тайном романе полузащитника из футбольной команды местного колледжа с чирлидершей. «Гол в свои ворота» – отличное название! Сама заметка короткая и выдержана в том шутивно-фамильярном тоне, каким обычно пишутся «развлекалочка». Подписана, как обычно: Г. Барри. Гарри Барри – так себе имя для репортера. Да и для кого угодно, честно говоря. Явное свидетельство лени и отсутствия фантазии у его родителей. Как говаривала мамаша: «Зато легко запомнить!»

Гарри прокрутил статью вниз, до комментариев – их он читал ради отдыха и развлечения. Ему нравилась ядовитая атмосфера в комментах, нравились «тролли», психи, исходящее от их реплик ощущение одиночества; но больше всего любил он разгневанных читателей. Ничто так его не радовало, как очередной гражданин, который, проглотив статейку от начала до конца, спешил сообщить, что в наше время все просто помешались на сексе и насилии, и оплакать закат американских ценностей.

Вот и сейчас его внимание привлек комментарий за подписью «Неравнодушный гражданин13»: «Какая чушь. Автору “статьи” должно быть стыдно».

В первую очередь Гарри заинтересовало, что этот коммент – единственный на странице – был написан без грамматических ошибок, и все знаки препинания в нем стояли на своих местах. Но, пожалуй, еще более заинтриговала мысль.

Должно быть стыдно.

Гарри уперся в монитор невидящим взглядом; по лицу медленно расплывалась широкая улыбка. Точно! Стыд! Вот что решит его проблему.

Он взглянул на часы. Черновик новой статьи следовало отправить редактору десять минут назад. Значит, сейчас...

– Гарри, где черновик? – К нему в кабинку шагнул редактор, Дэниел Макграт.

Гарри молчал и тоскливо смотрел в монитор.

– Эй, Гарри!

Он заморгал и медленно перевел взгляд на редактора.

– А, Дэниел... Я тебя не слышал.

– Где статья, черт возьми? Ты говорил, на сегодня у тебя припасено что-то интересненькое. Фотки папарацци – эта, как ее, Рассел, голышом!

– Ну да, – с глубоким вздохом отозвался Гарри. – Папарацци...

– И?... Где статья?

– Дэниел, ты никогда не задумывался о том, чем мы занимаемся?

Редактор удивленно заморгал.

– Хочешь сказать, нам все-таки стоит нанимать собственных папарацци? Я ведь тебе объяснял...

– Нет, я имею в виду... – И Гарри обвел монитор грустно-растерянным жестом.

– Все это.

– Что «все»?

– Эти статьи, которые я пишу. Статьи о живых людях. Знаешь, я вот сидел сейчас, писал статью и вдруг подумал: а ведь у Кэсси Рассел есть родители!

– Э-э... ну да, а какое...

– У нее есть отец. И мать.

– Гм... родители – это отец и мать, понятно. Но какого...

– Вот представь себе: открываешь ты с утра воскресную газету, а там на первой странице – обнаженная грудь твоей дочери!

– Не льсти себе, Гарри. Сиськи Рассел будут на восьмой.

– Что ты почувствуешь, если малышка, которую ты качал на коленях...

– Да и соски мы всегда замазываем, ты же в курсе.

– Крошка, которой ты рассказывал сказки на ночь...

– Ты вообще о чем?

– Представь, что твою дочь эксплуатируют таким образом! Разве это не разорвет тебе сердце?

– Эксплуатируют?! Секундочку, не ты ли мне рассказывал, что папарацци она пригласила сама?

– А ты в юности не совершал ошибок? Мы, как гиены, кружили вокруг, ожидая ее падения. Что с того, что она сама позвала фотографов? Она, можно сказать, еще дитя!

– Да ей двадцать шесть лет!

– Двадцать шесть. – Барри закрыл глаза и скорбно покачал головой. – Всего двадцать шесть!

– Гарри, что с тобой такое? – поинтересовался Дэниел, придвинувшись к нему поближе и понизив голос.

– Дэниел, ты никогда не задумывался о том, что мы с тобой не делаем мир лучше?

– Лучше? О чем ты? Мы... э-э... развлекаем людей. Приносим им радость. Чем плохо?

– А как же наши моральные ценности? – скорбно спросил Гарри. Сейчас он наслаждался собой. – Это все моя вина! Я подсел на успех, на внимание читателей. Но, знаешь, теперь, когда мы собрали солидную читательскую аудиторию, надо использовать ее во благо. Моя специальность – интересные истории о людях. Пора перейти к таким историям, которые не только развлекают, но и воспитывают.

– То есть как «воспитывают»?

– Помнишь тот мейл? Про медсестру, которая поселила у себя дома бездомного, больного раком? Давай напишем статью о ней.

– Ты хочешь сказать, что не хочешь писать про сиськи?.. Хорошо, отдам этот материал кому-нибудь другому. У нас в редакции дюжина новичков, которые возможность написать про сиськи Рассел с руками оторвут!

– Кэсси Рассел. У нее есть имя. Она человек, Дэниел, – человек, у которого есть человеческие чувства!

– Человек, у которого муж наворовал миллионы, а сама она фотографируется с голыми сиськами, чтобы привлечь внимание!

– Или вот еще хорошая тема: учитель бесплатно преподает английский нелегальным иммигрантам.

– Да кто станет это читать?

– А пусть почитают! Пусть начнут интересоваться чем-то, кроме сисек! Я не хочу стыдиться своей работы! – Тут Гарри хотел ударить себя в грудь, но понял, что это будет уже перебор. – Хватит эксплуатировать низменные страсти! Надо писать о достойных людях и благородных поступках!

На лице Дэниела отразилась тревога. Барри – самый популярный автор в газете. Не только из-за скользких тем – из-за того, что знает, как к ним подойти. Если он начнет стыдиться того, что делает, что же станет с тиражами?

– Послушай, Гарри, у всех у нас бывают тяжелые периоды в жизни... Может, тебе пора в отпуск?

– Нет! Мне не нужен отпуск. – Он начал копаться в бумагах на столе. – Вот тут... где-то... потрясающая история: ветеринар приютил трехногого уличного пса! Прочтешь – слезами обольешься!

– Вот что, – решил Дэниел. – Не хочешь ли написать про ту криминалистку, Бентли, которой ты мне уже все мозги проел?

– Бентли? – Гарри поиграл бровями. – Психолог из ФБР? Та, что в прошлом месяце расследовала у нас здесь убийства?

– Тогда ты прямо рвался сделать о ней статью.

– Писать о преступлениях? О маньяках-убийцах? Ох, Дэниел, даже не знаю...

– Попробуй! Подготовь добрый, позитивный материал. Хрупкая девушка смело борется со злом. Такие истории ведь делают мир лучше?

– Вряд ли я смогу сейчас взять у нее интервью... Она расследует новое дело в Сан-Анджело.

– Отлично! – Дэниел просиял. – Поезжай туда. Выясни, чем она там занимается. И напиши об этом! Никакой эксплуатации страстей, верно? Да и смена обстановки пойдет тебе на пользу. Не будешь так мрачно смотреть на мир.

Гарри вновь тяжело вздохнул и опустил голову. В его душе ревели ликующие толпы и звучал победный марш.

Глава 17

Зои лежала на кровати в мотеле с мокрыми после душа волосами, в трусах и мешковатой футболке с названием какой-то не известной ей рок-группы. Футболка принадлежала Андреа, а та, скорее всего, позаимствовала ее у какого-нибудь из своих бостонских бойфрендов.

Зато в ней было уютно – а Зои сейчас особенно нуждалась в уюте.

Они уехали вскоре после появления криминалистов. Тейтум, усталый и расстроенный, настоял, что поведет машину сам, и Зои не стала спорить. Мотель располагался удобно, поблизости от отделения полиции. По дороге оба молчали. Едва Зои вошла в номер и захлопнула за собой дверь, как на нее нахлынули образы и ощущения минувшего дня, которые на людях удавалось прятать за стеной отчуждения.

Можно было выйти из номера и попробовать чем-нибудь отвлечься, однако Зои знала, что это приведет лишь к ночным кошмарам. Ее сознанию нужно переработать увиденное, и лучше сделать это сейчас, готовой ко всему.

Все дело в мертвом теле. Пока Зои его не видела, можно было рассуждать отвлеченно, строить разные теории. Но изуродованный раздутый труп слил все возможные реальности в одну: Николь Медина похитили, заколотили в ящик и похоронили живьем.

У Зои был особый дар: она понимала, как мыслят убийцы, умела влезть в шкуру маньяка, понять, как он думает и чего хочет. Но этот дар имел свою цену. Столь же ясно и четко – и обычно без всякого собственного желания – Зои удавалось представить себя на месте жертвы, почти что пережить с ней вместе последние часы.

В случае с Николь не пришлось даже напрягать воображение. Впервые Бентли на самом деле видела страдания жертвы своими глазами. И представлять, что ощущала Николь в эти кошмарные минуты, было так же естественно, как дышать.

В ящике темно. Непроглядная тьма. Стоит пошевелиться – натыкаешься на стенку. Воздух пыльный, затхлый. Охваченная ужасом, ты начинаешь биться и метаться в своей тюрьме – и от этого все сильнее задыхаешься...

Однажды, еще ребенком, Зои побывала вместе с семьей в Лурейских пещерах. В составе большой экскурсионной группы она бродила вдоль каменных стен, светила фонариком на высокие своды и была вполне довольна жизнью. А потом, когда нужно было пробраться через узкий тоннель, одна женщина впереди нее застряла. Остальная группа начала напирать сзади, еще не понимая, что проход перекрыт. Люди толкали, теснили, стискивали Зои; казалось, стены вокруг сжимаются, бежать некуда, выхода нет... И вдруг стало трудно дышать. Андреа за спиной подтолкнула ее, и Зои потребовалась вся сила воли, чтобы не пнуть сестру в ответ.

С тех пор она избегала пещер и тоннелей, и даже в тесной кабине лифта ей порой становилось неуютно.

Зои лежала на кровати и думала о том, каково быть запертой во тьме глубоко под землей. Стук сердца громом отдается в ушах, и воздух вырывается из груди короткими, паническими толчками...

Тейтум стоял под душем: горячая вода жгла царапины и ссадины на ладонях. Под сломанным ногтем багровела полоска засохшей крови. Горячая вода стекала по телу и, серая от пыли и грязи, водоворотом кружилась у ног. Тейтум смотрел на этот водоворот – и думал о Николь Медина в ящике, а в ушах снова и снова звучали ее крики.

Наконец он со вздохом распечатал упаковку мыла с эмблемой мотеля и начал намыливаться.

Смыв с себя кровь и грязь, обернул бедра полотенцем, вышел из ванной и прошлепал в комнату, оставляя на паркете мокрые следы. Опустил жалюзи, сбросил полотенце и принялся изучать свой довольно скудный гардероб.

Вечерело, однако посещение места убийства, как правило, отбивает аппетит, так что ужинать Тейтум был пока не готов. Подумал о том, чтобы посмотреть телевизор, – но сидеть взаперти в тесном душном номере тоже не тянуло.

В мотеле есть небольшой бассейн. Пожалуй, можно сходить поплавать – это полезно для спины, да и поможет нагулять аппетит. Плавки Тейтум с собой не взял, так что начал перебирать трусы. Белые боксеры – отложил по очевидным причинам. Черные тесноваты; едва он выберется из бассейна, они облепят его «хозяйство», словно полиэтиленовая упаковка сэндвича. Пожалуй, подойдут синие. Тейтум надел их, перебросил полотенце через плечо и вышел из номера, стараясь не обращать внимания на панику внутреннего голоса, вопящего: «Караул, ты вышел на люди в одних трусах!» Ничего подобного: он в плавках.

Бассейн действительно оказался небольшим. На голубой поверхности воды играли лучи заходящего солнца. Тейтум прыгнул в воду ласточкой – и едва не разбил себе голову: дно оказалось куда ближе, чем он думал. Под водой проплыл до дальнего бортика, там вынырнул и набрал в грудь воздуха. Затем несколько раз переплыл бассейн из конца в конец. Все равно что плавать в ванне, – зато удалось выбросить из головы лишние мысли.

Сделав несколько мини-заплывов туда и обратно, Тейтум вдруг почувствовал, что на него смотрят. Остановился, поднял голову – и увидел Зою. Девушка стояла у края бассейна и глядела на него своими пронзительными глазами, словно цапля, желающая поймать рыбку на ужин.

Тейтум весело помахал ей.

– Что, тоже хочешь окунуться?

– Не люблю плавать. – Зою сморщила нос.

– А вода отличная. Прохладная! – Хоть небо уже темнело, в воздухе по-прежнему стояла душающая жара. – Давай хоть ноги помочи!

К его удивлению, она действительно присела на край бассейна и сняла туфли. Опустила в воду одну ногу, потом вторую. Испустила долгий усталый вздох.

Тейтум подплыл ближе. Зои сидела с озабоченным лицом, явно занятая какими-то своими мыслями. На секунду ему захотелось плеснуть в нее водой, как он не раз поступал с девушками в колледже, – и всегда слышал в ответ веселый визг и игривое: «Ой, что ты делаешь?!»

Однако взглянув на нее повнимательнее, Тейтум понял, что не стоит. Веселого визга он от Зои точно не дождетсЯ. Скорее уж, она пригвоздит его к месту ледяным взглядом. Или просто убьет.

– Как ты?

– Нормально. – Ее передернуло. – Просто нужно было подышать воздухом. Я думала о Николь Медина.

Помолчав несколько секунд, Тейтум спросил:

– А почему плавать не любишь?

– Помнишь «Волшебника страны Оз»? Злые колдуньи тают от воды.

Он рассмеялся.

– Просто не люблю. – Зои улыбнулась. – Терпеть не могу холодную воду. От хлорки в бассейнах все чешется. И волосы потом невозможно расчесать.

– Ясно, ясно: нет ничего хуже плавания!

– Зато Андреа в школе выступала в команде пловчих. Дай ей волю, она вообще из бассейна не вылезала бы.

Порывшись в кармане, Зои достала телефон, взглянула на экран, плотно сжала губы, отложила мобильник и снова уставилась в воду.

– Как там Андреа? – спросил Тейтум. Он догадывался, зачем напарница проверяет телефон.

– Хотела бы я знать... На сообщение она пока не отвечает.

– Может, не видела?

– Она всегда так – просто не открывает то, что не хочет читать.

– Уверен, с ней все хорошо, – сказал Тейтум, прекрасно понимая, насколько это пустые слова.

Он слышал бесконечные споры о Роде Гловере, о его последнем письме к Зои – том, в которое Гловер вложил свою фотографию рядом с Андреа. Но с тех пор никто его не видел и ничего о нем не слышал.

Зои снова взглянула на экран смартфона.

– Андреа – умная девушка, – продолжал Тейтум. – Она не станет...

– Андреа понятия не имеет, на что способны люди вроде Гловера! Если б понимала – заперлась бы дома и сидела, не выходя... Вот я понимаю. Ты тоже. Они придумывают сложные фантазии и гоняют их туда-сюда в мозгу, как одержимые, добавляют к ним подробностей, делают всё более живыми. А потом, когда желание воплотить фантазию охватывает их полностью, когда уже не могут устоять, – действуют.

– Да, но Род Гловер никогда не охотился за конкретными людьми. Ты сама мне об этом говорила. Он действовал, когда появлялась возможность. Хватал девушек, которых было легко схватить. Не отслеживал кого-то конкретно.

– Меня он выследил, – возразила Зои.

Да. Месяц назад, во время расследования дела Гробовщика-Душителя, Гловер выследил Зои, дождался, пока она останется одна, и напал. По счастью, ей удалось отбиться. Тейтум понимал, что на ее месте тоже сходил бы с ума от беспокойства. Только вообразить: один из тех, кого ты намерен схватить, возможно, выбрал следующей жертвой близкого тебе человека... тошнотворное чувство. Быть может, что-то подобное испытывает онколог, замечая у своего ребенка первые симптомы опухоли мозга – такие, которых обычный человек не заметит или не поймет, что они значат. Иногда и невежество – благо.

Подняв глаза на Зои, Грей вдруг заметил, что она часто моргает и губы у нее дрожат. Сидя на бортике бассейна, с ногами в воде, Бентли вдруг напомнила ему потерявшуюся девочку в ожидании родителей.

– Знаешь, по одному моему делу идет внутреннее расследование, – брякнул он, желая ее отвлечь – чем угодно, только отвлечь.

Сработало. Зои собралась, удивленно раскрыла глаза.

– Что за дело?

– Застрелил подозреваемого, педофила. Как утверждают, без оснований.

– А-а. – Она кивнула. – Помню, ты рассказывал. Этот парень потянулся за камерой, а ты его пристрелил, верно?

– Он сунул руку в сумку. И тогда я его пристрелил. Только позже мы поняли, что он полез за камерой. Оружия в сумке не было.

Зои, похоже, задумалась. Тейтум почувствовал, что становится холодно, и сделал еще рейд до дальнего бортика и обратно.

– А почему дело снова открыли? – спросила она.

– Говорят, появился какой-то свидетель.

– Он мог видеть что-то такое, что негативно скажется на тебе?

– Нет, – твердо ответил Тейтум. – Все свидетели видели одно и то же. Мне неоткуда было знать, что он тянется не за стволом.

- Ты что-нибудь говорил перед тем, как выстрелить?
- Приказал ему поднять руки вверх.
- Называл его по имени?
- Что?
- Ты называл его по имени или просто приказал поднять руки?
- А какая разница?
- Это по-разному воспринимается. Так как же?

Тейтум, подтянувшись, выбрался на бортик; на белый кафель потекла вода. Взяв с ближайшего пластмассового стула полотенце, он вытерся, незаметно подтянул трусы и присел рядом с Зои, с полотенцем на плечах.

- По-моему, окликнул по фамилии. Уэллс, так его звали. Я крикнул что-то вроде: «Уэллс, руки вверх!»
 - Только по фамилии? А что-то еще говорил? И насколько громко?
 - Да какая разница? Кто-то просто решил разворошить старую грязь. Ничего серьезного.
 - Если дело вновь открыли, значит, на то есть причины. И вряд ли несерьезные.
 - На меня никто не давит, ничего такого, - пробормотал Тейтум, уже жалея, что поднял тему.
 - Ты его преследовал, верно?
 - Верно. Он у нас на глазах схватил девочку на улице и потащил в кусты.
 - И долго ты за ним гнался?
 - Не знаю. Может, пару кварталов. Так-то он был не спортсмен...
- У Зои пискнул телефон. Она подняла его с пола, взглянула на экран - и напряженные плечи расслабились, а на губах показалась легкая улыбка.
- Андреа?
 - Да. У нее всё в порядке. Твой дед заходил сегодня ее навестить.
 - Правда? - Тейтум поднял бровь. - И как она это пережила?
 - Говорит, очень милый старичок.
 - Не верю! Должно быть, это был чей-то чужой дед.

Зои рассмеялась, на удивление звонко и радостно. Тейтум тепло улыбнулся ей в ответ, ясно понимая, что не его тонкий юмор так ее развеселил, – она смеется просто от облегчения.

– Не хочешь перекусить? – спросил он. – Я умираю от голода. – Так и было: купание пробудило в нем аппетит, и сейчас желудок заурчал в предвкушении ужина.

– С удовольствием. – Зои встала; с босых ног на пол потекла вода. Она начала надевать босоножки. – Неужели ты совсем не беспокоишься? Об этом внутреннем расследовании?

– Да нет. Чего тут волноваться? Абсолютная «пустышка». Такое с кем угодно могло случиться. – Он тоже встал и повернулся к лестнице.

– Ты в самом деле решил, что у него ствол?

Этот вопрос заставил его застыть в изумлении. Тейтум повернулся к Зои – и встретился с ее пристальным, немигающим взглядом.

– Конечно. Поэтому и выстрелил первым.

– Ты долго работал над его делом. Педофил нападал на детей, насиловал – и его никак не удавалось поймать...

– Верно, – ответил Тейтум.

Ответил не сразу. Он напрягся; внутри вскипал гнев, и лишь усилием воли Грей заставлял себя оставаться спокойным. Она ни в чем его не обвиняет. Просто расспрашивает.

– Я действительно чертовски хотел его поймать. И засадить за решетку.

– Но педофилы, отсидев, часто берутся за старое. Ты отправил бы его за решетку, а он через несколько лет вышел бы и снова начал нападать на детей. Ты это знал. А потом загнал его в угол. И он попытался уничтожить улики.

– Я не видел...

– Даже в этот момент, после того как ты его преследовал, гнался за ним несколько кварталов, на адреналине, – ты обратился к нему по фамилии. Он был для тебя не просто еще одним преступником.

– Зои, хватит!

– У тебя есть убеждения, – продолжала Бентли. – Ты стремишься сделать мир лучше. Возможно, в тот момент, когда тебе пришлось за долю секунды принимать решение о том, жить этому человеку или умереть, ты поторопился. Может быть, даже убедил себя, что...

– Ты составляешь мой психологический профиль? – не веря своим ушам, спросил Тейтум. До этой секунды ему казалось: Зои говорит о том, как могут воспринять эту историю другие. Но нет: она его анализировала!

– Это совершенно естественно. Если ты верил, что его необходимо остановить...

– Он полез за стволом!

– За камерой.

– Я думал, что это ствол!

Только услышав, как его слова эхом отражаются от стен мотеля, Тейтум осознал, что кричит.

Зои изумленно уставилась на него:

– Почему ты сердишься? Я же не говорю...

Грей поднял руку, молчаливо призывая ее остановиться.

– Не испытывай на мне свои штучки, ясно? Никогда! Я – не один из твоих подозреваемых!

– Просто хочу, чтобы ты был готов. Если тебе начнут задавать трудные вопросы...

– Нет там никаких трудных вопросов, Бентли! Я защищался. От человека, которого считал вооруженным. В безоружного я никогда ни за что стрелять не стану. Запомни это раз и навсегда.

– Я не говорю, что ты что-то сделал не так. А вот они могут заявить, что ты действовал агрессивнее, чем следовало.

– Да при чем тут какие-то «они»? Важно, что ты думаешь!

– Меня там не было.

– Именно! Тебя там не было! Так что уж постарайся поверить мне на слово!

Сжав челюсти, Тейтум пошел к выходу. Он только что искупался, но теперь весь горел, и аппетит пропал как не бывало.

Глава 19

Сан-Анджело, Техас, 9 мая 1986 года

Мальчик прятался в своей комнате. Не лучшее место, где скрыться, – но когда ты напуган, то бежишь туда, где привык чувствовать себя в

безопасности. В свой черепаший панцирь, в свой бункер, в свое убежище. Где можно свернуться клубком, прижать к себе куклу-инопланетянина, а с плаката над кроватью, словно часовой, тебя будет охранять Супермен.

Теперь они всё знают!

Мальчика всегда зачаровывал папин бинокль. На вид простая штука, хоть и на удивление тяжелая. Однако стоит поднести его к глазам – происходят чудеса. Можно прочесть номер машины, едущей по дороге, или разглядеть лица людей, входящих в парикмахерскую в конце улицы. С папиным биноклем у мальчика появляется суперспособность – нечеловечески острое зрение.

Конечно, есть правило: смотреть в бинокль только с папой, без разрешения его не брать. Но какой же супергерой станет ходить на подвиги с папой?

И потом папа никогда не позволит ему подглядывать за соседкой! А это с некоторых пор стало любимым развлечением нашего супергероя. Миссис Палмер живет через улицу, окна ее спальни – напротив гостиной, и в бинокль можно кое-что там разглядеть...

Он нарушил правило. Раз, и еще раз, и снова, и снова. Чем чаще нарушал, тем сильнее ему хотелось. Разумеется, он был осторожен – следил, чтобы рядом не было родителей. Проще всего вести наблюдение по утрам в выходные, когда они, как и миссис Палмер, спят допоздна. В такое сонное тихое утро никто не мешает.

Но сегодня, встав с постели и собираясь одеться, миссис Палмер вдруг взглянула в окно – и нахмурилась. Секунду просто стояла, глядя прямо на него. А он не мог пошевелиться, даже если бы и хотел.

Потом она подбежала к окну, задернула штору – и мальчик понял, что попался.

В ужасе бросился он к себе в комнату, мысленно моля Бога о том, чтобы миссис Палмер не говорила родителям, только бы не говорила родителям! Господи, пожалуйста! Он никогда больше не станет за ней подглядывать! Вообще больше не притронется к биноклю!..

Бинокль! Надо быстро положить его на место, пока не...

В гостиной пронзительно зазвонил телефон. Броситься туда, схватить трубку прежде, чем подойдут родители? Сказать, что ошиблись номером? Может быть, упросить миссис Палмер не жаловаться?

Но вместо этого он лишь плотнее забился в угол между кроватью и зеленым столом. Сжался в комок, обхватил руками колени. Если папа с мамой войдут в комнату – его не увидят.

Быть невидимкой – еще одна суперспособность.

Трубку взяла мать. Он слышал сонное: «Алло!» Слышал, как сонливость с матери слетела.

Что-то придумать! Скорее!..

Сердитый голос матери и приближающиеся шаги подсказали ему: слишком поздно.

Она позвала мальчика по имени. Пронзительный, яростный крик – звук приближающейся бури, от которого в горле у него комом встали слезы страха.

Распахнулась дверь. Несколько мгновений мать стояла на пороге, бормоча себе под нос: «Да где же он?» Невидимость – лучшая суперспособность на свете!

А потом она с красным разгневанным лицом шагнула в комнату – и чары рассеялись. Двигаясь прямо к нему, мать выкрикивала его имя, вопила что-то о соседке и бинокле.

Оставалось лишь одно: все отрицать. Какая еще соседка? Он просто смотрел на птичек!

– Ах, ты еще и врешь?! – заорала мать.

Схватила его за руку, вздернула на ноги и поволокла к дверям.

Он пытался сопротивляться – увы, сверхчеловеческая сила не относилась к числу его суперспособностей. И мальчик потащился за матерью, отчаянно рыдая и повторяя: «Прости, прости, прости!» Вот оно, волшебное слово, верно? Разве не это надо говорить, когда провинился? «Прости» – и тебя простят!

Только его никогда не прощают.

Мать тащила мальчика вниз, в подвал. Чтобы наказать. Пусть посидит в темном месте и подумает о том, что натворил. Как будто предыдущие двадцать минут он только об этом и не думал!..

Мальчик слышал, что другие родители лупят детей. Робби из их класса как-то раз рассказывал, что отец снял с него штаны и отвесил сотню ударов ремнем!

Но папа с мамой никогда детей не били. Бить неправильно. Наказание должно воспитывать.

Мама всегда говорит: сиди и думай, что ты сделал не так.

В подвале есть чуланчик для метел. Темное место посреди темного места. Святая святых тьмы.

«Мама, пожалуйста! Пожалуйста! Прости! Я уже подумал, мамочка! Я все понял! Я никогда больше не буду! Я извинюсь перед миссис Палмер! Я никогда, никогда, никогда больше не буду! Прости!»

Она втолкнула его в чулан и захлопнула дверь, а затем заперла на задвижку. Ее шаги стихли, хлопнула дверь подвала наверху. В тесном чулане пахло стиральным порошком, пылью, паутиной и кошмарами.

Мальчик рыдал, бился всем телом в дверь, вопил отчаянно и надрывно:
«Прости, прости, прости!»

Никто не отвечал ему. Вокруг стояла тьма – такая непроглядная тьма, словно он ослеп.

Ему часто приходилось думать о своем поведении. Но пахло здесь всегда одинаково. И всегда вокруг смыкалась тьма, а из тьмы подступал ужас.

Зачем миссис Палмер позвонила маме? Можно было просто задернуть шторы. А если ей не нравится, что он за ней подглядывает, – просто поговорить с ним. Он бы ее послушался. Зачем жаловаться? Это из-за нее он оказался здесь! Она во всем виновата!

Во тьме ему оставалось только слушать. Шаги матери наверху. Звон телефона. Радио откуда-то издалека – треск помех и обрывки музыки.

Третья суперспособность – острый слух.

А сейчас ему потребуются все суперспособности, какие только есть.

Потому что из тьмы приходят чудовища.

Глава 20

Сан-Анджело, Техас, среда, 7 сентября 2016 года

Зои чертовски устала. После того как Тейтум вчера ни с того ни с сего полез в бутылку, она поужинала одна и долго пыталась уснуть, однако сон не приходил. Бентли все вспоминала их разговор, пыталась понять, отчего же Тейтум так разозлился. В конце концов пришла к выводу, что он просто идиот, как и все мужчины федеральные агенты, да, пожалуй, и мужчины вообще. Наконец ей удалось уснуть, но еще до рассвета Зои подскочила: приснился кошмар про Андреа. По счастью, через дорогу от мотеля стоял «Старбакс», и к тому времени, как позвонил Тейтум и сухо сообщил, что едет в участок и может ее подвезти, она успела выпить «гранд американо».

Поездка в отделение полиции была короткой и напряженной. Тейтум всю дорогу молчал с каменным лицом. Несколько раз Зои пыталась заговорить о том, какой стратегии им придерживаться в отношениях с полицией Сан-Анджело. Он отвечал так сухо и неласково, что она в конце концов умолкла и решила в дальнейшем передвигаться по городу на такси. А если шеф Манкузо пожалуется на дополнительные расходы, Зои ей скажет: «Попробуй-ка сама поехать с агентом Греем!»

На входе в отделение их перехватил лейтенант Дженсен – в новом с иголки костюме, сияющих ботинках, с прической волосок к волоску.

– Рад вас видеть, агенты! Вы очень вовремя, у нас как раз начинается совещание оперативной группы.

– Что за оперативная группа? – почти рывкнул Тейтум.

– Шеф приказал сформировать оперативную группу для расследования убийства Медина, – объяснил Дженсен. – Надеюсь, вы присоединитесь и выскажете свое мнение о том, как лучше вести расследование.

– Разумеется, – сухо ответил Тейтум. – Выскажем.

– Сюда, пожалуйста, агенты, – пригласил их Дженсен.

– Я не агент, – поправила Зои. – Я – консультант ФБР.

– А? – без всякого интереса откликнулся Дженсен.

Шагал он быстро, но из-за коротких ножек угнаться за ним было несложно. Тейтум топал позади, всем своим видом излучая недовольство.

– Я – гражданский консуль...

– Нам сюда. – Дженсен открыл дверь в просторную комнату, бо?льшую часть которой занимал большой прямоугольный белый стол и два ряда стульев. На дальней стене – белая доска, на которой кто-то написал маркером: «Николь Медина, 2 сентября».

За столом уже сидели трое. Справа – детектив Фостер, рядом с ним – женщина с рыжими волосами, собранными в хвост. С другой стороны – лысый здоровяк. Его густые мохнатые брови сливались в единую монобровь, по форме напоминавшую летящую птицу; когда лысый приподнял левую половину моноброви в сторону Зои, ей показалось, что птица махнула крылом.

Дженсен прикрыл дверь и хлопнул в ладоши.

– Итак, – объявил он, – теперь, когда все в сборе, можем начинать. Для начала давайте познакомимся. С детективом Фостером вы уже встречались. Это детектив Кэрл Лайонс...

Женщина кивнула Зои и Тейтуму.

– Агента Шелтона вы, наверное, знаете. – Дженсен указал на лысого с монобровью, очевидно, полагая, что все агенты ФБР должны быть друг с другом знакомы.

– Нет, мы не встречались, – ответил лысый. – Брайан Шелтон, отделение ФБР в Сан-Антонио.

– А, – произнес Дженсен. Видимо, этот звук он издавал всякий раз, когда что-то шло не по плану. – Ну хорошо. А это агенты Грей и Бентли. То есть агент Грей и... э-э...

– Доктор Бентли, – ледяным тоном подсказала Зои.

– Ну вот, теперь все мы друг друга знаем! – Дженсен снова хлопнул в ладоши.

Зои села рядом с агентом Шелтоном, Тейтум – рядом с детективом Лайонс. Она попыталась поймать его взгляд; он плотно сжал губы и отвел глаза.

– Давайте обсудим подробности дела, – предложил Дженсен. – Детектив Фостер?

Тот вкратце рассказал о происшедшем, закончив свою повесть тем, как вчера обнаружили тело Николь Медина. Затем, положив перед собой распечатанный доклад, начал перечислять имеющиеся данные.

– Причина смерти – предположительно, асфиксия от недостатка воздуха. Время смерти, по мнению патологоанатома, – от двух часов ночи до восьми часов утра третьего сентября; точнее он сможет сказать после вскрытия. Жертва была захоронена в самодельном деревянном ящике. В ящик помещены маленькая инфракрасная камера и микрофон, с помощью которых снималось видео. Они присоединены к проводу, выходящему из могилы. Другой конец провода обрезан и присыпан землей: очевидно, закончив снимать видео, убийца позаботился о том, чтобы спрятать его. Внутри ящика много отпечатков пальцев; сейчас сопоставляем их с отпечатками жертвы. На камере, на проводе, на внешней стороне ящика отпечатков нет. Также мы сняли с внутренней стороны гроба образцы ДНК: в основном волосы, сломанный ноготь, немного крови... – Он покосился на агента Шелтона.

– С образцами сейчас работает наша лаборатория, – сказал Шелтон. – Сравним их с ДНК жертвы и прогоним через базу данных.

– На месте преступления имелись следы автомобильных шин, но... – тут Фостер бросил быстрый взгляд на Зои, – почти все они уничтожены в процессе поисков тела.

Бентли промолчала, лицо ее осталось бесстрастным. В замечаниях вроде: «Я же вам говорила!» – она смысла не видела.

– Сейчас, при свете дня, криминалисты проводят вторичный осмотр места преступления, ищут следы ног. Однако почва в этих местах покрыта тонким слоем пыли, а два дня назад было очень ветрено. К тому же, если вспомнить, сколько людей раскапывали могилу... в общем, особых надежд я не питал бы.

Дженсен кашлянул.

– Первейшей нашей задачей было спасти жизнь Медина! – напыщенно сообщил он, видимо, спеша отвести от себя обвинения в некомпетентности.

В любой другой день Тейтум обменялся бы взглядом с Зои и театрально закатил глаза к потолку. Сейчас он упорно смотрел на Фостера, а Зои словно не замечал.

– Вскрытие запланировано на послеобеденное время, – продолжал Фостер. – Наши криминалисты работают с ящиком, пытаются собрать о нем как можно больше информации.

Он снова заглянул в свои бумаги.

– Мобильный телефон, которым пользовался убийца, вне зоны доступа, найти его мы не можем. Похоже, первый раз убийца включил телефон возле ямы, так что проанализировать его действия до погребения также не представляется возможным. – Он собрал листы в аккуратную стопку и закончил: – Вот все, чем мы сейчас располагаем.

– Хорошо. Пожалуйста, разошлите этот доклад по электронной почте всем участникам совещания, – распорядился Дженсен.

– Да, само собой.

– Что ж, самый важный вопрос очевиден. Это серийный убийца? – Тут Дженсен повернулся к Тейтуму и Зои, глядя на них выжидающе.

– По определению, серийный убийца – это убийца, лишивший жизни двоих или более человек в разное время и в различных местах, – отчеканил Тейтум. – Свидетельств этого у нас пока нет.

– Двоих? Разве не троих? – уточнил Дженсен.

– Нет, – вклинилась Зои на мгновение раньше, чем то же самое повторили Тейтум и агент Шелтон. – В две тысячи пятом году определение было изменено. Теперь для того, чтобы считать убийства серийными, достаточно двух жертв, убитых в разное время.

– Свое видео он озаглавил «Эксперимент номер один», – заметил Дженсен. – Следует ли нам ждать новых жертв?

– Пока об этом судить невозможно, – ответила Зои. – Нужно продолжать расследование. Хотя вероятность, что это серийный убийца, достаточно велика.

– У нас пресс-конференция через... – Дженсен взглянул на часы, – через тридцать две минуты. – Что сказать журналистам?

– Ничего. Отмените ее.

– Невозможно. Они уже знают, что мы нашли тело. Кто-нибудь обязательно свяжет его с видео. Нам нужно сохранять контроль над ситуацией.

– Совершенно с вами согласна, – кивнула Зои, незаметно, под столом, сжав кулаки. Теперь она поняла, почему Дженсен сегодня такой нарядный. – Именно поэтому необходимо держать журналистов подальше от этого дела. Как можно дольше. По крайней мере, пока мы не выясним что-то более конкретное.

– Как я уже сказал, это невозможно. – Дженсен повернулся к Тейтуму, словно пациент, желающий выслушать мнение еще одного врача. – Наша цель – сократить слухи и избежать паники.

– Если это действительно серийный убийца, – угрюмо произнес Грей, – он может среагировать на интерес прессы. Возможно, это подтолкнет его к новому убийству. Я согласен с доктором Бентли.

– А?

– Рассказывайте им только факты, – заговорила Зои, понимая, что пресс-конференции не избежать. – Не оставляйте места для интерпретаций. А если хотите, чтобы не было паники, не используйте слов «серийный убийца».

– Хорошо, – ответил Дженсен, снова хлопнув пухлыми ладонями. – Понятно. Теперь что касается наших следующих шагов. Думаю, мексиканская мафия – весьма многообещающая линия расследования. Нужно поговорить с отцом Медина...

– Если позволите, лейтенант, – вставила детектив Лайонс, – у меня есть некоторые соображения.

– А? – предсказуемо откликнулся Дженсен.

– Сейчас мы исходим из предположения, что Медина похитили сразу после того, как она рассталась с друзьями, когда шла по дорожке к дому. Нужно убедиться, что это предположение верно. Хотелось бы опросить ее друзей, выяснить все возможные детали. Кроме того, если девушку действительно схватили там, возможны два варианта: либо убийца поджидал ее возле дома, либо следовал за машиной ее друзей. Нужно проверить записи с инфракрасных камер и обратить внимание на все машины, появлявшиеся на дороге вблизи от их автомобиля.

Фостер смотрел на Лайонс и слегка улыбался. Зои поняла, что высказать эти предложения они договорились заранее, почему-то считая, что к детективу Лайонс Дженсен скорее прислушается.

– Кроме того, – продолжала Лайонс, – данные от криминалистов, исследующих ящик, скорее всего, выведут нас на изготовителя этого ящика. Разумеется, в случае если убийца не сколотил его сам. Также, разумеется, попробуем найти телефонный номер убийцы.

Дженсен поморгал и прочистил горло.

– Разумеется. Вполне разумный план действий.

– Мы попробуем проследить цифровые следы, оставленные убийцей, – вставил агент Шелтон. – Если что-то всплывет, дадим вам знать. И еще вопрос о происхождении загрузки.

– Ну да, происхождение загрузки, – повторил Дженсен, явно не понимая, о чем речь.

– Убийца загрузил видео на сайт, – пояснил Шелтон. Он наморщил лоб, и птица-монобровь замахала крыльями, словно готовясь взлететь. – Откуда? По всей видимости, с беспроводного модема.

– Возможно, использовал свой телефона как «точку доступа», – добавил Фостер.

– Мы уже проверили все операции с этого телефона, – ответил Шелтон. – Он использовался только один раз, для выхода на сайт Си-эн-эн. Сейчас мы собираем данные с ближайших вышек сотовой связи. Места там безлюдные, и людей, выходивших в Интернет с телефона в это время, очевидно, будет немного. Выяснив, с какого модема загружено на сайт видео, мы получим след, который, возможно, приведет нас к убийце.

Дженсен кивнул, затем перевел взгляд на Тейтума.

– Агент, хотите что-нибудь добавить?

– Мы с доктором Бентли начнем составлять психологический портрет преступника, – ответил Тейтум. – Будем очень благодарны за доступ ко всем данным с места преступления, включая фотографии.

– Разумеется! – Свое согласие Дженсен сопроводил щедрым жестом, который больше подошел бы королю, исполняющему смиренную просьбу подданных. – А теперь – за работу!

Глава 21

Тейтум был уже у двери, когда Зои схватила его за руку.

– Можешь подождать хоть секунду? – спросила она вполголоса.

От ее прикосновения он напрягся.

– Конечно.

Они стояли у дверей, а остальные, один за другим, выходили из комнаты. Агент Шелтон, проходя мимо, бросил на них вопросительный взгляд; Тейтум кивнул ему, изобразив вежливую улыбку. Агент Шелтон пожал плечами и вышел.

– Нужно решить, как нам заниматься этим делом, – сказала Зои. – Впереди много работы.

Тейтум догадывался, что упоминать о вчерашнем разговоре она не станет, а извиняться тем более, – и все же ощутил укол гнева и разочарования. Ему хотелось высказаться. Скажи она что-нибудь вроде: «Не вееди себя как ребенок!» – он мог бы хоть заорать в ответ. Полночи Тейтум проворочался в постели, думая о том, что Зои вот так, за здорово живешь, назвала его убийцей. Но что толку ругаться с ней теперь?

– Конечно. Просмотрим данные о прошлых преступлениях в городе и окрестностях. Учитывая, что фантазия у нашего убийцы явно с нотками клаустрофобии, проверим все случаи, когда кого-либо запирали в тесном замкнутом пространстве.

– Наверное, стоит посмотреть, не сообщали ли о чем-то таком проститутки. Не было ли клиентов, которые надолго запирали их в багажнике или где-нибудь еще.

– Верно. Я проверю местные анналы.

– А я попробую пробить похожие случаи по ПИНП, – вздохнула Зои.

Тейтум понимал, отчего она вздыхает. ПИНП – «Программа исследования насильственных преступлений» – казалось бы, подходила для этой цели как нельзя лучше. База данных ФБР, в которую стекается информация о насильственных преступлениях по всей стране, – чего еще желать? Даже если убийца прежде совершал свои злодеяния в других штатах, по базе его найти несложно. Достаточно поискать другие случаи, когда людей хоронили живьем – и вуаля!

Теоретически.

На практике все далеко не так гладко. Для начала в базе данных ПИНП фиксируется менее одного процента всех насильственных преступлений. А вторая проблема, разумеется, в том, что в ней нет графы «похоронен заживо». Впрочем, сочувствовать Зои – или тем более, предлагать свою помощь – Тейтум сейчас точно не собирался.

– Человек, загрузивший фото, выбрал себе ник «Шредингер», и, возможно, это не случайность, – продолжала Бентли. – Нам обоим следует почитать о Шредингере. Если это намек на тот эксперимент с котом, мы должны хорошо понимать, о чем речь.

– Да там все просто. Засовываешь кота в ящик, закрываешь. Потом не помню, что делаешь... в общем, кот то ли жив, то ли мертв.

– Либо жив, либо мертв, одно из двух. Но не то и другое сразу.

– Ну... нам точно не известно... да черт его знает, честно говоря! Это что-то из ядерной физики.

Короткое молчание.

– Нам обоим следует почитать о Шредингере, – решительно повторила Зои.

Бентли сидела в комнате для совещаний, одна, с ноутбуком на коленях. Перед ней на столе лежали документы и фотографии. Чуть раньше она попросила разрешения у Дженсена поработать в этой комнате, и тот, помычав и похмыкав, согласился. Тейтум устроился там, где сидели детективы, в боксе какого-то отпускника, и Зои это сейчас вполне устраивало. Пока Грей в таком настроении, от него лучше держаться подальше.

На экране ноутбука была раскрыта база данных ПИНП. За сегодняшнее утро Зои задала восемь поисковых словосочетаний и получила больше двух сотен дел, каждое из которых могло быть как-то связано с делом Медина. Рыться в них было тяжело, скучно – и выглядело совершенно бесперспективным занятием.

В голове роились вопросы. Как именно преступник похитил жертву? Что покажет токсикологическое исследование? Откуда взялся ящик? Ответы со временем придут, но Зои привыкла, что ее призывают на помощь, когда дело заходит в тупик, и на все очевидные вопросы ответы уже есть. В ОПА постоянно приходилось слышать: «Что же они раньше к нам не обратились!» Как будто профайлеры из ФБР способны, появившись на месте первого же преступления, орлиным взором окинуть окружающих и, словно Пуаро из сериала, ткнуть пальцем в преступника! Что ж, сейчас к ней обратились очень вовремя – можно сказать, раньше некуда; однако ткнуть пальцем она ни в кого не может, ибо, как и все прочие, не понимает, где искать.

Зои потеряла лоб, чувствуя себя не в своей тарелке. От мыслей о работе отвлекали и ссора с Тейтумом, и тревога за Андреа. При мысли о сестре она сразу воображала, как Андреа беззаботно идет по темной и пустынной парковке, а за соседним автомобилем поджидает зловещая фигура с серым галстуком в руках...

Зои стиснула челюсти и схватила телефон. Быстро набрала сообщение: «Привет, как дела?»

К ее удивлению, Андреа ответила почти сразу – приятная перемена к лучшему.

«Отлично. Как твоё расследование?»

Зои вздохнула и отстучала ответ: «Все сложно. И Тейтум на меня злится».

«А что ты натворила?»

«Ничего. Он просто идиот».

В ответ Андреа прислала эмодзи с недоверчиво поднятыми бровями, и Зои вдруг разозлилась. «Мне пора работать, – написала она. – Поговорим позже?»

«Конечно».

Зои с облегчением встала и прошла по комнате. Одной заботой меньше!

Попробуем начать сначала, сказала она себе. Пойдем по другому пути. Да, делать выводы из имеющихся данных я пока не могу – данных нет; но могу строить теории. По всей видимости, Николь убил человек, с которым она не была знакома. Знакомый убийца с обычными мотивами – ревность, корысть,

что-нибудь такое – не стал бы париться хоронить ее заживо, снимать на видео и выкладывать в Интернет. Нет. Очевидно, мотив у убийцы был очень специфичный.

Возле белой доски лежала пара маркеров. Зои подошла к доске, взяла маркер и начала составлять список.

«Похоронена заживо. Отдаленное место. Видео онлайн».

Слова «похоронена заживо» она обвела кружком, прочертила от них стрелочку и написала под ней «клаустрофобия». Затем, поколебавшись, поискала в Интернете слово, означающее страх быть погребенным заживо, и выписала на доску и его: «тафофобия». В прошлый раз она заметила признаки того, что собственные действия сексуально возбуждали убийцу; и теперь села за компьютер, открыла видеофайл и начала смотреть заново.

Дважды за время видео убийца прекращал закапывать яму и исчезал из кадра. Во второй раз исчез на три минуты. Просмотрев видео в третий раз, Зои больше не сомневалась. Уходил он торопливо, неловкой деревянной походкой – а вернулся спокойным и расслабленным.

Наверняка мастурбировал за кадром.

Уже более уверенно Зои приписала к схеме еще два слова: «доминирование», «контроль». Обычные страсти серийных убийц на сексуальной почве. Судя по всему, они же работают и здесь.

Затем перешла ко второму пункту, «отдаленное место». Провела от него две стрелочки и подписала: «планирование», «фургон». Настало время перейти к третьему: «видео онлайн».

Этот пункт больше всего ее беспокоил: именно из-за него она просила отменить пресс-конференцию или, по крайней мере, как можно меньше рассказывать журналистам. Для того чтобы выложить видео в Интернет, у убийцы могла быть лишь одна причина – ее Зои и подписала крупными буквами под третьим пунктом: «жажда славы».

Некоторых серийных убийц возбуждают не только сами фантазии. Им хочется прославиться. Классический пример – «Сын Сэма», убийца, отправлявший в газеты письма, где хвастался своими «подвигами». А в наше время, когда все сидят в Интернете, даже в газеты писать не обязательно.

Однако в эпоху бесконечного потока информации, льющейся на тебя со всех сторон, длинными бессвязными письмами, вроде тех, какие писал Сын Сэма, ничье внимание не привлечешь. Их просто не станут читать. Убийце приходится идти в ногу со временем. Поэтому он выложил видео.

А это прямо влияет на частоту убийств. Когда серийный убийца просто воплощает в жизнь свои фантазии – для него обычны значительные, в несколько месяцев, промежутки между преступлениями. Воспоминаний о совершенном убийстве хватает ему надолго. Немало времени проходит, прежде чем воспоминания меркнут и желание убить вновь становится непреодолимым.

Но если преступник убивает ради привлечения внимания – он убьет снова, едва почувствует, что публика о нем забывает. А в наши дни новости «протухают» очень быстро.

Отворилась дверь; прервав ее размышления, в комнату вошли Фостер и Лайонс.

– А, Бентли, вы здесь, – сказал Фостер. – Вскрытие... – Тут он взглянул на доску и умолк. – Что это, психологический профиль?

Зои покачала головой.

– Пока нет. Просто наброски. Конкретнее смогу сказать завтра.

– А что такое тафофобия? – спросил он.

– Страх, что тебя похоронят живым, – объяснила Бентли.

– Своеобразно, – заметила, вздернув бровь, Лайонс.

– Думаете, наш убийца этим страдает? – спросил Фостер.

– Не знаю. Но закапывание в землю живой женщины его сексуально возбуждает. Страх и сексуальное возбуждение обычно тесно связаны. Я почти уверена, что в определенные моменты он мастурбировал... не перед камерой, конечно.

– Правда? – с отвращением скривив губы, переспросила Лайонс.

– Осмотрите место преступления в ультрафиолетовых лучах; может быть, найдете следы спермы. Вдруг повезет.

– То еще везение! – сухо ответил Фостер и обменялся взглядом с Лайонс.

Зои сделала вид, что не заметила. Еще не хватало ходить вокруг да около, словно в детском саду!

– Это определенно убийство на сексуальной почве. – Нахмурившись, она уставилась на белую доску, на слово «планирование». – Однако... кое-что не сходится.

– Что? – спросила Лайонс.

– Как правило, серийный убийца некоторое время предается своим фантазиям, не воплощая их в жизнь. А потом с ним случается что-то неприятное. Мы называем это «стрессовый фактор». Происходит некое событие: уволили, с девушкой разошелся – в общем, что-то такое, от чего тяжело и хочется отвлечься. Стресс становится невыносим, убийца «срывается» и убивает, воплощая в жизнь фантазию. Он пересек черту, совершил первое убийство, дальше становится легче. Дальнейшие убийства преступник планирует более тщательно, всеми возможными способами улучшает свою технику. Но первое убийство почти всегда совершается импульсивно.

– То есть в первый раз он ничего не планирует? – переспросил Фостер, взглянув на доску.

– Вот именно. А это убийство спланировано очень тщательно. Нужно было сколотить или заказать ящик, найти подходящее место, подготовить сайт в Интернете... Преступник был очень осторожен: использовал одноразовый телефон и подчистил за собой все следы. Это не импульсивные действия. Я бы сказала, он готовился и планировал все месяц или даже больше.

– Может, мы имеем дело с убийцей другого склада? – предположила Лайонс.

– Все может быть. – Зои пожала плечами. – Однако есть и более простое объяснение. Что-то его расстроило, он сорвался и убил, может быть, всего через несколько дней после стресса. А вот следующее убийство уже спланировал как следует.

– То есть... вы хотите сказать...

– Что есть по крайней мере еще одна жертва, о которой мы не знаем, – закончила Бентли.

– Но... он же назвал это «эксперимент номер один», – слабым голосом возразила Лайонс.

– Мало ли почему он так назвал видео? Причин сотни. На мой взгляд, довольно высока вероятность того, что он уже похоронил заживо какую-то девушку. Не очень давно. К примеру, несколько месяцев назад.

Лайонс вдруг побледнела, как мел.

– Извините, – пробормотала она и вылетела за дверь.

Зои хотела спросить Фостера, что с ней, но решила промолчать. Если эта женщина падает в обморок, услышав об убийстве, ей стоило выбрать другую работу.

– Собственно говоря, я зашел сообщить, что вскрытие закончено, – сказал Фостер. – Мы собираемся поговорить с патологоанатомом. Присоединитесь?

– Через несколько минут, – откликнулась Зои, не сводя взгляда с доски. Ей хотелось, пока идеи свежи, еще раз все обдумать.

Глава 23

Следом за детективом Фостером Тейтум вошел в прозекторскую. Здесь, впервые за всю поездку в Техас, ему стало холодно. Сегодня на нем была тонкая белая рубашка с расстегнутым воротом, и он пожалел, что не надел пиджак.

А потом вдохнул – и холод почтительно отступил перед вонью. Запахи формалина, дезинфектанта, крови и гнили, смешавшись в единый неповторимый

и невыносимый аромат, ударили по мозгам, и Тейтум напомнил себе, что дышать здесь надо через рот. У дверей в стальном шкафчике хранились маски; Фостер взял две и протянул одну Тейтуму.

На стальном ложе посреди комнаты лежало обнаженное тело Николь Медина: на груди чернел большой Y-образный шрам – след вскрытия. В холодном свете флуоресцентных ламп труп принял белесый оттенок, и все же в нем безошибочно узнавалась девушка на видео.

Патологоанатом, в белом медицинском костюме, кое-где заляпанном бурыми пятнами, склонился над микроскопом. Тоже в маске, он был совершенно лысый, и на его бледной лысине играл голубоватый флуоресцентный свет. Когда посетители подошли ближе, патологоанатом выпрямился и взглянул на них сквозь толстые стекла очков.

– Холодно у тебя здесь, Кудряш, – заметил Фостер. – Как ты только здесь работаешь?

– В теплых носках, – ответил медик. Вокруг глаз расплылись морщинки, и Тейтум понял, что под маской он улыбается.

Дверь в прозекторскую отворилась, и внутрь быстрым шагом вошла Зои. Сделав два шага, она остановилась и заметно позеленела – как видно, тоже почуяла неповторимые здешние ароматы. Интересно, когда у тебя нос длиннее обыкновенного, от этого делаешься более чувствительной к запахам?

Не успев вспомнить, что все еще сердится на нее, Тейтум показал ей на ящик у двери.

– Там есть маски для лица.

Зои обернулась и быстро нацепила маску.

– Кудряш, это агент Грей и доктор Бентли. Они консультируют нас по делу Медина. А это, – Фостер указал на медика, – Кудряш, наш патологоанатом.

Медик закатил глаза к потолку и повернулся к Тейтуму.

– Кудряш – школьное прозвище. Вообще-то я доктор Клайд Прескотт. Рад познакомиться.

– Кудряш только что закончил вскрытие и готов рассказать нам, что нашел, – сообщил Фостер.

Патологоанатом взял со стойки папку с закрепленным наверху листом бумаги.

– Николь Медина, девятнадцати лет. Причина смерти – почти наверняка асфиксия вследствие недостатка воздуха.

– Почти наверняка? – переспросил Фостер.

– На теле нет никаких признаков серьезных травм, и, судя по тому, где нашли тело, недостаток воздуха – самая вероятная причина. Хотя, чтобы быть

полностью уверенными, нужно дождаться результатов токсикологического исследования.

Он указал на бок трупа, где расплывалось крупное зеленовато-черное пятно. Тейтум взглянул туда и быстро отвел взгляд.

– В подвздошной впадине уже началось разложение. Это, в сочетании с высоким содержанием калия в стекловидном теле, заставляет предположить, что жертва умерла приблизительно за восемь часов до того, как тело было обнаружено.

– Насколько приблизительно? – уточнил Фостер.

– Жертва была молода и здорова, тело находилось в относительно чистой и прохладной среде, без воздействия насекомых. Так что, думаю, о времени смерти можно судить с точностью до четырех часов.

Такой точности Тейтум, пожалуй, и не ожидал. Сделав краткие подсчеты в уме, он произнес:

– Значит, между шестью утра и двумя часами дня третьего сентября.

– Совершенно верно. Трупные пятна на задней поверхности тела указывают, что покойная умерла, лежа на спине, и что после смерти тело не передвигали.

Медик обошел вокруг стола для вскрытия, взглянул на тело.

– Множественные синяки и царапины на коленях, локтях, ладонях и ступнях, по всей видимости, вызваны ударами о твердую деревянную крышку гроба. Имеются три следа давних переломов, по-видимому, произошедших еще в детстве. Два на левой ноге, один на правом запястье; все три вполне зажившие. Желудок пуст: ничего удивительного – по всей видимости, в последние двенадцать часов жизни жертва не имела доступа к пище.

– Какие-нибудь признаки сексуальных контактов, добровольных или насильственных? – поинтересовалась Зои.

– Я взял мазки изо рта, вагинальной и анальной полостей и проверил на чужеродные элементы. Ничего нет. На брюках жертвы имеется большое пятно, но это не сперма, а моча.

Он указал на шею жертвы. Тейтум наклонился и увидел длинный тонкий порез.

– Совсем свежий, – заметил Кудряш. – Нанесен, похоже, острым лезвием. Неглубокий.

– Кто-то порезал ее ножом? – спросил Тейтум.

– Да, только без намерения убить. Думаю, преступник приставил ей нож к горлу, чтобы напугать, и при этом нанес порез. Видите, какой угол? Вероятно, этот человек стоял сзади. Если взглянете на левую руку, увидите синяк. Вот здесь, за плечо, он ее схватил.

Тейтум постарался представить себе эту сцену. Николь выходит из машины перед домом. На улице темно. Она идет к крыльцу – и тут кто-то сильно, больно хватает ее за левое плечо и приставляет к горлу нож.

– Преступник правша, – заметил Фостер, подтверждая предположение Тейтума. Человек на видео тоже орудовал правой рукой.

– Признаки борьбы есть?

– Видимых – никаких. Но я срезал ей ногти и отправил на анализ.

– Признаки, что ее связывали?

– Тоже нет.

Тейтум ненадолго задумался.

– Убедитесь, что токсикологическое исследование включает в себя спецпрепараты для изнасилования.

Как правило, спецпрепараты для изнасилований не входят в стандартные токсикологические тесты – они повышают стоимость исследования. Однако сейчас стоило проверить все.

Кудряш что-то себе записал.

– Хорошо, прослежу. Кетамин или флунитразепам не могли не оставить следов в образцах волос.

Тейтуму не терпелось уйти из прозекторской, однако он заставил себя бросить последний взгляд на жертву. Глаза Николь Медина были крепко закрыты, лицо спокойно. Должно быть, задолго до того как умереть, она лишилась сознания. Однако перед этим пережила много часов невыносимого ужаса. Запертая в тесной темной дыре, она кричала, однако никто не слышал ее криков. Точнее, слышали-то многие, но никто не смог вовремя прийти ей на помощь.

Глава 24

– Я не знала, какой кофе вы любите...

Зои подняла глаза от компьютера. Перед ней стояла детектив Лайонс с двумя чашками кофе в одной руке и розовой кондитерской коробкой в другой. Этот акробатический трюк она, похоже, выполняла без малейших затруднений. Зои не сомневалась, что, попробуй она повторить, кофе оказался бы у нее на брюках, а сладости на полу.

Лайонс вошла в комнату, поставила на стол и кофе, и коробку.

– Сахар я класть не стала.

– Очень хорошо, спасибо. – Зои взялась за вторую чашку, отпила – и очень постаралась не морщиться. Кофе был слабым – безвкусная тепловатая водичка.

В коробке лежали четыре пончика: два шоколадных и два ванильных с разноцветной обсыпкой. Лайонс взяла себе шоколадный и жестом пригласила Зои угощаться.

– Спасибо, – поблагодарила та и взяла себе ванильный.

– Полтора месяца назад в Сан-Анджело пропала молодая женщина. Ее зовут...

– Мэрибел Хоу, двадцати двух лет.

– Откуда вы...

Зои повернула свой ноутбук так, чтобы Лайонс могла взглянуть на экран. Там была раскрыта база данных по без вести пропавшим людям.

– Просмотрела несколько баз данных, искала пропавших людей в Техасе, – объяснила Бентли. – Из всех, кто исчез в Сан-Анджело за последние полгода, только Мэрибел Хоу так и не нашли.

– Дело Хоу вела я, – сказала Лайонс. – Расследование быстро зашло в тупик. В субботу вечером она отправилась с подругами в кино... Не хотите еще пончик?

– Нет, спасибо.

– Просто не могу без шоколадных пончиков! Знаю, что пора бы остановиться, но аппетит сильнее меня. Коп и его пончики – такой штамп, верно?

– Верно. – Зои, кажется, никогда еще не встречала полицейских, без памяти влюбленных в пончики. Хотя откуда-то же взялся этот штамп!

– Так или иначе, – продолжала Лайонс, взяв второй пончик, – оба исчезновения очень похожи. Хоу пошла с подругой в кино. Домой они ехали на такси: жили на одной улице, в нескольких домах друг от друга. Водитель высадил их у дома подруги, ярдах в тридцати от дома Хоу. Девушка попрощалась с подругой и пошла к себе. А на следующее утро не вышла на работу. Начальник позвонил ей несколько раз, встревожился и отправил кого-то из сотрудников проверить, что там с ней. Дома никого не было. Еще несколько часов они разыскивали ее по телефону, а потом обратились в полицию.

– Вы думаете, он схватил ее возле дома, как и Николь?

Лайонс пожала плечами.

– Мэрибел Хоу совсем не похожа на Николь Медина. Ей двадцать два, жила одна. Подруга рассказала нам, что она терпеть не могла и наш городок, и

свою работу, только и говорила о том, как мечтает отсюда уехать. С родителями она не ладила и с восемнадцати лет жила отдельно. А исчезла как раз после того, как двое детективов из нашего отдела вышли на пенсию, и у нас серьезно не хватало людей. Не подумайте, я не бросила ее искать – но, знаете, когда приходится жонглировать полудюжиной дел и все остальные выглядят куда более срочными... легко сказать себе, что она просто уехала куда-нибудь в большой город...

Лайонс положила недоеденный шоколадный пончик обратно в коробку.

– Я время от времени заглядывала к ней в «Инстаграм», – дрогнувшим голосом призналась она. – Раньше Мэрибел обновляла его все время. По несколько фотографий в день. А после исчезновения – всё.

Лайонс достала телефон, открыла что-то на экране и протянула Зои.

Это был аккаунт Мэрибел в «Инстаграме». Последнее обновление – от 29 июля. Мэрибел и еще одна девушка, склонив головы друг к дружке, улыбаются в камеру. Подпись: «Александр Скарстард, держись, мы идем!»

Зои взглянула на Лайонс.

– Что за Александр...

– Красавчик-киноактер.

Мэрибел оказалась настоящей красавицей. Одна из тех девушек, что умеют не забивать, а подчеркивать макияжем природную красоту. Пухлые яркие губы помада сделала еще призывнее и ярче, густые и длинные ресницы выглядели почти натуральными. Коротко стриженные черные волосы придавали ей вид шаловливой феи. Зеленый топ без бретелек и лукавая улыбка, которая словно говорит: «Александр, едва меня увидишь – забудешь о голливудских красотах и бегом бросишься в Сан-Анджело!»

– Ее мать по-прежнему каждую неделю мне звонит, – промолвила Лайонс. – Ждет новостей – а мне нечего ей сказать. Но знаете, о чем я теперь думаю?

Зои промолчала.

На глазах у Лайонс выступили слезы.

– Она похоронена где-то здесь, за городом. Похоронена живой.

Глава 25

Делия Хоу яростно оттирала тарелки над раковиной. Каждый день одно и то же! Фрэнк и его чертова яичница с беконом. Сколько раз она просила его

ополаскивать грязную тарелку сразу, как поест! Вроде не бином Ньютона. Полсекунды подержать тарелку под горячей водой – и все. А он? Хорошо еще, если догадается в раковину поставить! К тому времени как у Делии доходят руки до мытья посуды, остатки яичницы твердеют, присыхают, желтеют – и оттирать их приходится до бесконечности. Вот завтра поставит перед Фрэнком грязную тарелку – может, хоть тогда до него дойдет!

Хотя, скорее всего, он просто не заметит.

Делия покачала головой; губы сжались в тонкую линию.

С тех пор как пропала Мэрибел, Фрэнк почти с ней не разговаривал. Ведет себя так, словно она во всем виновата. Виновата, что Мэрибел ушла из дома. Что не берегла себя. Что...

Делия с силой ударила тарелку о край раковины, и тарелка раскололась. Делия подобрала один из осколков – почти правильный треугольник – и несколько секунд тупо на него смотрела.

Заметив, наконец, что из глубокой царапины на ладони сочится кровь и смешивается с мыльной водой, Делия отбросила осколок и наскоро обмотала руку полотенцем, которое немедленно окрасилось красным. Ладонь щипало от боли, но на это она не обращала внимания. В последние недели боль стала для нее желанной гостьей. Она помогала прогнать пустоту.

Раздался стук в дверь, и Делия поспешила открыть. На коврике у порога стояла с мрачной физиономией детектив Лайонс, а с ней – какая-то незнакомая женщина. Тоже из полиции? Узнав, что исчезновение дочери расследует женщина, Делия была немало обескуражена. Нет, конечно, женщины ничем не хуже мужчин, заслуживают равенства и все такое – но все-таки биологию никто не отменял! Мужчины всегда были охотниками, а женщины – собирательницами. И лучше б ее дочь искал охотник.

А теперь еще одна женщина – час от часу не легче!

– Детектив Лайонс? Не ожидала вас.

В этих словах – точнее в тоне – ясно прозвучало: «Я знаю, что вы не принимаете исчезновение моей дочери всерьез». Полиция задавала Делии и Фрэнку множество вопросов, причем в основном о том, часто ли Мэрибел ссорилась с родителями и могла ли уехать из города, не предупредив их. Нет! Не могла девочка просто так исчезнуть! Сколько раз повторять?!

– Узнали что-то о Мэрибел? – спросила она после секундного молчания. Не могла не спросить. Даже спустя полтора месяца, после всех ложных надежд и мучительных разочарований, она все еще осмеливалась верить.

Две недели назад позвонил двоюродный брат: мол, видел Мэрибел в Нью-Йорке. Работает на кассе в супермаркете по соседству. Очень похожа, одно лицо! Делия даже не попросила его ни проверить, ни прислать фото – просто купила билеты на самолет и уже готова была лететь, когда брат позвонил снова, с извинениями. Он обознался. Так падал свет.

Сдать билеты она не смогла. Не хватило духу. Фрэнк наверняка был в ярости от такой бессмысленной траты денег, но не сказал ни слова.

– Нет, – ответила Лайонс. – Пока нет. Мне очень жаль. Миссис Хоу, это Зои Бентли из ФБР.

Делия удивленно заморгала и перевела взгляд на Бентли. Из ФБР? Совсем непохожа. Такая маленькая, худенькая, с девичьим румянцем. Шейка тоненькая – того гляди переломится. Только глаза...

Делия вдруг поймала себя на том, что, не отрываясь, смотрит незнакомке в глаза, и поспешно отвела взгляд. Сердце отчаянно колотилось. Что здесь делает агент ФБР? Это как-то связано с Мэрибел?

– Миссис Хоу, можно нам войти и... Что с вами? У вас кровь!

На мгновение Делия опустила взгляд на блузку, словно ожидала, что сосущая пустота в груди наконец прорвалась и обернулась кровавой раной. Но нет, полицейская указывала на ее замотанную руку.

– Всё в порядке, – ответила она, отступая от двери. – Я мыла посуду, разбила тарелку и порезалась.

– Позвольте мне взглянуть, – сказала женщина из ФБР и, не успев Делия опомниться, взяла ее за руку и размотала полотенце. Порез был длинный и глубокий; несколько мгновений Делия тупо смотрела на него, потом сообразила, что чуть выше, на запястье, агент ФБР может заметить ожоги, и вырвала руку.

– Ничего страшного, – увидела она ожоги или нет? – Вы пришли из-за Мэрибел?

– Да, – ответила Бентли. – Хотела задать вам несколько вопросов.

Лайонс захлопнула за собой дверь и прошла мимо хозяйки в гостиную. Делия последовала за ней, в собственном доме чувствуя себя посторонней. Упрямо решила, что не станет предлагать незванным гостям чаю. Лайонс села в кресло, а Бентли – на кушетку, и Делии оставалось присесть рядом, хоть от такой близости с федеральным агентом ей сделалось совсем неуютно.

– Что вы хотите узнать? – спросила она.

– Ваша дочь много времени проводила вне дома?

– Иногда куда-то выходила, конечно, – настороженно ответила Делия. – Ну и что? Она не какая-то потаскушка, если вы это имеете в виду!

– Я ничего не имею в виду, миссис Хоу. Она выходила куда-то с друзьями? По вечерам?

– Ну... да, наверное. Она ведь здесь больше не живет. У нее свой дом.

– Почему?

– Потому что она страшно упрямая! Сколько раз я просила ее вернуться... Вообще не хотела ее отпускать.

– А почему она решила жить одна?

– Мы постоянно ссорились. Она говорила, что мы... что я ее с ума сожму. А я просто за нее беспокоилась!

Начав об этом думать, Делия, как обычно в последнее время, уже не могла остановиться. Они с Мэрибел ругались каждый день. Из-за всего. Как Мэрибел одевается, с кем общается, какие у нее друзья, посиделки за полночь непонятно с кем... Даже из-за еды часто ссорились. И что такого Делия ей говорила? Ровно ничего особенного: «Притормози, не бери добавку, тебе надо следить за фигурой». А Мэрибел каждый раз как с цепи срывалась. Или, скажем, когда упоминала дочку Джеки – мол, милая девушка, и такая худенькая (видит бог, без всяких задних мыслей!), а Мэрибел тут же вскидывалась: «Хочешь сказать, что у тебя жирная дочь?» Если б только она не обижалась на все подряд, если б не принимала любое слово на свой счет...

– ...на улице, или о каких-то недавних знакомых? – продолжала спрашивать Бентли.

– Что, простите?

– Не упоминала ли Мэрибел о каких-нибудь незнакомцах, которые обращали на нее внимание на улице, или о каких-то недавних знакомых?

– Нет. Да и с чего бы?

– Где ваша дочь чаще всего бывала?

– На работе. Она работала в супермаркете возле дома.

Бентли все продолжала задавать вопросы – бесконечные вопросы без ответов; и где-то в середине беседы Делия начала ощущать, что эта незнакомка ее осуждает. И сорвалась.

– Чего вы от меня хотите? Не знаю я, ничего не знаю о Мэрибел! Едва ей исполнилось восемнадцать, она просто ушла, «до свиданья» не сказала! С тех пор мы только ссорились. Каждый разговор заканчивался руганью. Это вы хотите услышать? Да, мы ругались. Она никогда меня не слушала! Я ее мать – а она никогда меня не слушала! Как она не понимает? Я ведь не обидеть ее хочу – помочь! Кто же ребенку правду скажет, если не мать? Если найдете ее, пожалуйста, передайте: я просто хотела ей помочь!

Голос ее задрожал, глаза заволоклись слезами. В мыслях промелькнула кухонная плита и зажженная горелка на ней. Взгляд Делии метнулся к кухонной двери, потом снова к Бентли... и в этот миг она поняла: эта женщина знает. Непонятно, откуда и как, но знает. И про плиту, и про ожоги. Видно по глазам.

– Благодарю вас, миссис Хоу. – Голос Бентли смягчился. Она встала и протянула свою визитную карточку. – Если захотите рассказать еще что-то о вашей дочери, позвоните мне.

Наконец они ушли. Делия заперла дверь, пошла на кухню, включила газ. Посмотрела немного на пляшущие голубые язычки пламени – и поднесла запястье к огню. Секунды на две, может, даже меньше. Пустота и чувство вины на время скрылись под благословенным покровом боли.

Глава 26

Зои сидела на кровати в мотеле, с ноутбуком на коленях, подсунув под спину комковатую подушку.

Последнюю пару часов она пыталась разобраться в теориях Шредингера: прочла несколько статей, даже просмотрела онлайн-лекцию. Основы были вроде бы ясны, но, углубляясь в детали, она понимала только, что ничего не понимает.

Ее охватил иррациональный гнев против всех физиков на свете – а в следующий миг громко заурчало в желудке. Так вот в чем дело! Она проголодалась! «Голодная ярость» – так называет это настроение Андреа.

Однако мысль о том, чтобы снова, как вчера, заказать в номер маслянистую китайскую еду и съесть ее в одиночестве, угнетала. Хорошо бы куда-нибудь выбраться. И лучше не одной.

Очевидного спутника можно найти в соседнем номере. Только он все еще дуется.

Если честно, это ее беспокоило. Обычно с Тейтумом ладить легко. Конечно, у них случались разногласия, порой он ее бесил, однако Зои не припоминала ни одного случая, когда бы он по-настоящему на нее разозлился.

Пора с ним поговорить. Она не совсем понимала, что именно так его взбесило, но на всякий случай заготовила обтекаемое извинение за вчерашний вечер. Надо заплатить за ужин и тем загладить свою вину. Не так уж часто она вообще извиняется – должен понять, что дело нешуточное и ей действительно жаль!

Порывшись в чемодане, Зои извлекла оттуда белую футболку и обрезанные джинсы. Надела, взглянула на себя в зеркало. Распустила волосы – они свободно упали на плечи. Единственное, что можно сказать хорошего о сухой и жаркой погоде: она идет на пользу волосам. Обычно Зои приходилось бороться со спутанными кудрями, узлами, колтунами, и волосы вечно выглядели растрепанными – а здесь лежат ровно и гладко, словно в рекламе шампуня. Она улыбнулась своему отражению. Неплохо!

Подхватив сумочку и ключи, Зои вышла из номера и остановилась у двери Тейтума. Постучала. Подождала, чувствуя, как урчит в желудке. Постучала еще раз.

Тейтум открыл дверь. На нем были шорты и синяя футболка, вид усталый и расстроенный. Увидев, как нарядилась Зои, он удивленно раскрыл глаза, но тут же нахмурился и плотно сжал губы.

– Привет! – поздоровалась Бентли, стараясь, чтобы голос звучал бодро и естественно.

– А я как раз собирался тебе позвонить, – сказал Тейтум.

– Правда? – радостно переспросила она.

– Читал незакрытое дело об убийстве восьмимесячной давности, которое может быть связано с нашим случаем. Тело двадцатидвухлетней проститутки по имени Лаверн Уитфилд было найдено зарытым в землю в нескольких милях к северу от Сан-Анджело. Руки связаны проводом, убита несколькими ударами ножа в грудь.

– Как нашли тело?

– Его вырыли дикие звери.

– Есть подозреваемые?

– Один. Ее бывший сутенер, по имени Альфонс... – Тейтум нахмурился. – Альфонс как-то там. Материалы я тебе пришлю, сама посмотришь все подробности. Выглядело обвинение вполне солидно, но, когда ушло в суд, защита сумела его развалить. Главный свидетель на суде не появился, время смерти оказалось установлено неверно, главному обвиняемому при аресте не зачитали толком его права. Много вещественных доказательств суд отклонил. В результате обвиняемого оправдали.

– Ты думаешь, это имеет отношение к нашему делу? – спросила Зои.

Тейтум пожал плечами.

– Ее закопали в землю. Но, очевидно, для того, чтобы спрятать тело. Наш нынешний убийца – совсем другой случай. И смерть от ножа – тоже не его почерк.

– А раз ее выкопали дикие звери, значит, тело было зарыто неглубоко.

– Верно. Вряд ли это тот же парень. Однако совсем исключать такую возможность не стоит.

Зои кивнула.

– Я хотела поговорить с тобой о другом. О вчерашнем вечере.

Тейтум с бесстрастным лицом ждал продолжения.

– Послушай, мне правда очень жаль, что мои слова тебя обидели. Наверное, пытаюсь помочь, я повела себя чересчур прямолинейно... – Она ожидала, что при этих словах лицо Тейтума смягчится – но оно оставалось таким же жестким, напряженным, словно все из углов и ломаных линий. – Случай в Лос-Анджелесе произошел много лет назад, и неудивительно, что ты не хочешь об этом говорить.

Тейтум, кажется, еще крепче сжал челюсти – хотя куда уж крепче... Может, пропустил начало, когда она извинялась?

– В любом случае я прошу прощения. А теперь хочу сходить куда-нибудь поесть. Давай со мной! Я угощаю.

– Значит, тебе жаль, что твои слова меня обидели, – сухо повторил он.

Все-таки до него дошло!

– Ну да.

– И теперь понимаешь, что, возможно, выражалась слишком прямолинейно.

Вся эта история с извинениями пошла куда-то не туда, и Зои чувствовала, что начинает злиться.

– Послушай, мне правда очень жаль! – Это уже третий раз. – Так пойдешь со мной или нет? Здесь есть одно место...

– Я не голоден. Спокойной ночи. – Тейтум захлопнул дверь.

Зои застыла, устремив ошеломленный взгляд в закрытую дверь и борясь с желанием пнуть ее ногой. Затем развернулась и решительно зашагала прочь, навстречу одинокому ужину.

Глава 27

Гарри Барри сидел в холле мотеля и готов был уже бросить свой наблюдательный пост, когда увидел, как мимо проносится и почти бегом вылетает на улицу Зои Бентли. Он даже не сразу ее узнал, так непривычно она выглядела в обрезанных джинсах до колен и футболке, вместо брючных костюмов, которые носила в Чикаго. Впрочем, ошибки быть не могло. Эти глаза ни с чем не спутаешь.

Он вскочил с мягкого диванчика и поспешил за ней.

– Доктор Бентли!

Она обернулась, рассеянно глядя на него.

– Какая удача, что я вас встретил! – с самым невинным видом воскликнул Гарри.

Зои взглянула прямо на него, и он остановился: ему вдруг стало не по себе. В детстве Барри порой боялся, что некоторые люди умеют читать мысли и способны заглянуть в самые темные закоулки души. И сейчас – под взглядом пронзительных глаз – его охватило почти такое же ощущение.

– Вы! – почти прошипела Зои. – Что вы здесь делаете?

– Ничего особенного, приехал по работе, – откликнулся он. – Остановился в этом мотеле. А вы?

Теперь, когда начал проходить первоначальный шок от встречи с ней взглядами, Гарри не мог не признать, что перед ним довольно привлекательная девушка. Густая копна черных волос, нежная светлая кожа, тонкая шея... настоящая Белоснежка! И все же красивой – по крайней мере милой – ее не назовешь: все дело в крючковатом носе и еще более в странных глазах. Не красивая... пожалуй, завораживающая! Он сделал себе мысленную пометку: подобрать для интервью подходящее определение. Завораживающая, впечатляющая, словно не от мира сего, есть в ней что-то волшебное... Нет, волшебное – это уж слишком!

– Я здесь... – она поколебалась, – по личному делу.

– Личное дело в Сан-Анджело, неужели? У агента Тейтума Грея, видимо, здесь тоже личное дело?

Несколько секунд Зои сверлила его свирепым взглядом.

– Мне нечего вам сказать, – отрезала она наконец и зашагала прочь.

Гарри поспешил следом.

– Многого я не прошу! – выкрикнул он на бегу, почти сразу ощутив, что задыхается. Черт, как эта женщина быстро ходит! – Только один комментарий для статьи в завтрашний номер. Я думаю о таком заголовке: «Эксперт по серийным убийцам консультирует полицию Сан-Анджело в связи с подозрительной смертью молодой девушки»...

Ему пришлось остановиться, чтобы отдышаться: легкие просто горели. Давненько он не передвигался с такой скоростью!

– Начну с создания атмосферы... – Бентли стремительно удалялась, и Гарри вновь бросился за ней в погоню, глотая воздух между словами. – Доктор Бентли, победительница Гробовщика-Душителя и печально известного Джована Стоукса, недавно прилетела в Сан-Анджело вместе со своим напарником, агентом Тейтумом Греем. Хотя ее присутствие никак не комментируется, вполне возможно, что оно связано со смертью девятнадцатилетней Николь Медина...

Зои замедлила шаг, потом остановилась. Гарри тоже остановился, тяжело дыша. Чувствовал он себя так, словно вот-вот словит сердечный приступ.

– Тело... которой... было найдено... недалеко от города, – выдавил он из последних сил. Чертовы сигареты! Пора завязывать с курением. – После сообщения... об исчезновении...

– Хватит! – Бентли развернулась и шагнула к нему с таким видом, словно готова была удушить. – Ничего подобного вы не напечатаете! Все это провокация и дезинформация!

– Дезинформация? – оскорбленно переспросил Гарри. – Разве вы сейчас не в Сан-Анджело вместе с агентом Греем? Разве Николь Медина не найдена мертвой? В сегодняшних новостях был репортаж... А, понимаю! Вам не нравится термин «эксперт по серийным убийцам». Тогда как мне лучше написать? Известный профайлер?

– Мистер Барри, если вы опубликуете вашу статью, последствия будут... будут...
– Она беспомощно развела руками.

– Доктор Бентли, я не понимаю языка жестов. Попробуйте объяснить словами.
– Сердце постепенно замедляло свой бег, однако Гарри обливался потом. В самом деле, пора бросать курить! – Какие последствия?

– Прошу вас, подождите один день, прежде чем что-то публиковать! – Зои не слишком хорошо умела просить: ее мольба больше походила на приказ.

– Чтобы все местные газеты рассказали эту историю раньше меня? Ну нет, доктор! Так что же, дадите комментарий, или придется мне обойтись без него?

Зои молчала и свирепо смотрела на него. Он постарался встретить ее взгляд спокойно и холодно... впрочем, это было все равно, что играть в гляделки с Медузой Горгоной. Гарри отвел глаза первым.

– Хорошо, у меня есть для вас история, – сказала она наконец. – Но если сейчас вы опубликуете статью со ссылками на меня и перечнем моих так называемых достижений, то никогда не услышите от меня ни слова!

Он пожал плечами.

– Похоже, я и так ничего от вас не услышу.

– Я все расскажу вам первому. Обещаю.

– А если другие издания первыми докопаются до истины?

– Вы собираетесь писать не об убитой девушке в Сан-Анджело. Читателям в Чикаго на нее плевать. Вас интересует я. Мое участие в этом деле.

– Вы читаете меня, как открытую книгу! – с ухмылкой сообщил Гарри.

– Тогда подождите со статьей. Через день или два я сама с вами свяжусь.

Он кивнул.

– Хорошо, буду ждать звонка. Только не слишком долго.

Зои испустила глубокий вздох.

– Спокойной ночи.

– Вы ужинали? Может, перекусим вместе?

– Скорее я соглашусь поужинать с гремучей змеей, Гарри Барри!

Она пошла прочь, а Гарри с довольной улыбкой смотрел ей вслед. Затем пошарил в кармане, достал смятую пачку сигарет, прикурил и, зажмурившись, с наслаждением вдохнул табачный дым. Бросить курить? Черта с два! Нет ничего лучше сигареты после того, как закончишь по-настоящему хорошую статью!

Глава 28

Он просматривал сайты местных новостей, а вместо фоновой музыки слушал женские крики. Девушка умоляла, чтобы кто-нибудь, хоть кто-нибудь пришел и спас ее. Несколько секунд он вслушивался, сравнивая ее с Николь Медина, но какая кричит лучше, пока не понял.

Поэтому вновь обратился к новостным сайтам.

Резонно было надеяться, что сейчас уже уловят связь, поймут, что девушка, найденная мертвой, – та самая, видео с которой он выложил в Интернет. Но во всех статьях упоминались лишь голые факты. Имя и возраст убитой жертвы. Фотография – селфи из «Инстаграма», опубликованное две недели назад. Заявление полиции о том, что ведется расследование. Никаких упоминаний серийного убийцы. Или видео. Или Шредингера. Статья за статьей – сухие, бледные, ни о чем.

Его вдруг охватила ярость. Фантастические слепцы! Он же оставил такой след – разве что в темноте не светится! Или надо всучить им информацию силой?

Он нажал ссылку «Контакты» на сайте «Новости Сан-Анджело» и начал яростно печатать. Неужели, писал он, так трудно заметить связь между убитой девушкой и видео? Скопировал ссылку. Подчеркнул название видео – «Эксперимент номер один» – и подтвердил, что будут и следующие. Полиция против него бессильна, и ФБР тоже. Ждите новых жертв! Никто не в безопасности – он способен добраться до кого угодно! Да, будут новые и новые, десятки новых жертв!

Курсор завис над кнопкой «Отослать»...

Убийца еще раз перечитал свое послание. Пришлось пролистывать – оно оказалось чертовски длинным. Почти половина слов большими буквами, словно писал какой-то псих. Не меньше тринадцати орфографических ошибок. И дикое количество восклицательных знаков. «ДЕСЯТКИ новых ЖЕРТВ!!!!!!» Шесть восклицательных знаков, сплошные заглавные буквы. В самом деле, словно маньяк какой-то пишет!

Такое впечатление производить на публику нельзя, ни в коем случае.

Он встал со стула и прошелся по подвалу, несколько раз глубоко вздохнул. Весь дальний конец подвала занимали ящики одинакового размера, поставленные один на другой, от пола до потолка – и в стенке каждого просверлена дыра. Каждый ящик – для одной-единственной цели. Для одного эксперимента. Даже сейчас, глядя на них, убийца улыбнулся и ощутил, что успокаивается.

Рядом – контейнеры, полные земли. Хватит на пять экспериментов. Он был осторожен и брал образцы почвы в разных местах. Надо именно так: все готовить заранее, подчищать концы. Ничего не оставлять на волю случая.

Нет, он будет придерживаться изначального плана. Что с того, что местные журналисты туповаты? Скоро, очень скоро они уже просто не смогут закрывать глаза на реальность! О нем узнают все. И все будут гадать, кто станет следующей жертвой.

Потому что эта девушка не только заставит людей его заметить; она даст понять, что одной или двумя дело не ограничится.

Крики эхом отдавались в бетонных стенах. Теперь девушка принялась звать маму.

И так пришла новая идея.

Вообще-то стоило сообразить гораздо раньше. В наше время никто не думает о том, что происходит прямо сейчас; всех интересует только будущее.

С настоящим интересом люди обсуждают именно грядущие события. Например, фильм, который еще не вышел на экраны. Тизеры, трейлеры, интервью с режиссером и с актерами, фото со съемочной площадки, какие-то намеки на сюжет... Разговоры, бесконечные разговоры о том, что же там будет! Но вот фильм вышел – что говорят люди? «Ну... ничего так». И начинают ждать следующего.

Тизеры, трейлеры. Напряженное ожидание. Хайп. Создать хайп важнее, чем сделать само дело. Именно хайп ставит тебя в центр внимания.

Кто бы мог подумать, что в наши дни даже серийным убийцам требуется грамотный маркетинг?

Выходя из подвала, убийца широко улыбался. Новая идея крутилась в мозгу и обретала все более реальные очертания.

Зои сидела у барной стойки, сжатые в кулаки руки лежали на коленях. Вечер начался хуже некуда, а продолжился еще отвратительнее. Сначала Тейтум со своей дурацкой обидой, потом бесстыжий репортер из Чикаго заставил согласиться на интервью... Черт!

Как он вообще ее нашел? Прилетел за ней в Сан-Анджело – значит, у него надежные источники. Кто-то из ОПА. Надо будет поговорить с Манкузо, предупредить, что человек из отдела сливает инфу прессе.

– Пожалуйста, мисс! – Официантка поставила перед Зои три тарелки. На первой – огромный стейк, прямо со сковородки, на вид сочный, и с ним крохотная веточка брокколи, о которой словно вспомнили в последний момент. На других двух тарелках гарниры: салат из свежих овощей и печеный картофель со щедрой порцией сметаны, посыпанный сверху зеленым луком.

Что ж, по крайней мере еда сегодня не разочарует. Выглядит очень аппетитно!

Зои отрезала кусочек стейка – как она и надеялась, внутри он оказался розовым. Положила в рот, прикрыла глаза.

Что ж, быть может, жить все-таки стоит.

Она тщательно прожевала кусок, наслаждаясь нежностью и сочностью мяса, затем подцепила вилкой картофельный ломтик, обмакнула в сметану, подцепила вилкой перышко зеленого лука. Отправила в рот все целиком. Здесь она немного не рассчитала – картошка была слишком горячей и обожгла язык. Но все равно очень-очень вкусно!

– У вас все хорошо? – вежливо поинтересовалась официантка, ставя перед ней запотевший стакан.

– Угу-м-м! – ответила Зои с набитым ртом и отрезала еще кусочек стейка.

В голове снова всплыли события сегодняшнего вечера. Гарри Барри – бесовестный сукин сын, но надо отдать ему должное: любит свое дело. А люди, преданные работе, вызвали у Зои уважение. Что же до Тейтума – да, ведет себя как идиот, но от этого не перестал быть хорошим человеком. Жаль, что его сейчас с ней нет. Таким угощением лучше наслаждаться в компании.

Укол вины и страха пронзил ее, когда она сообразила, что, увлеченная расследованием, с утра – почти целый день! – не проверяла, как там Андреа.

Зои схватилась за телефон. «У тебя все хорошо?» – напечатала она.

Ответное сообщение пришло через несколько секунд: «Да. Хватит меня доставать, я ужинаю».

Вздыхнув с облегчением, Зои сфотографировала свою тарелку и послала Андреа с подписью: «Я тоже». Почти сразу пришел ответ: «Думаешь, у тебя вкусный ужин? Смотри, что ты пропустила!» – и фотография довольно жалкой на вид китайской лапши. Зои фыркнула и отправила в ответ эмодзи «смех сквозь слезы».

Она съела уже половину стейка, когда рядом снова возникла официантка с бутылкой вина.

– Вон тот парень хочет вас угостить, – поведала она, кивнув на дальний конец барной стойки, и поставила перед Зои полный бокал.

– Э-э... – начала Зои. – Я не...

– Вино действительно хорошее, – заговорщически подняв бровь, сообщила официантка.

Уже очень давно никто не пробовал подцепить ее в баре! Зои невольно улыбнулась.

– Хорошо, спасибо.

Понюхала вино, затем попробовала. В самом деле, недурно! Взглянув на того, кто прислал ей угощение, сперва заметила кудрявые волосы и густую рыжеватую бороду. Мужчина был в голубой клетчатой рубашке, однако на нем, в отличие от большинства мужчин, «костюм лесоруба» смотрелся отлично. Он в самом деле походил на лесоруба: крупный, устойчивый и надежный на вид. Маленькая татуировка на шее – кажется, инициалы, хотя с такого расстояния трудно разглядеть. Поймав ее взгляд, незнакомец поднял кружку с пивом, как бы произнося тост, и Зои в ответ подняла свой бокал.

Он, похоже, решил, что это приглашение. Так ли это – Зои и сама как следует не понимала. Мужчина встал – ростом он оказался выше большинства посетителей, – подошел к ней и взгромоздился на соседний свободный табурет.

– Люблю девчонок, которые не стесняются есть с аппетитом! – Он улыбнулся.

– Вряд ли я «девчонка». Мне тридцать три. – Она поставила бокал. – Спасибо за вино.

– Я Джозеф.

Зои протянула руку.

– Зои.

На миг она напряглась – ей показалось, что он собирается поцеловать руку, – но Джозеф просто крепко ее пожал.

– Вы не из наших мест... Из Бостона?

Она изумленно заморгала.

– У меня такой заметный акцент?

Он рассмеялся.

– Я несколько лет прожил в Бостоне и теперь тамошний выговор везде узнаю. Когда вы сказали «тридцать три»... – Лукаво улыбнувшись, Джозеф повторил эти слова с четким и жестким выговором бостонца.

Зои улыбнулась в ответ.

– Родом оттуда, но больше там не живу. – И глотнула еще вина, словно надеясь смыть внезапную тоску по дому.

– Переехали в Сан-Анджело?

– Нет, я здесь по работе.

– И кем работаете?

Неприятный вопрос. На словах «криминальный психолог» лежит проклятие: услышав их, люди либо начинают нервничать, либо преисполняются жгучего любопытства, либо и то, и другое сразу. Стоит назвать свою профессию – и Джозеф или потрясенно умолкнет, или им суждено беседовать об убийствах и изнасилованиях.

Так что Зои медлила, тщательно прожевывая очередной кусок стейка. Обе перспективы не слишком радовали. Ей нравился вечер, нравилось (по крайней мере, пока) общество Джозефа, и совсем не хотелось портить себе отдых серийными убийцами.

– Я консультант.

– В какой области? – поинтересовался он, отхлебнув пива.

– Ну... в основном по вопросам человеческого поведения. Прилетела только вчера. Пробуду здесь еще несколько дней. А вы?

– Живу здесь. Родился и вырос в «святом ангеле».

Не сразу она поняла, что так он шутливо переименовывает название города, – а когда поняла, улыбнулась и положила в рот еще одну картофельную дольку.

– Я электрик, занимаюсь ремонтом кондиционеров. В наших краях это популярная профессия. На случай если вы не заметили: здесь иногда бывает жарковато!

Зои покатила со смеху и немедленно закашлялась – картошка попала не в то горло. Джозеф взглянул на нее с тревогой и быстро протянул стакан воды. Все еще кашляя, со слезами на глазах, Зои взяла стакан, отпила немного, и ей наконец удалось восстановить дыхание.

– С вами все хорошо?

– Ага. – Она глубоко вдохнула и выпила одним махом полстакана. – Вы просто застали меня врасплох.

– Извините. Когда вы жуете, постараюсь быть серьезнее.

– И чем же вы занимались в Бостоне, раз ремонт кондиционеров так востребован здесь?

– Обычная история: поехал к девушке. Попробовал завести бизнес – продажу креплений для светильников. Пару лет держался на плаву, потом увидел, что не справляюсь. – Он поднял подставку под пивную кружку и принялся отщипывать от нее бумажные клочки. – И с девушкой мы разошлись. Так что вернулся домой. Теперь, оглядываясь назад, даже не понимаю, зачем вообще уезжал.

Зои отрезала и медленно прожевала еще кусочек стейка. Есть уже не хотелось, но мясо было такое вкусное...

– А что значит Г.Р.? – Она кивнула на инициалы у него на шее.

Джозеф коснулся татуировки.

– Генриетта Росс. Так звали девушку из Бостона. Глупо, да? Когда влюблен, иной раз такие глупости творишь! Теперь ее имя со мной до самой смерти, и каждый новый знакомый обязательно спрашивает, кто это. – Он мрачно уставился на ошипанную подставку для кружки.

Будь здесь Андреа, подумала Зои, она непременно ответила бы какой-нибудь шуткой и развеселила его. Но что сказать? «Отвечайте им, что это Государственный Реестр»? Более тупой остроты и придумать нельзя.

Разумеется, удачная шутка придет ей в голову. Попозже. Дня через три, в постели перед сном.

– Не особенная и глупость, – ответила она наконец, чувствуя себя полной душой. – По-моему, это трогательно: когда любишь кого-то и хочешь, чтобы память о нем осталась с тобой навсегда...

Джозеф удивленно моргнул.

– Спасибо, Зои. Не часто мне говорят такое.

Может, юмор и вправду слишком переоценивают?

Наступило молчание – не уютное молчание собеседников, хорошо знающих друг друга, а напряженное, наэлектризованное, почти физически ощутимое. Как будто в разговоре они перекидывали друг другу мяч, а теперь кто-то из них замешкался и мяч уронил.

– Кто для вас самые главные люди? – в конце концов спросил Джозеф.

Неожиданный вопрос, не связанный с предыдущим разговором, однако Зои понимала, что он значит: Джозеф пытается вернуть беседу в нормальное русло.

– Сестра. Она живет со мной.

– Правда? И не сложно жить с сестрой?

– Ей, может, и сложно, – легко ответила Зои. – Мне же нравится, когда она рядом.

– А родители?

– Папа умер несколько лет назад. А с мамой мы не слишком ладим. – Мать Зои, с ее жадой контролировать детей, вечными скандалами и обидами, всегда была тяжелым человеком, а в последние годы сделалась просто невыносимой. – Теперь ваша очередь.

– Братьев или сестер у меня нет. Папа несколько лет назад уехал из Техаса, так что остались мы вдвоем с мамой. Но мы с ней очень близки.

– Должно быть, она была счастлива, когда вы вернулись из Бостона.

– Просто на седьмом небе. Она вообще не понимала, зачем мне понадобилось уезжать.

Они немного поговорили о Бостоне, потом разговор свернул на другое. Болтали о том и о сем; вел беседу Джозеф, а Зои с удовольствием занимала пассажирское сиденье. Он поведал о своем хобби: восстанавливать старинную мебель, и Зои очень постаралась проявить должный восторг от рассказа о ремонте антикварного шкафа. Ее собственный опыт в этой области ограничивался сборкой трех стульев из ИКЕА – о чем она предпочла умолчать. Потом стали сравнивать любимые фильмы. Джозеф заказал бокал вина и себе. Через некоторое время Зои обратила внимание, что чувствует себя с ним свободнее – уже не думает каждую секунду, что сказать. Давно она так не сидела с кем-то, с удовольствием болтая о пустяках!

Официантка уже унесла пустые тарелки, и закончились последние капли вина, когда Джозеф спросил:

– Какие планы на остаток вечера?

Тут Зои напряглась. Почти полночь. Джозеф симпатичный, общаться с ним было приятно, но продолжения она определенно не хочет. Слишком мало о нем знает – в сущности, только то, что он очень крупный, сильный и обаятельный. Обаятельные мужчины... Тед Банди, Чарльз Мэнсон, Ричард Рамирес, Род Гловер – все они обаяшки. Список можно продолжать до бесконечности. Для человека, который день за днем занимается психопатами, обаяние – всего лишь опасный камуфляж.

– Думаю, мне лучше поспать. Завтра у меня важный день.

– Консультировать будешь?

– Точно. – Она постаралась улыбнуться.

– Сможешь добраться до дома? – спросил Джозеф, показав глазами на ее пустой бокал.

Ни к чему ему знать, что она остановилась совсем рядом.

– Возьму такси.

Он выудил из бумажника визитную карточку.

– Если захочешь приятно провести вечер, скажем, завтра – звони.

Она поблагодарила. Он улыбнулся в последний раз – кажется, немного растерянно – и ушел.

– Можно мне счет? – попросила Зои.

– Ваш собеседник за все заплатил, пока вы были в туалете, – ответила официантка. – Настоящий джентльмен!

– Да, настоящий джентльмен, – откликнулась Зои.

Глава 30

Сан-Анджело, Техас, четверг, 8 сентября 2016 года

Делия сортировала чистое белье – раскладывала по парам носки. Фрэнк носил только черные и серые, так что ей приходилось сравнивать их по длине и по материалу. Порой она не заморачивалась и складывала короткие носки с длинными, шерстяные с хлопчатобумажными, но тогда приходилось долго выслушивать недовольное ворчание, так что сейчас Делия старалась все сделать как полагается. Ради всего святого, где же пара от этого носка?

Зазвонил телефон – и она, едва не подпрыгнув на месте, закрутила головой туда-сюда, словно зверь, почуявший охотника. Дело не только в том, что звонок застал ее врасплох. Этот телефон вообще не звонил. Почти никогда. И Делия, и Фрэнк пользовались только мобильниками. В сущности, городской телефон они не отключали лишь потому, что по нему привыкла звонить Герта, мать Фрэнка. Пожилой человек, память уже не очень – ей сложно было выучить новый номер. Как у президента есть красный телефон для разговоров с Россией, так и у Фрэнка и Делии – бежевый городской аппарат для разговоров с Гертой.

Вот только Герты уже семь месяцев как нет в живых.

Делия потеряла обожженную руку: физическая боль отвлекала. Должно быть, ошиблись номером, сказала она себе. Или это соцопрос, или продавники с очередным предложением, от которого невозможно отказаться. Так или иначе, трубку брать не стоит – ничего интересного она не услышит.

Однако телефон звонил и звонил. Пронзительно трезвонил, бил по нервам. У этих старорежимных аппаратов такой пронзительный звонок, чтобы даже из погреба или со двора нельзя было его не услышать.

Не в силах больше терпеть трезвон, Делия подошла и сняла трубку.

– Алло! – проговорила она сердито. Кто бы там ни был на другом конце провода, пусть сразу поймет, что тратить на него время она не собирается!

В ответ – молчание. Лишь какой-то тихий звук, вроде затрудненного дыхания.

Нет, не дыхание. На том конце кто-то плачет.

– Алло! – повторила Делия – и теперь в ее голосе звучал страх. А потом, едва слышно: – Мэрибел?

Еще секунду она слышала только рыдания. А потом с другого конца провода донесся голос, дрожащий, полный невыразимого ужаса:

– Мамочка!

– Мэрибел? Где ты? Что с тобой? Алло! – После каждого вопроса она останавливалась и ждала – но Мэрибел только рыдала, не в силах отвечать. – Мэрибел!

– Мамочка!

– Где ты? Просто скажи, где ты! Я за тобой приеду!

– Забери меня отсюда! – отчаянно выкрикнула Мэрибел. – Пожалуйста!

– Откуда? Где ты?

В ответ – короткие гудки.

Секунду Делия ошеломленно смотрела на телефонную трубку. Затем бросила ее на стол, схватила мобильник и набрала номер детектива Лайонс.

На утреннее совещание Тейтум чуть опоздал и получил от Дженсена укоризненный взгляд, однако проигнорировал его с легкостью, порожденной долгими годами тренировок.

– Отлично! – Дженсен хлопнул в ладоши. – А где Лайонс? Пора начинать.

– Должно быть, сейчас подойдет, – ответил Фостер.

– Что ж, мы ее ждать не станем. Детектив Фостер! Расскажите, как продвигается расследование.

Фостер зашелестел страницами блокнота.

– Мы опросили друзей Медина, бывших с ней в ночь исчезновения. Основываясь на их показаниях и на данных инфракрасных камер, можно с уверенностью сказать, что она вышла из машины возле своего дома в час пятнадцать минут. Соседи в это время уже спали. В шесть тридцать мать Медина проснулась, обнаружила, что дочь не вернулась домой, обзвонила всех, кого только можно, и в семь тридцать пять сообщила об исчезновении в полицию. Сейчас мы опрашиваем тех, кто был на вечеринке, и некоторых знакомых Николь, но пока что ничего примечательного не выяснили.

– Хорошо, – снова хлопнул в ладоши Дженсен. – Тогда...

– Лайонс просматривает записи с дорожных камер, – продолжал Фостер. – За машиной, в которой ехала Николь, двигались три автомобиля. Два из них принадлежат молодым людям, возвращавшимся с той же вечеринки. Третий – грузовик, за рулем некий Уайатт Тиллер, сорока семи лет. Мы его проверяем; похоже, это не тот, кто нам нужен.

Фостер перелистнул страницу.

– Несколько друзей Николь Медина возвели небольшой мемориал в ее память на улице, неподалеку от ее дома. Не особо примечательный – репортеры не уцепятся.

– Сможете проследить, кто приходит к мемориалу? – спросил Тейтум.

Фостер немного подумал.

– Постового там выставить мы не сможем, а вот установить небольшую камеру наблюдения – вполне.

– А что насчет места преступления? – спросила у Фостера Зои. – В ультрафиолетовых лучах что-нибудь нашлось?

Тейтум нахмурился: Зои продолжала какую-то прошлую тему, в которую его не посвятила.

– Криминалисты просветили место убийства УФ-лучами, но не обнаружили никаких следов посторонних жидкостей. – Фостер помолчал секунду, видимо, давая всем присутствующим время сообразить, о чем речь. – Что касается ящика. Мы проконсультировались с опытным плотником, и, по его словам, ящик

сколочен профессионалом. Если наш убийца – не плотник, значит, где-то его заказал. Хотелось бы проследить эту нить; нужны дополнительные люди.

– Знаете ли... – начал Дженсен.

«Началось», – со вздохом подумал Тейтум. Теперь предстоит пять-десять минут брачных танцев вокруг того, скольких людей выделить в подмогу оперативной группе.

Некоторое время полицейские спорили и наконец пришли к компромиссу. И Фостер, и Дженсен выглядели недовольными – как видно, компромисс не устроил обоих.

Когда дошла очередь до агента Шелтона, он коротко и четко описал то, что предпринял местный отдел ФБР для поиска убийцы по цифровым следам видео. Результаты оказались не слишком многообещающие. За хостинг заплачено биткойнами, доменное имя свободное, зарегистрировано с временного почтового ящика.

– Неизвестный, – Шелтон называл убийцу так, как принято в ФБР, – загрузил видео со второго телефона, который также использовал как одноразовый. Включил этот телефон только на месте преступления и там же выключил. Оба телефонных номера мы отслеживаем – на случай, если какой-нибудь из них еще проявится.

Он взглянул на экран своего раскрытого ноутбука.

– Лабораторные исследования показали, что все образцы ДНК с внутренней стороны ящика принадлежат жертве.

Дженсен устало повернулся к Тейтуму.

– А как дела у вас? Что там с профилем убийцы?

– Ищем случаи схожих преступлений, – ответил Тейтум. – Пока ничего не нашли. Доктор Бентли предложила также ознакомиться с личностью и теорией Шредингера – возможно, это поможет пролить какой-то свет на личность и мотивы убийцы.

– О, отличная мысль! – просиял Дженсен, и Тейтум немедленно насторожился.

– Ну... да. Сегодня этим займусь.

– Вам повезло: я дружу с лучшим преподавателем физики университета Сан-Анжело! – сообщил Дженсен. – Знаем друг друга со студенческих лет. Я организую вам встречу.

– Мне есть что добавить, – подала голос Зои.

– А? – повернулся к ней Дженсен. – И что же вы выяснили, агент... э-э... доктор Бентли?

– Исходя из того, что мы знаем об убийце, я составила его базовый психологический портрет, – ответила она. – Разумеется, пока ничего определенного. Но мне удалось вычленить несколько вероятных характеристик.

Дженсен скептически поджал губы, однако двое детективов повернулись к Зои с интересом.

– Убийца необычно осторожен, совсем не оставляет следов. Это наводит на мысль, что он не моложе тридцати. Более молодые убийцы, как правило, более импульсивны. Однако он в хорошей физической форме. Контейнеры с землей на видео тяжелые, да и вообще закапывать глубокую яму – нелегкий труд. Тем не менее мы не наблюдаем на видео никаких признаков его дискомфорта. Это заставляет думать, что он не старше сорока пяти.

– Мой дядюшка марафоны бегает, а ему шестьдесят, – заметил Дженсен.

Тейтум откашлялся.

– Поэтому доктор Бентли и говорит о вероятных характеристиках. Мы не просим вас игнорировать всех, кому двадцать, лишь рекомендуем расставить приоритеты в расследовании согласно нашим рекомендациям.

На секунду он встретился глазами с Зои, и та коротко кивнула.

– Неизвестный позаботился о том, чтобы не показывать на видео ни кусочка своего обнаженного тела: на нем длинные перчатки, высокие ботинки, рубашка с длинными рукавами. По-видимому, все это для того, чтобы скрыть цвет кожи. И все же во время тяжелой работы какой-то участок его тела мог случайно обнажиться. Это наводит на мысль, что он не слишком об этом беспокоился, – то есть не думал, что цвет его кожи может существенно сузить ареал наших поисков. Он принадлежит к расовому большинству. Поскольку большинство населения Сан-Анджело – белые, я делаю вывод, что он белый.

Фостер что-то яростно царапал в блокноте.

– Продуманное убийство и полное отсутствие улик на месте преступления указывают на человека осторожного, аккуратного, с пристальным, возможно, даже чрезмерным вниманием к деталям. Если он работает – это работа, на которой важна не скорость, а тщательность исполнения. Скорее всего, он занят квалифицированным трудом, не связанным с обслуживанием клиентов. Стремление продемонстрировать свой выдающийся ум – свидетельство сниженной самооценки. Следовательно, в детстве его либо унижали родители, либо травили сверстники. Очень вероятно, что убийца был жертвой дурного обращения того или иного рода.

Отворилась дверь, вошла Лайонс и тихо села за дальним концом стола.

– Он использовал фургон, – продолжала Зои, – полагаю, самый обычный, какой не привлекает внимания. – Она пожала плечами. – В машинах я не очень разбираюсь.

Дженсен поморгал.

– Очень... э-э... очень подробный портрет, агент... м-м... доктор.

Она не обратила внимания на похвалу, будто не услышав.

– Несколько месяцев назад в жизни убийцы произошло какое-то неприятное событие, нечто такое, что разозлило его и заставило почувствовать себя недооцененным. Возможно, что-то связанное с работой: его уволили, или несправедливо объявили выговор, или дали понять, что его не ценят, или еще что-то подобное. Мы называем это «стрессовый фактор».

– Стрессовым фактором может быть и разрыв отношений, – добавил Тейтум.

– Верно, – признала Зои. – Но у меня ощущение, что этим видео он пытается компенсировать некий профессиональный провал. Выложил и разослал всем ссылку – хочет получить признание публики. Имя «Шредингер» и то, что видео названо «экспериментом», показывает, что он хочет выглядеть умным, образованным человеком. Тем, кто заслуживает одобрения со стороны старших и сверстников.

В этом Тейтум был не уверен, однако решил не спорить.

– Кроме того, думаю, что Николь Медина – вряд ли его первая жертва. Первое убийство, как правило, бывает импульсивным, а на месте преступления все указывает на тщательную подготовку. Он хладнокровно все спланировал. Так бывает, когда убиваешь не впервые. Шесть недель назад полиция получила сообщение о пропаже двадцатидвухлетней Мэрибел Хоу. Дело все еще не закрыто. Вчера мы с детективом Лайонс беседовали с ее матерью.

– А? – откликнулся Дженсен, переводя взгляд на Лайонс.

Та откашлялась.

– У меня есть новости по этому делу, – сообщила она дрогнувшим голосом. – Только что я говорила с матерью. Она сообщила, что Мэрибел позвонила ей по телефону. Подробностей получить не удалось, мать была в истерике. Я направила к ней патруль и сама сейчас поеду туда, чтобы снять ее показания.

– Отлично! – Дженсен хлопнул в ладоши. – А Бентли и Грей вместе со мной послушают, что скажет мой друг-физик!

Тейтум вдруг пожалел, что высказал желание больше узнать о Шредингере. Сейчас выяснить что-то о Мэрибел Хоу казалось ему гораздо важнее, чем слушать лекции по физике – особенно в компании Дженсена.

Тейтум следовал за машиной Дженсена с самым мрачным видом. Ехать в университет Зои предпочла в одной машине с лейтенантом – нужно ли еще объяснять, какая трещина пролегла между ними? Тейтум никогда не умел долго помнить зло. Знал людей, которым это давалось легко и с удовольствием, которые превращали многолетние обиды в хобби. Скажем, его тетушка: то, что сказала ей подруга в восьмом классе, она помнила так же ясно, как все, что случилось вчера за ужином. А Тейтуму приходилось постоянно напоминать себе, что он обижен, и это чертовски выматывало.

Дженсен остановился на университетской парковке, Тейтум припарковал машину неподалеку. Он присоединился к Зои и полицейскому, и вместе они вошли в здание физфака. По дороге Дженсен просмотрел сообщения в телефоне и вполголоса выругался.

– О звонке от Мэрибел Хоу пронюхали журналисты.

– Так быстро? – удивилась Зои.

– Может, мамаша сразу им позвонила?

– Непохоже, что она из таких, – заметила Зои.

Дженсен, похоже, ее не слушал.

– Некоторые уже намекают на связь между Хоу и Медина... Черт, как это все некстати! Надо было самим им все рассказать на пресс-конференции, тогда мы бы сейчас управляли ситуацией! – В его голосе слышались явные обвинительные нотки.

Зои поджала губы. Тейтум решил, что вмешиваться не стоит. Помимо его обиды на Зои, спорить с лейтенантом просто бессмысленно. Он ищет, на кого свалить вину – и всегда найдет.

Нужный им кабинет располагался на третьем этаже. Дверь была открыта, но Дженсен все равно постучал в притолоку и проговорил: «Тук-тук!» – тем тоном, который, видимо, считал милым и забавным.

Доктор Кобб оказался – оказалась – совершенно не такой, как он ожидал. Это была женщина, стройная и черноволосая, в джинсах и белой блузке на пуговицах. Очки имелись, но не круглые с толстыми стеклами, каких ждешь от ученого, а изящные, в тонкой оправе. На ее губах лежала красная помада, немедленно напомнившая Тейтуму девочку, в которую он был влюблен в девятом классе.

– А, это ты, – довольно прохладно бросила доктор Кобб. – Честно говоря, я думала, у меня еще будет время поработать.

Судя по ее тону и манере, Дженсен несколько преувеличил степень близости их дружеских отношений.

– Как поживаешь, Хелен? – Дженсен двинулся к ней с явным намерением обнять.

Доктор Кобб вовремя разгадала его маневр и протянула руку, а лейтенант после секундного колебания ее пожал. Зои и Тейтум вошли в кабинет, Тейтум закрыл за собой дверь и сел на один из пустых стульев.

– Хелен, это агент Грей и доктор Бентли из ФБР, – представил их Дженсен. – А это доктор Хелен Кобб.

Доктор Кобб кивнула.

– Рада познакомиться. Насколько я поняла, вам нужна моя помощь с... с расследованием?

– У нас убийца, которого, по-видимому, весьма интересует Шредингер, – объяснил Тейтум. – Не могли бы вы рассказать нам вкратце и понятным языком, что у него был за эксперимент с котом?

Кобб вздохнула.

– Эксперимент, скорее, мысленный. Насколько я знаю, Шредингер никогда не мучил кошек по-настоящему. Эксперимент призван продемонстрировать проблему с двумя состояниями кванта в квантовой механике. Предполагается, что квант, мельчайшая частица материи, может находиться в двух различных состояниях одновременно. Это мы называем суперпозицией.

Тейтум уже чувствовал, как внимание его куда-то уплывает и наваливаются разные посторонние мысли. Совсем как в школе, где учитель о чем-то нудно вещает над ухом, а ты сидишь и думаешь о девочке за передней партой, о том, чем займешься после школы, о лягушках и вообще обо всем на свете.

– Шредингер хотел продемонстрировать, что суперпозиции свойственна неустранимая проблема, – продолжала Кобб. – И для этого сформулировал мысленный эксперимент. Мы сажаем в ящик кота. В ящике имеется резервуар с кислотой, подсоединенный к счетчику Гейгера, и некоторое количество радиоактивной материи. Очень небольшое. Такое, что с пятидесятипроцентной вероятностью один атом этой материи распадется в течение ближайшего часа. Если он распадется, резервуар откроется, и кислота убьет кота. Если нет – кислота останется в резервуаре. Пока все понятно?

Тейтум не знал, что ответить. Вроде понятно... но уж очень его отвлекали алые губы Кобб. Интересно, как студентам удастся слушать ее лекции? Он постарался сосредоточиться на коте. Кот и кислота. Пока все ясно.

– Радиоактивная материя находится в суперпозиции. Она распалась и в то же время не распалась. Два состояния одновременно. Но это означает, что и кот одновременно и испытывает воздействие кислоты, и не испытывает. Он сразу и жив, и мертв. Он в суперпозиции.

– Почему? Он или жив, или мертв – но не то и другое сразу! – раздраженно сказала Зои. Интересно, подумал Тейтум, что ее так разозлило. Может, она против того, чтобы мучать даже воображаемых котов?

– Мысленный эксперимент утверждает, что кот находится в суперпозиции, поскольку он в замкнутом ненаблюдаемом устройстве, которое также находится в суперпозиции. Кот и устройство находятся в одном и том же состоянии.

– Когда вы говорите «ненаблюдаемом», что это значит? – спросила Зои.

– Суперпозиция может существовать, только когда материя не поддается измерению. Как только материя измерена, она не может находиться в нескольких состояниях сразу.

– Что, если мы будем снимать кота на видео?

– Это устранил ненаблюдаемость. Соответственно кот уже не будет в суперпозиции.

– А если мы будем снимать кота на видео, однако прекратим съемку до истечения часа? – спросил Тейтум; у него вдруг пересохло в горле. – Эксперимент продолжится, но наблюдать за ним мы больше не сможем?

Поколебавшись, Кобб ответила:

– Через некоторое время кот окажется в суперпозиции. Будет сразу и жив, и мертв.

Быть может, поэтому убийца прекратил съемки, оставив их гадать об исходе своего предприятия? Тейтум стиснул зубы. Будут ли следующие эксперименты?

– Что, если в ящике нет кислоты? – спросила Зои, роясь в своей сумочке.

– Тогда, по всей вероятности, кот останется жив. – Кобб нахмурилась.

– Он может умереть от недостатка воздуха. – Бентли достала из сумочки папку с материалами дела, начала листать документы и делать какие-то пометки на полях.

– Да, но уже не в результате действия квантового устройства, так что кот не окажется в суперпозиции. Он будет либо жив, либо мертв, но не то и другое сразу.

– Мы ведь не знаем, жив он или мертв. Разве это не суперпозиция?

– Нет. – Кобб пожала плечами. – Мой муж сейчас дома. Может, он ест, может, принимает душ, может, читает или еще чем-нибудь занимается. Мне отсюда не видно. Тем не менее он не в суперпозиции. Его состояние никак не связано с элементарными частицами – и, очевидно, сам он не частица. Он – мой муж. В этом одна из проблем с этим экспериментом. Доказано, что кот не может находиться в суперпозиции.

– Почему?

– Он слишком большой. Крупные предметы находиться в суперпозиции не могут. Не важно, взорвался кот или нет – он просто не может оказаться в суперпозиции, потому что он не элементарная частица.

– Взорвался? – переспросила Зои. – Мы же говорили о кислоте.

– По версии Эйнштейна, должен взорваться. В варианте Эйнштейна речь идет о взрывчатке. На самом деле, не важно. Суть в том, что кот что-то убивает.

Как видно, физики не отличаются особой любовью к котам...

– Значит, человек тоже не может находиться в суперпозиции, верно? – уточнил Тейтум.

– Конечно нет. Человек крупнее кота.

– Доктор Кобб, – снова заговорила Зои, – такой эксперимент когда-нибудь проводился в реальности?

– Боже, надеюсь, что нет! – Кобб вздрогнула. – С какой стати? Все это придумано, чтобы продемонстрировать парадокс. Для этого не нужно по-настоящему ловить кота и сажать его в адскую машину.

Быть может, и нужно, сказал себе Тейтум. Если цель «эксперимента» другая. Не имеющая ничего общего с наукой.

Глава 33

Андреа скучала по Бостону.

Вот что она понимала все яснее, топчась на беговой дорожке. Как же ей не хватает возможности побегать в Бостонском парке! Деревья уже окрасились в золото и багрянец, и бежать среди этих всполохов цвета намного приятнее...

– Ф-фу-у-ух! – слышалось сзади.

...намного приятнее, чем слушать вот это! Последние полтора часа мужик у нее за спиной поднимал тяжелые веса, непрерывно ухая и крикая. В Бостонском парке такого точно не услышишь!

Переезжая в Дейл, Андреа радовалась, что покидает Бостон. Но бежала она не от самого города. Ей хотелось уйти от ненавистной работы в страховом агентстве. От Дерека, отношения с которым явно зашли в тупик. От матери, задолбавшей вопросом, когда же она собирается выйти замуж. С мамой всегда было сложно ладить, а после смерти папы стало совсем нелегко.

Так что, когда Зои объявила, что покидает Бостон и переезжает в Вирджинию, Андреа мечтала лишь об одном – уехать с ней вместе. Даже сочиняла истории о том, как сестры Бентли вдвоем покорают Дейл.

– У-у-ух! – громогласно раздалось за спиной. Андреа закатила глаза к потолку и увеличила скорость, жалея о том, что оставила наушники дома.

Реальность оказалась совсем не такой радужной. Зои с утра до вечера пропадает на работе в Квантико. Страховым агентом Андреа больше быть не желает, а ничего другого не умеет; остается принимать заказы и разносить подносы в затрапезном ресторанчике.

Интересных парней в Дейле нет вовсе, а какие есть, на тех без слез не взглянешь. Одним одиноким вечером она дошла до того, что позвонила Дереку и спросила, как дела. Боже! Худший телефонный разговор в ее жизни. Дерек, как выяснилось, не тосковал с разбитым сердцем. У него все хорошо. Он даже похудел! И завел новую девушку.

А теперь и работы нет, и сбережения тают с пугающей скоростью. Конечно, Зои будет только рада одолжить ей денег. Черт, не одолжить – дать без возврата. Она уже предлагала. Но до такого Андреа все-таки не опустилась.

– Ар-р-рргх!

Господи, еще и женщина! Теперь их там двое!

Месяц назад, узнав о Роде Гловере, Андреа пришла в ужас. Как выглядел Гловер, она не помнила, и, когда он подошел к ней на улице, показался вполне нормальным, симпатичным человеком. Попросил разрешения с ней сфотографироваться, приобнял за плечи, вежливо поблагодарил. Разумеется, она знала о той жуткой истории в далеком детстве, когда Род Гловер ломился ночью к ним в дверь. Зои рассказывала об этом много раз. Но сама Андреа ничего не помнила.

Хотя, быть может, одно воспоминание у нее сохранилось. Она сидит на кровати, страшно боится чего-то, что может ворваться в комнату снаружи, а Зои обнимает ее и шепчет: «Не бойся, Рей-Рей. Он нам ничего не сможет сделать».

Теперь она знала. Тот человек с улицы – чудовище, безжалостный убийца. Маньяк, лишивший жизни трех девушек в Мейнарде и, самое меньшее, еще двух в Чикаго. Там, в Чикаго, он напал и на ее сестру, попытался изнасиловать и задушить. Тот самый человек, что сказал ей: «Улыбочку!» – и щелкнул камерой в телефоне.

Она не могла забыть, что он ее трогал. То место на плече, где он ее коснулся, порой начинало зудеть, словно под кожей ползали сотни крохотных насекомых. И приходилось долго стоять под душем, чтобы это ощущение ушло.

– Ф-фу-ух!

– Ар-р-рргх!

Теперь оба одновременно, словно пара, занятая самым кошмарным в мире сексом! Девушка на соседней дорожке скорчила брезгливую гримасу, остановила тренажер и ушла.

Поначалу Андреа не могла спать. Ее мучали кошмары, она просыпалась среди ночи и долго прислушивалась к скрипам, шорохам, шагам соседей, к любым незнакомым или непонятным звукам – все это мог быть он. Идет за ней. Хочет изнасиловать и задушить, как и тех, других девушек. Андреа нашла заметки

Зои о нем, кое-что прочла, просмотрела фотографии с мест преступления... Все это навеки отпечаталось в памяти.

Но с того дня его никто не видел. И постепенно Андреа поверила, что Гловер не станет ее преследовать. Он хотел напугать их с Зои до полусмерти, сделал это – и скрылся. Агент Колдуэлл, коллега Зои, объяснял, что Гловер – сексуальный хищник, который выбирает себе жертв случайным образом. Он не охотится за какими-то конкретными женщинами – нападает на тех, до кого легко добраться. И совсем не хочет, чтобы его поймали. Так что нет причин считать, что он где-то поблизости.

После этого страх ушел. А Зои продолжала тревожиться. С каждым днем становилась все более невыносима со своей опекой, буквально не давала дышать; Андреа чувствовала, что вот-вот начнет ее ненавидеть. И скучала – как же скучала по Бостону!

Здесь нечем заняться. Некуда пойти. Остается лишь бежать по беговой дорожке – прекрасная метафора жизни в Дейле.

Сзади вновь раздалось уханье, на этот раз такое громкое, что Андреа гневно обернулась. И вдруг заметила нечто такое, что привлекло ее внимание. Всего на миг – она снова повернулась лицом к стене, прежде чем поняла, что увидела.

Из угла спортзала, наполовину скрытый тренажером, на нее неотрывно смотрел мужчина. Обычный на вид человек средних лет, с прилизанными волосами и странной улыбкой.

Этого человека она теперь прекрасно знала. Слишком часто видела его на той фотографии.

Род Гловер.

Он здесь! Следит за ней!

Сердце отчаянно заколотилось в груди, но Андреа продолжала бежать, запретив себе оборачиваться. Испытывая теперь благодарность ухажившим и кричащим тяжелоатлетам, как и прочим людям в зале. Пока вокруг люди – она в безопасности.

Слезы страха выступили на глазах; в уме один за другим проносились снимки с мест преступления. Обнаженные женские тела, распростертые на земле. Он здесь – монстр, который все это сделал! Прямо у нее за спиной! Понял ли, что она его заметила? Что, если сейчас он идет прямо к ней, с этой своей ненормальной улыбкой, сжимая в руке нож? Как узнать?

Она бежала, бежала, бежала, словно в самом частом своем кошмаре – когда, убегая от чудовища со всех ног, оставалась на месте.

Зои объяснила ей четко и ясно, что делать, если увидишь Гловера. Кричать и бежать. Если других вариантов не будет – отбиваться. Но, если сейчас она закричит, он поймет, что она его заметила. Да и в любом случае не могла она кричать: страх комом стоял в горле и не хватало дыхания.

Нажав кнопку, Андреа остановила беговую дорожку. Машина замедлила ход, и девушка сошла, стараясь вести себя как обычно, краем глаза пытаясь уловить какое-нибудь движение сбоку. Идет ли он за ней? Не узнаешь.

Она поспешила в раздевалку. Там телефон. Позвонит в полицию, или в ФБР, или прямо Зои. Взглянув в зеркало на стене, Гловера за спиной не увидела. Ее трясло, губы дрожали, но Андреа старалась подбодрить себя мыслью, что вокруг полно народу, а Гловер нападает на женщин в безлюдных местах. Не хочет, чтобы его поймали. Она позвонит в полицию, сообщит, что он здесь, они приедут, окружают фитнес-центр и арестуют его.

Вбежав в раздевалку, Андреа в недоумении остановилась перед шкафчиками – не сразу вспомнила, какой шкафчик ее. Нашла нужный и начала дрожащими пальцами набирать цифровую комбинацию.

И только в этот миг вдруг сообразила, что раздевалка пуста. Пустая комната всего с одной дверью. Она в ловушке!

Андреа едва не выскочила наружу, забыв и о своих вещах, и о телефоне. Остановила ее только мысль, что Гловер может ждать за дверью. Разве не так он всегда поступал? Затаившись где-нибудь, ждал, пока девушка будет проходить мимо?

Щелкнул замок, и Андреа распахнула дверцу. Трясущимися руками нашарила в сумке телефон и набрала 911.

– Это «девять-один-один», что у вас произошло?

– Я... Род Гловер, серийный убийца, идет за мной. Я в фитнес-центре.

– Мэм, успокойтесь, пожалуйста. Вы в фитнес-центре? Вокруг вас есть люди?

– Сейчас нет, – сдавленным, прерывающимся от ужаса голосом ответила Андреа. – Я в раздевалке. Здесь никого. Только убийца, который за мной следит.

– Вы можете перейти туда, где есть люди? Мэм?

Она все еще прижимала к уху телефон, но говорить не могла. В дверь раздевалки было вделано матовое стекло – и сейчас за этим стеклом обрисовалась темная тень. Человеческая фигура. Приближается. Идет сюда.

Андреа метнулась в конец раздевалки, в душевую, и спряталась в самой дальней душевой кабинке.

– Мэм?

– Пожалуйста, пришлите полицию! – вполголоса взмолилась Андреа.

– Назовите адрес.

Адрес? Понятия не имеет!

– Я в фитнес-центре. Это... это... возле станции «Чешир».

– Хорошо, мэм, высылаю патруль. Можете пока перейти в какое-нибудь место, где есть люди?

Тень за дверью все еще там?.. Андреа не осмеливалась поднять глаза.

– Я боюсь, – прошептала она едва слышно.

– Понимаю, – отозвалась женщина на том конце провода. Спокойно, уверенно – так же, как всегда говорит Зои. Господи, как ей сейчас не хватает сестры! – Если вы в фитнес-центре, вокруг много людей, а значит, вы в безопасности. Просто подождите в холле до приезда полиции, хорошо? Не кладите трубку, продолжайте говорить со мной и идите в холл.

– Х-хорошо.

Андреа двинулась к своему шкафчику. Дышать было тяжело, сердце словно обложили льдом. Она тихо шла по мокрому полу, смахивая с глаз слезы страха.

Шаги. Движение за матовым стеклом. Кто-то идет!

– Он приближается! Помогите! Помогите! – отчаянно завопила Андреа. Телефон выскользнул из заледеневших пальцев.

«Кричи и беги. Если не можешь бежать, сопротивляйся» – так учила Зои. Андреа попятилась и завопила во все горло. Бежать было некуда, что сможет сопротивляться, она очень сомневалась – оставалось только кричать. Вопить во всю мощь легких, пока кто-нибудь не услышит и не придет на помощь.

Дверь распахнулась: потная толстуха на пороге воззрилась на Андреа с недоумением и тревогой. Та разрыдалась и сползла по стене на пол. В брошенном мобильнике надрывался голос оператора, но она его уже не слышала.

Глава 34

Вздохнув, Зои откинулась на спинку стула. Послеполуденное солнце било в окна комнаты для совещаний, и она пересела подальше, туда, где солнце не слепило глаза и не отражалось на экране ноутбука.

Подробностей о звонке Мэрибел Хоу матери было немного, а те, что были, скорее настораживали.

Входящий звонок на домашний номер Хоу действительно имел место. Это уже проверили. Однако нет никакого способа узнать, кто звонил на самом деле. Делия Хоу сама признает, что сказала «Мэрибел» не слишком много. И та

женщина, что звонила, называла ее «мамочкой» – а Делия признает, что этого слова не слышала от дочери уже много лет. Так что скорее похоже на жестокий розыгрыш.

Телефон, с которого звонили, включен, однако определить его точное местонахождение не представляется возможным. На юге Сан-Анджело, в районе, где более семисот домов. Сейчас полиция опрашивает жителей; ордер на обыск семисот домов не получишь, тем более что многие сейчас стоят пустыми – их обитатели на работе. И пока все силы полиции брошены на это, остаются в небрежении другие стороны расследования.

Фостер также сообщил Зои, что пришел доклад от токсиколога. Действительно, в крови Николь Медина обнаружено усыпляющее вещество рогипнол, разновидность флунитразепама. Теперь ясно, как убийце удалось увезти девушку и уложить в ящик без сопротивления.

Машинально рисуя закорючки на листе бумаги, Бентли собралась позвонить Делии Хоу, чтобы услышать все подробности из первых уст, когда в комнату вошел Тейтум.

– Привет, – сказал он. – Хотел с тобой поговорить.

– Что такое? – спросила Зои.

– Появилась одна идея насчет нашего дела. Хотел послушать, что ты скажешь.

– Выкладывай.

– Ты считаешь, наш серийный убийца жаждет славы, верно?

– Это явно один из его мотивов.

– А может ли быть, что он играет в кошки-мышки с полицией? – спросил Тейтум. – Хочет таким способом доказать свое превосходство?

Зои немного подумала.

– Да, доказать превосходство, но не столько полиции, сколько публике. Иначе отправил бы видео прямо в полицию, это куда безопаснее.

– Скажи, в такой профиль убийцы укладывается желание самому вмешаться в ход расследования?

Многих серийных убийц как магнитом тянет к расследованию собственных преступлений. Им хочется поучаствовать. Нередко убийцей оказывается тот, кто «нашел» тело и сообщил о нем. Иногда убийца делает вид, что обладает какой-то важной информацией. Таким способом он пытается получить дополнительные сведения, а кроме того, полагает (ошибочно), что «помощь полиции» отводит подозрения. И, конечно, в этом есть элемент игры в кошки-мышки.

– Пожалуй, да.

– А давай не будем ждать, пока он вмешается сам! Откроем горячую линию для равнодушных граждан. Попросим обращаться всех, кто может сообщить что-то полезное по делу Николь Медина. И пусть полиция проверяет звонивших.

Зои подумала.

– По-моему, хорошая мысль!

Наступило молчание. Несколько минут они разговаривали, как прежде – как напарники и добрые друзья; но теперь, когда тема была исчерпана, снова остро ощутили то, что встало между ними.

– Мне нужно позвонить матери Мэрибел Хоу, – сказала наконец Зои и начала рыться в сумочке в поисках телефона. – Хочу знать точно...

Тут она взглянула на экран телефона – и слова застряли у нее в горле.

Входя к доктору Кобб, Зои выключила звук, а потом забыла его включить. Теперь на экране мигали два пропущенных звонка от Гарри Барри, три от Андреа, один от Манкузо и сообщение от Андреа с просьбой срочно перезвонить. От страха с трудом попадая по клавишам, Зои набрала номер Андреа.

Наконец в трубке послышалось:

– Привет.

У Зои упало сердце, когда она услышала голос сестры – испуганный, охрипший, словно Андреа долго плакала.

– Рей-Рей, что случилось?

– Я видела Гловера.

– С тобой всё в порядке? Он тебя не...

– Он меня не трогал. Просто следил за мной в спортзале. Но это был он, Зои, я уверена!

– Где ты сейчас?

– Дома. Я заперла дверь. – Андреа всхлипнула. – Меня отвез домой патрульный офицер, обыскал всю квартиру и ушел.

– Ты рассказала агенту Колдуэллу?

– Да, позвонила ему.

– И что он сказал?

– Что полиция проверит камеры в спортзале.

– Сейчас кто-нибудь из полиции присматривает за квартирой?

– Я... не знаю. Наверное, нет.

Зои прислонилась к стене, злясь на себя, почти в отчаянии. Что она делает здесь, за полстраны от дома – сейчас, когда так нужна сестре?

– Послушай, я вернусь, как только смогу. Прилечу первым же самолетом, слышишь? А сейчас поговорю с Манкузо и потребую, чтобы возле нашего дома дежурили постоянно, чтобы глаз с нашей квартиры не спускали! Дверь на задвижку заперла?

– Да.

– Окна тоже запри, хорошо? И ничего не бойся, Рей-Рей. Он тебя не достанет. Можешь подробно рассказать, что случилось?

Андреа начала рассказывать; Зои слушала, расхаживая взад и вперед по комнате, не замечая встревоженного взгляда Тейтума. Внутри у нее все кипело. Гловер наблюдал за ее сестрой. Может быть, следил все это время? Чего он хочет – напасть на Андреа, или ему просто нравится наблюдать за ней исподтишка? Нет, едва ли. Безобидный вуайеризм он давно перерос. Когда Гловер следит за женщиной, он фантазирует о том, как нападет на нее. А свои фантазии он уже привык воплощать в реальность. Андреа в опасности, в серьезной опасности. Может быть, спрятать ее в безопасном укрытии? Или вывезти из страны на несколько месяцев – пока Зои не поймает Гловера, не выдавит ему глаза, не оторвет яйца и заставит съе...

– Алло! Зои! Ты меня слушаешь?

– Конечно, Рей-Рей. Я здесь. Вот что: никуда не выходи. Запри все окна и двери. Я поговорю с Манкузо и немедленно вылечу домой.

– Ладно. Я взяла твой кухонный нож.

Зои не сразу поняла, о чем она.

– А... да, хорошо.

– В кровать его тоже с собой возьму, на всякий случай.

– Только осторожнее с ножом, пожалуйста!

– Положу под подушку.

– Смотри, не напорись на нож сама – я же знаю, как ты во сне ворочаешься!

Андреа рассмеялась неуверенным дрожащим смехом.

– Держись там. Скоро перезвоню.

Зои повесила трубку и встретила с обеспокоенным взглядом Тейтума.

– Зои, что...

– Потом.

Она набрала номер Манкузо. Начальница ответила после двух гудков.

– Привет, Зои.

– Гловер следил за Андреа. Был с ней в одной комнате!

– Успокойся. Я уже знаю, мы всё проверяем. Сейчас Колдуэлл отсматривает записи с камер.

– Послушай, с Андреа нельзя спускать глаз. Она одна в моей квартире. Совсем одна! Манкузо, он может вломиться туда в любой момент, и мы не...

– Бентли, возьми себя в руки!

Зои изумленно умолкла.

– Сейчас у дверей твоего дома стоит патрульная машина. Полицейский уже тщательно обыскал твою квартиру. Мы следим за Андреа, с ней ничего не случится, слышишь меня?

– Она не знала, что вы за ней присматриваете, – слабо пробормотала Зои.

– Твоя сестра напугана до полусмерти. Вряд ли она поняла хоть половину из того, что говорил ей по телефону Колдуэлл. Это понятно: она не профессионал и не обязана адекватно реагировать на угрозу. В отличие от тебя.

Пропустив замечание мимо ушей, Зои стучала по клавишам, разыскивая ближайший рейс в Вирджинию.

– Я лечу домой, – сказала она Манкузо. – Первым же утренним самолетом.

Зои ожидала, что начальница начнет спорить, но та лишь вздохнула.

– Хорошо. В любом случае в Сан-Анджело тебе больше особо делать нечего. А Грей пусть задержится еще на денек, поможет местной полиции.

– Спасибо.

– С Андреа все будет хорошо.

Зои промолчала. Манкузо попрощалась и повесила трубку.

– Что происходит? – спросил Тейтум.

– Андреа видела Гловера. Он за ней следил, – ответила Зои, одновременно заполняя в Интернете форму заказа билетов.

– С ней всё в порядке?

– Да. Но она очень напугана.

– Пошлю к ней Марвина, чтобы она не оставалась одна.

– Спасибо. Улечу завтра рано утром. Манкузо сказала, что тебе лучше остаться еще на день, все здесь закончить.

– Ладно. – Короткое молчание. – Хочешь, подброшу тебя в мотель?

– Не надо. Возьму такси. Иди лучше предложи Фостеру сделать горячую линию. В самом деле, дельная мысль!

Тейтум прочистил горло и сказал:

– Я уверен, с Андреа все будет хорошо.

Зои захлопнула ноутбук и встала.

– Вот и Манкузо мне так сказала. Хотела бы я знать, где вы с ней берете информацию...

Глава 35

К тому времени, как Тейтум сообщил Фостеру последние новости и изложил свою мысль насчет горячей линии, Зои уже уехала. Грей начал было набирать ее номер, чтобы спросить, как там Андреа, но решил не беспокоить зря. Вместо этого, выйдя из участка, он позвонил Марвину.

– Угадай, чем я сегодня занимался? – без предисловий начал дед.

Тейтуму представился с десятков разных вариантов ответа, один другого страшнее.

– И чем же?

– Прыгал с парашютом!

Тейтум застонал.

– А страховка?

– Нашел компанию, которая согласилась меня застраховать. Стоило это чертову прорву денег, но ты ведь проживешь и без моего наследства, верно?

– К черту твое наследство! Я хоронить тебя не хочу!

– Кстати, заплатить пришлось твоей кредиткой. Моя почему-то не сработала.

Тейтум прикрыл глаза и мысленно произнес несколько проклятий.

– Не беспокойся, я тебе все верну! – лучезарно продолжал Марвин. – А в следующий раз мне сделают скидку.

– Какой... еще... следующий раз? Марвин, не смей...

– А знаешь, мне понравилось! Ощущения удивительные – лучше кокаина. И почти что лучше секса. Одно плохо – недолго. Свободное падение длится меньше минуты. Свободным падением, Тейтум, мы, парашютисты, называем тот промежуток, когда из самолета ты уже выпрыгнул, а парашют еще не раскрыл. Джорджетта говорит, я просто создан для этого!

– Что еще за Джорджетта?

– Мой инструктор. Мы прыгали вместе. Фантастическая женщина! Видел бы ты ее! Будь я помоложе лет на сорок...

– Марвин, послушай. Род Гловер следил за Андреа.

– Вот черт! И что, посмел ее тронуть?

– Нет, но подошел очень близко. Ты не сможешь заехать и проверить, как она там?

– Разумеется. Прямо сейчас и отправлюсь. Бедная малышка, напугалась, должно быть... А Зои как?

– В шоке и очень встревожена. Завтра улетит домой.

– А ты сейчас где?

– В полицейском участке. Нужно тут кое-что закончить.

– Да что с тобой, Тейтум? Поезжай скорее к своей напарнице, нельзя оставлять ее одну! Она, наверное, с ума сходит!

– Спасибо за заботу. Просто присмотри за Андреа, ладно?

– Тейтум, послушай меня! Отправляйся к Зои и побудь сейчас с ней. Может, тебе и кажется, что с ней всё в порядке, но поверь, это не так!

– Ты ее совсем не знаешь. Она самый сильный человек из всех, кого...

– Честное слово, папаша твой был всем хорош, но правильно воспитать тебя не сумел... Твоей напарнице худо! Черт возьми, бросай все и беги к ней!

Тейтум закатил глаза. Когда-нибудь дед его просто до инфаркта доведет.

– Сейчас ей точно лучше обойтись без меня. Несколько дней назад мы поспорили, и теперь... В общем, все сложно. Так что ценю твой совет, но...

– И о чем поспорили?

– Не важно.

- Тейтум, о чем вы с ней поспорили?
- Она ляпнула глупость. Я рассказал ей о том случае в Лос-Анджелесе. Помнишь, когда пристрелил педофила...
- Еще бы не помнить!
- По этому делу снова открыли внутреннее расследование. Появился свидетель, или что-то в этом роде.
- Можно подумать, стрелять в педофилов незаконно!
- Вообще-то да, незаконно... Одним словом, Зои сказала: может быть, я стрелял в него не из самообороны, а потому что решил, что правильнее будет его убить.
- Ну да, естественно. А о чем вы поспорили?
- Об этом и поспорили, - угрюмо ответил Тейтум.
- А, теперь понял! - откликнулся наконец Марвин. - Ты на нее обиделся.
- Ну... да.
- Думаешь, что ей следовало бы лучше тебя понимать... Да, постигаю твои чувства. Тебе небезразлично, что она о тебе думает.
- Разумеется! - Тейтум пнул камешек, и тот ударился о стену полицейского участка. - В общем, только меня ей сейчас не хватало.
- Угу. А теперь, Тейтум, послушай-ка меня.
- Да?
- Вот что мне скажи: ты мужик или сопливая девчонка?
- Что?
- Чего ты тут стонешь? Твои нежные чувства задеты? Ах ты моя снежиночка!.. Благодарю Бога, Тейтум, что меня нет рядом - иначе я сделал бы то, чего вовремя не сделал твой отец: надавал бы тебе по заднице!
- Послушай...
- Ты что, Тейтум, яйца потерял? - взревел Марвин. - Ветеринар, когда Веснушку холостил, заодно и тебе бубенцы отстриг? Давай позвоню ему и попрошу пришить яйца обратно! Что с тобой такое?! Отрасти себе, черт возьми, спинной хребет и пару новых яиц и иди к напарнице, поддержи ее в беде!
- Дед, заткнись! - заорал в ответ Тейтум. - Я все делаю правильно! Ты ее не знаешь, а я знаю, и...

– Ничего правильного ты сейчас не делаешь, это уж точно! Вот когда сядешь в машину, доедешь до мотеля и поддержишь свою подругу, которой сейчас плохо, – это будет правильно! А я пойду присмотрю за ее сестрой – хоть кто-то из нас должен поступить как мужчина!

В трубке раздались короткие гудки.

Тейтум едва не швырнул мобильник наземь. Его трясло от ярости. Черт бы побрал этого старого осла с его идиотскими старозаветными правилами и непрошеными советами! Легко ему орать и раздавать указания... Он никогда даже не видел Зои. Не представляет, что она за человек. Ей действительно проще переживать беду одной. Это Тейтум знает точно. Какого черта Марвин ему не верит?

Хотя, может быть, стоит привезти ей ужин... Заказать что-нибудь на вынос в ресторане по пути. Спросить, не нужно ли что-то еще. Просто спросить – это же не повредит...

Машину Тейтум вел в свирепом молчании, мысленно представляя себе, что и как скажет Марвину, когда заговорит с ним в следующий раз. Не сразу нашел ресторан с приличной едой на вынос, но наконец взял для Зои гамбургер и жареную картошку. Заехал в соседний магазин и купил там упаковку пива. На случай, если ей захочется. А не захочет пить одна – можно будет вместе. Конечно, вряд ли она согласится с ним выпивать, хотя...

Солнце висело над самым горизонтом, когда он подъехал к мотелю. Поднялся на крыльцо и постучал в дверь ее номера. Потом еще, и еще раз. Заглянул в окно. Там было темно.

– Она только что ушла.

Оглянувшись, Тейтум увидел, что к нему направляется какой-то человек с сигаретой в зубах.

– Что? – переспросил он.

– Ищете Зои, верно? Она только что пошла перекусить. В компании какого-то здоровяка.

– А вы кто такой, черт побери?

– Гарри Барри. Приятно с вами познакомиться, детектив Грей.

Глава 36

В квартире у Зои в Дейле было две спальни, и обе выходили окнами на соседний дом и на дорожку, ведущую к подъезду.

Андреа заперла все двери и окна, устроилась на кушетке в гостиной, откуда можно было видеть и входную дверь, и окно, положила рядом с собой принесенный из кухни нож и теперь пыталась смотреть телевизор. Но взгляд все время скользил вниз, к ножу. Гладкость и блеск лезвия немного успокаивали.

Вдруг раздался стук в дверь – и сердце у нее подскочило и забилось где-то в горле. Она бросила взгляд на часы. Четверть одиннадцатого.

Андреа устремила испуганный взгляд на дверь, хотя проверяла замок и задвижку уже раз десять. Заперта. Встала, взяла нож и тихонько подкралась к двери, про себя моля Бога о том, чтобы незванный вечерний гость просто ушел.

Снова постучали, теперь громче. Андреа хотела спросить: «Кто там?», но горло перехватило, и изо рта вырвался только слабый хрип.

– Прошу прощения, сэр! – раздался за дверью твердый мужской голос. – Вам помочь?

Должно быть, это полицейский, который дежурит у входа в дом. Агент Колдуэлл позвонил ей и рассказал, что проверил записи с камеры в спортзале: за ней действительно следил какой-то человек, хоть лицо его на записи и не разглядишь. Агент несколько раз подчеркнул, что всю ночь возле ее дома будут дежурить полицейские.

– Сэр! – повторил тот же голос. – Будьте добры отойти от двери!

– Я пришел навестить Андреа Бентли, – ответил хриловатый старческий голос. – Успокойтесь. Я не чертов маньяк!

– Сэр, пожалуйста, отойдите от двери!

– Послушайте, юноша. Понимаю, вы увлечены своей работой, но... Да что ты делаешь, сынок? Убери пушку, это же курам на смех!

Андреа отодвинула засов, отперла и распахнула дверь. Снаружи спиной к ней стоял дед Тейтума, с сумкой на плече и аквариумом в руках. Молодой коп в форме с очень неуверенным видом держал его на прицеле.

– Всё в порядке, – поспешно сказала Андреа. – Я его знаю.

– Что я, по-твоему, здесь делаю? – гневно вопрошал Марвин. – Собираюсь натравить на девушку золотую рыбку?

– Прошу прощения, мисс, – извинился патрульный. – Я увидел, как к двери подходит человек с подозрительными вещами в руках, и...

– Мать честная, что такого подозрительного в аквариуме? – Марвин затряс головой. – Может, еще и рыбку арестуешь?

– Благодарю вас, офицер, – улыбнулась Андреа. – Входите, Марвин!

Старик просеменил в квартиру, и Андреа закрыла за ним дверь.

– Прошу прощения, – сказал Марвин, войдя и поставив на стол аквариум. – Я звонил, но ты не брала трубку.

Андреа вяло кивнула. Действительно, некоторое время назад звонил телефон, но в это время она горько рыдала, и ей было не до светских бесед.

– Я обещал внуку присмотреть за тобой, – продолжал Марвин. – Услышал, что у тебя неприятности – и вот пришел!

– Спасибо. Вовсе не надо было... а зачем вы принесли рыбку?

– Видишь ли, если я собираюсь здесь ночевать, то никак не могу оставить Тимоти наедине с котом. Для кого-то из них это точно плохо кончится. Так что надо было кого-то взять с собой – либо рыбку, либо кота. Рыбка сопротивлялась не так активно. – Марвин поднял руку и показал три глубокие царапины на запястье – следы когтей. Затем окинул комнату подозрительным взглядом. – У тебя тут кошек нет?

– Нет, – слабым голосом ответила Андреа.

– Вот и отлично! – Старик расстегнул куртку и, к ужасу Андреа, извлек огромный пистолет.

– Очень хорошо, что юный коп не заметил... – пробормотал он, кладя оружие на стол рядом с аквариумом. – А где тут у тебя кухня? Я бы сейчас выпил чашечку чаю. Да и тебе не повредит: ты белая как простыня!

– М-м... правда, вам совсем не обязательно оставаться здесь на ночь, – ответила Андреа, идя за Марвином на кухню. – За квартирой следит полиция, и...

– Чепуха! – отмахнулся тот. – Одной тебе сейчас оставаться нельзя. Не беспокойся, поплюю на диване... Так где у твоей сестры чай?

– Сомневаюсь, что у нее вообще есть чай. Зои пьет кофе.

– Бывают времена для кофе, а бывают для чая... – Марвин начал рыться на нижних полках кухонного шкафа. – Ага, вот! Ты какой пьешь?

– Я... э-э...

– Очень простой вопрос. Сколько тебе сахара? Можно совсем не класть, можно одну ложку, можно две, ну а самые-самые смельчаки решаются на три!

– Пол-ложки.

– Хм-м... Осторожный выбор. – И, покачав головой, он начал заваривать чай.

Андреа оглянулась. Рыбка зависла в воде, разглядывая пистолет так, словно собиралась его схватить. Посреди аквариума торчала пивная бутылка: рыбка дважды обогнула ее и вновь зависла перед пистолетом.

– Это же не золотая рыбка, – сказала Андреа.

– А? – откликнулся Марвин, повернувшись к ней с двумя кружками горячего чая в руках.

– Вы сказали, что это золотая рыбка. А это гурами.

– По цвету-то золотая! – Он сел за стол, поставил обе кружки и пододвинул одну в ее сторону. – Присаживайся и пей. Тебе сегодня пришлось поволноваться, и горячий сладкий чай – сейчас самое оно!

Андреа села и отхлебнула чая. Марвин оказался прав: самое оно! Горячий сладкий чай... и не оставаться одной. Она ощутила, что к глазам снова подступают слезы.

– Ну, как тебе чай?

– Хорошо, – прошептала она.

– Это потому, что я две ложки сахара положил! – Старик многозначительно поиграл кустистыми бровями.

Андреа фыркнула, однако смех быстро перешел во всхлип.

Марвин неловко похлопал ее по руке.

– Теперь-то все хорошо, верно? И я тебе обещаю: пока я рядом, этот ублюдок и близко к тебе не подойдет! Верись мне?

– Верю, – ответила она, тыльной стороной ладони утирая слезы.

– А знаешь, чем я сегодня занимался? Прыгал с парашютом! Ну, вещь!.. Попробуй обязательно! В следующий раз будем прыгать вместе. Минута свободного падения, пока не раскроется полог... это так мы, парашютисты, называем купол парашюта... И, знаешь, совсем не страшно! Дух захватывает, конечно, но от восторга. Джорджетта говорит, я просто создан...

Он говорил – а Андреа слушала, и кивала, и старалась улыбаться; и в первый раз за сегодняшний день немного расслабилась. Как ни странно, ворчливый старик помог ей почувствовать себя чуточку лучше. Теперь, зная, что, несмотря на все ее возражения, он устроится спать в соседней комнате, она поверила: сегодня ночью в конце концов удастся заснуть.

Глава 37

– Не нравится мороженое?

Вопрос вырвал Зою из глубокой задумчивости. Она заморгала и уставилась в пластмассовую чашку перед собой. Там действительно лежало мороженое – вернее, какая-то молочная жижа, в которую превратилось мороженое, растаяв на жаре. Из желтого моря одиноко торчал розовый айсберг. Зоя уже и не помнила, какое мороженое заказала. Земляничное... с лимоном? Повертев в пальцах ложечку, она подняла взгляд на Джозефа.

– Я не голодна.

– Это мороженое, при чем тут голод? – Он широко улыбнулся. Его собственная чашка, заметно большего размера, уже совершенно опустела.

Зоя решила встретиться с Джозефом, чтобы отвлечься. Все лучше, чем бродить взад-вперед по тесному номеру, словно по бесконечной спирали тревоги и чувства вины. Написала сообщение, спросила, не заедет ли он за ней. Джозеф появился меньше чем через пятнадцать минут. Сперва они ели курицу по-тайски в «Лемонтрассе», потом перешли в кафе через дорогу, чтобы угоститься мороженым.

Но вся еда во рту отдавала пеплом, и Зоя не помнила, произнесла ли за весь вечер хоть одну полную фразу. Ее занимали мысли о сестре: Андреа в квартире одна, а где-то поблизости бродит Гловер...

Зоя уже приходилось встречаться со страхом. Но страх за себя – это другое. Когда опасность грозит твоей жизни, это включает инстинкты выживания: бей или беги. Страх за сестру – совсем другое. Ты ничего не можешь сделать. Словно погружаешься в вязкое ледяное болото, обволакивающее тебя со всех сторон, тонешь, не в силах шевельнуться. И чувствуешь себя абсолютно беспомощной.

Теперь Джозеф внимательно смотрел на нее.

– Я не слишком хорошо тебя знаю, но такое впечатление, что тебя что-то гнетет.

Зоя опустила глаза, ковыряя ложкой полосы розовой и желтой массы. Обычно она свои проблемы держала при себе. Терпеть не могла, когда кто-то лез в ее жизнь. Но сейчас она не доверяла собственному суждению – и отчаянно хотела, чтобы хоть раз в жизни кто-то более сильный взял ее проблемы на себя.

– За моей сестрой охотится серийный насильник и убийца. – Слова горчили и застревали во рту. – Он одержим мною, а теперь выбрал своей мишенью ее.

Джозеф застыл. Ясное дело, не ожидал такого! Думал, что она начнет жаловаться на трудный день на работе, надоедливых родственников, хамоватого продавца в магазине. Наверняка на подавляющем большинстве свиданий женщины не сообщают о личном знакомстве с серийными убийцами.

Однако он не стал спрашивать: «Ты что, шутишь?» Не вскочил, не убежал. Даже нервно смеяться не начал – надо отдать ему должное. Просто задумался. Откровенно не понимал, как на такое реагировать, и вряд ли стоило его в этом винить – такие новости обычно не звучат в светских беседах.

– Откуда он тебя знает? – спросил наконец Джозеф, нахмутив густые брови.

– Жил с нами по соседству, когда я была маленькой. – Какое-то ледяное спокойствие охватило Зою, когда она перешла к фактам. С фактами Бентли привыкла иметь дело. Истории из прошлого – совсем не то, что неведомые ужасы, подстерегающие в будущем. – Изнасиловал и убил трех девушек в нашем городе. Я его вычислила и сообщила копам.

– Сколько же тебе было лет?

– Четырнадцать.

Джозеф погладил бороду, не отрывая от Зои глаз.

– А теперь это моя профессия, – продолжала она, решив выложить все без остатка прямо здесь, за столом. – Работаю на ФБР. В Отделе поведенческого анализа. Я криминальный психолог. Профайлер.

– Как в сериале «Мыслить как преступник»?

Зои вздохнула.

– Да, только по-настоящему. В сериале все не очень точно показано. – Были времена, когда она любила смотреть «Мыслить как преступник» и отмечать ошибки и нелепости сценария.

– Ты говорила, ты здесь по работе, – после короткого молчания заметил Джозеф.

– Консультирую местную полицию.

– О чем?

– В деле об убийстве.

– Той девушки, что нашли похороненной? Возле фермы Джексона?

– Я не знаю, где ферма Джексона.

Джозеф удивленно покачал головой.

– А тот парень – он, значит, теперь преследует твою сестру?

– Да.

– И полиция не может его остановить?

– Полиция установила за ней наблюдение, – объяснила Зои. – Сейчас перед домом дежурит патрульная машина. Но они не могут стоять там вечно. Рано или поздно наблюдение снимут. Через месяц, через год... Этого он и ждет. Он терпеливый. И уже больше двадцати лет успешно скрывается от полиции.

– Что же они будут делать?

– Что бы ни делали, этого недостаточно. Придется мне действовать самой. Самой его поймать. – Зои опять вздохнула. – Пожалуйста, отвези меня в мотель.

Назад ехали в молчании. Джозеф поставил машину на парковку и, выйдя, открыл ей дверцу.

– Тебе вовсе не нужно...

– Я провожу тебя до двери, – решительно сказал он.

Зои пожала плечами и вышла из машины. Шла впереди, стараясь отделаться от пугающих мыслей, сосредоточиться только на том, чтобы переставлять ноги.

– Спасибо. И извини. За то, что я сегодня... – Она неопределенно повела рукой.

«За то, что сегодня была самой собой».

– Не за что извиняться, – ответил Джозеф. Он стоял, сунув руки в карманы, и вид у него был почти робкий.

Она отперла дверь и шагнула внутрь. Повернулась, чтобы попрощаться, и уже взялась за дверную ручку.

И вдруг поняла: едва закроет дверь, вновь накатят неотвязные мысли, начнут гудеть и жужжать в голове роем сердитых пчел. Она утонет в них, вязких и липких, словно растаявшее мороженое. Бездна, тревога, все эти ужасные «что, если?..» смешаются в мозгу, не дадут уснуть, адским хороводом будут гулять до рассвета.

– Не хочешь зайти? – спросила она, невольно скривившись от просительных ноток в собственном голосе.

Джозеф нахмурился, вновь удивленный. Неужто это кошмарное свидание окончилось приглашением войти? Он шагнул внутрь, и Зои закрыла за ним дверь.

На один жуткий миг ей показалось, что сейчас он заговорит. Но вместо этого Джозеф положил руку ей на спину и привлек к себе. Она привстала на цыпочки, прижалась грудью к его груди и обняла за шею.

Он еще не целовал ее – только смотрел в глаза. Они стояли в молчании, и мозг Зои сделал то же, что делал всегда, когда в жизни наступала пауза: наполнился мыслями. Она пыталась угадать, где сейчас Гловер, далеко ли от Андреа. Быть может, не дальше трех миль. Ждет подходящего случая. Ждет, когда все они расслабятся. Злокачественная опухоль, готовая пробудиться и уничтожить ее сестру. Только эту опухоль не обнаружишь и не удалишь.

Зои вздрогнула, и Джозеф, нахмурившись, крепче прижал ее к себе.

Когда она смотрела на него, страхи отступали, словно приглушали громкость. Так что Зои позволила себе бродить взглядом по аккуратно подстриженной

бороде, густым бровям, светло-карим глазам. Только сейчас она разглядела, что ресницы у Джозефа очень длинные и светлые на концах.

Она потянула к себе его голову, и он, склонившись, припал губами к ее губам. Поцелуй начался неуверенно, почти робко, словно каждый боялся, что другому это не понравится. Джозеф попытался отстраниться, однако Зои потянулась за ним – и, убедившись, что действительно этого хочет, начала действовать смелее. Захватила губами его нижнюю губу, на мгновение всосала, а он в ответ крепче сжал ее талию.

От него приятно пахло древесными стружками и полировкой. Зои приоткрыла рот, чтобы углубить поцелуй, и языки их соприкоснулись. Джозеф приподнял Зои, та обвила его ногами, и он легко, словно пушинку, понес ее в постель. Пройти пришлось всего три шага – номера в мотелях в этом смысле удобно устроены, кровать долго искать не приходится.

Вместе они упали на заскрипевшую под их весом постель. Тело Джозефа стало для Зои убежищем от мрачных мыслей. Приютом, где можно забыться.

Глава 38

Сан-Анджело, Техас, суббота, 10 ноября 1990 года

Мейн присела на его кровать и, устремив глаза к потолку, шумно вздохнула. Мальчик смотрел на нее, страстно желая, чтобы она убралась отсюда ко всем чертям. Но на это в ближайшее время рассчитывать не приходилось.

– Хочешь поиграть в «Лего»? – спросил он.

На самом деле мальчик не хотел с ней играть. Ни во что. Однако по опыту знал: позже мама обязательно спросит, чем они занимались. И он должен будет показать, что продемонстрировал ей богатый выбор игр и развлечений, а если Мейн не захотела играть, это уж ее дело. «Хороший хозяин всегда развлекает гостей», – так говорит мама. Говорит каждый раз.

А мальчик думал про себя: хозяин – тот, кто сам приглашает гостей, а не тот, кому их навязывают и заставляют развлекать.

Мейн закатила глаза, словно само предложение поиграть в «Лего» нагнало на нее невыразимую скуку.

По-настоящему ее звали Чармейн, хотя полное имя мальчик слышал только один раз. Ее мама Рут дружила с мамой мальчика давным-давно, еще со школы. Встречались они не реже раза в месяц, и Рут всегда приводила Мейн с собой. Вскоре мамы отправляли детей поиграть, и те вместе удалялись в комнату мальчика или на двор. Мальчик все это ненавидел. Мейн тоже это ненавидела.

Она сама ему несколько раз так говорила. Интересно, зачем Рут таскает ее с собой?

Ему казалось, что даже мама не слишком-то рада этим посиделкам. Перед тем, как принимать Рут, она всегда жаловалась папе: мол, Рут опять найдет, чем ее уколоть. А после ухода гостей восклицала: «Да чтобы я еще когда-нибудь ее пригласила!»

Поначалу, заслышав эти слова, мальчик преисполнялся надеждой. Но в конце концов понял: надеждам не сбыться. Рут и Мейн – неизбежная часть жизни, такая же, как ходить к зубному врачу, или вставать рано утром в воскресенье и тащиться в церковь, или сидеть в темном чулане и думать о своем поведении.

– Можно поиграть в «Монополию», – вяло предложил он, уже зная, какой будет ответ.

Мейн фыркнула:

– Игра для малышни!

Она была на год его старше и на голову выше. И очень этим гордилась: порой заставляла его вставать к себе вплотную, грудью к груди, и показывала, что он ей даже до подбородка не достает. Пока она радовалась своему росту, он стоял неподвижно, устремив глаза на ее грудь, где под майкой виднелись два крохотных бугорка.

Пожалуй, долг гостеприимного хозяина он исполнил. И теперь представлял будущий разговор с мамой. «Во что вы с Мейн играли?» – спросит она, и голос у нее будет немного напряженный, как всегда после встречи с дорогой подругой Рут. «Ни во что», – ответит он. Что Мейн отказалась, уточнять не станет: если начнет объясняться, получится, как будто он оправдывается. «Но ты предложил ей поиграть? – спросит мама. – Хороший хозяин всегда старается развлечь гостей». «Предложил». «И что предложил?» «Монополию» и «Лего». Шах и мат. На это маме сказать будет нечего...

Мейн снова шумно вздохнула. От нее хорошо пахло. Сладкими духами. Запах – пожалуй, единственное, ради чего стоит терпеть эти визиты. Вечерами, лежа в кровати, он представлял себе, как она стоит перед ним, грудью к груди, и говорит: «Ну какой же ты маленький, даже до подбородка мне не достаешь!» – и от нее пахнет духами.

А он стоит, застыв неподвижно, и смотрит на два бугорка под футболкой.

Мальчик отвернулся и начал сортировать спичечные коробки на столе. Пятнадцать коробков – драгоценная коллекция. Мальчик любил с ними играть; даже мысли о коллекции наполняли его сладким трепетом. Его домашние питомцы.

Жуки, пауки, тараканы. Он ловил их живьем и прятал в коробки. Прислушивался к звукам, которые раздаются в крохотных темницах. Иногда сажал нескольких насекомых в одну «камеру». Хитрость в том, чтобы чуть-чуть приоткрыть коробок и сунуть туда нового узника так, чтобы не выползли

и не вылетели старые. Иногда перемешивал их – например, подсаживал паука к трем мухам.

Время от времени он тряс каждый коробок и прислушивался. Если в коробке было тихо, мальчик очищал его клочком туалетной бумаги. Постепенно накопилась целая груда мертвых насекомых: он подолгу смотрел на них и пытался представить, что чувствовали они, запертые в тесном темном пространстве, тщетно пытаясь найти выход.

– А это у тебя что?

Вопрос застал мальчика врасплох. Мейн стояла прямо у него за спиной и смотрела через плечо; он чувствовал запах ее духов.

– Просто моя коллекция. Спичечные коробки. – Он составил их один на другой, все пятнадцать – башня-тюрьма для множества маленьких узников.

– Не очень-то большая! – Мейн сморщила нос. – И все коробки одинаковые... Разве в коллекции не должно быть все разное?

– А разве должно?

– Знаешь, что мне нравится? – оживилась она. – Я люблю зажигать спички и смотреть, как они горят. А когда огонь дойдет почти до самых пальцев, перехватить спичку и перевернуть, чтобы сгорела до конца.

– Ага, – проговорил он, облизнув губы.

Мейн все еще стояла, склонившись над ним, и бугорок под футболкой касался его шеи.

– Давай покажу! – И она схватила самый верхний коробок.

Мальчик не мог ей помешать; он словно оцепенел. Мейн выпрямилась и открыла коробок. Глаза ее расширились, когда оттуда вылетели и взлетели под потолок две мухи. Следом за ними показались черные ножки таракана.

Мейн пронзительно закричала. Таракан выбрался из коробка и побежал вверх по ее руке. Она затрясла головой, схватилась за стол, повалив на пол башню из спичечных коробков, и, все еще отчаянно визжа, бросилась вон из комнаты.

Он не мог шевельнуться, не мог даже дышать. А вокруг бились и скреблись в своих темницах, стучали ногами и крыльями в картонные стенки «камер» десятки обреченных.

Не успел Тейтум закрыть глаза, как раздался пронзительный трезвон будильника. Впечатление, что поспать совсем не удалось. Не открывая глаз, он потянулся к тумбочке, нашаривая телефон, и в результате неуклюжим движением сбросил его куда-то под кровать.

Будильник орал все громче. Недавно Тейтум поставил на телефон приложение «Соня» – специально для тех, кто не любит вставать по утрам. Такой будильник нельзя поставить на паузу, а чтобы его выключить, нужно набрать шестизначный код. Причем громкость повышается каждые несколько секунд. Теперь Тейтум не мог понять, что его дернуло самого пригласить в свою жизнь это чудовище.

Он сполз с кровати и, припав к полу, начал шарить в поисках телефона. Каким-то недобрый чудом мобильник улетел в самый центр подкроватного пространства – туда, куда одинаково сложно дотянуться со всех сторон. Чтобы его достать, пришлось лечь ничком и вытянуть руку, едва не вывихнув себе плечо. Будильник к тому времени орал так, что, должно быть, перебудил всех соседей.

Наконец нашарив телефон, Тейтум со стоном подтянул его к себе. Отстучал шестизначный код, и чертова машина наконец умолкла. Несколько секунд он сидел на полу, приходя в себя после такого травматичного пробуждения, а потом отправил короткое сообщение Зои: «Подвезти в аэропорт?»

Отложив телефон, начал одеваться. Натянул один носок – и вдруг замер с другим носком в руке.

Зои так и не ответила. Вчера вечером, долго лежа без сна и размышляя над упреками Марвина, он наконец ощутил что-то вроде... нет, не чувства вины – скорее, чувства ответственности за напарницу. Пожалуй, в самом деле не стоит полагаться на то, что она и сама о себе прекрасно позаботится. Проверив телефон, Тейтум увидел, что Вентли даже не открывала сообщение.

И это было странно. Зои наверняка уже встала, а телефон она проверяет постоянно. Всегда. А теперь, когда Андреа грозит опасность, – тем более.

Назойливый репортеришка рассказал вчера, что Зои пошла ужинать вместе с каким-то здоровяком. В тот момент Тейтум подумал, что с детективом Фостером – мало ли что им понадобилось обсудить? Но теперь усомнился в этом.

Услышав, что в соседнем номере открывается дверь, он вышел наружу, надеясь перехватить напарницу. И, сощурившись от яркого солнца, бьющего в глаза, повернулся к номеру Зои.

Из ее номера вышел незнакомый мужчина.

В самом деле здоровяк. Тейтум на рост не жаловался, однако незнакомец возвышался над ним, как башня. Прикрыл за собой дверь, почесал бороду. Окинул взглядом Тейтума, на мгновение задержавшись на его ногах (одна в носке, другая босиком), вежливо кивнул и прошел мимо.

Тейтум вдруг ощутил укол тревоги. Кто этот человек?

Подходя к двери, он заметил, что та приоткрыта.

– Зои! Ты здесь?

Нет ответа. Он постучал, затем, колебавшись, толкнул дверь.

Посреди комнаты стоял чемодан Зои. Белье на постели было смято и скомкано так, словно здесь шла жестокая борьба. Из ванной доносился шум воды.

– Зои! – позвал Грей. И секунду спустя громче: – Зои! С тобой все в порядке?

Шум воды стих.

– Тейтум? – донесся приглушенный голос из-за двери.

Он мгновенно расслабился, а в следующий миг понял, что все истолковал неверно. Скомканные простыни, мускусный запах, стоящий в комнате, мужчина, только что вышедший отсюда... Черт, как же можно было сразу не сообразить?

– Тейтум, это ты? – снова позвала из ванной Зои.

– А... ну да. Извини. Хотел узнать, не подвезти ли тебя в аэропорт. – Он потоптался на месте, чувствуя себя круглым идиотом. – Просто ты не отвечала на сообщение, и я подумал... – Он запнулся. А что, собственно, подумал? И почему ему не пришло в голову самое простое объяснение – что Зои сейчас в ванной?

– Буду благодарна, если подвезешь. Подожди, я сейчас.

Тейтум уже готов был выйти из номера, когда его внимание привлекла сумочка Зои. Она была открыта, и наружу выглядывала серая папка. Он достал ее из сумки и открыл. Дело Николь Медина с пометками и примечаниями, сделанными рукой Зои.

Позади отворилась дверь ванной комнаты.

– Ну вот, я готова, – сказала Зои.

Он повернулся к ней. Волосы у нее были мокрыми, лицо бледнее обыкновенного. По шее стекала капелька воды; Тейтум поймал себя на том, что смотрит на нее как завороченный.

– Ах да! – воскликнула она. – Может, завезешь дело в полицейский участок? Я вчера забыла им вернуть.

– Конечно. Уже говорила с Андреа?

– Ей намного лучше. – Зои наклонилась и подхватила чемодан. – Сегодня у нее ночевал твой дед.

– Что? В твоей квартире?

– Андреа сказала, что с ним чувствовала себя в безопасности. – Зои слегка улыбнулась. – Он очень милый.

– Таков уж Марвин, – пробормотал Тейтум. – Лучший дед на свете.

Бентли пошла к дверям, волоча за собой чемодан.

– Давай я, – предложил Грей.

– Не надо, справлюсь. – Она вскинула на плечо сумку, затем бросила взгляд на его ноги. – А ты, может, пока обуешься?

– А, конечно. Секунду, – пробормотал Тейтум, уставившись на собственные ноги в одном носке.

Зои вышла из номера, пройдя мимо него, и он ощутил запах гостиничного шампуня. Поспешил к себе, надел второй носок и кроссовки, а затем вышел вслед за Зои. Ни умыться, ни почистить зубы он не успел. Ничего страшного, постарается ни на кого не дышать, пока не вернется в мотель.

– Ненавижу уезжать в спешке, но приходится, – заметила Зои, когда они вместе спускались с крыльца. – Пожалуйста, помоги им с прессой и проследи, чтобы открыли горячую линию. И еще напомни, что на похоронах Медина – через несколько дней – надо будет проследить за гостями.

– Конечно. – Серийные убийцы порой приходят на похороны своих жертв, так что фотографировать гостей на похоронах бывает полезно для расследования.

– Позвоню тебе вечером, расскажу, как дела.

– Береги сестру. – Тейтум взял у нее чемодан и положил в багажник, затем оба сели в машину. – Вчера встретил твоего приятеля-репортера.

– Гарри Барри? – обеспокоенно переспросила Зои. – Надеюсь, не рассказывал ему об Андреа?

– Я ничего ему не рассказывал, – отрезал Грей.

Они катили по улицам просыпающегося утреннего города. Тейтум хотел сказать, что теперь его очередь выбирать музыку, но вдруг понял, что не может подобрать слова. Как будто связь между ним и Зои оборвалась и они превратились в незнакомцев. А может, всегда и были незнакомцами? Можно ли за месяц узнать человека?

Зазвонил телефон. Держа руль одной рукой, второй Тейтум поднес телефон к уху:

– Грей слушает.

– Агент Грей! – Детектив Фостер. – Убийца выложил новое видео. «Эксперимент номер два». Это Мэрибел Хоу.

– Черт!

– Высылаю вам ссылку. Приезжайте.

Тейтум дал отбой и повернулся к Зои.

– Придется пересадить тебя на такси.

– Что случилось?

– Эксперимент номер два.

Телефон пискнул, и на экране появилось сообщение от Фостера – ссылка на интернет-сайт. Тейтум щелкнул по ссылке. Неторопливо открылось окно браузера. Сайт был очень похож на предыдущий: ничего, кроме видео, загруженного «Шредингером», под заголовком «Эксперимент номер два». Некоторое время оба смотрели на черный экран, ожидая, когда медленный телефон загрузит видео. И вдруг появилось лицо девушки во тьме. Черно-белое изображение с инфракрасной камеры. Девушка отчаянно кричала и колотила кулаками по чему-то, что находилось над ней. Динамик телефона искажал крики, делал их неузнаваемыми, почти нечеловеческими.

– Это Мэрибел Хоу, – сказала Зои. – Я видела ее фото.

– Мне нужно в участок. Давай достану твой чемодан, и...

– Нет, – ответила Зои, не сводя глаз с экрана. – Я с тобой.

Глава 40

Голос Мэрибел в телефонной трубке заставил Делию снова начать жить.

До того она даже не замечала, что жизнь ее остановилась. Пока Делия ждала возвращения дочери, время стояло на месте – стояло неделями. Они с Фрэнком перестали разговаривать, Делия почти не выходила из дома, забросила обычные дела. Лишь боль, которую она причиняла себе, еще подчинялась законам времени: за несколько секунд делалась нестерпимой, а затем постепенно стихала.

Но услышав, как Мэрибел зовет на помощь, Делия вдруг осознала: ее помощь нужна дочери сейчас.

Всю ночь они с Фрэнком обсуждали, что делать, – по-настоящему разговаривали, впервые за полтора месяца. Разговор был нелегкий, полный пауз и неоконченных фраз, словно их способность общаться друг с другом заржавела от долгого неупотребления. И, конечно, разговор этот посвящен

был лишь одной теме: что теперь делать? Какие у них возможности? Как помочь Мэрибел?

Фрэнк, человек действия, предлагал нанять частного детектива, запустить кампанию в социальных сетях, пробиться с этой историей на местное телевидение. Делия согласилась со всем, что он говорил, но сама решила пойти в полицию и там потребовать, чтобы к исчезновению ее дочери наконец отнеслись серьезно. Какая горькая ирония: Мэрибел много раз говорила, что мать кого угодно достанет! А теперь, быть может, жизнь ее зависит от того, сумеет ли Делия достать полицейских...

Она ехала в полицейский участок и курила, пуская дым в приоткрытое окно. С того телефонного звонка Делия выкурила, одну за другой, почти две пачки. И сейчас переключала скорости, не выпуская сигарету из рук и рассыпая серый пепел по приборной доске.

В кармане пискнул телефон. Наверное, еще один журналист... Бог знает, откуда они узнали о звонке. Может, им рассказал кто-то в полиции? Фрэнк говорит, что это хорошо, что нужно общественное внимание. И сейчас оно появилось. В «Сан-Анджело стандарт таймс» вышла статья о Мэрибел. Голые факты: телефонный звонок, пропавшая девушка, фотография Мэрибел, такой красивой, юной и невинной... Автор статьи обвинял полицию, не обратившую должного внимания на исчезновение человека.

Много ли времени пройдет, прежде чем кто-нибудь задастся вопросом, почему Мэрибел в восемнадцать лет ушла из дома? Скоро ли обвинять начнут не полицию, а родителей?

Затягиваясь сигаретным дымом, Делия мрачно размышляла о том, что скажет в участке. Так или иначе, им придется поверить: она не уйдет, пока они не отнесутся к ее делу всерьез. Пора вернуть Мэрибел домой.

Глава 41

В отделении расследований творился суший хаос. Со множества мониторов и телефонных экранов смотрело искаженное ужасом лицо Мэрибел Хоу, со всех сторон доносились ее пронзительные крики. Тейтум на миг застыл у дверей, и Зои пронеслась мимо него в кабинку Фостера. Тейтум поспешил следом, стараясь не обращать внимания на душераздирающие вопли: «Мама! Мамочка! Помоги! Забери меня отсюда!» Фостер кричал на кого-то по телефону; то же видео крутилось у него на компьютере. Увидев фэбээровцев, он повесил трубку.

– Когда началась трансляция? – спросила Зои.

– Двадцать пять минут назад. И почти сразу люди стали получать письма со ссылками. На этот раз ссылки получили гораздо больше людей, чем раньше. Начался шквал звонков в диспетчерскую.

– С Шелтоном говорили? – спросил Тейтум. – Он пытается отследить, откуда загружается видео?

– Лайонс сейчас с ним на связи, – ответил Фостер. – Выслали три патрульные машины обыскать окрестности захоронения Николь Медина, на случай если и Мэрибел он решил закопать где-то неподалеку. А только что я получил разрешение поднять в воздух вертолет. Вдруг сверху разглядим, как этот сукин сын орудует лопатой...

– Себя самого он сейчас не показывает, – нахмурилась Зои. – Может быть, место погребения легко узнать?

– Значит, в первую очередь думаем о местах, которые легко узнать, так? – переспросил Фостер. – С какими-то приметами, которые, если показать их на видео, сразу тебя выдадут. Сейчас кого-нибудь отряжу. – И он взялся за телефон.

– Фостер! – закричала со своего места Лайонс, вскочив из-за стола. Голос ее почти тонул в криках Мэрибел. – Он использует старый мобильник!

– Что?

– Его мобильник...

Тейтум поднял руку, призывая к тишине, и заорал во всю мощь легких:

– Так, все выключили звук на видео, быстро!

Секунду казалось, что его никто не слышит. Но постепенно, один за другим, крики стихли, и наконец в зале воцарилась относительная тишина.

– Я только что говорила с Шелтоном, – взволнованно блестя глазами, сообщила Лайонс. – Убийца загружает видео с того же телефона, что и предыдущее. У нас есть его приблизительное местонахождение. Шестьдесят седьмое шоссе, к северу от карьера Твин-Баттс. Там рядом трейлерный парк. – Она нагнулась над клавиатурой и застучала по клавишам, выводя на монитор карту.

– Мать честная, мы его достали! – выкрикнул Фостер, набирая номер на телефоне. – Диспетчерская! Мне нужны патрульные на Шестьдесят седьмое. И еще два... нет, три блокпоста. Один на повороте на Уиллик-Пит-роуд. Еще один на повороте на Саут-Джеймс-роуд. И третий на дороге, что ведет к карьеру Твин-Баттс, на съезде с Шестьдесят седьмого... да, там. Ни одну машину не пропускать вплоть до дальнейших распоряжений, ясно? Ни одну! Пусть самого начальника полиции! Закрыть весь район!

Он повесил трубку и, нахмурившись, повернулся к Тейтуму.

– Насколько опасен этот сукин сын, если загнать его в угол? Сопротивляться будет?

– Если загнать его в угол, может попытаться бежать, – ответил тот. – Но если ради этого придется рисковать жизнью – вряд ли. Скорее, попробует вас перехитрить.

Он взглянул на Зои, ожидая подтверждения. Та рассеянно кивнула, думая о чем-то другом.

– Все, что нам пока известно об убийце, свидетельствует, что он охотится на слабых. И Николь Медина угрожал ножом – так что, скорее всего, у него даже нет огнестрельного оружия.

На столе у Лайонс зазвонил телефон, и она сняла трубку.

– Я поеду туда, возглавлю поиски, – сказал Фостер. – Буду рад, если кто-нибудь из вас отправится со мной.

– Я поеду, – ответил Тейтум. – Мы можем...

Лайонс хлопнула трубку на рычаг.

– Здесь Делия Хоу! – громко объявила она.

– Делия Хоу? – переспросила Зои. – Она знает о видео?

– Вряд ли. Похоже, просто хочет поговорить.

Тейтум оглянулся вокруг. Со всех сторон на него смотрело искаженное лицо девушки, отчаянно борющейся за жизнь.

– Сюда ее впускать нельзя!

Глава 42

Зои и Лайонс сумели провести Делию Хоу в пустую комнату для совещаний, не дав ей заметить, что творится в отделе расследований. Там они подробно расспросили ее о вчерашнем телефонном звонке от Мэрибел. Зои никак не удавалось представить себе полную картину, но она надеялась найти какую-то случайную деталь, которая прольет свет на происшедшее. Разговор продолжался – и Бентли чувствовала все большую досаду. Что-то здесь не сходится. Что-то не так.

Лайонс записывала все, что говорила Делия, в блокнот. Разговор крутился вокруг одних и тех же подробностей, и Делия начала проявлять нетерпение.

– Все это я вам уже говорила! – отрезала она наконец. – Я не знаю, почему Мэрибел повесила трубку! Может, услышала, что кто-то идет. Может, у нее

отняли телефон. Лучше скажите мне, что вы намерены делать? Вы вообще ее ищите?

Зои и Лайонс встретились взглядами – всего на миг, но Делия, похоже, это заметила и насторожилась еще сильнее.

– Миссис Хоу, мы делаем все возможное, чтобы разыскать вашу дочь, – сказала Лайонс.

– Я вам не верю! Я хочу поговорить с кем-то еще. Кто у вас тут главный?

Она машинально погладила запястье, и Зои, бросив взгляд в ту сторону, увидела там новый, более свежий ожог. Однако синяков на запястье не было. Никто не принуждал Делию держать руку над огнем.

Пока Лайонс старалась успокоить женщину, Зои попыталась вновь воспроизвести в уме последовательность событий. Полтора месяца назад, 29 июля, исчезает Мэрибел Хоу – видимо, схваченная неизвестным. Затем, 8 сентября, Мэрибел как-то удается позвонить по телефону матери. А на следующий день неизвестный хоронит ее заживо и выкладывает видео в сеть. Выходит, все это время он держал ее взаперти?

– Я хочу поговорить с вашим начальством, немедленно! – выкрикнула Делия Хоу, стукнув кулаком по столу.

Какая-то важная деталь ускользает... Нужно сосредоточиться.

– Прошу прощения. – Зои встала, вышла из комнаты, закрыв за собой дверь, и прислонилась к стене в коридоре.

Допустим, он больше месяца держал девушку в плену. Потом она как-то умудрилась сбежать и позвонить матери. В наказание он закопал ее живьем... Нет, не сходится. Зачем столько времени держать Мэрибел взаперти, если Николь Медина он похоронил сразу?

Может, он и не похищал Мэрибел? Может, она в самом деле уехала из дома и полтора месяца где-то пропадала по своей воле, а убийца схватил ее совсем недавно? Нет, слишком натянуто. Непонятно, почему она так внезапно все бросила и исчезла...

Этот телефонный звонок тоже странный. Делия Хоу твердо заявляет, что ничего журналистам не сообщала. Может быть, информация ушла от ее мужа? Или утечка из полиции? Однако в новостных статьях о звонке слишком много подробностей – подробностей, которые могла знать только Делия.

Или же утечку устроил сам убийца? Тоже не сходится. Девушка попыталась бежать, сумела позвонить матери, он в отместку закопал ее живьем... зачем ему привлекать внимание к собственному промаху?

Из комнаты вышла Лайонс и подошла к Зои.

– В чем дело?

– Что-то здесь не так. Думаете, все это время Мэрибел была в плену у убийцы?

– Почти уверена.

– Зачем он ее держал?

– Не знаю, Зои. Может, насильовал ее, может, заставлял себе готовить, может, ему просто нравилось с ней разговаривать... Откуда нам знать?

– Почему Николь Медина он похоронил сразу? А Мэрибел держал так долго? Почему он так резко меняет образ действий?

– Может быть, он просто психопат-садист, – предположила Лайонс.

– Так не бывает. – Зои покачала головой. – Серийный убийца не одержим дьяволом. У него нет цели творить зло и сеять несчастье. Он повинуетя некоей потребности. У него есть сложная сексуальная фантазия, и, основываясь на ней, он делает то или другое – например, закапывает женщин живьем. И еще, похоже, старается привлечь внимание – и прессы, и полиции. Он жаждет славы.

Какая-то деталь на видео... что-то там не так... Зои не могла понять, в чем дело – словно видела краем глаза тень, которая ускользает, едва пытаешься ее разглядеть.

– С этим разберемся позже, – сказала Лайонс. – А сейчас нам нужно закончить разговор и... – Тут она повернулась к двери комнаты для совещаний – и умолкла.

Зои взглянула туда же. Дверь была приоткрыта, комната пуста. Пока они разговаривали, Делия выскользнула оттуда и ушла.

Обе бросились за ней. Делия прошмыгнула мимо пары копов и свернула направо, прямо к двери с табличкой «Отдел криминальных расследований».

Зои и Лайонс поравнялись с ней лишь секунду спустя. Она стояла в дверях Отдела расследований, глядя на мониторы, показывающие одно и то же – искаженное криком лицо ее дочери. Звук на всех компьютерах теперь был выключен, но и без звука было ясно: происходит что-то страшное.

– Это же Мэрибел... – проговорила Делия. Ее губы дрожали, в глазах стоял ужас.

Лайонс мягко взяла женщину за руку.

– Миссис Хоу, пожалуйста, пойдите со мной.

Она вырвала у нее руку, не сводя глаз с экранов.

– Что происходит?

Лайонс начала отвечать, но Зои ее уже не слышала. Глядя на видео через плечо потрясенной матери, она наконец поняла, что не так.

У девушки накрашены губы, вокруг глаз размазана тушь. Но если убийца похитил ее полтора месяца назад, зачем ей краситься? Разве что сам убийца заставил. Или...

Переведя взгляд на ее топ без бретелек, Зои поняла все.

Глава 43

В первый раз со времени приезда в Техас Тейтум по-настоящему ощутил, как же здесь жарко. Капля пота сползла по лбу и попала в правый глаз. Подошел Фостер с большой бутылкой воды; Тейтум одним махом опрокинул в себя едва ли не половину.

– Как думаешь, сколько времени у нее осталось? – спросил Фостер, поднимая на него усталый взгляд.

Грей пожал плечами. Фостер задавал этот вопрос уже в четвертый раз. Сказать невозможно – даже если б они точно знали, когда Мэрибел заперли в ящике. Судя по видео, сейчас она делала единственное, что увеличивало ее шансы на спасение: лежала спокойно, потребляя меньше кислорода.

У Фостера пискнул телефон.

– Вот черт! – произнес он, взглянув на экран. – Журналисты обо всем пронюхали!

Он показал телефон Тейтуму. На экране красовался заголовок: «Полиция разыскивает девушку, похороненную живьем», и сразу под ним – искаженное лицо и широко раскрытый в крике рот Мэрибел Хоу.

– Скоро это свяжут с делом Николь Медина, и пиши пропало – начнется паника!

Тейтум взглянул на свой телефон, где по-прежнему шла видеотрансляция из могилы.

– Он не прекращает трансляцию. Уже почти два часа.

– И что это значит?

– А черт его знает, – устало ответил Тейтум. – Зои сказала бы, что его фантазия развивается.

Беспрерывные отдаленные гудки действовали на нервы. Шестьдесят седьмое шоссе находилось отсюда в нескольких десятках ярдов: его перегородили

двумя блокпостами и у всех проезжающих проверяли водительские права. В результате в обоих направлениях образовались огромные пробки.

Тейтум взглянул на длинный ряд машин, на стеклах которых играло солнце, затем обвел взглядом весь периметр поисков. Плоская равнина, присыпанная песком и гравием, кое-где утыканная кустарником, кактусами и одинокими безлистными деревьями. У дороги трейлерный парк; его обитатели высыпали на улицу и с любопытством наблюдают за работой полиции. Вдали виднеется заправочная станция. В нескольких ярдах от дороги, параллельно ей, тянутся железнодорожные пути. Тейтум уже смотрел на карту и знал, что они на много миль идут бок о бок с шоссе.

Несколько полицейских прочесывали местность с металлоискателями; пока нашли лишь несколько пивных банок. Кинолог по фамилии Джонс со своим псом Бастером обыскивал трейлерный парк. С другой стороны периметра криминалист водил по гравию радаром. Выглядело это чудо техники не слишком впечатляюще – вроде газонокосилки, к тому же криминалисту приходилось постоянно огибать или убирать со своего пути камни, кусты и кактусы. На глазах у Тейтума он остановился, потряс головой и, понурившись, двинулся прочь от своей машины.

– Что еще? – проворчал Фостер.

– Радар здесь почти ничего не ловит, – сообщил криминалист. – Почва глинистая.

– И что?

– Глина мешает радару.

– Ты говорил, эта твоя штука просвечивает землю на пятьдесят футов вглубь. А здесь на сколько? Пятнадцать футов? Десять? Пять?

– На пятнадцать дюймов.

– Дюймов? – словно не веря своим ушам, повторил Фостер.

– Слишком много глины. – Криминалист кивнул. – Уж извини.

– Нам нужно больше собак, – сказал Фостер, поворачиваясь к Тейтуму. – Больше металлоискателей. И...

Из телефона последнего донесся странный звук, нечто вроде треска помех. Тейтум всмотрелся в экран, прикрывая его ладонью от солнца.

– Какого черта? – пробормотал он.

На видео явно что-то происходило.

Стенки ящика вокруг Мэрибел дрожали, сквозь щели сыпался песок. Что-то ревело вокруг нее. Мэрибел отчаянно кричала.

Тейтуму вспомнились слова доктора Кобб: «В варианте Эйнштейна речь шла о взрывчатке».

Стенки ящика содрогались все сильнее. Нет, это не взрыв, это что-то совсем другое...

– Что это? – спросил Фостер. – Как будто землетрясение... Да где она, черт побери?

Тейтум поднял глаза и огляделся. Он не видел ничего, что могло бы вызвать такую дрожь земли.

А потом его взгляд упал на железную дорогу.

Сердце Тейтума ухнуло куда-то вниз; он снова взглянул на экран. Мэрибел похитили полтора месяца назад; однако ее топ, хоть и измятый, не выглядел заношенным – вряд ли она носила его дольше нескольких дней. Вокруг глаз размазалось что-то темное: теперь Тейтум понял, что это. Тушь.

Все это время они думали, что смотрят живую трансляцию. Прямой эфир, как в случае с Николь Медина.

И ошибались.

– Это поезд, – тихо сказал он. – Над ней проезжает поезд. Она закопана вблизи рельсов.

– Но никакого поезда нет!

– Сейчас нет. А когда убийца снимал видео – был... Вы привезли сюда не ту собаку. Нам нужен пес, натасканный на поиск трупов.

Глава 44

Удобно устроившись в кресле, он читал в открытом браузере первую статью о себе. Наконец-то журналисты начали задавать правильные вопросы. Кто такой «Шредингер»? Что у него за эксперимент? Статья была выдержана в бодром тоне: полицейские, мол, заявляют, что местонахождение девушки им известно. Возможно, предполагал дальше корреспондент, девушка, запечатленная на видео, поможет выяснить личность «Шредингера».

Девушка на видео никому ничем не поможет! Неужели они это еще не поняли?

Возможно, поняла Зои Бентли.

Щелкнув по другой закладке, он еще раз перечитал статью о том, как она ловила Гробовщика-Душителя. Автор уверял, что доктор Бентли необычайно умна, проницательна и не упускает ни одной детали.

А теперь ее отправили ловить его! Эта мысль принесла радостное волнение. Нужны ли еще доказательства, что он – выдающаяся личность?

Убийца открыл несколько сайтов местных газет и начал обновлять страницы, ожидая появления новостей о себе. Скоро в браузере было открыто уже больше двадцати закладок. На какой-то странице начала голосить реклама – искать ее он не стал, просто выключил звук.

Еще одна газета, еще одна статья. Целые абзацы без изменений скопированы из предыдущей. Халтура! Кого он презирает всей душой, так это халтурщиков...

А что Николь Медина? Неужто ни один журналист не заметил связи между двумя случаями? В статьях об этом ничего нет. Может, сообразит кто-то из читателей? Он начал просматривать комменты к статьям – и немедленно об этом пожалел. Первый же комментатор утверждал, что вся эта история – фейк, отвлекающий людей от того, что творится на Ближнем Востоке. Остальные были банальны: «Ужас!», «Кошмар!», «Что за зверь мог такое сотворить?!» О Николь Медина никто не вспоминал. Хотя один спросил: если это эксперимент номер два, то был ли номер первый?

Придется ждать, пока какой-нибудь сообразительный журналист не увидит связь. Все равно это произойдет, и очень скоро. Либо из полиции сольют информацию газетчикам, либо кто-нибудь докопается сам.

Завтра все узнают, что в Сан-Анджело появился серийный убийца.

Он снова пролистал открытые страницы, обновил каждую, нетерпеливо ожидая новостей. Пока ничего. А ему скоро на работу.

Что ж, потерпим...

Переключившись на «Инстаграм», он прокрутил свою ленту – череду девушек, жаждущих внимания. Время от времени останавливался, вглядывался в ту или другую фотографию. Кто станет следующей?

Внимание его привлекла та, что лежала на кровати под одеялом и улыбалась в камеру. Джулиет Бич. Одна из его любимиц.

Подпись: «Последнее утро, когда мне восемнадцать». Он щелкнул по ее профилю в «Фейсбуке», проверил, когда у нее день рождения. Десятого сентября. Завтра.

По случаю дня рождения она, разумеется, устроит вечеринку.

Отлично. Над ней он и поставит «эксперимент номер три».

Офицер Виктор Финкельштейн припарковал внедорожник на обочине и открыл заднюю дверь для Шелли, своей четвероногой напарницы. Та выпрыгнула из машины, завиляла хвостом и, вывалив язык, одарила хозяина широкой собачьей улыбкой.

Виктор достал из машины миску, затем извлек из портативного морозильника припасенную заранее бутылку ледяной воды.

– Привет, Франкенштейн! – раздалось у него за спиной.

В отделении полиции Сан-Анджело Виктора прозвали «Франкенштейном» – и из-за сходства имен, и из-за профессии. Виктору такое сравнение нравилось, он и собаку свою не зря называл Шелли – вот только этой шутки уже никто не понимал.

За спиной стояли детектив Фостер и какой-то незнакомец, оба взмокшие, усталые и, похоже, расстроенные.

– Привет, детектив, – ответил Виктор.

– Нам нужно поискать возле железной дороги, – сказал Фостер.

– Пару минут, детектив. Шелли попьет.

Фостер раздраженно кивнул; видно было, что эту задержку он считает излишней. Люди, не работающие профессионально с собаками, не понимают. Шелли – не домашнее животное Виктора, и уж точно, черт возьми, не рабыня. Она – его напарница. И Виктор всегда обращается с ней именно так – как с равной. Если б сам он сказал, что хочет сначала выпить воды, стал бы Фостер заводить глаза и вздыхать? Очень вряд ли.

Виктор взял бутылку, в которой плавали белесые кусочки льда, вылил половину в миску, и Шелли немедленно принялась лакать. Он тоже хлебнул воды, закрыл и убрал бутылку обратно в морозильник.

Фостер взглянул на свой телефон и откашлялся.

– Так, может быть...

– Еще минуточку, детектив, – твердо ответил Виктор. – Раз вы вызвали нас, значит, спешить некуда.

Детектив обменялся взглядами с незнакомцем, стоящим рядом.

– Офицер Финкельштейн, – представился Виктор, протянув руку.

– Агент Грей. – Незнакомец шагнул вперед. У него было крепкое рукопожатие и приятная вежливая улыбка.

– О, федерал?

Шелли подняла голову от миски и взглянула на Виктора, вильнув хвостом.

- Ладно, детектив, веди.

Двое мужчин повели напарников по песчаной полоске земли. К некоторому своему удивлению, Виктор увидел Джонса. Обычно два кинолога редко работали вместе. Джонса с Бастером вызывали, когда помощь требовалась живым.

Наверное, завидовать нехорошо, но Виктор порой чувствовал, что они с Шелли обделены вниманием. Взять хотя бы Джонса. У этого парня уже с полдюжины, не меньше, интервью в местных газетах! Читатели обожают такие истории: «Лучший друг человека спасает туристов, заблудившихся в каньоне» или «Коп и его собака находят пропавшую девочку». Фотографии со спасенными, цветы, шоколад, каждый год открытки на Рождество. Следующими идут собаки, натасканные на поиск наркотиков: и они иногда получают свою минуту славы, репортаж и фото рядом с горой кокаина, которую им удалось унюхать.

А о Викторе и Шелли – ни статей, ни фотографий. Ни рукопожатий с шефом полиции или с мэром. Никаких там: «Лучший друг человека находит разложившийся труп».

Но сам Виктор знал, насколько важна его работа. Сколько несчастных родителей благодаря Виктору и Шелли смогли наконец попрощаться со своими детьми и жить дальше! Сколько убийц отправились за решетку благодаря ему и его четвероногой хвостатой напарнице!

Когда они подошли ближе, Бастер приветственно гавкнул, а Шелли завиляла хвостом. Она не любила подавать голос – была спокойной и молчаливой, как и ее хозяин.

- Значит, вы думаете, тело зарыто где-то здесь? – спросил Виктор.

- Агент Грей в этом уверен, – сдержанно ответил Фостер.

- Мы полагаем, что девушку закопали вблизи железной дороги, – добавил агент. – Давно ли – не знаем.

Виктор кивнул.

- Слышишь, Шелли? Давай ее искать.

Шелли взглянула на него, насторожив уши и приподняв переднюю лапу. Затем настороженно понюхала землю.

- Куда идти? – спросил Виктор у Фостера.

- Попробуем на запад, – ответил агент Грей.

Виктор вел Шелли на поводке, позволяя ей время от времени останавливаться и принюхиваться. У кактуса она подняла ногу, затем пошла дальше. И вдруг дернула поводок и потащила Виктора в другую сторону, прочь от рельсов. Шерсть у нее на загривке встала дыбом, все тело напряглось, нос не отрывался от земли. Отведя Виктора ярдов на пять от железной дороги, за пригорок, Шелли остановилась, внимательно принюхалась, затем пару раз копнула лапой землю и тихо, тоненько заскулила.

Через несколько секунд на место подошли Фостер и агент Грей.

– Здесь что-то есть, – сказал Виктор.

– Тело? – спросил Фостер.

Виктор пожал плечами.

– Труп. Может быть, мертвая гиена или дикий козел. А может быть, девушка, которую вы ищете.

Фостер тяжело вздохнул.

– Что ж, будем копать.

Виктор понял: до этой секунды они еще надеялись. Надеялись, что девушка, несмотря ни на что, окажется жива.

Он присел рядом с Шелли, почесал ее по загривку и за левым ухом.

– Молодец, Шелли! Хорошая девочка. Молодчина.

Шелли вывалила язык и одарила его широкой зубастой улыбкой.

«Вот было бы здорово, – подумал Виктор, – если б и меня кто-нибудь иногда чесал за ушком и говорил, что я хороший коп...»

Глава 46

Делия сидела за компьютером в полицейском участке и, не отрываясь, смотрела на монитор. Сначала ее пытались отсюда выставить, но после того, как она едва не выцарапала глаза одному детективу, оставили в покое. Даже посадили за свободный стол с компьютером и дали стакан воды. Видео шло беззвучно, и Делия не пыталась включить звук. Просто смотрела в лицо дочери.

Полицейские говорили ей: ищем, ищем. И больше ничего. Та женщина, Бентли, о чем-то взволнованно перешептывалась с детективом Лайонс. Обе ничего Делии не объясняли.

Никогда в жизни она не видела дочь такой напуганной. Мэрибел была бесстрашной, даже когда еще не умела ходить. Большая часть ссор между ними случалась из-за того, что Мэрибел ничего не боялась. Маленькой не опасалась наказаний, повзрослев, не думала о последствиях. Для Делии, все детство которой прошло в вечном страхе перед гневом отца, это было непостижимо.

Но теперь Мэрибел умирала от ужаса. И это разрывало Делии сердце.

За спиной раздался телефонный звонок.

– Привет, Тейтум, – сказала Зои Бентли. – Есть новости?

Делия повернулась к ней. Бентли слушала напряженно, сосредоточенно. Прочитать что-то по ее лицу было все равно, что разгадать мысли мраморной статуи. Бентли слушала, кивала и иногда произносила нейтральные словечки, поддерживающие телефонный разговор, по которым ничего невозможно понять. «Так... Да... Понятно... Угу...» И наконец: «Я ей скажу». Тут взгляды их встретились; Бентли положила трубку и, кашлянув, промолвила:

– Миссис Хоу, мне очень жаль. Только что нашли тело вашей дочери.

Делия растерянно перевела взгляд на монитор, где надрывалась в беззвучном крике Мэрибел.

– Но... это видео...

– Видео не сегодняшнее. – Бентли не пыталась подобрать слова или говорить как-то особенно бережно. – Мы не знаем, когда оно было снято.

Делия повернулась к Лайонс, словно надеялась, что та скажет: «Это неправда!» Однако Лайонс тоже молча слушала, приоткрыв рот.

– Вы уверены? – спросила Делия. – В одном классе с Мэрибел училась девочка, очень на нее похожая. Может быть, это она... Нельзя же прекращать поиски только потому...

– Одежда на теле соответствует одежде на видео, – ответила Бентли, – и топ на ней тот же самый, что был в день, когда она исчезла. Позже мы попросим вас ее опознать.

Перегнувшись через Делию, она выключила монитор. Делия ахнула и потянулась снова его включить. Бентли крепко схватила ее руку. При всей своей хрупкости, она оказалась очень сильной.

– Мэрибел больше нет. От того, что вы смотрите видео с ее страданиями, она не вернется. Этим вы просто причиняете себе боль. Такую же, как когда держите руку над газовой горелкой.

– Если б она не ушла из дома... – пробормотала Делия, глядя в сторону. – Если б послушала меня и осталась... ничего бы не произошло...

– Она умерла не потому, что ушла из дома. Не потому, что не послушала вас. Не из-за чего-то такого, что сделали вы.

Лицо Делии перекосилось, словно от невыносимой боли. Хоть бы эта женщина заткнулась и оставила ее в покое!

– Она умерла, потому что ее убили. Убил какой-то человек, которому было плевать и на нее, и на вас. Понимаете меня? – Бентли присела с ней рядом.

– Если хотите увидеть лицо вашей дочери, посмотрите лучше на фотографии. А не на видео, которое снял убийца.

Делия закрыла глаза и стала молиться о том, чтобы эта женщина ушла. Бентли еще что-то ей говорила, потом вступила детектив Лайонс. Через некоторое время Делии помогли встать на ноги – она не сопротивлялась. Кто-то спросил, не надо ли с ней побыть. Не подвезти ли ее домой. Она пробормотала, что всё в порядке, что у нее машина и она прекрасно доберется сама. Ее отпустили.

И Делия вернулась домой – к газовой горелке.

Глава 47

Сан-Анджело, Техас, 24 марта 1994 года

Любимый его столик в школьной столовой был в дальнем углу, откуда открывался безупречный вид.

Он сидел здесь, как всегда, с блокнотом, полностью поглощенный своими набросками. Картофельные шарики, молоко, наггетсы и зеленый «джелло» стояли на подносе нетронутыми.

Видел он только Дебру Миллер.

Она сидела за своим обычным столиком вместе с подружками, которых он не мог запомнить ни в лицо, ни по именам. Да и не замечал. Смотрел только на нее: как она смеется, прикрывая рот рукой, как блестят ее глаза и прыгают на плечах золотистые кудри. Она носила свободные блузки с глубоким вырезом, из которых всегда чуть выглядывало плечо. И эти блузки, и плечо, и прекрасную шею он знал наизусть. На математике Дебра сидела перед ним, и все уроки напролет он следил за каждым ее движением.

Водя карандашом по бумаге, он зарисовывал ее волосы, бесконечные волны кудрей и представлял, как она приглаживает их рукой. Чтобы нарисовать Дебру, уже не нужно было на нее смотреть. Позже, дома, он перенесет наброски в альбом, кое-что поправит, добавит цвета. И будет думать только о ней – с момента пробуждения и до того, как ляжет спать.

А когда закроет глаза, она явится ему во сне.

Он едва заметил шум рядом: трое ребят, толкаясь и смеясь, гонялись друг за другом между столиками. Один из них, крепкий парень по имени Аллен, налетел на его столик, толкнул, и блокнот с рисунками выпал из рук.

– Ох, извини, – тяжело дыша, проговорил Аллен. – Я тебя не заметил.

Он молчал, не сводя глаз с блокнота, что валялся у ног Аллена.

Аллен наклонился и поднял блокнот. Бросил взгляд на рисунок.

– Ух ты, здорово! Сам нарисовал?

– Сам, – хрипло, почти шепотом ответил он, протянув руку за блокнотом.

– Девчонок рисуешь? – игриво спросил Аллен, листая блокнот грязными руками. – А это...

Но, взглядевшись в рисунки повнимательнее, умолк. Перелистнул страницу, затем следующую. Блеск в его глазах исчез, веселая улыбка обернулась гримасой отвращения. Аллен листал дальше – и ужас и омерзение все яснее проступали у него на лице, словно перед ним представали ожившие кошмары из тех, что, увидев, хочется поскорее забыть. Наконец он швырнул блокнот на пол, наклонился и дрожащим от ярости голосом процедил:

– Слушай меня, ты, урод! Если когда-нибудь поймаю тебя рядом с какой-нибудь из наших девчонок... если хоть случайно ты к какой-нибудь подойдешь – тебе не жить, понял?

Он кивнул; дыхание перехватило, сердце билось где-то в горле.

– И если еще когда-нибудь увижу, что ты хоть что-то рисуешь, все дерьмо из тебя выбью! Ясно?

Еще один кивок.

Аллен повернулся, расправил плечи и вразвалку зашагал прочь.

Он подобрал свой блокнот, пролистал. Фрагменты собственных рисунков приковали его взор. Расширенные от ужаса глаза Дебры. Рот, забитый песком. Нагое тело в клетке. Прекрасное обнаженное плечо, наполовину поглощенное землей.

Глава 48

Сидя на пассажирском месте в машине Лайонс, Зои смотрела на приближающееся место преступления. Второе место убийства не отличалось тишиной и укромностью первого. Преступник устроил захоронение возле шоссе, по которому постоянно проезжали автомобили. Рядом были трейлерный парк, бензозаправка и несколько складов: теперь из всех этих мест потянулись зеваки. Ссылка на видео попала к журналистам, и самые дотошные увидели связь звонка Делии, якобы от ее дочери, с убийством Николь Медина. Зои насчитала пять фургонов разных местных СМИ, и еще один подъехал одновременно с ними.

Полицейские, все утро искавшие Мэрибел Хоу, теперь обтягивали место преступления желтой лентой и отгоняли гудящую толпу. Над самой могилой, скрыв ее от жадных глаз и камер, поставили большую брезентовую палатку. Впрочем, Зои знала, что сегодня же вечером снимки со всеми подробностями попадут в Интернет. Вместе со ссылками на сайт убийцы. Вместе с бесконечными спорами о том, в чем состоят зловещие эксперименты номер один и номер два и последует ли за ними эксперимент номер три. Люди будут говорить о двух Шредингерах, ученом и преступнике.

Так убийца получит то, что хотел. Славу.

За последний час трижды звонил Гарри Барри. Зои не перезвонила. Наверняка он проклинает ее за то, что упустил свой репортаж, – ну и плевать. Один убийца дома преследует ее сестру, другой здесь готовится к новым убийствам. Бросить все и лететь в Дейл? Или остаться? Оба варианта казались невозможными.

Она вышла из машины – и окунулась в полуденное тexasское пекло. Стараясь не обращать внимания на жару, протиснулась сквозь толчею следом за Лайонс, которая двинулась прямо к офицеру с папкой в руках. Обе они расписались в протоколе и, перешагнув ленту, попали на место преступления.

Тейтум разговаривал с полицейским, держащим на поводке собаку. Зои подошла к нему, наклоняя голову, чтобы солнце не било в глаза.

Когда она подошла ближе, Тейтум повернулся к ней.

– Как мать?

Зои покачала головой.

– Так себе. Лайонс позвонила кому-то из Отдела помощи жертвам преступлений. Мать все равно уверена, что это ее дочь звонила вчера.

– Возможно, убийца взял аудиозапись с видео и сделал нарезку так, чтобы звучало как обращение к матери за помощью, – мрачно заметил Тейтум.

– Поиски в районе, откуда якобы позвонила Мэрибел, следует прекратить. Это явно уловка убийцы: он, скорее всего, хочет отвести нас подальше от собственного дома.

– Да, Фостер уже распорядился.

– Что у нас сейчас есть? Видео еще идет.

– Я поговорил с Шелтоном, – ответил Тейтум. – Они пытаются выяснить происхождение веб-сайта, но это сложно. И хостинг, и доменное имя зарегистрированы через чешского провайдера.

– А что с телефоном, с которого загружается видео? Он где-то здесь, правильно?

– Обыскали всю округу с металлодетекторами. Пока нам не повезло. Сейчас осматривают трейлерный парк, но некоторые его обитатели создают нам проблемы. Требуют ордеров на обыск, а быстро, как ни старайся, их не получить. Сама понимаешь, бюрократический кошмар.

Собака робко обнюхала руку Зои. Та вздрогнула и отстранилась.

– Это Виктор, офицер-кинолог, который нашел тело, – представил полицейского с собакой Тейтум.

– На самом деле тело нашла Шелли, – добавил Виктор.

Зои коротко кивнула и снова повернулась к Тейтуму.

– Время смерти уже есть?

– Патологоанатом приехал. – Грей махнул рукой в сторону палатки. – Сходи туда и сама у него спроси. Я уже посмотрелся... и нанюхался.

Зои подошла к палатке, приподняла полог – и отшатнулась: так сильно ударил в ноздри запах. Спертый воздух и жара под брезентовым тентом усиливали острую гнилостную вонь и делали ее невыносимой.

В центре палатки виднелась большая прямоугольная дыра в земле, и в нее светил одинокий прожектор. Сделав три шага вперед, Зои увидела лысину доктора, склоненную над телом. Труп выглядел страшно: полуразложившийся, вздутый, изуродованный, с черными и серыми пятнами на коже. Бросив лишь один взгляд, Зои поспешно шагнула назад.

Она попыталась вспомнить фамилию доктора, но в голове застряло только его дурацкое прозвище.

– Э-э... доктор... Кудряш?

Он поднял голову. Рот и нос его были прикрыты маской.

– Здравствуйте, агент Бентли.

– Установили время смерти?

– Учитывая излияние жидкостей и скопление газов...

– Не нужно подробностей, я поверю вам на слово.

– Тело было захоронено в сухой почве и на большой глубине, без доступа для насекомых, так что процесс разложения проходил медленнее обычного. Конкретное я смогу установить, когда проверю степень разложения внутренних органов. Но это потребует полного вскрытия. Пока скажу лишь, что жертва погибла не менее двух и не более восьми недель назад.

– Спасибо, доктор! – торопливо выпалила Зои и бросилась вон из палатки.

Едва оказавшись снаружи, сделала глубокий вдох... Зря. Палатка создавала ложное ощущение, что наружу запах не проникает; однако и по другую сторону

брезента вонь ощущалась прекрасно, и теперь Зои умудрилась вдохнуть ее полной грудью. К горлу подступила тошнота, но, вспомнив, что на нее смотрят, Бентли сделала пару неуверенных шагов, несколько раз быстро вдохнула-выдохнула через нос, и желудок пришел в чувство.

Она достала телефон и быстро написала сообщение Андреа: «Как ты?»

Андреа начала отвечать сразу. Зои ждала, глядя на мерцающие три точки на экране.

«Лучше. Заезжала твоя начальница. Она милая. А Марвин делает мне свои знаменитые гамбургеры».

Поколебавшись, Зои отстучала: «Я пропустила самолет. Здесь еще одно убийство».

«О боже! Какой ужас!»

«Улечу следующим рейсом. Здесь справятся без меня».

Теперь три точки мигали долго, и Зои уже ждала целого манифеста в ответ, но Андреа написала просто: «Можешь спокойно остаться на день-два».

Зои представила себе, как сестра пишет ответ, стирает, снова пишет, стирает и этот – пытается решить, что же чувствует на самом деле. Плотнo сжав губы, она написала: «Позже обсудим».

Сунула телефон в карман и обвела взглядом окрестности, пытаясь понять, почему убийца выбрал именно это место. Не такое изолированное, как предыдущее, – на расстоянии ста ярдов вокруг полно свидетелей. Правда, саму могилу довольно надежно скрывали холмик и рощица. Шоссе пересекает проселок, по которому можно подъехать на машине совсем близко к месту преступления. Вроде все понятно... и все же есть что-то еще, что-то важное, что Зои пыталась и никак не могла нащупать.

Неподалеку Лайонс о чем-то воодушевленно говорила с полицейским. Тот держал в руках полиэтиленовый пакет для улики с чем-то металлическим внутри. Зои поспешила туда.

– Что у вас?

– Нашли телефон, с которого загружается видео. Он ни к чему не подсоединен. Видео сохранено в телефоне. И эта чертова штуковина все еще его транслирует!

– Где он был?

– В трейлерном парке, в горе мусора.

– Но ведь трейлерный парк огорожен? – торопливо спросила Зои, чувствуя, как растет волнение. – Не видел ли там кто-нибудь незнакомых людей...

– Никто посторонний туда не приезжал, – ответила Лайонс. – Одна пожилая дама живет в трейлере прямо у ворот. Говорит, что всегда видит, кто

приезжает и кто уезжает. И я ей верю. Она перечислила все, что делали ее соседи за последнюю неделю, с такими подробностями, словно журнал ведет. В последние двадцать четыре часа в трейлерный парк незнакомцы не заезжали. Возможно, убийца здесь и живет?

Зои покачала головой.

– Убийца осторожен. Он ни за что не приведет нас к своим дверям. Может, отдал кому-нибудь телефон и попросил подбросить?

– Или просто перекинул через забор. Мусорная куча, где нашли телефон, всего в нескольких метрах от ограды парка.

– Этого он с самого начала и хотел, – сказала вдруг Зои.

– О чем вы?

– Выложить видео можно откуда угодно. Но он не просто привез телефон сюда – он использовал один из телефонов, задействованных в предыдущем убийстве. Хотя тщательно заботился о том, чтобы в промежутке оба телефона были выключены. Он знал, что мы за ними следим и, если он включит телефон, сразу об этом узнаем. И привел нас сюда, потому что хотел, чтобы мы нашли тело.

– Но зачем?

– В этом смысл эксперимента номер два. Подопытная здесь – не Мэрибел Хоу, а мы с вами. Он хотел узнать, что мы станем делать, если решим, что это прямой эфир, как и первое видео. Он играет с нами.

Глава 49

Тейтум наблюдал за допросом очередного свидетеля из трейлерного парка. А свидетелей было немало. Некоторые косились на Фостера, явно оскорбленные тем, что их допрашивает чернокожий. Один так набрался, что двух слов связать не мог; а женщина из ржавого полуразвалившегося трейлера, выкрашенного ядовито-розовой краской, согласилась отвечать на вопросы только из-за закрытой двери. Словом, бывали у него в жизни и более увлекательные опросы очевидцев.

Все местные жители соглашались друг с другом в одном: в последние двадцать четыре часа посторонних в парке не было. Откуда взялся телефон, они понятия не имеют. Никто не видел человека, копавшего яму или тащившего к ней ящик размером с гроб. Да и вообще ничего интересного – не говоря уж о незаконном – никто из них не видывал с момента рождения. Так уж повезло.

Впрочем, двое местных обитателей сообщили, что в парке – да-да, прямо среди них! – живут подозрительные субъекты, которые вполне могут оказаться убийцами. Звали двоих равнодушных граждан Говард и Томми, а тех потенциальных злодеев, на которых они указывали, – соответственно Томми и Говард. Дальнейшие расспросы показали, что между этими двумя уже много лет идет безжалостная вендетта из-за того, что кто-то из них – за давностью лет уже забыли, кто – одолжил у другого дрель и не отдал.

Тейтум со стоном потянулся и сунул руки в карманы. Похоже, они зря тратят время. Сходить бы посмотреть, как дела у тех полицейских, что допрашивают работников заправки...

– Детектив Фостер! – позвала, помахав рукой, женщина-полицейская. – Подойдите сюда!

Фостер подошел к ней.

– Что такое, Уилсон?

Тейтум придвинулся поближе, чтобы послушать их разговор. Полицейская общалась с парнишкой лет шестнадцати. Обращался он в основном к ее груди, но женщина, как видно, не возражала. Глаза у нее блестели – Тейтум хорошо знал этот блеск. Она напала на что-то стоящее.

– Пол, расскажи детективу Фостеру все, что сейчас рассказывал мне, – попросила она мальчишку.

Тот повернулся к Фостеру, явно разочарованный тем, что теперь придется общаться с немолодым детективом без малейших признаков сисек.

– Ну вот, я говорю, мы с Джефом – он больше здесь не живет, переехал, потому что предки его развелись, и он с мамкой уехал на юг к деду и бабушке, – так вот, мы с ним гуляли тут как-то, наверное, года полтора назад, да, точно, года полтора, потому что Джеф уехал прошлым летом, а это было как раз перед тем... Помню, мы еще говорили о том, что его предки разводятся, потому что собачатся все время, видеть друг друга не могут, – и тут как раз видим этого мужика.

– Какого мужика? Где? – спросил Фостер.

– А вон там, на том месте, где у вас стоит палатка. Он копал яму. У него была при себе лопата и всякое такое прочее, и выглядел он как рабочий, но мы поняли, что это не рабочий, потому что зачем там копать – ни труб никаких, ни проводов, сечете? Батя Джефа работал водопроводчиком, пока его за пьянки не вытурили, так что Джеф в этом понимает – и он мне сразу сказал: никакой это не рабочий, не похож.

– А на кого он был похож?

– Ну, не знаю... Так-то белый был, а больше мы ничего не разглядели, потому что довольно далеко стояли и не хотели подходить ближе, чтобы он нас не засек.

– Почему?

Разговор звучал гипнотически, словно медленный грустный блюз: Фостер задает быстрые, короткие вопросы – парень отвечает бесконечными змеистыми фразами, запутанными, как лабиринт.

– Потому что Джеф сказал, этот мужик наверняка из мафии, небось хочет там бабки спрятать, или наркоту, или труп, или еще что такое, так что на глаза ему не полезем, мы же не идиоты! И мы держались подальше, но смотрели, что он там делает. И вот он копал прямо весь день без перерыва!

– Ты рассказал родителям? Или кому-нибудь еще?

Кусая губы, Пол уставился на свои ботинки.

– Не хотел, – подсказал ему Тейтум. – Потому что надеялся, что там деньги.

– Это не против закона – никому не рассказывать, – пробормотал Пол.

– Значит, мужик весь день рыл яму. – В голосе Фостера появились нотки нетерпения. – Дальше что?

– Дальше ушел. Мы подождали до темноты, а потом пошли туда, думали, вдруг там бабло, тогда можно себе взять немного, потому что Джеф... ну, у него, когда бату уволили, с деньгами стали совсем кранты, и он хотел семье помочь, а я... – Пол замолчал. Видимо, его мотивы были не столь чисты.

– Ты просто подумал, что бабло в жизни не помешает, – подсказал Тейтум. – Дальше.

– Ну, пришли мы туда, и сначала никак не могли эту яму найти, и вообще не поняли, что за фигня, он тут же снова ее закопал, что ли? А потом в одном месте слышим скрип и видим, что земля как-то прогибается. В общем, оказалось, этот мужик яму заложил досками и сверху присыпал песком, так, чтобы вообще незаметно было, если не знаешь, где искать. Мы убрали доски, но ничего там не нашли, ни наркоты, ни бабла. Тогда я говорю – или, может, Джеф сказал, хотя нет, точно я – я говорю: «Может, он яму вырыл сейчас, а что-то спрячет там позже? Тайник сделал, сечешь?» И мы решили, что надо приглядывать за этой ямой, на случай если этот мужик снова появится и если что-то туда положит, проверить, что там, и если бабло, взять себе немного, а если наркота... э-э... сообщить в полицию.

«Стащить и загнать», – мысленно поправил его Тейтум.

– Но тот мужик так и не вернулся, а я ходил и проверял эту чертову яму каждую ночь... ну... целый год, наверное. А он так ничего туда и не положил, и я подумал, может, он забыл об этой яме, да к тому же и Джеф уехал, а одному по ночам в наших краях бродить стрёмно, раз меня чуть скорпион не цапнул, ну и...

– А этого мужика ты больше не видел? – спросил Фостер.

– Не-а. То есть, может, и встречал где-нибудь на улице, или у нас в парке, или в кино – не знаю, я ведь его как следует не разглядел. Но никогда не

видел, чтобы он возвращался к яме. К этой яме вообще никто не приходил. Пока не появились вы.

– Ничего примечательного не запомнил? Какие-нибудь особые приметы?

– Он приезжал на белом фургоне. На номера я и не смотрел, но фургон был белый и старый, облезлый такой.

Тейтум и Фостер переглянулись. Наконец ниточка!

– Знаешь, как связаться с Джефом? – спросил Фостер.

– Не-а. Он вроде теперь живет где-то под Сан-Антонио.

– Хорошо, мы его найдем. Можешь рассказать еще что-нибудь о машине?

– Машина белая, – извиняющимся тоном ответил Пол. – Я больше на яму смотрел.

– Спасибо, Пол, ты очень нам помог, – закончил разговор Фостер.

Пол кивнул, пошарил взглядом вокруг, похоже, надеясь еще пообщаться с офицером Уилсон, понял, что в ближайшем будущем это ему не светит, и вразвалочку пошел прочь.

– Убийца мог планировать все это уже полтора года назад? – понизив голос, спросил Фостер у Тейтума.

Тот посмотрел по сторонам, ища глазами Зои.

– Что такое? – спросила она, подходя к ним.

– Нашли свидетеля, – объяснил Грей, – который видел, как наш парень копал могилу. Полтора года назад.

– Полтора года? – изумленно переспросила Зои.

– Очевидно, он планировал убийство гораздо дольше, чем вы думали, – заметил Фостер. – Вы ошиблись.

Тейтум ожидал от Зои резкого ответа. Словно «ошибаться» не принадлежало к числу ее любимых – особенно когда кто-то применял его к ней самой! Но она промолчала – только смотрела прямо перед собой, словно вместо суесящихся вокруг полицейских видела что-то совсем другое.

Тейтум знал этот взгляд. Ее осенило.

Зои расхаживала взад-вперед по комнате для совещаний в полицейском участке. Тейтум сидел за столом и откусывал от ломтика пиццы. По дороге сюда они купили целую пиццу – замену и обеду, и ужину.

– Присядь, – сказал он. – И поешь. На пустой желудок ничего хорошего не придумаешь.

Зои села, но тут же снова встала, забыв, зачем садилась. Села опять. Схватила кусок пиццы – с жареным беконом и ананасами! Отлично. Из-за пиццы с ананасами у них с сестрой шли вечные баталии, и приятно было видеть, что Тейтум более толерантен, чем Андреа. Они заказали половинку – с беконом и ананасами, а другую – с пепперони и острым перцем. Зои вонзила в пиццу зубы, убедилась, что захватила одним укусом и бекон, и ананас, и счастливо зажмурилась.

Бекон был поджарен ровно так, как надо, с хрустящей корочкой по краям; и контраст со сладостью ананаса, толстым слоем моцареллы и чесночным соусом на миг заставил ее забыть обо всем. Слившись с пиццей в единое целое, Зои погрузилась в нирвану. С наслаждением прожевала, проглотила – а когда открыла глаза, Тейтум смотрел на нее, и уголки его рта приподнимались в легкой улыбке.

– Что? – спросила Зои, словно защищаясь. Ей стало неловко.

– Приятно для разнообразия посмотреть, как ты чем-то наслаждаешься. Редкое явление.

Она кашлянула.

– Такое случалось чаще, пока... – «Пока в мою жизнь не вернулся Гловер». – Пока жизнь была спокойнее.

– Ясно.

Зои со вздохом проверила телефон. С Андреа она разговаривала полчаса назад, и тогда все было в порядке. Компанию сестре составляет Марвин, снаружи дежурит полиция. И все же хотелось броситься туда, обнять, сказать, что старшая сестра рядом и что с ней никогда ничего не случится.

– Давай поговорим о Шредингере, – предложил Тейтум.

Зои закатила глаза. Журналисты уже окрестили убийцу Шредингером, и Зои это чертовски не нравилось – прежде всего потому, что прозвище убийца избрал себе сам. Они сейчас пляшут под его дудку.

– Похоже, наша первоначальная теория не оправдалась, – заговорил Грей. – Мы предположили, что он начал планировать убийства несколько месяцев назад, после того как в первый раз поддался своей фантазии. Теперь похоже, что планировал он их как минимум несколько лет: копал могилы, готовил веб-сайты, следил за потенциальными жертвами...

– Нет, – перебила его Зои. – Я настаиваю на своем первом предположении. Всю эту затею со Шредингером и безумными «экспериментами» он начал обдумывать несколько месяцев назад. После первого убийства.

– Но яму выкопал больше года назад!

– Сексуальная фантазия этого парня крутится вокруг захоронения женщин живьем. Рытье могилы – часть фантазии. Может, он рыл ямы, воображая, как будет их использовать. Держу пари, иногда мастурбировал возле этих ям. Потом прикрывал и прятал, думая, что когда-нибудь они ему пригодятся. Должно быть, эта мысль его возбуждала.

– Ты хочешь сказать, полтора года назад, готовя яму, он еще не собирался ее использовать?

– Я говорю, что он играл с этой мыслью, фантазировал. А потом, год спустя, сорвался. И решил захоронить свою первую жертву. А готовых могил у него уже было полно, по всей округе. Оставалось лишь выбрать подходящую.

Тейтум взял ломтик пиццы с перцами.

– И чем это нам поможет?

Зои задумчиво разглядывала коробку с пиццей.

– Сначала мы думали, что он роет яму, затем похищает жертву и там ее хоронит, правильно? Однако ямы у него уже есть! Может быть, десятки ям. Нам нужно только их найти.

Тейтум замер, не донеся пиццу до рта.

– И там подождать? Устроить засаду?

– Именно.

– Но эти чертовы ямы могут быть где угодно!

– Вовсе нет. – Зои встала и подошла к карте на стене. Поставила маркером маленький красный крестик на месте, где была найдена Мэрибел Хоу. – Здесь он похоронил Мэрибел. А здесь, – она указала на другой крестик, уже стоящий на карте, – здесь нашли Николь. Оба места в четырех-пяти милях от Сан-Анджело. Когда нашего друга охватывает страсть, он выезжает от города на несколько миль и копает яму. Так что все эти ямы находятся в нескольких милях от города, поблизости от дорог, но в достаточно укромных местах, где ему никто не помешает.

– Все равно слишком неопределенно.

– Надеюсь, есть способ разыскать эти ямы. Нужно поговорить со специалистом. С экспертом... по грязи.

– Ты имеешь в виду геолога? – усмехнулся Тейтум.

- Называй как хочешь. - С этими словами Зои выхватила у него из-под носа последний ломтик пиццы с пепперони.
- Ладно. - Грей нехотя взял ломтик с ананасами. - Итак, считая вместе с горячей линией, которую запустил сегодня утром Фостер, у нас уже две идеи, которыми можно заняться, не ожидая следующего убийства. Хорошо.
- Мы знаем об убийце и кое-что еще, - заметила Бентли. От острого перца начало пощипывать язык. - Наверняка он следит за жертвами. И Николь, и Мэрибел он схватил, когда они поздно вечером возвращались домой. Убийца ждал их там. Может быть, по несколько дней наблюдал за домами и ждал подходящего случая.
- Значит, на него никто не обращает внимания. Возможно, он одет в рабочий комбинезон, как и рассказывал тот парень в парке.
- Самое разумное предположение, - согласилась Зои.
- Стоит сказать Фостеру. Пусть патрульные обращают внимание на рабочих на улице - выясняют, чем они заняты, устанавливают их имена, проверяют машины. Ищут тех, кто соответствует нашему профилю.
- Хорошая мысль. И четвертое: я хочу начать с убийцей диалог.
- Открытое письмо в газете, как в случае с Сыном Сэма? Но тогда не вышло.
- Сын Сэма уже общался с полицией - присылал им безумные послания. И не такой он был дурак, чтобы отвечать напрямую. Он просто наслаждался вниманием. Если мы опубликуем письмо, обращенное к убийце...
- Можешь называть его Шредингером. Я не возражаю.
- ...результат будет тот же. Просто не ответит. Он вообще довольно мало с нами общается.
- По-моему, совсем не общается.
- Нет. Он называет себя Шредингером. Объявляет, что его убийства - эксперименты. И присылает видео. Все это формы коммуникации; он тщательно их продумывает и сводит к минимуму. Он осторожен. Нам нужно начать такой диалог, который выбьет его из колеи и заставит реагировать импульсивно. Забыть об осторожности.
- Что ты имеешь в виду? - нахмурился Тейтум.
- Хочу опубликовать о нем нелестную статью.
- В интернет-изданиях его и так называют маньяком и чудовищем!
- Этого он ожидал. И это не приведет его в ярость. - Зои покачала головой.
- А я хочу изобразить его криворуким идиотом. Есть шанс, что такую статью он захочет прокомментировать.

– Звучит как-то... легкомысленно. А если вместо этого он еще кого-нибудь убьет? Доказывая, что не криворукий?

– Он и так планирует вскоре убить еще одну женщину – об этом он ясно нам сообщил своими «экспериментами», – уверенно ответила Зои. – Все убийства у него тщательно спланированы и рассчитаны. Не удивлюсь, если у него найдется список будущих жертв. И календарь с датами. Менять свои планы из-за нас он не станет. Но, если повезет, нам удастся получить от него непосредственную реакцию.

– Хочешь использовать того парня, Гарри Барри?

Зои кивнула и сделала большой глоток кока-колы. Увы, для того, чтобы запивать острые блюда, кола не слишком подходит.

– Непохоже, что ты намерена завтра утром улететь, – откинувшись на спинку стула, заметил Тейтум.

Зои прикусила губу. Вообще-то он прав. И думает, и говорит она так, словно собирается остаться здесь по меньшей мере на день или два. Бентли ощутила укол вины. Разве не должна она сейчас быть с сестрой?

– Со вчерашнего дня, когда появился Гловер, ничего не изменилось. Весь последний месяц у меня ощущение, словно я сижу в комнате с осой. Жужжит где-то, но непонятно где.

Тейтум молча взглянул на нее.

– Оса – это Гловер, – пояснила она.

– Я понял.

– Но теперь я знаю, где он. И остальные тоже. Раньше я пыталась убедить Манкузо и Колдуэлла отнестись к этой угрозе серьезно – теперь они поняли, что я была права. И присматривают за Андреа. Сейчас Гловер нападать не станет, предпочтет выждать. Он хитер и осторожен.

Тейтум кивнул.

– Я вернусь, как только смогу, – продолжала она. – Но не сейчас. Полиция Сан-Анджело одна с таким убийцей не справится. Останусь еще на день-другой, прослежу, чтобы расследование двигалось в правильном направлении – и улечу к сестре.

– Только об одном ты не подумала.

– О чем? – Зои мгновенно напряглась.

– Андреа там с Марвином. Вот это серьезный риск! Не боишься, что за два дня он ее с ума сведет?

Едва открыв дверь отчего дома, Джулиет Бич поняла, что между мамой и папой опять идет ядерная война, в которой пленных не берут. Братишка Томми у себя в комнате забился под одеяло. Джулиет вошла к нему и захлопнула дверь, заткнув мамин истерический монолог на середине.

– Ну вот! – сказала она. – А я-то думала, Томми здесь и мы куда-нибудь с ним сходим...

Холмик под одеялом пошевелился.

– Жалость какая! – вздохнула Джулиет. – Я думала, мороженым его угошу...

Из-под одеяла донеслось сопение. За стенкой мама объясняла папе, что он безрукий и безголовый. Именно из-за родительских ссор Джулиет старалась пореже бывать дома. Хотя, как ни странно, после бурных скандалов папа с мамой быстро мирились и снова обожали друг друга.

– Пожалуй, стоит отдохнуть перед тем, как куда-то идти, – сказала Джулиет.

Холмик на кровати хихикнул.

Джулиет прилегла на кровать – и тут же вскочила.

– Ой, что это? – воскликнула она. – Кровать вся в комках! – И ткнула пальцем в холмик, чем вызвала взрыв приглушенного смеха.

За дверью папа горестно вопрошал мироздание, зачем он женился на этой лахудре. Пора отсюда убираться – но не оставлять же Томми в логове волков!

– Пожалуй, эту кровать надо пощекотать! – объявила Джулиет и принялась нащупывать у холмика под одеялом места, уязвимые для щекотки.

Томми выдержал ровно три секунды. Визжа от смеха, он высунул из-под одеяла голову – спутанные золотистые кудряшки, сияющие глаза.

– А я все время тут был! Я спрятался! – завопил он в восторге от того, что перехитрил старшую сестру.

– Да неужели? – Джулиет всплеснула руками. – Я тебя и не заметила!

Братишка расплылся в улыбке, а она подхватила его в объятия и чмокнула в курносый нос.

– Мороженого хочешь?

– А можно мне с тремя вкусами?

– Спросим в кафе. Если они так делают, то можно.

– Ладно. – Мальчик спрыгнул с кровати. – А можно взять с собой Теда?

Тедом звали кукольного Дарта Вейдера.

– Конечно. Только он мороженое есть не будет.

– Ладно!

За дверью мама прокричала что-то неразборчивое. Томми замер.

– Когда мы вернемся, они уже помирятся, – сказала Джулиет.

– Откуда ты знаешь?

Опыт предыдущих девятнадцати лет, вот откуда. Так всегда: сначала орут друг на друга, потом мама плачет, а папа извиняется, и через полчаса уже воркуют, как голубки.

– Просто знаю.

– Обещаешь?

– Обещаю. Бери Теда и пошли!

Мальчик подхватил с кровати Теда и побежал к дверям.

– Подожди-ка! – окликнула его Джулиет. Достала телефон и присела на корточки с ним рядом. – Скажи: «Пломбир!»

– Плом-биииир!

Джулиет нажала на кнопку, и фото с младшим братишкой отправилось в «Инстаграм».

Глава 52

Допивая в одиночестве вторую кружку «Миллера», Гарри чувствовал, что его снова одурачили.

Он сделался чересчур мягкотелым, вот в чем штука. Ощувив симпатию к Зои Бентли, поверил, что она сдержит слово. С чего вдруг? Слова – это же просто... просто слова, данные нам, чтобы скрывать свои мысли. Сколько раз он сам нарушал обещания и тут же об этом забывал!

Теперь о серийном убийце, орудующем в Сан-Анджело, знает вся страна. Завтра все газеты в стране напишут, что делом занимается ФБР. И Гарри останется ни с чем.

Полчаса назад Зои написала ему и попросила о встрече. Он предложил бар – надеялся ее подпоить и хоть что-нибудь выведать. Но ее все не было, и Гарри начал подозревать, что его водят вокруг пальца.

Нет, разумеется, он уже написал собственную статью. Назвал по именам и Зои Бентли, и агента Тейтума Грея, вспомнил Гробовщика-Душителя, упомянул и о том, как Зои столкнулась с убийцей в детстве. Однако чувствовал: всего этого мало. В материале должна быть изюминка – а здесь ее нет.

Гарри окинул взглядом бар. Даже в пятничный вечер народу было очень немного. Новости распространяются быстро; похоже, весь город, боясь серийного убийцы, сидит по домам.

На соседний табурет скользнула женщина. Зои. Помахала рукой бармену.

– Пинту «Гиннеса», пожалуйста.

– Серьезный напиток для дамы! – усмехнулся бармен.

– Неужели? – И Зоя на несколько долгих мгновений скрестила с ним взгляд.

Улыбка бармена померкла, сменившись почти испугом. Он кашлянул.

– Да-да, конечно. Секундочку.

– А мне еще «Миллера», – добавил Гарри.

Пока бармен разливал напитки, оба молчали. Наконец Гарри заговорил:

– Вы меня надули!

– Успокойтесь. Вовсе нет.

– Сказали, у вас есть для меня кое-что особенное – а теперь об этом каждая собака знает!

– Что они знают? Только дурацкое прозвище и набор предположений.

– Завтра будут знать больше. У местных репортеров свои источники в полиции. А что у меня? Ничего!

Бармен поставил перед ними напитки. Зои в глаза он старался не смотреть, и Гарри это почти развеселило.

Бентли сделала большой плоток и шумно выдохнула через нос.

– Боже, как мне этого не хватало! – пробормотала она. – Такой долгий день...

– Вас пожалеть?

– Для начала перестаньте дуться, – резко ответила Зои. – Ведете себя, как будто я ваша подруга. Позвольте напомнить, что это вы всюду за мной таскаетесь, а не наоборот!

Гарри ухмыльнулся; раздражение в ее голосе его подбодрило.

– Таскаюсь? Отнюдь. Следую на приличном расстоянии.

– Вы сняли номер в том же мотеле, что и я.

– Хороший мотель. Бассейн у них очень приятный.

– Хватит этой чепухи! – рявкнула она, смерив его гневным взглядом.

Журналист насмешливо отсалютовал ей стаканом:

– Ну, и кто теперь дуется?

Зои заморгала, затем снова отхлебнула пива.

– Послушайте, я хочу дать вам интервью, но выйти оно должно завтра утром.

– Статью в завтрашний номер я уже написал. Сейчас над ней работает редактор.

– Пусть отправит ее в корзину! Нам нужна новая.

– Нам?!

– Я хотела бы давать вам интервью каждый день. Рассказывать о ходе дела. Ни с какими другими журналистами я общаться не буду.

Гарри недоверчиво воззрился на нее.

– Но зачем?

– Хочу вывести убийцу из равновесия.

– Вы об Убийце-Шредингере?

– Дурацкое прозвище.

– Но все его так называют, – заметил Гарри. Его охватило радостное волнение. – Так что конкретно вы хотите сделать?

Она бросила на собеседника задумчивый взгляд.

– Кто ваш источник в ОПА?

– Какой источник? – недоуменно переспросил Гарри.

– Кто-то же сказал вам, что я лечу сюда заниматься этим делом. Кто?

Гарри широко ухмыльнулся.

– Забудьте! Репортер, выдающий свои источники, далеко не уедет.

– Мы сами его найдем.

– Не сомневаюсь. Вы ведь так проницательны!.. Так мы говорили о вашем интервью.

Зои отхлебнула еще пива, слизнула пену с верхней губы.

– Я хочу заявить во всеуслышание, что этот убийца – жалкий дилетант. Задеть его, оскорбить. Разъярить. Может быть, он прокомментирует вашу статью. У вас отображаются данные людей, пишущих комменты к вашим материалам? IP-адреса, что-нибудь такое?

На этот вопрос Гарри знал точный ответ: сам неоднократно устанавливал личности авторов, оставлявших ему особенно злобные и язвительные комменты.

– Разумеется. Даже по одному-единственному комменту можно многое узнать о человеке.

– Отлично! – Глаза Зои заблестели, и Гарри невольно отметил, что сейчас она очень привлекательна. – Если он напишет коммент, мы его отследим.

– А почему вы думаете, что он откликнется на статью?

– У него фантастическое самомнение. В общем, берите у меня интервью, а я среди прочего скажу, что он допускает ошибку за ошибкой. Что мы вот-вот его поймаем. Что-нибудь в таком роде.

Гарри закатил глаза.

– Думаете, это его взбесит и заставит ответить?

– Ему не понравится, что я его унижаю.

– Только не обижайтесь, – сказал Гарри. – Но когда дело доходит до оскорблений, вы напоминаете шестилетнюю девочку, обзывающую мальчика вонючкой за то, что тот дернул ее за косу.

– Я свое дело знаю, – Зои нахмурилась.

– Да. И ваше дело – понимать, как мыслят серийные убийцы, – ухмыльнулся Гарри. – Но чтобы кого-то разозлить... здесь лучше дайте порулить мне!

– Пожалуй, не стану с вами спорить.

– Полезнее всего будет сравнить его с другими. Люди, особенно мужчины, склонны огорчаться, если их с кем-то сравнивают не в их пользу.

– Серийные убийцы, говоря о своих действиях, часто ссылаются на других серийных убийц, – заметила Зои. – Деннис Рейдер любил сравнивать себя с Сыном Сэма и Убийцей из Грин-Ривер.

– Скажите просто, что он дурак и неумеха – он и глазом не моргнет. Но объявите, что в сравнении с Мэнсоном он мелкий пакостник – и парень из штанов выпрыгнет.

– Да, хорошая мысль! Значит, в нашем интервью я сравню его с другими серийными убийцами. Скажу, что до них он недотягивает.

– А еще нам нужен заголовок. Заголовок, который задаст тон всей статье. «Убийца из Сан-Анджело не дотягивает до Теда Банди[4]» – такое название точно не подойдет.

– Ну... наверное. Но не представляю, как разозлить его заголовком.

– А я, кажется, представляю, – усмехнулся Гарри. – Он сам себе дал прозвище, так? Называет себя Шредингером?

– Да. Пресса окрестила его Убийцей-Шредингером.

Гарри с усмешкой скрестил руки на груди.

– Что ж, «Чикаго дейли газетт» подберет ему имя получше!

Глава 53

Сан-Анджело, Техас, суббота, 10 сентября 2016 года

«Убийца-Землекоп из Сан-Анджело наносит второй удар».

Он ошеломленно смотрел на страницу, сжимая и разжимая кулак. С сильно бьющимся сердцем снова перелистал ее. Статья была одной из самых подробных за сегодняшнее утро, связывала его с обеими жертвами, даже давала хорошие кадры из видео; но были в ней утверждения, словно огненными буквами отпечатавшиеся у него на сетчатке.

«Профайлер доктор Зои Бентли утверждает, что Убийца-Землекоп действует неумело...»

«Называет себя Шредингером, однако пишет имя неверно, опуская две точки над первой буквой е...»

«На вопрос, можно ли сравнить Убийцу-Землекопа с Тедом Банди, доктор Бентли ответила: “До Банди ему далеко”...»

Мало того!.. Зои Бентли дала интервью лишь одному репортеру. В результате множество других СМИ теперь цитировали эту статью, и в глаза снова и снова бросались фразы типа: «Убийца-Шредингер, он же Убийца-Землекоп». Похоже, новое прозвище, черт побери, приклеилось к нему намертво!

Убийца прикусил щеку изнутри – и ощутил на языке вкус крови. Почти не сознавая, что делает, прокрутил статью до самого низа, вплоть до окошка для комментариев, и начал яростно печатать: исправлял неточности, объяснял, что фамилию Шредингера не обязательно писать с умлаутом, клялся, что, когда он закончит свои эксперименты, о Теде Банди никто и не вспомнит...

Тут он остановился. Отъехал на офисном стуле подальше от компьютера, начал перечитывать то, что написал, – и только головой затряс. Какого черта? Что с ним творится?

Глубоко вздохнув, он переключился на страницу Джулиет Бич в «Инстаграме». Просмотрел давно знакомые фотографии и обнаружил новую: Джулиет с младшим братишкой. Прочел в комментах несколько поздравлений с днем рождения. Представил себе предстоящий вечер – и гнев улегся, сменившись радостным возбуждением.

Взглянув на часы, убийца решил, что ему как раз хватит времени написать автору статьи письмо по электронной почте. Зовут журналиста Г. Барри. И сама статья написана очень недурно. Г. Барри проработал материал, сопоставил имеющиеся факты, сумел получить неплохое интервью у человека, расследующего дело. Он может гордиться своей работой!

Пожалуй, с таким человеком можно иметь дело.

Найдя на сайте электронный адрес Г. Барри, убийца набрал ответ на его статью. Постарался писать коротко, вежливо и по существу. Важно создать правильное впечатление. Показать себя таким как есть.

Тед Банди?

И в самом деле, к тому времени, как он закончит, люди и не вспомнят, кто это!

Глава 54

В субботу утром Зои с облегчением узнала, что совещания сегодня не будет. Лейтенант вообще не появился на службе, так что все могли спокойно работать, не отчитываясь надоедливому толстячку о каждом своем шаге.

Едва новости о серийном убийце распространились по городу, телефон горячей линии начал разрываться от звонков. Фостер и Лайонс прослушивали записи и выбирали из них потенциально интересные. Кроме того, Фостер составил длинный список людей, которых нужно опросить, – друзей и родственников Мэрибел Хоу. И пообещал как можно скорее найти геолога, готового с ними пообщаться.

Такие энергичные детективы Зои редко встречались, и все же она видела, что Фостер работает, как говорится, на последнем издыхании. Глаза у него покраснели, рубашка была измята, словно он в ней спал. Впрочем, вполне возможно, он забывал и есть, и спать.

Бентли открыла у себя на ноутбуке статью Гарри, быстро проверила комментарии. Около двадцати – и ни одного полезного.

Что ж, пора за работу. Закрыв дверь в комнату, она порылась в своей музыкальной библиотеке и наконец выбрала в качестве саундтрека «One of The Boys» Кэти Перри. Сейчас ей требовалось быстро взбодриться – без неторопливых инструментальных вступлений. По счастью, Кэти знает, что иногда лучше обойтись без долгих предисловий.

Зои распечатала полностью доклад с места преступления, разложила листы на столе и принялась разглядывать их, вертя головой туда-сюда и тихонько подпевая припеву из динамиков.

– Ту-ду-ду-ду... на внешней стороне ящика ни ДНК, ни отпечатков пальцев... ту-ду-ду-ду... инфракрасная камера, пам-па-рам, установлена как в первом ящике... ту-ду-ду... размер ящика идентичен первому... ту-ду-ду-ду... на телефоне никаких отпечатков, на экране трещина, возможно, от удара о землю...

Пока Кэти пела о том, как поцеловала девушку, и ей понравилось, Зои сортировала фотографии. Потом двумя пальцами подняла панорамное фото места преступления и задумалась.

– Почему ты решил копать здесь? – пробормотала она. – Что в этом месте такого возбуждающего?

Она перевела взгляд на снимки места первого преступления. Все то же самое. Много камней, высохшие растения, неровная почва.

Отворилась дверь, и на пороге возник Фостер. Услышав музыку, нахмурился. Зои бросила на него свирепый взгляд, готовая отбрызнуть, если он что-нибудь скажет о ее музыкальных вкусах.

– Геолог попросил подъехать к нему домой, – сообщил Фостер. – Где-то через полчаса. Вы с нами?

– Конечно. Круто. Спасибо.

Он начал закрывать дверь.

– Фостер, – позвала Зои. – Подойдите сюда.

– Да?

– Взгляните-ка на это. – Она показала ему два снимка. – Что вы видите?

Он вошел в комнату и взглянул на фотографии.

– Места преступления.

Зои закатила глаза к потолку.

– Допустим, вы проезжаете мимо на машине, не зная, что это место преступления. О чем подумаете?

Он пожал плечами.

– Да о чем тут думать? Пустыня как пустыня. Вокруг все так выглядит.

– Так, да не так! – Зои открыла «Гугл-карты». – Взгляните сюда.

Она щелкнула мышью по карте, и на мониторе появилась фотография местности. Совершенно плоская песчаная равнина. Без крупных камней, почти без растительности.

– Пока не понимаю, о чем вы, – признался Фостер.

– Когда вы ездите в окрестностях Сан-Анджело и видите такие места, о чем вы думаете?

– Не знаю. Не обращаю внимания. Я здесь вырос.

– А вот убийца обращает внимание! Знаете, о чем он думает, когда ездит в окрестностях города?

– Нет.

– Он думает: «Вот хорошее место, чтобы похоронить здесь следующую жертву!» Или, может быть: «А здесь мне совсем не нравится. Не возбуждает». Понимаете, он возбуждается, подыскивая место для могилы. Для него это как порно.

Фостер неуютно поежился; к таким реакциям Зои привыкла и не обращала на них внимания.

– Почему это, – она указала на каменистую почву с кустарником, – заводит его сильнее, чем это? – Показала на песчаную почву. – Казалось бы, где проще копать?

– Не знаю, Бентли, – вздохнул Фостер. – Кстати, мы выяснили точную дату смерти.

– Правда?

– Да. Кудряш считает, она умерла тридцатого или тридцать первого июля.

– Очень точный вывод!

– В том, что наш убийца хоронит жертв живьем, как оказалось, есть свои плюсы. Он зарывает их глубоко, вдали от насекомых и от воздействия жары. Так что состояние внутренних органов дает возможность точно определить время смерти. Хотя в этот раз Кудряш превзошел самого себя.

– Значит, она погибла через день или два после своего исчезновения... Тот же паттерн, что и у Медина! Он не тратит время зря. Хватает девушку и почти сразу ее закапывает.

– Что еще?

– Мы знаем, что фантазию о закапывании женщин живьем он лелеял уже долгое время. Что он одержим славой. Убил по меньшей мере троих...

– Троих?! – Фостер уставился на нее. – Мы знаем о двух жертвах. И свои эксперименты он озаглавил «номер один» и «номер два».

– Нет. Я ведь вам говорила. Инфракрасная камера, трансляция видео онлайн – все эти сложные штучки он спланировал и осуществил уже после первого убийства. Изначально его фантазия состояла в том, чтобы закопать жертву живьем. И это долго оставалось просто фантазией. Может, он и не думал, что когда-нибудь сделает такое на самом деле. Он рыл ямы и фантазировал. Возможно, закапывал живьем животных. А потом какие-то стрессовые факторы заставили его сорваться. Он исполнил свое желание – убил первую жертву. И только после этого понял, что жертву в ящике можно снимать на видео. Смотреть, как она борется за жизнь и умирает.

– Откуда вы знаете?

– Это моя работа. Таковы все эти люди. Изначальная фантазия убийцы никогда не бывает слишком сложной. И определенно не связана с внешними факторами – например, с жадой славы. Была еще одна жертва, Фостер. Если хотите, назовите ее нулевой. Ее он не снимал. Когда мы ее найдем, на ней могут обнаружиться и отпечатки пальцев, и ДНК. В первый раз он был не так осторожен.

Фостер окинул Зою скептическим взглядом.

– Вы так говорите, словно знаете об этом парне всё!

– Не всё. Я до сих пор не понимаю, по каким признакам он выбирает места для могил.

Глава 55

Домашний кабинет доктора Андрея Ермилова был гол и скучен: чистый, почти пустой стол, на стенах карты с диаграммами, показывающими состав почвы. Зою села на стул, принесенный из кухни, слева от Фостера и Тейтума. Пока Фостер объяснял, что они ищут, Андрей смотрел на посетителей с таким безысходным унынием, словно спрашивал себя, как оказался в этом мрачном месте, и не находил ответа.

– Итак, – произнес он наконец с сильным акцентом, – вы ищете ямы, спрятанные в земле.

– Скорее всего, прикрытые досками и присыпанные песком, – уточнил Фостер.

Андрей вздохнул. Огляделся вокруг себя, смерил одну карту взглядом, полным особенного отвращения.

– А почему вы не используете... – он помахал рукой, подыскивая слово, – радар?

– Радар в этих местах не работает, – ответил Фостер. – Наш техник говорит, слишком глинистая почва.

– Слишком много глины? – недоуменно переспросил Андрей. – Но в яме нет глины. Там только яма.

На секунду или две воцарилась тишина: все обдумывали этот философский тезис.

– То есть вы хотите сказать, – уточнил Тейтум, – если мы начнем искать ямы в земле, их определить радар сумеет.

– Конечно!

– В прошлый раз мы искали ящик, зарытый глубоко в землю, – объяснил Тейтум Зои. – Земля глинистая, поэтому радар ничего не мог определить. Но если искать отверстие в земле, пустоту, прикрытую лишь несколькими дюймами песка...

– Я поняла, спасибо, – оборвала она. – В дополнительных пояснениях не нуждаюсь.

– Уйдет слишком много времени, – заметил Фостер. – Знаете, этот парень с радаром не слишком-то быстро ходит...

– Человек с радаром? – Андрей широко раскрыл глаза. – А почему вы не пользуетесь машиной?

– Э-э... это как?

– Прицепляете радар к машине. И едете. – Он покрутил руками невидимый руль. – Радар ищет ямы. Легко. Мы так делаем каждый день.

– Покажете нам, как именно? – попросил Тейтум.

Андрей снова вздохнул и начал что-то набирать на клавиатуре, бормоча себе под нос короткие нетерпеливые сентенции. Зои слушала вполуха: она уже сосредоточилась на новой задаче. Нужно обыскать наиболее вероятные места, где убийца мог копать ямы. Не слишком далеко от города. Весь периметр Сан-Анджело... потребуется несколько недель. Надо найти способ как-то сузить круг поисков.

Ее внимание вновь переключилось на Андрея: ученый закончил говорить о радаре и теперь объяснял что-то отвлеченное.

– Очень тяжело. Аппаратура ломается каждый день. Досадно. Исследования стоят?т. Финансирование сокращается. – Он бросил гневный взгляд на карту на соседней стене и простонал: – А у меня на следующей неделе день рождения!

– Поздравляю, – вежливо вставил Тейтум.

– Не с чем.

– Ладно. – Фостер передвинулся на стуле ближе к двери, явно мечтая поскорее отсюда смыться. – Сожалею, что ваши исследования грунтов проходят с такими сложностями...

– Сложностями? Это ужас! Брать образцы – просто кошмар! На прошлой неделе мы сломали три бура.

– Почему? – спросила Зои.

Фостер просигналил ей взглядом, молчаливо умоляя не спрашивать, но Бентли сделала вид, что этого не заметила.

– Вы сказали, что исследуете почвы Анджело? Они так называются по названию города?

– Конечно. Разве здесь есть какие-нибудь другие Анджело?

– И эта почва... она твердая? Ее сложно бурить?

– Твердая? Как сталь! Мне нужны нормальные дорогие инструменты, а не дешевые буры. Это вам не «Майнкрафт»!

– А что такое «Майнкрафт»? – спросила Зои.

Все, кто был в комнате, ошеломленно на нее уставились.

– Даже я знаю, что такое «Майнкрафт», – сообщил Тейтум. – А ведь у меня и детей нет.

– Так что это такое? – повторила Зои, злясь на собственное невежество.

– Дурацкая видеоигра! – взревел Андрей. – Кошмар! Мой сын играет в нее целыми днями – и теперь думает, что на свете всего десять минералов. Я ему говорю: нет, все гораздо сложнее, а он твердит: есть песок, камень, гравий и уголь. А чтобы копать, колотит кулаками по земле!

– Зачем, когда есть кайло? – удивился Фостер. – Там столько разновидностей...

– Потому что кайлом нельзя копать быстро! – кипя от ярости, рявкнул Андрей. – Он копает, пока не докапывается до лавы. Что за ерунда! А теперь хочет, чтобы я ему помог попасть в Нижний мир. Говорит, что я не уважаю его увлечение. Но «Майнкрафт» – не увлечение! Увлечение – собирать марки.

Или играть на рояле. А это чушь собачья! Вчера мы с ним ругались весь день! – И, побагровев так, словно его вот-вот хватит удар, и брызжа слюной, Андрей перешел на русский.

«Ну молодец!» – беззвучно прошептал Тейтум, обращаясь к Зои.

Едва Андрей остановился, чтобы набрать воздуха, та быстро встала:

– Значит, земля вокруг города твердая и ее сложно копать. Правильно?

– Почвы Анджело – да.

– Но ведь наш убийца копает ямы, – заметила Зои.

– Не в почвах Анджело, поверьте! – Андрей рассмеялся коротким безрадостным смешком.

– Где-то же он их копает!

– Где? Покажите на карте. – Ученый махнул в сторону топографической карты на стене.

Зои встала и показала места преступлений.

– Здесь. И здесь.

– Это не почвы Анджело. Здесь почвы Тулия. Их копать намного легче. Смотрите. – Он подсел к компьютеру и открыл браузер. На мониторе появилась схема нескольких слоев почвы, раскрашенных разными цветами. – Это Тулия. Пять слоев, видите? Есть потверже, есть помягче. Много глины. Не слишком приятно, но копать можно. Теперь смотрите сюда. – Андрей открыл другое окно. – Это почвы Анджело. На глубине двенадцати дюймов вы наталкиваетесь вот на этот слой. Проклятие моей жизни! Suka blyat! Твердый и толстый. Ломаются все инструменты.

– Так вот как он выбирает места! – с энтузиазмом воскликнула Зои. – Просто копает там, где легче копать!

Андрей испустил сердитый смешок.

– Если бы мне так везло!

– А почвы Анджело... где они находятся?

– Везде. С этой стороны карты – почти повсюду. – Он показал на область к востоку от Сан-Анджело.

– А остальные? Это все Тулия?

– Много разных. Одни тверже, другие мягче.

– Но здесь и здесь почвы Тулия, верно? – Зои вновь ткнула в оба места преступления.

– Да. Определенно Тулия.

– Можете сказать нам, где еще в окрестностях города находятся почвы Тулия? И, может быть, другие типы мягких почв? – попросил Тейтум.

– Это на несколько часов. Нет.

– Доктор Ермилов, – серьезно произнес Фостер, – вы спасете невинные жизни.

Андрей вздохнул.

– Ладно. Работать еще хуже. Пойду сделаю кофе. Это будет очень долго и... как говорят американцы? Скучно.

Так оно и вышло. Над каждым районом карты доктор застревал на полчаса, тщательно описывая все виды почв, каждый слой и инструменты, необходимые для их исследования. Фостер все записывал, Зои слушала, стараясь усвоить. У нее от этого голова гудела, зато убийцу, по всей видимости, эти подробности занимали и увлекали. Искать подходящее место для могилы – это для него было вроде прелюдии к сексу.

Пискнул телефон; Зои взглянула на экран. Пришло письмо от Гарри. С сильно бьющимся сердцем она торопливо его открыла.

«Вы были правы. Убийца-Землекоп не остался равнодушен к нашим нелестным отзывам. Комментировать статью на сайте он не стал, но прислал мне мейл, который и пересылаю вам.

Г.»

Уважаемый Г. Барри!

До сих пор помню, как мои родители обсуждали признания Генри Ли Лукаса. В те времена у каждого был среди присяжных друг или родственник. Весь город гудел: у нас появился собственный серийный убийца! Но он оказался в нашем городе случайно. Сейчас – другое дело.

Лукас рассказывал, что убил тысячи людей, и репортеры, жертвуя профессионализмом ради сенсации, подхватывали эти рассказы. Я – не Лукас и не собираюсь лгать. Но не терплю искажений истины.

1. Вас дезинформировали. В моих методах нет ничего «неумелого». Каждый предпринятый мною шаг необходим и неизбежен.
2. Я не наслаждаюсь страданиями подопытных. Я делаю то, что должен. Всему этому есть причина.
3. Все сравнения моей работы с чьей-либо чужой абсурдны. Прочтите страницу из «Annus Mirabilis» Эйнштейна: сможете ли вы сравнить ее с

трудом какого-нибудь другого ученого? Подождите, пока не узнаете историю целиком.

И еще одно. «Убийца-Землекоп»? Придумайте что-нибудь получше!

Шредингер

Несколькими фразами убийца пролил яркий свет на свою психику. Хоть он и старался писать тепло и сердечно, слова письма сочились ядом и гневом. Им действительно удалось его задеть! И теперь они знают, как с ним общаться.

Глава 56

Балтимор, Мэриленд, пятница, 15 сентября 1994 года

– Когда она бросила обручальное кольцо, я думала, что закричу! – сообщила Элиза по пути домой, в кампус.

Это был бы четвертый ее крик за фильм. Он считал. Кричала Элиза точь-в-точь как мать, когда видела на кухне таракана. Эти крики действовали ему на нервы. Может, не стоило вести ее на «Шестое чувство»?

Но после каждого крика Элиза прятала лицо у него на груди, не в силах смотреть, как к маленькому мальчику являются призраки и требуют с ними поговорить. Она дрожала в его объятиях, и это было приятно. Он чувствовал себя мужчиной.

Второе свидание, в отличие от первого, полного неловких фраз и напряженных пауз, прошло более или менее гладко. Последовав совету соседа по комнате, он пригласил Элизу в кино. «Там вам болтать не придется», – объяснил сосед. И оказался прав: во время фильма было не до болтовни, да и само кино давало пищу для разговоров. До начала фильма – чистая логистика: «На какой фильм сходим? Хочешь попкорн? Сядем вперед или назад?» А потом можно было обсудить фильм и его неожиданный финал. Впрочем, не такой уж неожиданный: во-первых, видно его было за милую, а во-вторых, прошедшую неделю все вокруг только и обсуждали «потрясающий поворот» в конце нового фильма, так что теперь этот поворот уже никого не потрясал.

– А тебе какой момент больше всего понравился? – спросила Элиза.

Он ответил не сразу – не потому, что не мог выбрать, а потому, что не стоило отвечать откровенно.

– Финал. Потрясающий неожиданный поворот.

На самом деле больше всего ему понравилось, когда мальчишку заперли в маленькой темной комнате. Но это ей говорить не стоит – не поймет.

Они добрались до ее корпуса, и Элиза пригласила зайти выпить. Напряженный, он последовал за ней. Корпус состоял из пяти спален с общими ванной и кухней. В отличие от него, Элизе повезло: в спальне она жила одна. По сравнению с его спальней, пропитанной запахом соседских носков, здесь был просто рай.

Девушка принесла два бокала и бутылку дешевого вина, плеснула щедрые порции себе и ему. Вино было липким, неприятным на вкус, от него сразу закружилась голова. Он вообще почти не пил – не любил чувствовать себя пьяным. Однако сосед по комнате, неистощимый источник непрошенных советов, сообщил, что на свидании обязательно нужно пить. Так проще расслабиться.

Впрочем, первой расслабилась Элиза – настолько, что полезла к нему целоваться. Действовала грубо, даже агрессивно: стаскивая с него рубашку, поцарапала спину. Он старался быть активнее: целовать ее в ответ, ласкать, вести. Но когда положил руку ей на талию, она схватила его и передвинула на бедро, а когда поцеловал в шею, прошептала: «Укуси меня!» Когда же дело дошло до лифчика, она быстро потеряла терпение и расстегнула его сама.

Бесконечные поправки, указания и требования... Приятное чувство собственной мужественности растворилось без следа. Он снова мальчишка, его снова бесконечно воспитывают: объясняют, как вести себя за столом, как одеваться, как развлекать гостей, как быть хорошим мальчиком...

И хотя почти каждый час его беспокоила внезапная и нежелательная эрекция, сейчас ничего не выходило. Не вставал. Он припас в кармане презерватив, Элиза достала из сумочки второй, но похоже было, что ни один сегодня не понадобится.

В душе родилась и стала расти ярость. Это все она виновата – не он! Какого черта она так в него вцепилась? Почему, что бы он ни сделал, все не так? Он бы всю ночь ее трахал, если б она перестала клевать ему мозги и дала сосредоточиться!

И когда Элиза в очередной раз впилась в него ногтями, он схватил ее за запястье.

– Эй, больно вообще-то! – прошипела она.

Стиснув зубы, неотрывно глядя на нее, он выкрутил ей руку, и Элиза сползла с кровати.

– Да что ты творишь?! – то ли прошипела, то ли прокричала она.

Он хорошо знал эту интонацию, этот придушенный крик: так ругала его мать, когда боялась, что услышат соседи. В самом деле, вокруг еще четыре спальни, и стенки в кампусе тонкие, как бумага.

Он молчал – просто смотрел на нее.

Глаза Элизы наполнились слезами. Она потянулась за полотенцем и поспешно прикрыла наготу.

– Пойду помоюсь. А ты лучше выметайся отсюда!

И нетвердыми шагами, оставив дверь открытой, хотя он тоже был раздет, бросилась в ванную.

Он медленно оделся. В ушах стоял звон, перед глазами всплывали яркие сцены. Что, если ворваться к ней в ванную и стукнуть головой о стену? А потом показать, что с потенцией у него всё в порядке! Если ударить как следует – быть может, ему пригодятся оба презерватива...

Но он ясно понимал, что никогда этого не сделает. Нет. Просто оденется и пойдет домой. На вопрос соседа, как прошло свидание, ответит: «Джентльмены о таком не рассказывают». Ха-ха. И если будет осторожен, как-то дотянет до конца занятий в колледже, не сталкиваясь ни с Элизой, ни с ее подругами...

Он вышел из комнаты и хотел уже выйти из корпуса, однако взглянул на дверь ванной, из-за которой доносился шум воды.

В кухне рядом стояло несколько стульев: он взял один и осторожно, стараясь не шуметь, подпер им ручку двери в ванную. Попробовал открыть – стул стоял крепко, и дверь не поддавалась.

Потом выключил в ванной свет.

– Эй, – позвала Элиза. – Занято! Кто там?

Шум воды стих. Он припал ухом к двери. Послышался удар и стон боли: Элиза на что-то наткнулась в темноте. Потом шорох – она пыталась открыть дверь.

– Эй! У меня дверь заело! Эй!

Кричала она не слишком громко. Вокруг еще четыре спальни, и, конечно, Элизе не хотелось, чтобы все их обитательницы обнаружили ее голой в запертой ванной. Как-то это унижительно, верно?

Она дергала дверь, и он чувствовал, как стихает ярость. Элиза наказана. Заперта в темной комнате. Самое подходящее место, чтобы подумать о своем поведении.

– Эй! Выпустите меня! – Теперь в ее голосе звучала тревога.

Она начала стучать в дверь. Уже громко позвала на помощь. А потом начала кричать – и эти крики уже не действовали ему на нервы.

Наконец-то у него встал.

Добравшись до участка, они отправились напрямик в комнату оперативных совещаний. Фостер оглядел карту на стене – крупномасштабную карту Сан-Анжело и окрестностей в радиусе примерно десяти миль.

– Ладно. – Он протянул Зои и Тейтуму голубые маркеры. – Отметим те районы, где, если верить Ермилову, копать проще.

– Почвы Тулия стоит отметить другим цветом, – заметила Зои. – Пока что убийца сосредоточился именно на них.

– Другим цветом? – пробормотал Фостер. – Вечно у вас, федералов, какие-то странные идеи! – Однако вышел из комнаты и вернулся минуту спустя с целым букетом маркеров в руке. – Держите, – сказал он, бросая Зои зеленый маркер.

Та поймала его левой рукой, неожиданно ощутив при этом довольно нелепую гордость, и постаралась сделать вид, что каждый божий день только и делает, что ловит разные предметы.

– Так, – сказал Фостер. – Список у вас есть?

– Есть. – Тейтум развернул список, составленный по указаниям доктора Ермилова.

Сходя к ближайшему ксероксу, он сделал две копии списка и раздал их Фостеру и Зои. Бентли стала отмечать расположение почв Тулия. Каждый пункт в списке представлял собой пару координат и радиус. Она отмечала их на карте зеленым маркером. Один район оказался там, где нашли тело Николь Медина, второй – в месте погребения Мэрибел Хоу. Затем в западной части карты начали появляться новые зеленые круги.

Фостер и Тейтум, стоя вплотную по обе стороны от нее, рисовали свои круги. Скоро вся карта была покрыта голубыми и зелеными отметками.

– Можно еще сузить район поисков, по крайней мере, для начала, – предложила Зои. – Обе жертвы были похоронены менее чем в шести милях от города. Думаю, имеет смысл сосредоточиться на шестимильном радиусе. Потом можно будет его расширить.

Взяв рулон желтой полицейской ленты, Фостер приложил к городу на карте и обвел его неровной чертой.

– Убийца роет ямы вблизи дорог, но, как правило, объездных, малопосещаемых, – сказал Тейтум. – Кроме того, он избегает густонаселенных мест, так что район Грейп-Крик можем исключить. И отмечать стоит только дороги, почву вокруг которых легко вскапывать.

Они начали тщательно, одну за другой, отмечать подходящие дороги. Их было куда больше, чем хотелось бы, и все же поиск замаскированных ям в этих местах выглядел уже вполне осуществимым. Работа на несколько дней.

Наконец были отмечены все дороги.

– Пойду к Дженсену, – сказал Фостер. – Постараюсь выбить из него бюджет хотя бы на один радар. Начинать нужно как можно скорее.

– Надеюсь, поможет местный отдел ФБР, – предложил Тейтум. – Я с ними поговорю.

– А мне нужно поработать с Гарри, – сказала Зои. О письме от убийцы она уже рассказала им в машине. – Подготовить вторую статью.

– Спрошу еще Шелтона, нельзя ли что-нибудь выяснить по электронному адресу, – заметил Тейтум.

Зои рассеянно кивнула.

– Там временный ящик. Вряд ли удастся много накопать, хотя попробовать стоит.

Фостер и Тейтум отправились звонить, оставив Зои в пустой комнате одну. Она устало вздохнула, затем открыла ноутбук и несколько раз перечитала письмо убийцы. Подошла к белой доске, написала на ней три фразы:

Каждый предпринятый мною шаг необходим и неизбежен.

Всему этому есть причина.

Подождите, пока не узнаете историю целиком.

Некоторое время, постукивая маркером по губам, вглядывалась в эти фразы. Затем набрала номер Гарри.

– Как раз собирался вам звонить, – сказал тот. – Прочли?

– Прочла, – ответила Зои. – И у меня есть пара идей.

– Я посмотрел, кто такой этот Генри Ли Лукас. Вы-то, наверное, знаете.

– Серийный убийца. Прикончил очень много народу, сколько именно, точно неизвестно. В какой-то момент он заявлял, что убил три тысячи человек, – на это и ссылается наш неизвестный.

– А вы знаете, где его судили?

Зои нахмурилась.

– Где-то в Техасе. Если не ошибаюсь, его поймал какой-то тexasский рейнджер.

– Хотели судить в Остине, но там на суд ломались толпы народу, поэтому процесс перенесли в Сан-Анджело.

Зои шумно выдохнула и снова вчиталась в письмо.

– «В те времена у каждого был среди присяжных друг или родственник», – прочла она вслух.

– Ваш серийный убийца вырос в Сан-Анджело! – гордо сообщил Гарри. – Парень из местных.

– Упоминает, что это обсуждали его родители, – заметила Зои. – В каком году был суд?

– Кажется... в восемьдесят четвертом.

– Значит, если тогда ему было от пяти до десяти, сейчас около сорока, может, чуть больше.

– А почему от пяти до десяти? Что, если ему было тринадцать?

– Тогда он вряд ли стал бы вспоминать, как об этом разговаривали родители. Скорее, вспомнил бы, как обсуждали ребята в классе. – Ей вспомнилось собственное детство, когда ребята в школе не говорили ни о чем другом, кроме как о мейнардском убийце.

– Хм, верно подмечено!

– И теперь ясно, как с ним говорить, – продолжала Зои. – Этот парень состряпал целую историю о своей миссии. Помните сравнение с «Annus Mirabilis» Эйнштейна? Он сообщает нам, что у него грандиозный план. Призвание. Этим он хочет поделиться.

– А что вам говорит это призвание? – спросил Гарри. – Как оно поможет составить его профиль?

Зои фыркнула.

– Никак. Призвание – просто сказочка, которую он сам себе рассказывает. Но, разглагольствуя об этом, он может случайно выдать какие-то важные для нас детали. Вывести на что-то реальное.

– Что значит «сказочка, которую сам себе рассказывает»?

– Гарри, люди постоянно лгут самим себе. Кому и знать это, как не вам? И наш парень рассказывает себе красивую, сложную, величественную ложь, чтобы избежать встречи с очень простой и неприглядной правдой.

– Какой правдой?

– Что он закапывает женщин живьем, потому что ловит от этого кайф.

Глава 58

Зои читала статью о Генри Ли Лукасе в «Американском журнале криминалистической психиатрии», когда дверь в оперативную комнату распахнулась и влетела с горящими глазами детектив Лайонс.

– Есть подозреваемый! – задыхаясь от волнения, сообщила она.

Ее радостное возбуждение мгновенно заразило Зои, словно вирус, распространяющийся по воздуху.

– Кто?

– Его зовут Альфред Шеппард. Позвонил на горячую линию.

– Когда?

– Сегодня утром. – Не в состоянии стоять спокойно, Лайонс ходила взад и вперед по комнате. – Этот парень, Шеппард, позвонил часа полтора назад и сказал: он, мол, вспомнил, что видел девушку, похожую на Мэрибел Хоу, в местной пивной с каким-то парнем.

Зои обратилась в слух.

– Вчера его машину останавливали на одном из блокпостов на Шестьдесят седьмом. Фургон, белый «Форд Транзит». Мы решили, что к этому человеку стоит приглядеться повнимательнее. И знаете, что?

– Не знаю.

– Оказалось, что он дважды появлялся возле мемориала Николь Медина!

В самом деле! Слишком много совпадений, чтобы не обращать на них внимания. Зои вскочила, не в силах больше сидеть на месте.

– Родители Николь его знают?

– По имени – нет. Я послала человека показать им фотографии с камеры; может, узнают в лицо.

– Его история подтверждается?

– Мэрибел Хоу действительно была в пивной с другом, сделала с ним селфи и выложила в «Инстаграм», отметив свое местонахождение. Фото запостила за три дня до своего исчезновения. Так что история подтвердилась, но узнать ее мог кто угодно.

Зои кивнула.

– Набрали основания для ордера на обыск?

– Сейчас ищу.

– Мое мнение как специалиста поможет склонить судью на вашу сторону?

– Не повредит.

– А где Шеппард сейчас?

– Мы попросили его приехать и подробно рассказать нам о Мэрибел Хоу и о парне, с которым она была. Сейчас он в допросной номер один. Все еще думает, что помогает полиции.

– С ним там кто-нибудь есть?

– Нет. Я быстренько взяла у него показания и попросила подождать. Он сидит там уже минут пятнадцать. Вот-вот появится Фостер, но я решила и с вами обсудить, как действовать дальше. За допросом можно следить из наблюдательной комнаты. Пойдемте со мной.

Вместе с Лайонс Зои прошла через холл и углубилась в недра полицейского участка. Комнаты для допросов располагались в дальнем конце здания – и не случайно. Всякий, кого вели на допрос, должен был пройти мимо десятка разных отделов, встретить множество копов в форме, детективов, задержанных. Увидеть закрытые двери с табличками типа «Отдел убийств», «Хранилище улик» или «Оружейная». Гражданские, мало знакомые с работой полицейских, в таких интерьерах неизбежно начинали нервничать. А когда человек нервничает, он совершает ошибки.

В правую и левую стены наблюдательной комнаты, маленькой и скудно освещенной, были вделаны односторонние зеркала, выходящие в соседние помещения для допросов. Детектив Фостер, лейтенант Дженсен и Тейтум уже смотрели сквозь стекло на человека в допросной номер один.

Он был лыс, одет в белую футболку и вытертые, заляпанные грязью джинсы. Руки скрестил на груди, правой ногой отстукивал по полу какой-то энергичный ритм.

– Как он сюда попал? – без предисловий спросила Зои. – На своей машине или его кто-то подвез?

– На своей. Машина на парковке, – ответил Фостер. – Сейчас ее осматривают.

– Надеюсь, только снаружи! – встрял Дженсен. – У нас нет причин...

– Просто заглянут в окна и сделают несколько снимков, – резко ответил Фостер. Как видно, сегодня он был не в настроении уламывать и улеживать лейтенанта.

– Ладно, – сухо ответил Дженсен. – А права ему зачитали?

– Нет. Он не арестован, – ответил Фостер.

– Детектив, мне не нужен еще один такой же скандал, как с делом Уитфилд! Будьте добры зачитать ему права.

– Тогда он не скажет нам ни слова, – вмешалась Зои. – Нельзя дать ему понять, что он под подозрением. По крайней мере, не сразу. Да и не обязаны вы зачитывать ему права, пока он не под арестом.

Дженсен упрямо замотал головой.

– Его провели через весь полицейский участок в комнату для допросов, закрыли за ним дверь и надолго там оставили. Умелый адвокат легко докажет, что он чувствовал себя задержанным.

– Он приехал на собственной машине, – повысив голос, возразил Фостер. – И может уйти, когда захочет. Если он что-то скажет, мы получим невынужденное признание.

– А он знает, что вправе уйти? Нет, не знает. Просто не устраивайте из этого шума, детектив. Скажите: перед тем, как начать разговор, вам необходимо кое-что ему зачитать. Или пусть детектив Лайонс зачитает. Намекните, что это пустая бюрократическая формальность.

Фостер сделал такое движение, словно хотел броситься на лейтенанта. Заметив это, Лайонс положила руку ему на плечо и сказала поспешно:

– Давайте сначала заведем с ним разговор. Посмотрим, что он скажет. Если все будет выглядеть подозрительно, зачитаем ему права. Без этого никаких обвинений высказывать не будем. Так пойдет?

Дженсен немного поколебался, но в конце концов пробормотал:

– Ладно, приемлемо.

Зои взглянула в одностороннее зеркало на Шеппарда.

– Только будьте внимательны. Если это тот, кого мы ищем, на очевидных вопросах его не поймать. К ним он готов. Постарайтесь сбить его с толку.

Глава 59

– Извините, что заставили вас ждать, мистер Шеппард. Нужно было сначала кое-что проверить.

Голос Фостера звучал из динамика. Акустическая система создавала легкое эхо, и Тейтума это отвлекало. За зеркалом Фостер и Лайонс сидели напротив Альфреда Шеппарда. На плече у Лайонс висела сумка с ноутбуком. В руках у обоих были толстые папки. У Фостера – настоящее дело Мэрибел Хоу, подкрепленное пачкой пустых страниц, у Лайонс – папка фальшивая.

– Ничего. Понятно, что вы сейчас очень заняты, – ответил Шеппард хриплым голосом завязтого курильщика.

– Мистер Шеппард, мы очень ценим вашу помощь, – заговорила Лайонс. – Как вы, наверное, слышали в новостях, расследование ведется по нескольким направлениям, и ваши показания, надеюсь, помогут нам сузить список подозреваемых.

Зои наклонилась к микрофону:

– Он не хочет слышать то, что уже есть в новостях. Сделайте вид, что даете ему эксклюзивную информацию.

Лайонс мигнула – возможно, показала, что услышала, а может, и просто так. Затем начала рассказывать о подробностях дела. Не говорила ничего такого, чего нельзя узнать из газет и с новостных сайтов, однако излагала все таким тоном, словно рассказывает об этом в первый раз и по секрету.

– А она молодец! – заметил Тейтум.

– Не могли бы вы рассказать нам о том вечере, когда видели Мэрибел Хоу? – С этими словами Фостер бухнул на стол свою папку и достал из нагрудного кармана блокнот и карандаш.

– Э-э... да, конечно. Было это несколько недель назад. Двадцать шестого июля. В день рождения моего друга мы пошли посидеть в пивную. Там я и увидел ту девушку...

– Мэрибел Хоу. – И Фостер положил перед ним большое цветное фото, извлеченное из папки. Мэрибел Хоу в парке, на фоне реки, улыбается в камеру, и ветер играет прядью ее волос. Прекрасная фотография, одна из лучших в ее «Инстаграме».

– М-м... ну да. Она была с парнем. Около шести футов росту, черные волосы, борода. Я их заметил, потому что они о чем-то спорили и девушка выглядела вроде как расстроенной. Я даже подумал, не подойти ли к ним, но друг меня убедил, что не стоит.

– Мистер Шеппард, это очень полезная для нас информация! – сказала Лайонс. – Мы пытаемся составить список возможных подозреваемых и сосредоточились на нескольких людях. Ваше описание полностью соответствует одному из наших основных подозреваемых. Ваши слова крайне важны!

Все это была наглая ложь, однако Шеппард клянул: расправил плечи и улыбнулся детективу.

– Очень рад, что могу вам помочь.

- Так, расскажите нам подробно, что вы видели, - попросил Фостер.
 - Ну, они сидели в кабинке, и парень вроде как малость наезжал на нее. Я не слышал, что он говорил, но девушка... Мэрибел выглядела расстроенной.
 - Насколько расстроенной?
 - Ну... сложно сказать. Несчастной.
 - Были ли еще какие-то признаки того, что они ссорятся? Кроме того, каким тоном говорил мужчина?
 - Да нет. Говорю же, самого разговора я не слышал. Да и ушли они быстро.
 - Попробуйте его расшевелить, - сказала Зои в микрофон. - Вдруг изменит историю.
 - Он не совершал никаких насильственных действий? - спросил Фостер.
 - Да нет, что вы! Если б он ее бить начал, я бы, конечно, не стал сидеть и смотреть.
 - А может быть, делал какие-то угрожающие жесты?
 - Э-э... нет...
 - Наседал на нее, теснил, прижимал к стене? - с надеждой в голосе спросила Лайонс.
- Шеппард, казалось, ненадолго задумался.
- Знаете, вот сейчас, когда вы сказали, я вспомнил... да, пожалуй, он этак угрожающе над ней нависал. Поэтому я и подумал, что надо бы вмешаться.
 - Она была просто расстроена? Или плакала? - спросила Лайонс.
 - Не знаю. Когда они уходили, может, и плакала.
 - Говорит все, что от него хотят услышать, - заметил Тейтум.
 - Ага, - согласилась Зои. - Ничего такого, что кто-то другой мог бы потом опровергнуть, - но он явно старается угодить.
- Лайонс снова начала рассказывать Шеппарду, какую пользу он принес обществу своими показаниями, и при этом как бы невзначай обронила: есть, мол, еще одно, более раннее дело, по-видимому, связанное с этим, которое они тоже хотели бы с ним обсудить. Шеппард обратился в слух.
- Я бы сказала, у нас есть шансы с вашей помощью поймать Убийцу-Землекопа!
 - сказала Лайонс.
 - Отлично! - ответил Шеппард.
 - Даже не поморщился, - прошептал Тейтум.

– Уже привык? – заметил Дженсен.

– Может быть, – пробормотала Зои. Пока Фостер раскладывал на столе фотографии, она не сводила глаз с подозреваемого. – Фото с места преступления его явно не смущают.

– И что это означает? – спросил Дженсен.

– Что ему недостает эмпатии. Хотя в Интернете изображения насилия кишмя кишат. Любой, кого интересует насилие, может найти там что угодно и в любых количествах. Хотя, конечно, одно дело – какая-то случайная фотография с кровью-кишками, и совершенно другое – разложившийся труп человека, которого ты видел живым...

– Он убийца?

– Он живо интересуется этим делом. Но это еще не значит, что он убил.

Еще немного поговорили. Фостер пару раз упомянул прозвище «Землекоп». Никакой реакции.

– Теперь одежда, – прошептала Зои.

Дженсен кивнул, взял со стола пакет с уликами и вышел из комнаты. Секунду спустя появился в допросной, деревянным шагом прошел к столу и объявил театрально:

– Детектив Фостер! Одежда!

– Такому актерскому мастерству и пятилетка не поверит, – с досадой пробормотал Тейтум.

– Не важно, – ответила Зои. – Посмотри на Шеппарда – он и не заметил!

В самом деле, Шеппард, как замороженный, уставился на прозрачные пакеты, в которых лежали одежда и обувь Мэрибел Хоу – то, в чем ее нашли.

– Вам знакомы эти предметы? – спросил Фостер, раскладывая пакеты на столе.

– Что-то из этого было на девушке, когда вы ее видели?

– Э-э... туфли вроде.

Дженсен мялся у стола, не зная, что делать дальше. Фостер бросил на него многозначительный взгляд. Лейтенант подмигнул ему и вышел из комнаты.

Теперь по столу были разбросаны в продуманном беспорядке улики и фотографии с места преступления – и на Шеппарда это подействовало. Он еще более нервно задергал ногой. Фостер и Лайонс вновь начали расспрашивать его о встрече с Мэрибел, задавая и дополнительные вопросы. Был ли с ней кто-то еще? В вечер исчезновения она была с подругами – кого-то из них он там не видел?

Задавая вопросы, Фостер встал, начал ходить по комнате, а потом снова сел, теперь справа от Шеппарда, придвинув стул к нему вплотную. Шеппард оказался зажат между ним и стеной. Чтобы выйти, ему пришлось бы попросить детектива его пропустить.

– Не нравится мне это! – пробормотал Дженсен. – Подозреваемый как в ловушке. Хороший адвокат непременно на это укажет.

– Стандартная техника допроса, – невозмутимо заметил Тейтум. – Мы в ФБР всегда так делаем. И потом, видите, он показывает ему фотографии? Всегда можно сказать: просто сел так, чтобы было удобнее.

Дженсен промолчал, но ненадолго приободрился.

– Я хотела бы показать вам фрагмент видео, отснятого Убийцей-Землекопом, – сказала Лайонс, расстегивая сумку и доставая оттуда ноутбук.

– Конечно. – Шеппард кивнул.

Лайонс включила компьютер и запустила первое видео: Николь Медина зовет на помощь. Тейтум не сводил глаз с Шеппарда. Тот, явно забыв обо всем, смотрел на экран с открытым ртом.

– Смотрите-ка, его это явно возбуждает! – воскликнул Дженсен.

Видео шло несколько минут; Шеппард не отрывал глаз от экрана.

– Вы знаете, кто это? – спросила Лайонс.

Он взглянул на нее – и тут же снова уставился на экран.

– Еще одна жертва.

– Видели это видео раньше?

– Нет, только фотографии в газетах.

Она начала задавать вопросы о Николь Медина. Шеппард отвечал коротко и расплывчато: все его внимание поглощал экран.

– Похоже, наш человек, – пробормотал Тейтум.

– Не знаю, – вполголоса ответила Зои. – Скорее нет. Реакция не сходится.

– Почему? Посмотри, он же глаз оторвать не может! Разве не этого ты ждала?

– У убийцы дома хранятся оба видео. Скорее всего, полных. Могу спорить, каждое из них он пересмотрел несколько десятков раз. Наверняка у него и любимые эпизоды есть. А этот парень разве похож на человека, который все это уже двадцать раз видел?

– Может... ну, знаешь, бывают такие удовольствия, что каждый раз – как в первый.

Зои взглянула на него, подняв бровь.

– Тогда он не стал бы убивать новых девушек. Нет, убийца сделал бы вид, что ему это отвратительно. Или посмотрел бы несколько секунд с равнодушным видом и отвернулся. Но вот так? – Она покачала головой. – Сомневаюсь.

Прошло еще несколько минут. Крики Николь, искаженные слабым эхо от акустической системы в наблюдательной комнате, били по нервам.

– Ладно, теперь моя очередь, – пробормотал Тейтум, вставил в ухо наушник и вышел из наблюдательской. Остановился снаружи и немного поморгал, привыкая к яркому свету: если он появится в допросной моргающим и со слезами на глазах, это, пожалуй, смажет впечатление. Подождав секунду, толкнул дверь.

В комнате воняло потом – ни зеркала, ни динамики этого не передавали. Шеппард, оказывается, обильно и пахуче потел. Когда Тейтум вошел, все взгляды устремились на него.

– Мистер Шеппард, – сказал он, – я агент Грей, ФБР. Составлю вам компанию до конца разговора.

– А... конечно. Пожалуйста.

Тейтум прислонился к стене и скрестил руки на груди. На этом его роль заканчивалась. Стоять у двери, перекрывая выход, – и всем своим видом напоминать, что ты федеральный агент. Пусть Шеппард понервничает.

Фостер и Лайонс продолжили допрос. Встречался ли Шеппард когда-нибудь с Николь Медина? Не видел ли ее с тем же человеком, что был с Мэрибел Хоу? Новые фотографии, много фотографий: стол почти скрылся под ними. Фостер и Лайонс свою задачу выполняли на «отлично».

– Мистер Шеппард, – сказал вдруг Фостер, – скажите нам, пожалуйста, где вы были двенадцатого августа в восемь вечера?

Еще одна идея Зои. Дата выбрана наугад. Никто из девушек в этот день не пропал – и вообще, насколько им известно, ничего не случилось. Зои рассуждала так: убийца, разумеется, подготовил алиби на те вечера, когда похищал своих жертв, но если спросить его о другой дате, то можно застать врасплох. Он удивится, начнет спрашивать себя, что им известно. Это выбьет его из колеи.

Так оно и вышло.

– А... а что? Не понимаю, какое это имеет отношение к...

– Надо уточнить кое-что из ваших показаний, – спокойно ответила Лайонс. – Касательно того мужчины, которого вы видели. Так где вы были?

– Я... мне нужно припомнить... Я что, подозреваемый? – Его взгляд метнулся к Тейтуму, затем снова к Лайонс.

– Разумеется, нет. – Последняя пожала плечами. – Вы здесь, чтобы помочь нам.

– Ну... да.

– Так вы помните, что делали тем вечером?

Шеппард испуганно завертел головой.

– Не нравится мне это! – раздался в наушнике у Тейтума голос Дженсена. – Фостер, вы задаете ему прямые вопросы. Я хочу, чтобы вы зачитали ему права. Второе дело Уитфилд мне здесь не нужно!

– Не надо, – послышался голос Зои. – Вопрос о дате, никак не связанной с преступлениями. И мы обо всем этом заранее договорились.

– Я... кажется, я был дома, – сказал Шеппард.

– Кто-нибудь может подтвердить ваши слова? – спросил Фостер.

– Ловкий адвокат на основании вот этой сцены весь протокол интервью сделает недействительным! – истерически заорал в ухо Дженсен. – Фостер, прочтите ему права, немедленно!

– Да что вы за идиот! – рявкнула Зои. – Ведете себя, как...

Тут связь прервалась – видимо, Дженсен выключил микрофон. Тейтум мысленно выругался, осознав свою ошибку. Он ушел в допросную, чтобы создать дополнительное давление на подозреваемого, – но при этом оставил Зои наедине с Дженсеном. А если есть на свете что-то, на что Зои неспособна в принципе, – это общаться с людьми, подобными лейтенанту, и держать себя в руках.

– Э... я... кажется, один был... или нет, подождите... – Шеппард облизнул губы. На заднем плане Николь Медина издала долгий, полный отчаяния стон. Взгляд Шеппарда метнулся к экрану, затем к Тейтуму. Выглядел он, словно зверь, загнанный в угол, который вот-вот совершит ошибку.

В этот миг дверь допросной распахнулась, и в комнату влетел Дженсен с листком «правила Миранды» в руках.

– Мистер Шеппард, – начал он. – Прежде чем мы двинемся дальше, прошу вас подписать вот это. Ничего особенного, простая формальность. Здесь сказано, что вы знаете свои права. Что имеете право на адвоката, и все, что вы скажете, может быть использовано против вас в суде. Ну, как в кино...

Он положил бумагу на стол, поверх фотографии Мэрибел Хоу, и лучезарно улыбнулся.

Шеппард взглянул на бумагу и нахмурился.

– С какой стати мне это подписывать? Я просто пришел помочь.

– Такая процедура... – пробормотал Дженсен.

С каждой секундой нить допроса все плотнее сплеталась, все туже затягивалась вокруг Шеппарда искусная паутина. С каждым движением ловушка закрывалась все плотнее, и все сложнее становилось выбраться из нее невредимым. Однако пришел Дженсен – и легким движением слона в посудной лавке все разрушил.

– Я что, арестован? – спросил Шеппард.

Фостер тяжело вздохнул.

– Нет, мистер Шеппард. Вы просто пришли нам помочь.

– А... ну... тогда я пойду, наверное. Я вам все уже рассказал, что знал. Да и час поздний. Пора домой.

Глава 60

– Когда ты позвонила, я удивился, – сказал Джозеф после того, как они заказали ужин. – Думал, ты сейчас дома с сестрой.

Они сидели в том же ресторане, где встретились впервые. Зои заказала тот же стейк: при одной мысли о нем заурчало в желудке.

– Я отложила вылет. Вернусь, наверное, во вторник.

– С ней все в порядке?

– Да.

Зои улыбнулась, вспомнив сообщение, полученное от сестры всего час назад. С тех пор, как Марвин окончательно переселился к ним домой, Андреа слала ей гифки с ворчливыми стариками из «Маппет-шоу». И, кажется, наслаждалась его обществом.

Бармен поставил перед ними напитки. Зои заказала, как обычно, «Гиннесс», Джозеф – пинту «Шайнера».

Бентли отхлебнула пива, слизнула пену с верхней губы, смакуя густой, словно у сметаны, вкус. Она была рада встрече с Джозефом. Тейтум предлагал заказать еду в номер и поговорить о деле, но Зои нужно было передохнуть. Горький привкус от того, как Дженсен одним махом разрушил все их усилия на допросе, смешался с усталостью от постоянных размышлений о мотивах убийцы. Все это измучило ее, и теперь хотелось поговорить о чем-нибудь другом.

– Так что ты делал в пятницу вечером? – спросила она.

– Ходил с друзьями в кино. – Джозеф пожал плечами. – Было весело.

И стал рассказывать, как девушка, сидевшая впереди, настолько бурно реагировала на происходящее на экране, что в конце концов он уже смотрел не на экран, а на нее. Зои слушала с улыбкой, вполуха, невольно возвращаясь мыслями то к Андреа, то к Шредингеру, то к Альфреду Шеппарду. Нет, Шеппард – не их человек. Почти наверняка. Если уж строить догадки, скорее всего, он увлекается серийными убийцами, а теперь съехал с катушек оттого, что настоящий живой убийца орудует совсем рядом, у них в городе. Если б Лайонс получила ордер на обыск, скорее всего, у него дома нашли бы кучу книг и фильмов о прославленных маньяках прошлого.

Но сам он никого не убивал.

Конечно, на всякий случай за ним установили наблюдение, но... И снова она ощутила прилив гнева, вспомнив, как Дженсен несколькими словами разорвал их тщательно сплетенную паутину.

– О чем задумалась? – спросил Джозеф.

Зои встrepенулась. В ресторане было непривычно тихо, половина столиков вокруг пустовала. И атмосфера казалась непривычно подавленной для субботнего вечера.

– Что-то здесь пусто. У вас по субботам всегда так?

Джозеф поднял бровь.

– Может, ты не слышала, но у нас по городу бродит серийный убийца.

– Действительно. Совсем забыла.

– Кстати, как дело? Прогресс есть?

– Кое-какой есть, да. Несколько направлений выглядят многообещающими.

– Я читал твоё интервью чикагской газете, – сказал Джозеф. – Ты, похоже, вполне уверена в себе.

– Мы таких людей успешно ловим уже много лет. И потом у нас есть преимущество.

– Какое?

– Знаешь, я бы не стала...

Тут зазвонил телефон. Зои бросила на Джозефа виноватый взгляд и взяла трубку. Тейтум.

– Не хочу мешать твоему свиданию, – начал он, сделав на последнем слове какое-то странное ударение, которого Зои не поняла, – но у меня тут кое-что есть.

– Что?

– Шелтон выслал нам в помощь команду на машине с ППР...

– ППР?

– Подповерхностный радиолокатор. И они уже нашли одну яму.

Зои громко ахнула и хлопнула ладонью по барной стойке, вызвав несколько недовольных взглядов других посетителей.

– Где?

– На севере. В полумиле к северу от Грейп-Крик. Почвы Тулия.

– К северу от Грейп-Крик? – Бентли встала, одними губами прошептав Джозефу: «Сейчас вернусь». – Далеко от Сан-Анджело?

– В пяти с половиной милях.

– Почти на краю нашего периметра... – Она открыла дверь и вышла наружу. На улице было уже темно, но стояла все та же сухая жара. Впрочем, к тexasской погоде Зои уже начала привыкать. – Не стоит ли нам расширить ареал поисков?

– Он и так велик, – ответил Тейтум. – На ночь поиски прекратили, а завтра выходной, так что продолжим не раньше понедельника. Что ж, пока и так неплохо.

– Расскажи про яму.

– Шесть футов глубиной, прямоугольная, прикрыта двумя большими деревянными щитами, сверху около пятнадцати дюймов земли. В нескольких ярдах от дороги, в укромном месте. Всё как мы и ожидали.

– Фостер установил там наблюдение?

– Сейчас пытается организовать. Дженсен негодует: уже второй наблюдательный пост, которого мы от него требуем, да еще и в выходные. Но Лайонс говорит, никуда он не денется. И наблюдение они организуют, даже если самим придется там стоять.

– Тейтум, это фантастическая новость!

– Знаю. – В его голосе слышалась улыбка. – Ладно, не буду отрывать тебя от ужина. Будет еще что-нибудь новенькое – позвоню.

– Спасибо!

Она дала отбой и, пробираясь между пустыми столиками, вернулась на свое место. Пока ее не было, принесли ужин.

– Хорошие новости? – спросил Джозеф.

– Да, есть прогресс... Боже, какой чудный запах! Умираю от голода!

Зои отрезала большой кусок стейка и немедленно отправила его в рот, наслаждаясь сочным нежным мясом. Прожевала, проглотила и с улыбкой обратилась к Джозефу:

– Андреа я никогда этого не скажу, но здесь жарят стейки так, как ей и не снилось!

– Добро пожаловать в Техас. – Джозеф улыбнулся. – Знаешь, я никогда не встречал женщину, которая умеет так наслаждаться едой!

– Может быть, не с теми женщинами встречался?

– Конечно, не с теми – иначе давно носил бы обручальное кольцо.

– Хочешь жениться?

– Еще как! – Он бросил на нее лукавый взгляд. – Не тревожься. Делать тебе предложение я пока не готов.

Она фыркнула.

– Да ты и не успеешь, я уезжаю через два дня!

– Зря ты меня недооцениваешь. Если помнишь, гоняться за девушками через всю страну я уже пробовал. – И он покатился со смеху. – Да не надо смотреть с таким ужасом – я не собираюсь тебя преследовать!

Секунду спустя Джозеф сообразил, что сказал что-то не то, и сразу посерьезнел.

– Ох, прости, я не хотел...

– Не переживай! – ответила Зои; она и сама смеялась.

Некоторое время они ели молча. В самом деле, вокруг было чертовски пусто. Интересно, знает ли убийца, как напугал жителей города? Бентли попыталась представить, где он сейчас, чем занимается. Может, бродит вокруг дома новой жертвы, так же, как караулил у домов Мэрибел и Николь, ждет, чтобы она ушла куда-нибудь и вернулась к ночи? Но ведь так может пройти несколько недель. Возможно, им удастся поймать его прежде, чем следующая жертва попадет к нему в руки. А если он навестит одну из своих ям и попадет в засаду?

От этих мыслей ее отвлекла яркая вспышка. Взглянув в ту сторону, она увидела, как компания молодежи, притиснувшись друг к другу, делает групповое селфи за столиком.

Зои смотрела на них, закусив нижнюю губу. А что, если она ошибается? Если убийца вовсе не караулит своих жертв возле домов?

– О черт! – пробормотала она.

– Что? – спросил Джозеф.

Лайонс говорила, что Мэрибел Хоу постоянно обновляла «Инстаграм». Мать Николь Медина рассказывала, что дочь вечно сидела в телефоне, болтала с подругами. Обе девушки вели активную жизнь в соцсетях. Как же она это упустила?!

Порывшись в сумочке, Зои достала телефон и зашла в инста-профиль Мэрибел Хоу. Множество комментов от скорбящих друзей. Аккаунт открытый. Поискала профиль Николь Медина – и сразу его нашла. Тоже открытый аккаунт.

– Похоже, в профиле убийцы я упустила кое-что важное, – сказала она.

Последнее фото Николь Медина перед смертью – с вечеринки. Даже указано место. Любой, кто просматривал ее «Инстаграм», знал, куда она пошла и с кем – и мог угадать, что вернется поздно. Все, что требовалось от убийцы, – спрятаться возле ее дома и подождать.

– Что упустила? – спросил Джозеф.

Не обращая на него внимания, Зои переключилась на профиль Мэрибел Хоу. Да, вот ее последняя фотография – с подружкой на выходе из кинотеатра.

Убийца следил за жертвами через социальные сети! Ждал, пока они куда-нибудь отправятся вечером, и отправлялся караулить их у дома. Возвращались они поздно. В темноте. Когда все вокруг уже спят. И до дома оставалось всего несколько шагов, так что они теряли бдительность.

Эта мысль тяжело ее поразила. Выходит, убийце нет нужды выбирать заранее какую-то конкретную жертву! Он может просматривать десятки аккаунтов. Сотни. Даже сейчас, когда все напуганы, кто-то из его потенциальных жертв обязательно продолжит тусоваться и гулять по ночам!

В голове Зои роились идеи. Что, если подсунуть ему наживку – создать фальшивый аккаунт? Такое делать им уже приходилось. Что, если выделить «группу риска» и поставить под наблюдение? Что, если проверить, кто заходил на страницы Мэрибел и Николь, и посмотреть, на каких еще страницах бывали эти люди?

– Мне пора, – сказала вдруг Зои. – Извини.

– Ты даже стейк не доела, – расстроено заметил Джозеф.

– Я... да, верно. – Она помахала бармену. – Заверните мне с собой, пожалуйста.

– Может, увидимся сегодня попозже? Я не собирался рано ложиться спать. Звони мне, когда захочешь.

Зои окинула его долгим взглядом. Эта мысль пришлась ей по душе.

– Договорились, – ответила она наконец. – Позвоню.

Такого дерьмового дня рождения у Джулиет еще не было! Даже в семь лет, когда аниматор в костюме медведя еще долго снился ей в кошмарах. Даже в четырнадцать, когда прямо на вечеринке ее бросил сукин сын Роджер Харрис. Она всегда говорила себе: не стоит ждать от дня рождения слишком многого. Меньше ожиданий – меньше разочарований. Но что все обернется так плохо!..

Еще вчера она с нетерпением ждала вечеринки. Создала событие в «Инстаграме»: девять друзей оставили пометки «приду» и еще пятеро – «может быть». Заранее заказала большой стол в «Роннис», уже мысленно представляя, как все хором поют «С днем рождения тебя», а она задувает свечу на шоколадном торте.

«Не жди слишком многого, Джулиет. А лучше вообще ничего хорошего не жди».

Потому что в Сан-Анджело объявился серийный убийца, и черт его дернул всплыть именно накануне дня ее рождения! Так что пять «может быть» быстро превратились в «не приду», девять «приду» – в «может быть», а в личку полетели письма с извинениями.

Хотите знать, сколько ее друзей все-таки появились на вечеринке? Двое.

Точнее, одна Тиффани. И Луис, ее бойфренд. Джулиет он не друг: честно говоря, она всегда считала его озабоченным козлом. Но хоть не трус, и то радуется.

По крайней мере, одного унижения она избежала – не пришлось сидеть за длинным столом всего с двумя гостями. Ресторан был почти пуст, так что они могли выбрать любой столик. Но каждую минуту Джулиет косилась в сторону большого стола и думала: ну что бы этому убийце хоть пару дней подождать? Веселилась бы она сейчас там в компании друзей... и даже не знала бы, что все они предатели.

Гребаный шоколадный торт со свечой Джулиет вообще не взяла.

Тиффани очень старалась ее развеселить, но голос у нее заметно дрожал; то и дело подруга поглядывала на часы и напоминала, что хорошо бы разойтись пораньше. Можно подумать, серийные убийцы работают по расписанию. «Девять вечера – пора на охоту!»

Впрочем, Джулиет не возражала. В полупустом ресторане было на редкость уныло. Все на нервах. Официантка уже предупредила их, что сегодня «Роннис» закрывается рано. Немногие посетители тревожно зыркали по сторонам, словно хотели удостовериться, что не остались здесь последними. «Безопасность – это главное»: фраза дня. То, что Джулиет и сама писала в ответ на сообщения типа: «Извини, очень хотела прийти, но сама понимаешь...» Ну да. Понимает.

Веселился один Луис. Хотя представления о веселье у него были своеобразные. Ржал как конь, отпускал похабные шуточки, непрерывно лапал Тиффани – и над столом, и, как скоро оказалось, под столом тоже. Несколько раз, протягивая грабли к коленкам Тиффани, случайно наткнулся на ногу Джулиет. А может, и не случайно. Кто его знает. И когда Тиффани в очередной раз подскочила на стуле и взвизгнула, Джулиет попросила счет.

Домой они ехали на машине Луиса, и тот непрерывно лез Тиффани под юбку. Смотреть противно, и в то же время почему-то глаз не отвести. Джулиет страстно мечтала поскорее добраться до дома.

Где-то на полпути Луис предложил «устроить тройничок в честь праздника» и первый громко заржал. Одна из тех веселых шуток, про которые понимаешь, что они не совсем шутки.

ТЬФУ, пакость какая! Когда же они доедут?

Он остановил машину возле ее дома, и Джулиет вышла.

– Хочешь, проводим тебя до дверей? – вдруг посерьезнев, спросил Луис.

Она уже почти сказала «да» – честно говоря, новости о серийном убийце и ее напугали, – но представила себе, как всю дорогу Луис будет лапать Тиффани, а та – хихикать и взвизгивать, а на крыльце, пожалуй, еще снова предложит «тройничок»...

– Да нет, не надо. Правда. – И старательно улыбнулась, думая, что не стоит обижать ребят, – как бы там ни было, они все-таки ее не бросили. – Спасибо, что пришли!

– С днем рождения тебя, солнышко! – сказала Тиффани. – Завтра позвоню.

– Мы подождем тут, пока ты не войдешь в дом, – добавил Луис.

Может, он все-таки не такой козел, как кажется? Ну, озабоченный... но это ведь не самый страшный порок.

Вокруг стояла жаркая душная тьма. Мама много раз спрашивала, не хочет ли ее домовладелец поставить перед домом фонари. И каждый раз Джулиет отмахивалась, думая про себя: «Вечно найдет, чем меня достать!» – но сейчас вдруг поняла, что мама права. Два-три фонаря здесь точно бы не помешали.

Да ладно, ерунда. Дверь дома меньше чем в двадцати ярдах от дороги.

Она двинулась вперед по песчаной тропинке. Почти сразу споткнулась: высокий каблук зацепился за корень или еще что-то такое. Эта дорожка вообще не для туфель на каблуках. Через несколько ярдов в кустах раздался шорох. Джулиет замерла. Машина Луиса сзади, она слышит включенный мотор; но можно ли разглядеть Джулиет в такой темноте? И что, если кто-нибудь выпрыгнет из кустов, схватит ее и утащит во тьму? Что будут делать Луис и Тиффани?

Охваченная страхом, Джулиет бросилась бежать. Вновь споткнулась и едва не упала, однако удержалась на ногах. Оказавшись на крыльце, дрожащей рукой начала нашаривать в сумочке ключи. Где же они? Где?

Наконец нащупала знакомое кольцо в форме дельфина, вытащила звякнувшие ключи, нашла нужный, вставила в замок. Дверь со щелчком отворилась.

Джулиет торопливо включила свет – и в гостиной, и снаружи, на крыльце. Глубоко вздохнула, стараясь успокоить сбившееся дыхание. Перешагнув порог, обернулась. Луис и Тиффани помахали ей из машины. Джулиет, старательно удерживая на лице улыбку, помахала в ответ.

Машина тронулась с места.

Что за кошмарный вечер! Слава богу, он подошел к концу. Теперь – в туалет и спать.

Джулиет повернулась, захлопнула дверь ногой... но дверь у нее за спиной не захлопнулась.

Она хотела обернуться, и в этот миг чужая рука схватила ее за правое плечо, а к горлу прижалось что-то холодное и острое.

– Не кричи – порежу. Поняла? – проговорил хриплый злой мужской голос за спиной.

Джулиет застыла, не в силах ни шевельнуться, ни вздохнуть.

– Если поняла, просто кивни.

Невероятным усилием она сумела дернуть голову вниз.

– Теперь иди вперед. Прямо на кухню. Без резких движений.

И Джулиет пошла. Казалось, тело, сделанное из желе, растекается. Даже если она решит сопротивляться – ударить его локтем под ребра и бежать, или обернуться, схватить за руку с ножом и укусить, – просто не сможет. Все силы сейчас уходили на то, чтобы удержаться на ногах.

Значит, он все-таки ждал ее во тьме. Терпеливо дожидался, пока уедет машина. А потом шагнул в дом за ней следом, прежде чем она успела закрыть дверь.

– Мой парень спит в спальне, – едва слышно, надтреснутым голосом произнесла Джулиет. – И вот-вот проснется.

– Нет у тебя никакого парня. Вы расстались четыре месяца назад, помнишь? Ты еще написала очень трогательный пост.

– Что вы со мной сделаете? – Ее глаза заволокли слезами.

Они вошли на кухню. В темном окне Джулиет увидела свое отражение, и за спиной у себя – мужской силуэт.

– Не плачь. Сегодня твой день рождения, верно? – Он подтолкнул ее к кухонному столу. – Садись.

Стул тонул во тьме. Если она сядет – наверное, уже не встанет. Пока остается на ногах, у нее есть шанс. Можно вырваться и броситься бежать. Можно начать сопротивляться. Схватить что-нибудь, ударить его и...

Вдруг она ахнула от острой, ослепляющей боли в шее.

– Порез совсем неглубокий, – прошептал мужчина ей на ухо. – Могу и глубже.

Джулиет осторожно села на стул. Всхлипнула еще раз, и еще. Она плакала почти беззвучно и не могла остановиться. По шее стекала за воротник липкая струйка крови.

– Постарайся успокоиться. Вот, попей. – Он отпустил ее руку и поставил перед ней бутылку минеральной воды.

Она открыла крышку и сделала пару глотков. Поставила бутылку на стол.

– Так лучше? – спросил он.

– Пожалуйста, не делайте мне больно!

Он молчал – не шевелился и не произносил ни слова. Только держал у ее горла нож. И по-прежнему сжимал ее плечо. Не заснул там часом? Джулиет снова задумалась о том, чтобы вскочить, дать ему ногой по яйцам и броситься бежать.

Слегка дернула головой.

– Не шевелись.

Она застыла.

Текли секунды. Джулиет не понимала, что происходит. Блузка на плече уже сильно намочена от крови. Это действительно неглубокий порез? Или она сейчас умрет?

Ее подташнивало, кружилась голова. Руки и ноги стали вдруг очень тяжелыми. Может быть, от потери крови. Хотя не так уж много она потеряла...

Нет. Это не рана и не кровь. Он что-то подмешал в воду.

– Что... – с трудом произнесла она – тяжело было даже шевелить языком. – Что...

Он наклонился и тихо запел ей в самое ухо:

– С днем рожденья тебя, с днем рожденья тебя, с днем рожденья, Джулиет, с днем рожденья тебя!

Глава 62

Сан-Анджело, Техас, воскресенье, 11 сентября 2016 года

Спал он меньше трех часов и проснулся перед рассветом. Пожалуй, не отказался бы вздремнуть еще пару часиков, однако вот-вот должна была проснуться девушка, и безопаснее было закончить работу сейчас, на восходе солнца, прежде чем поднимутся прочие жители города.

Впрочем, есть что-то и в том, чтобы пробуждаться на рассвете, ранним воскресным утром, и прислушиваться к тишине. Все спят, и легко вообразить, что ты один в целом мире.

Контейнеры с землей и ящик с девушкой внутри он загрузил в фургон еще с вечера, перед тем как лечь спать. Осталось сесть за руль, выехать из гаража и отправиться в путь.

Уже на улице он вдруг задумался о том, не забыл ли что-то нужное. Припарковался у тротуара, проверил сумку. Ноутбук, одноразовый телефон, шнур, перчатки. Лопата и прочее – в багажнике.

Вот что забыл: солнечные очки! Мало приятного будет ехать обратно под слепящим солнцем. Вернуться за ними? Пожалуй, не стоит. Ничего страшного. Будет ему урок в следующий раз.

Над ним сияли небеса того нежного темно-голубого оттенка, что встречается лишь ранним утром, до восхода, когда еще видны самые яркие звезды. Он ехал, напевал себе под нос какую-то мелодию, и чувствовал, как растет внутри радостное возбуждение.

Последний отрезок пути был ухабистым и неровным. Эту яму он выкопал в довольно труднодоступном месте. Один раз, наткнувшись на камень, подумал даже, что сейчас спустит колесо...

Сзади послышались приглушенные звуки. Девушка просыпалась.

Он остановил машину, взял сумку и, открыв дверь, выпрыгнул наружу. Яма, разумеется, снаружи незаметна – но как он мог забыть, где она? Достал лопату и принялся очищать доски от верхнего слоя земли и песка. На это ушло меньше пяти минут. Что-что, а копать он умеет как профи!

Воткнул лопату в землю, приподнял левую доску...

И тут у него упало сердце.

Часть земляной стенки обрушилась и засыпала яму почти до половины. Черт! Когда это произошло? Проверял ведь яму две недели назад – все было в порядке! Чтобы убрать отсюда всю эту землю, уйдет часа два, не меньше.

Девушка за спиной испустила приглушенный крик.

Что делать? Ехать в другое место? Есть несколько возможностей, однако менять планы в последнюю минуту не хотелось. И потом, ближайший его «тайник» полиция уже нашла.

Нет. Ничего он не будет менять. Яма по-прежнему подходит для его задачи. Какая разница, зарыть ли тело на глубине шести футов или трех? Погребение есть погребение. Глубина могилы важна только ему самому.

Приняв решение, он сразу почувствовал себя лучше, открыл заднюю дверцу фургона и вытащил ящик – легко, как проделывал уже сотню раз. Пожалуй, это самое сложное: в одиночку дотащить ящик до могилы и ровно туда поставить.

Перед самой ямой он остановился и подсоединил к камере провод. С Мэрибел Хоу забыл сделать это вовремя, пришлось спускаться в яму. Неприятно. Но теперь он человек опытный, глупых ошибок не допускает.

Ящик с глухим стуком упал в яму, и девушка внутри вновь приглушенно вскрикнула. Не обращая на нее внимания, он достал ноутбук, подсоединил к камере. Затем вывалил землю из контейнеров, одного за другим. Включил компьютер. Несколько секунд – и на мониторе материализовалось изображение девушки в самодельном гробу. Наконец-то!

Подхватив лопату, он бросил на ящик первую порцию земли. Девушка кричала все громче – но пока никто, кроме него, ее не слышал.

Глава 63

Ясно было, что этой ночью никому долго спать не пришлось. И у Тейтума, и у Фостера, и у Лайонс вокруг глаз чернели такие же круги, какие Зои, когда встала, видела в своем зеркале. Несмотря на воскресное утро, еще до девяти часов все трое собрались в участке. Фостер заварил суперкрепкий кофе, и они начали.

Зои заснула уже после двух часов ночи... одна. Когда они с Тейтумом закончили обсуждать дело, она написала Джозефу, но тот не откликнулся. Должно быть, все-таки лег спать.

Теперь все сидели в оперативной комнате.

– Итак, – сказал Фостер, потирая лоб. – Из письма, которое прислал мне агент Грей в два часа ночи, я понял, что у вас появились какие-то новые идеи.

– Да, – ответила Зои. – Поначалу мы предполагали, что убийца следит за жертвой лично: бродит возле ее дома, ждет, чтобы она ушла вечером и

вернулась поздно. И хватает ее, когда она возвращается домой, – ночью, в темноте, пока все вокруг спят.

– Угу.

– Но что, если он следит за несколькими жертвами сразу? И не лично, а через социальные сети? Скорее всего, в основном через «Инстаграм». Проверяет профили девушек, и когда они пишут, что куда-то идут, или отмечают свое местоположение вдали от дома, понимает, что у него появилась возможность. Отправляется к ним домой и ждет.

– Профили Мэрибел Хоу и Николь Медина подходят под эту гипотезу?

– Подходят, – раньше Зои отозвалась Лайонс. – Последнее фото Мэрибел – она выходит из кинотеатра. А Николь в последний раз отметила себя на вечеринке.

– И у обеих открытые аккаунты, – добавила Зои.

– Хм-м... Значит, поначалу мы думали, что он следит за девушками лично, поэтому знает, где они живут. Но если следит только в Интернете, как выясняет их домашние адреса?

– Мало ли способов выяснить чей-то адрес, – ответил Тейтум. – В случае Николь она всегда отмечала на фото свое местоположение, так что достаточно было посмотреть на локацию фото, сделанных у нее дома.

– Мэрибел Хоу была чуть более осторожна, – добавила Зои. – Сама свое местоположение не отмечала. Зато она использовала «Мьюзикал.ли».

– Я в социальных сетях не очень, – признался Фостер. – Что такое «Мьюзикал.ли»?

– Приложение в социальных сетях, где люди постят себя поющими, – объяснил Тейтум. – «Мьюзикал.ли» по умолчанию отмечает, где вы находитесь. Многие пользователи об этом даже не знают.

– Аккаунты Мэрибел в «Мьюзикал.ли» и «Инстаграме» связаны, – добавила Зои.
– Так что любой за пять минут мог выяснить ее адрес.

Фостер тяжело вздохнул.

– Что ж, звучит очень похоже на правду. И что нам делать?

У Зои зазвонил телефон. Это Гарри – должно быть, хочет обсудить следующую статью. Она отклонила звонок, решив перезвонить ему через пять минут.

– Можно проанализировать профили местных пользователей соцсетей и предупредить тех, кто в группе риска, – предложил Тейтум.

– Или подсунуть ему наживку, – добавила Зои.

– Мы с Зои спорим. Я не большой фанат этой идеи, – отреагировал Грей.

- Я так уже делала!
- И сама мне сказала, что в тот раз девушку едва не убили.
- Потому что наблюдали за ней криворукие идиоты! А у нас это сработает.
- А что за наживка? - прервал их спор Фостер.
- Ну, нам нужно создать... - У Зои снова зазвонил телефон. Снова Гарри. Она вздохнула. - Извините, это может быть важно.

Ответила на звонок.

- Гарри? Что-то вы рано встали с утра в воскре...
- Я получил новое письмо.

Голос Гарри звучал серьезно, даже мрачно, словно говорил не назойливый циничный журналист, к которому она привыкла.

Зои нахмурилась.

- Что...
- Там всего одна фраза: «Может быть, это заставит вас подумать». И ссылка. На третье видео.

Зазвонил телефон у Фостера, и Зои вздрогнула.

- Фостер, - сказал тот в трубку. - Помедленнее... Что?!
- Что за видео? - быстро спросила Зои у Гарри.
- Третья девушка. Сейчас пришлю ссылку. - И он повесил трубку.

Телефон пискнул: пришла ссылка на видео. Зои кликнула по ней, и на экране появился знакомый вебсайт. Шредингер, «Эксперимент номер три».

А затем началось видео. Девушка в тесном пространстве, с заткнутым ртом и выпученными от ужаса глазами.

- Диспетчер получил звонок от матери девушки по имени Джулиет Бич, - заговорил Фостер. - Сегодня утром она не смогла дозвониться Джулиет по телефону, пошла к ней домой и увидела кровь... - Тут он умолк и уставился на Зои с телефоном в руке.

Та показала ему экран.

- Только что получила от Гарри, журналиста.

Лайонс уже набирала что-то у себя в телефоне. Секунду спустя показала им экран: профиль Джулиет Бич в «Инстаграме».

– Вот она. Последний пост – вчера вечером. Идет праздновать свой день рождения.

– Значит, видео совсем недавнее, – сказал Фостер. – Не исключено, что прямой эфир.

Теперь все столпились вокруг телефона Зои.

– Зачем он ей рот заткнул? – через несколько секунд молчания спросила Лайонс. – Другим не затыкал.

– Потому что теперь его методы всем известны. Жертвы знают, что их снимают на видео, – объяснила Зои. – Он не хочет, чтобы жертва сказала что-нибудь, что может нам помочь.

– А что там в углу? – спросил Фостер. – Какая-то коробочка.

Зои взгляделась туда, куда он указывал. В самом деле, небольшая металлическая коробка с зеленой надписью и очень знакомым символом.

Череп и кости. Яд.

Глава 64

Карта на стене казалась огромной. Зои беспомощно шарила по ней взглядом. Где искать жертву? Слишком много вариантов.

– Мне нужен радар! – кричал в трубку Фостер. – И как можно скорее! Каждая минута на счету!

На самом деле все понимали: скорее всего, радар им не поможет. В почвах Тулия слишком много глины.

Фостер приказывал диспетчеру собрать всех поисковых собак в округе и запросить помощи у полиции Абилены и Мидленда.

– У полиции штата тоже! – кричал он, прижав трубку к уху. – Нам нужны все чертовы собаки, какие есть!

Тейтум по своему телефону говорил с Шелтоном, обсуждал поиск цифровых следов. Письма, полученные Гарри, веб-сайт, посетители «Инстаграма» Джулиет – на всем остались цифровые отпечатки, которые могли вывести на след убийцы. Или не вывести.

Какофония голосов мешала Зои сосредоточиться. Она отошла к стене, прижала пальцы к вискам. Где может быть девушка? Думай!

– Эта коробочка в ящике, рядом с девушкой, – раздался рядом негромкий голос Фостера. – Там кислота, верно? Совсем как рассказывала та ученая. Теперь этот ублюдок затеял эксперимент с кислотой.

Зои прикусила губу.

– Возможно. Хотя... маловероятно.

– Почему?

– Его заводит другое. Он явно наслаждается, когда хоронит женщин живьем и следит, как они медленно умирают от нехватки воздуха. Смерть от кислоты – совсем не то, что ему нужно. И потом для организации такого убийства нужны технические навыки, которые он пока не демонстрировал.

– Тогда... что же это такое?

– Фейк, – ответила Зои, очень надеясь, что голос звучит уверенно. – Реквизит.

– А если...

– Трансляция остановилась! – объявил вдруг Тейтум. – Все оборвалось.

– Уже? – Фостер поспешил к экрану. – Да ведь и пятнадцати минут не прошло!

Но Тейтум был прав. Вместо девушки они видели лишь черный экран.

* * *

Он сидел у себя в подвале, с легкой улыбкой наблюдая, как борется за жизнь погребенная девушка. Пожалуй, эта лучшая. Единственное, что ему не удавалось предсказать, – как поведет себя жертва, когда попадет в могилу: такие вещи люди обычно не постят в «Инстаграме». Но эта просто идеальна. Крики, рывки, слезы на щеках, огромные испуганные глаза...

Кляп и связанные руки – пожалуй, отличное дополнение. Раньше он об этом не думал, однако теперь так и будет действовать дальше. Когда связаны руки и заткнут рот, картинка выходит еще более... отчаянная.

– Подумай, – шептал он девушке на экране, – подумай над своим поведением!

Кнопка под видео была красной – положение «оффлайн». Он колебался. Может, пора продолжить трансляцию?

Нет. Подождем еще несколько секунд.

Он отпил воды из стакана, мыча себе под нос прилипчивый мотивчик, услышанный по радио несколько дней назад.

Ладно. Пора.

Он нажал мышью на кнопку, и красный цвет сменился зеленым. Прямой эфир продолжается!

* * *

– Снова началось! – крикнула Лайонс.

И действительно, на экране опять появилась девушка.

– Похоже, у него были технические проблемы. – Фостер висел на телефоне, отдавая распоряжения диспетчерам: направить патрульных к дому Джулиет, домой к ее матери, поговорить с друзьями, с которыми она встречалась накануне.

– Не думаю, что технические, – ответила Зои. – Вот здесь видно, сколько времени длится видео, – оно не останавливалось. Он сам выключил трансляцию. А потом включил.

– Зачем?

– Это и есть эксперимент номер три. Дело не в кислоте. Он с нами играет. Помните, что говорила доктор Кобб? Состояние суперпозиции. Каждый раз, когда он прекращает трансляцию, мы не знаем, жива Джулиет Бич или мертва. Она в обоих состояниях одновременно. Контейнер с кислотой нужен, чтобы мы думали, что он может открыться в любой момент. Чтобы увеличить неопределенность – для нас. Заставить гадать, жива она или мертва.

– Или это настоящий контейнер с кислотой.

– Нет, не настоящий.

– Очень интересно, – раздраженно хмыкнул Фостер. – А теперь, может, скажете что-нибудь полезное? Карта необъятная, а у меня всего две собаки и один дешевый радар, да и тот барахлит. Где нам искать в первую очередь?

Поколебавшись, Зои ответила:

– У профайлеров есть так называемая географическая формула. Позволяет рассчитать примерное расстояние, на котором преступник нанесет следующий удар, исходя из допущения, что, по статистике, каждое преступление совершается все дальше и дальше от дома. Но... метод очень неточный. И требует расчета некоторых переменных, связанных с психологическим портретом преступника.

– Звучит сложновато... Зои, у нас совсем нет времени!

– Ничего особенно сложного. Просто математика.

Бентли села и начала писать в блокноте, восстанавливая формулу по памяти. Этому методу она никогда вполне не доверяла – слишком часто видела, как преступники действуют вне буферных зон, предсказанных формулой. А кроме того, терпеть не могла неопределенность.

Но надо же откуда-то начать...

– Ну? – нетерпеливо спросил Фостер.

– Секунду, – ответила она, еще раз просматривая выписанные на листок переменные, соображая, насколько те соответствуют географии предыдущих убийств. Да, более или менее соответствуют. Будь у нее хоть полчаса, можно было бы рассчитать точнее...

– Шесть-восемь миль от его дома, – объявила она. – Для простоты можем исходить из того, что живет он в центре Сан-Анджело. Предыдущие места преступлений этому соответствуют.

Лайонс уже отмечала на карте места поиска, а Фостер, снова схватив телефон, приказывал отправить туда всех кинологов с собаками, каких смогли найти.

* * *

Джулиет не могла дышать. Ощутила это, едва очнувшись, и чувство не уходило. Тьма, крошечная тьма окутывала ее невесомым покрывалом, липла к телу, не отпускала. Перекрывала доступ воздуха.

Джулиет кричала, кричала, пока к горлу не подступила рвота, и лишь тогда усилием воли заставила себя остановиться. Во рту кляп; можно задохнуться и умереть.

Впрочем, наверное, смерть и так неизбежна.

Лежа на спине неподвижно, она могла вообразить, что находится в огромной темной комнате. Однако любое движение разрушало эту иллюзию. Стены тюрьмы смыкались вокруг нее со всех сторон. Деревянная крышка ящика – меньше чем в двух дюймах от носа. Попытавшись поднять ногу, она ударилась коленом о дерево.

В горле першило, между ног было жарко и влажно. Она обмочилась чуть раньше, когда давление в мочевом пузыре стало нестерпимым. Воспоминания о прошлом вечере были отрывочными и бессвязными. В ресторане с Тиффани и Луисом... в машине... а что потом?

Обрывки образов и ощущений вспыхивали и гасли в сознании, словно светлячки. Нож, приставленный к горлу. Чужая хватка на плече. Кислый запах чужого пота.

Она снова начала кричать. И зарыдала. А потом затихла, чувствуя, как смыкаются тьма и тишина.

И вдруг... какой-то звук. Что это? Ритмичное бам-бам-бам... Что-то очень знакомое!

Басы! Музыкальный ритм. Где-то рядом, не очень далеко, кто-то слушает громкую музыку!

И она закричала опять, напрягая все силы, чувствуя, что горло вот-вот разорвется от крика.

Музыка стихла.

Теперь ее все-таки вырвало. Рвота заполнила рот, пошла носом, перекрыла ноздри. Джулиет не могла дышать.

* * *

– Что за звук? – спросил вдруг Тейтум.

– Какой звук? – нахмурилась Зои.

Звуков вокруг было примерно миллион: Фостер и Лайонс, перекрикивая друг друга, говорили по телефонам, трещала и хрипела полицейская рация, настроенная на поисковую волну, видео включалось и выключалось еще четыре раза, и каждый раз напряжение в комнате росло так, что его можно было руками потрогать: никто не знал, вернется ли трансляция или это конец.

– Какой-то звук на видео. – Тейтум оглянулся вокруг. – Фостер! Лайонс! Ради бога, заткнитесь хоть на секунду!

Все замолчали, Фостер выключил радио. Остались лишь звуки, доносящиеся с экрана телефона. Тихий плач Джулиет. И что-то еще. Размеренное ритмичное «бам-бам-бам».

– Музыка! – сказал Тейтум.

– Кто-то поблизости слушает музыку? – недоверчиво переспросил Фостер. – Думаете, что, возможно, она не похоронена?

– Нет, нет, слушайте! Стихает, – сказала Зои.

В этот момент Джулиет начала отчаянно кричать сквозь кляп, и ее крик заглушил басы.

– Скорее всего, мимо проехала машина, в которой громко играла музыка, – сказала Зои. – Эта жертва зарыта не так глубоко, как предыдущие.

– Отлично, собакам будет проще, – заметила Лайонс.

– Что-то не так. – Тейтум склонился над экраном. – Взгляните на нее!

Джулиет отчаянно дергалась и металась в своих путах. В углу рта сквозь кляп проступила пена. Из ноздри вздулся пузырь жидкости. Зои перевела взгляд на металлическую коробочку, спрашивая себя, неужели все-таки ошиблась – но контейнер с «кислотой» оставался закрыт. А в следующий миг она поняла, что происходит.

– Ее только что вырвало! – воскликнул Фостер. – Она давится. Черт!

Чувство беспомощности было почти невыносимым. Все, что они могли сделать, – смотреть, как несчастная девушка, с широко раскрытыми глазами и судорожно сокращающимся горлом, дергается в тесной клетке. Она мотала головой, билась ею о деревянные стенки, поцарапав себе лоб. Зои затаила дыхание: ей казалось, она сама заперта в ящике и борется за жизнь.

Но вот из ноздри Джулиет вырвался еще один пузырь, и она затихла. Заморгала, судорожно раздувая ноздри. Все-таки продышалась!

Тейтум медленно выдохнул.

– Едва не... – проговорил он.

– Еще бы немного... – выдохнула Лайонс.

– Музыка, – снова заговорил Тейтум. – Надо найти машину, в которой играла музыка. Отследив ее маршрут, мы сможем понять, где Джулиет.

Фостер молча смотрел в пространство.

– Фостер, вы меня слушаете? Скажите патрульным, чтобы останавливали всех, у кого громко включена...

– К черту! – Фостер уже набирал номер на телефоне. – Есть идея получше. – Он приложил телефон к уху. – Вот что: скажи всем патрулям, чтобы включили музыку и проигрывали ее через громкоговоритель. Так громко, как только могут, поняла? Если проедут мимо места, где ее закопали, мы их услышим. Да, верно. И скажи, чтобы песни выбирали такие, где побольше басов. Как можно больше. Только скоординируй их друг с другом, чтобы разные песни ставили, не одну и ту же!

Он включил радио, где диспетчер уже передавала патрулям его инструкции, и широко улыбнулся остальным:

– Вот теперь, пожалуй, мы ее найдем!

В горле першило, во рту стоял тошнотворный вкус рвоты. Джулиет уже почти не двигалась – не было сил. И даже мысли о том, что воздух скоро закончится и она умрет, не вызывали прежнего ужаса.

В голове пульсировала боль. По виску что-то стекало – должно быть, кровь. Страшно болели плечи: несколько часов она пролежала с руками, связанными за спиной. Кисти совсем онемели. Первое время Джулиет пыталась шевелить пальцами, чтобы не прекращался приток крови, но теперь уже не думала об этом. Ей хотелось одного – чтобы все закончилось. Уже неважно как.

Сколько она здесь лежит? Целую вечность. Воспоминание о музыке над головой стало расплывчатым, нечетким, словно из сна. Наверное, вообще почудилось.

И вдруг, будто услышав ее мысли, наверху вновь послышалась музыка. На этот раз она звучала по-другому. Неприятная, визгливая, с каким-то треском.

Однако сил на крик не осталось.

Потом музыка стихла, и Джулиет погрузилась в забытие.

* * *

– Пока не идет трансляция, мы с каждой секундой теряем шансы, – мрачно заметил Фостер.

Экран оставался черным уже три с половиной минуты – пока что самый долгий перерыв в вещании. Если убийца решил прекратить ее совсем, Джулиет обречена. Даже если трансляция возобновится, велика вероятность, что за это время кто-то из патрульных проехал мимо могилы, но теперь они об этом не узнают. Фостер делал все возможное для координации поисков – каждый раз, когда прекращался прямой эфир, приказывал остановиться и патрульным: но в поисках Джулиет участвовали уже четырнадцать полицейских машин с оружием из динамиков музыкой, и слаженно действовать им становилось сложно.

Что еще хуже, диспетчерская разрывалась от телефонных звонков. Граждане Сан-Анджело, тихим воскресным утром разбуженные музыкой на полной громкости, вовсе этому не обрадовались и принялись дружно набирать 911. Вперемешку с ними звонили перепуганные люди, наткнувшиеся на видео с Джулиет. Пробиваться через все это и продолжать координировать поиски было все труднее. Лейтенант Дженсен, появившийся в участке часом раньше, вызвался решить эту проблему, но, по мнению Зои, только ухудшил ситуацию.

– Снова пошло! – воскликнула Бентли.

На экране появилось лицо Джулиет. Она лежала с закрытыми глазами; грудь вздымалась и опускалась.

– Там музыка! – сказал Фостер. – Слышите?

Музыка уже стихала, однако он был прав; на видео определенно звучал слабый, но размеренный и ритмичный звук басов.

– Что за песня? – спросил Тейтум.

Зои прислушалась, напрягая все силы, чтобы различить ритм и сопоставить с чем-то, ей известным.

– Это... какой-то рэп, кажется?

– Подождите, – сказал Фостер. – Сейчас запрошу у диспетчера список песен.

– «Swing My Door»! – воскликнула Лайонс.

Все уставились на нее.

– «Swing My Door», поет Гуччи[5]. – Она закатила глаза. – Не знаете? Вы все что, только что из анабиоза вышли?

Фостер схватил микрофон переносной рации.

– Диспетчер, это пять-тринадцать. У кого играет Гуччи?

Секундное молчание.

– Пять-тринадцать, диспетчер. Вызываю машину девять-ноль-два.

– Принято. Где находится?

Радио затрещало, а затем сквозь треск помех прорвался второй, мужской голос:

– Пять-тринадцать, это девять-ноль-два. Я на Саут-Барма-роуд, примерно через минуту буду на Арден-роуд.

– Принято, девять-ноль-два. Остановитесь. Скажите, у вас играет... э-э... «Swing My Door»?

– Пять-тринадцать, подтверждаю.

– Девять-ноль-два, это пять-тринадцать. Развернитесь и двигайтесь в обратном направлении. Я скажу вам, когда остановиться.

– Принято, пять-тринадцать, начинаю движение.

Фостер с облегчением выдохнул.

– Диспетчер, это пять-тринадцать.

– Слушаю.

– Направьте людей с радаром и кинологов в расположение девять-ноль-два.

– Пять-тринадцать, поняла.

Фостер приглушил громкость рации, из которой доносился голос диспетчера, отдающего новые распоряжения кинологам.

– Вот так. Где он сейчас?

– Дорога здесь. – Лайонс показала на карте. – И вот тут, рядом, участок почвы Тулия. Похоже, все сходится.

– Отлично! – сказал Фостер. – Теперь, как только услышим музыку...

– Эфир прервался, – объявила Зои.

Экран снова погас.

* * *

Убийца не сводил глаз с кнопки трансляции, стоящей в положении «выключено». Сердце отчаянно билось. Его поразила новая ужасная мысль.

В первый раз, услышав звуки музыки из проезжающей машины, он просто пожалел о том, что закопал жертву неглубоко. Это нарушило чистоту эксперимента. Ему не хотелось слышать никаких посторонних звуков – только крики, стоны и плач.

Во второй раз музыка играла еще громче, и были в ней какие-то неприятные скрипуче-визгливые нотки, от которых мороз подирал по коже. Кто-то слушал песню не только на полной громкости, но и через совершенно ужасную аудиосистему.

Добрых пять минут прошло, прежде чем он понял, что это ему напоминает.

Громкоговоритель патрульной полицейской машины. Тот, через который обычно водителям приказывают остановиться. Похоже, кто-то начал проигрывать через громкоговоритель музыку. Но зачем...

И вдруг его осенило. Они так ищут девушку! Пытаются вычислить, где она, с помощью его же собственного видео!

Он выключил трансляцию, дрожа всем телом, говоря себе, что ошибся. Ничего подобного, разумеется! Просто мимо проехал какой-нибудь тинейджер с кошмарной стереосистемой и дурным музыкальным вкусом.

И все же его глодал страх.

Схватив телефон, он нашел номер офицера Ричарда Руссо – приятеля, с которым они не раз вместе пили пиво. Набрал дрожащей рукой.

Дик ответил после третьего гудка. На заднем плане слышалась настоящая какофония – рев и грохот музыки.

– Привет, Дик! – заговорил убийца. – Как ты?

– Привет, чувак, – ответил Дик. – Слушай, я тебе перезвоню..

– Послушай, я вчера купил два стейка и упаковку пива. Не хочешь заглянуть на огонек?

– Не могу! – перекивая оглушительную музыку, ответил Дик. – Я на задании. Нас всех сорвали из дому. Тот убийца закопал еще одну девушку, и мы ее ищем.

– Черт, ужас какой!.. А что у вас там играет? Вы что, в ночном клубе ее ищите?

– Да нет, чувак. Диспетчер велела нам поставить музыку. Мол, это как-то поможет в поисках.

– А... – Он хотел сказать что-нибудь еще, но не смог: вдруг пересохло в горле, и забылись все слова.

– А стейк для меня придержи; надеюсь, к вечеру освобожусь. Идет?

– Конечно. Удачи тебе, Дик, – выдавил он наконец и повесил трубку.

Его охватил черный ужас. На видео звучала музыка из патрульной машины – значит, приблизительное место захоронения им уже известно. Совсем скоро они его найдут.

Убийца отчаянно старался припомнить предыдущий вечер. Видела ли девушка его лицо? Может быть. А может, и нет. Будем надеяться, что нет. Она была в таком страхе...

Компьютер!

Ноутбук на месте преступления, все еще подключенный к камере. Ничего страшного в самом компьютере они не найдут – аппарат использовался только для загрузки видео. Однако на клавишах могли остаться отпечатки пальцев. А еще сами клавиши и щели между ними – настоящий склад клеток кожи, ногтей, хлебных крошек и так далее. И все это – образцы ДНК.

Первая мысль была – вскочить, схватить сумку и бежать на юг. Через три часа он доберется до мексиканской границы.

«Хватит! Не паникуй! Думай!»

Время у него еще есть. Видео транслировалось с небольшой задержкой. А теперь он отключил трансляцию. Полиция не знает точное место захоронения – лишь приблизительное. Надо добраться туда раньше, отсоединить компьютер и унести с собой.

Он вскочил и бросился к дверям. Дорога каждая минута. Может быть, даже успеет раскопать могилу и придушить девушку... И к тому времени, когда на место подъедет полиция, там не останется ничего, что могло бы его разоблачить.

Глава 66

Секунда шла за секундой, и у Зои падало сердце. Трансляция видео началась более шести часов назад – и тридцать семь минут назад прекратилась. Похоже, совсем. Надежда на то, что она возобновится, таяла с каждой минутой. Очевидно, убийца решил, что они посмотрели достаточно.

Две команды кинологов с собаками обследовали район, пока безуспешно.

– Предположим, что это был не прямой эфир, – заговорил Фостер, озвучивая грызущую Зою тревогу. – Трансляция шла с задержкой. Будем надеяться, небольшой, на несколько минут. Нужно понять, на каком участке маршрута девять-ноль-два нам сосредоточиться в первую очередь.

Взяв маркер, он обвел широким кругом перекресток, где они остановили патрульного.

– Вот сюда он добрался. Ехал от Восемьдесят седьмого шоссе вниз по Барма-роуд. А до этого – по Восемьдесят седьмому от Рыбачьего озера. – Фостер обозначил маркером маршрут. Тот проходил мимо нескольких отмеченных на карте участков с почвой, подходящей для рытья.

– Думаю, весь вот этот район можно исключить, – сказал Тейтум, указывая на северную часть маршрута. – Слишком близко к Грейп-Крик. Убийца не стал бы копать в густонаселенном месте.

– И я так думаю, – согласился Фостер. – А как насчет остальных?

Зою опустила глаза на исчерканную страницу блокнота. Весь последний час она так и этак играла с переменными формулы Россмо, используемой в географическом профайлинге – и, кажется, нашла набор переменных, верно описывающих случаи Николь и Мэрибел. Если немного изменить их, основываясь на том, что ей известно о психике преступника...

Насколько уверенно он чувствовал себя с третьей жертвой?

Зои задумалась о письме, полученном Гарри. Ярости, которой было пропитано предыдущее письмо, в нем не чувствовалось. Напротив, складывалось впечатление, что убийца доволен собой. Да, он уверен в себе.

– Нам нужен район на расстоянии от восьми до десяти миль до его дома, – сказала она.

– Вы же говорили, от шести до восьми! – поправил Фостер.

– Я говорила, что метод неточный, – огрызнулась Зои.

– Так... тогда дорогу в районе озера исключаем. И Саут-Барма-роуд тоже.

Все дружно уставились на карту.

– Или здесь, или здесь. – Лайонс указала на две обведенные кружками территории вблизи Норт-Барма-роуд.

– Что скажете? – спросил Фостер.

– Южнее, – без колебаний ответила Зои. – Там не Тулия, почва другого типа. Доктор Ермилов говорил, что копать ее трудно.

– И что?

– Сейчас убийца похоронил жертву в неглубокой могиле. И на это была какая-то причина.

Фостер схватил микрофон портативной рации.

* * *

По дороге на место он проехал мимо трех патрульных машин и каждый раз замирал от страха. К тому времени, как добрался, сердце стучало в груди, словно дятел, долбящий дупло. Нервно оглядываясь, он выбрался из машины. Если его сейчас заметят – всё, конец.

Он так нервничал, так боялся, что не сразу нашел место, – и перепугался еще сильнее, даже заплакал от досады. Что за ирония судьбы: издевался над полицией, не способной обнаружить его жертв, а теперь сам столкнулся с той же бедой! И все же нашел. Вот почти незаметные приметы. Россыпь мелких камешков на песке. Легкая неровность почвы. Тайные знаки, непонятные никому, кроме него.

Ноутбук и одноразовый телефон здесь, рядом, в сумке, присыпанной песком. Он отсоединил от компьютера шнур, ведущий к подземной камере, выключил телефон, бросил и то, и другое в кузов фургона. Тревога немного утихла.

Теперь девушка.

По дороге на место он убедил себя, что она наверняка его видела. Так что нужно избавиться от нее до приезда полиции.

Убийца выхватил из кузова лопату и с силой воткнул в землю. Могила неглубокая, думал он, управлюсь за несколько минут.

Раскапывать могилу целиком и не надо. Все, что нужно, – добраться до «гроба».

Убийца торопливо работал лопатой. Дыра уходила все глубже в землю. Нешадно палило солнце: жара, словно в аду. Он обливался потом, но продолжал копать – резкими, дергаными движениями, в которые вкладывал весь свой страх и всю ярость.

Лопата ударилась о дерево. Он зачерпнул еще песка и начал расширять дыру, обнажая бледные деревянные доски.

Надежда, что девушка могла уже задохнуться, угасла: едва лопата в первый раз ударилась о ящик, оттуда раздался громкий крик.

Он снова бросился к фургону, оставил лопату в кузове и достал оттуда кувалду, мысленно похвалив себя за то, что на всякий случай всегда возит ее с собой. Морщась от боли в натруженных мышцах, подтащил кувалду к яме.

Голова девушки прямо здесь. Их разделяет только деревянная крышка ящика. Два или три удара по крышке – вот и все, что ему нужно.

Он поднял кувалду и нанес первый удар. Однако бить приходилось под неудобным углом: он чуть не вывихнул плечо, а кувалда лишь скользнула по деревянной крышке, поцарапав поверхность.

Девушка внутри снова отчаянно завопила. Убийца ударил во второй раз – и попал по земле. Черт! Дыра слишком узкая, толком не размахнешься.

Он перехватил кувалду и попробовал другую тактику: бил вертикально, со всей силы.

Бам!

С треском откололась большая щепка. Так-то лучше... Да, вот так, пожалуй, получится!

Бам!

Вмятина в доске. Отлично!

Бам!

Он обливался потом, руки дрожали. Еще несколько минут работы, и...

И тут до него донесся далекий вой сирен.

Он отчаянно заработал кувалдой. Бам, бам, бам!

Но дерево слишком прочное! Будь у него еще хоть десять минут!.. Нет ни одной. Сирены все ближе. Надо бежать.

Громко всхлипнув, он бросился к фургону, прыгнул за руль и захлопнул за собой дверь. Рукоятка кувалды больно уперлась в грудь; постанывая, он пытался отодвинуть кувалду и одновременно завести мотор.

Возвращаться тем же путем нельзя – сирены доносятся с той стороны. Сейчас полиция мчится по этому грязному проселку сюда, к нему. Он нажал на педаль и рванул вперед по бездорожью.

* * *

– Пять-тринадцать, это девять-ноль-два. Слышите меня?

По голосу чувствовалось, что патрульный бежит. Обращался он уже напрямую к Фостеру, минуя диспетчера, позабыв обо всех правилах и протоколах, – да и никто здесь о них не вспоминал. В комнате стояло напряженное молчание. Зои не спускала глаз с Фостера, пока он отвечал в микрофон:

– Это пять-тринадцать, говорите.

– Я здесь с двадцать вторым, – сказал патрульный. «Двадцать вторым» назывался отряд, состоящий из кинолога с собакой, высланный на Норт-Барма-роуд. – Собака что-то учуяла, бежит вперед. И повсюду свежие следы шин.

– Девять-ноль-два, это пять-тринадцать. В какую сторону двигаетесь?

– Пять-тринадцать, это девять-ноль-два. Идем на запад. Я... подождите. – Пауза. – Яма в земле! Здесь кто-то копал!

Зои и Тейтум переглянулись.

– Почему яма не прикрыта? – пробормотала Зои. – Не нравится мне это!

– Девять-ноль-два, подходите осторожно, – сказал в микрофон Фостер. – Подозреваемый может быть рядом.

– Понял, пять-тринадцать. Подходим к яме. Собака тянет прямо туда.

Наступила мертвая тишина. Стихли все переговоры по рации. Другие патрульные, должно быть, тоже замерли и напряженно ждали вестей.

– Пять-тринадцать, это девять-ноль-два. Подошли к яме. В ней определенно зарыто что-то деревянное.

– Девять-ноль-два, это пять-тринадцать. Девушку слышите?

- Ничего не слышим. Копаем.
- Может быть, кончился воздух, - сказал Тейтум.
- Или там все-таки была кислота, - добавила Лайонс.
- Не было, - твердо ответила Зои.

Хотела бы она сама в это верить! Страшно даже подумать, что в ящике они обнаружат изуродованный, изъеденный кислотой труп. Зои пыталась убедить себя, что не ошиблась, - но не могла. Правда в том, что никто не в состоянии точно знать, как мыслит убийца.

- Девять-ноль-два, это пять-тринадцать... - начал Фостер - и замолчал.

Оно и понятно. Что тут скажешь? «Копайте быстрее»? «Что у вас там происходит»?

Оставалось только ждать.

* * *

Болело все. Мир вокруг расплывался и тонул во мраке. Истощенная и измученная, Джулиет была на грани потери сознания. Сверху доносились какие-то звуки, и она знала, что это должно бы ее беспокоить. Что это важно. Однако не могла пошевелиться, не могла издать даже стон.

Мысли ее вернулись во вчерашний день - день рождения. Не следовало отказываться от шоколадного торта со свечкой. Теперь она понимала, какую ошибку совершила. Нежный, тающий во рту шоколад, огонек свечи, друзья, поющие «С днем рождения!», - пусть и всего двое... как это теперь ее порадовало бы! Жаль, что нельзя вернуться назад. Задуть свечу. Сказать Тиффани, как она благодарна ей и Луису, что они все-таки пришли...

Обнять Томми, чмокнуть в курносый нос и услышать его смех...

Что-то заскрежетало по дереву у нее над головой.

А в следующий миг ее ослепил яркий, невероятно яркий свет. Джулиет зажмурилась и попыталась отвернуться. И какое-то прекрасное, невысказанно сладостное ощущение... Ветерок! Господи, свежий воздух! Она вдохнула как можно глубже, чувствуя что-то... что-то столь огромное, что даже не могла это назвать и осознать.

- Эй, ты как? Пошевелиться можешь? О господи!..

Руки на лице. Кто-то вынимает изо рта пропитанный рвотой кляп. Джулиет была не в силах говорить - только дышала, дышала и никак не могла надышаться.

Рядом послышался голос:

– Пять-тринадцать, это девять-ноль-два. Нашли девушку. Жива!

Глава 67

Джулиет лежала на больничной кровати. Руки и ноги казались непомерно тяжелыми, перед глазами все плыло. Трудно было сосредоточиться. После пребывания взаперти в крошечной тьме от яркого света и красочного мира вокруг кружилась голова. Джулиет закрывала глаза, чтобы отдохнуть – но долго отдыхать не удавалось: страх, что все исчезнет, что, открыв глаза, она снова окажется в ящике под землей, не давал уснуть.

Полицейские сказали, что в могиле она провела от восьми до четырнадцати часов. Неправда, ответила Джулиет. Она лежала там целую вечность! Неправда, неправда, повторяла она, схватив полицейскую за запястье, чтобы та ее услышала и поверила. Тогда ей что-то вкололи, и на время Джулиет охватило блаженное равнодушие ко всему. Она плыла в полудреме, словно в теплой воде, – и очнулась только, когда медсестра выключила свет. Тогда Джулиет начала кричать. Когда поняли, что успокоить ее не удастся, свет вновь включили.

Мама просидела с ней пару часов и обещала завтра привезти Томми. Джулиет была рада, когда она ушла. Мама всегда очень много говорит, когда волнуется; слишком утомительно.

Теперь кто-то снова вошел к ней в палату. Та женщина-детектив, и с ней двое незнакомцев. Они представились: агент Грей и Зои Бентли. Кто такая эта Зои, тоже агент ФБР или полицейская, Джулиет не поняла.

– Джулиет, – начала Зои. – Мы надеялись, что ты постарайся что-нибудь вспомнить. Это очень поможет нам поймать преступника.

Вспомнить... Меньше всего ей сейчас хотелось вспоминать!

– Я уже говорила детективу... ничего не помню. Только как ехала домой, а потом... – Она слабо покачала головой.

– Он дал тебе психотропное средство, – объяснил агент Грей. – Рогипнол. Его побочный эффект – амнезия на последние события.

Джулиет заморгала.

– Рогипнол? Это же... наркотик для изнасилования, правильно? Он...

– Изнасилования не было, – быстро ответила Зои.

Откуда она знает? Может, Джулиет осматривали, пока она спала? При мысли, что этот человек ее трогал, по коже у Джулиет побежали мурашки, и глаза затуманились слезами.

– Я ничего не помню. Не знаю, что вам рассказать. – Говорить было тяжело. Язык словно распух и едва шевелился во рту.

– Даже самая крохотная деталь может очень нам помочь, – сказала Зои. – Значит, как ехала домой, ты помнишь?

Тиффани на переднем сиденье, Луис за рулем. Одной рукой крутит руль, другой лезет своей подружке под юбку.

– Помню.

– Вот ты приехала домой. Что дальше?

– Я... пошла к двери.

– Помнишь, как отпирала дверь?

Джулиет сжала кулак.

– Нет... кажется, нет. Зато помню ее уже открытой. Я стою на пороге и машу рукой Тиффани.

– А дальше?

– Дальше я пошла на кухню.

– Зачем?

– Наверное, пить хотела... – Нет. Она много выпила в ресторане. И теперь хотела не пить, а писать. – Не помню. Может быть, я пошла в туалет.

– Нет, на кухню, – настойчиво ответила Зои. – Зачем?

– Я... не помню. – У нее задрожали губы, и слезы покатались по щекам.

– Зои, – мягко сказал агент Грей, – она действительно не помнит. Рогипнол...

– Не думай глазами, – произнесла Зои, склоняясь над ней, пристально глядя в глаза. Джулиет хотелось убежать от этого взгляда. – Думай всеми своими чувствами. Что ты слышала? Чем пахло? Что ты ощущала?

– Не знаю. – Голос ее дрогнул и сломался. – Ничего!

– Когда к твоему дому приехала полиция, входная дверь была открыта. Ты ее не закрыла?

– Закрыла... наверное.

– Помнишь, как закрывала дверь?

– Я...

– Зои, – твердо начала детектив Лайонс, – Джулиет многое пришлось вынести, и...

– У тебя синяк на плече, – сказала Зои. – Кто-то тебя схватил.

Все люди, которых видела Джулиет после своего спасения, были к ней добры и полны сочувствия. Кроме этой женщины. Она разговаривает так, словно на нее сердится.

– Пот! – выпалила вдруг Джулиет. – Помню запах пота. Чужого пота.

Зои откинулась назад.

– И нож у горла. Наверное, это был нож. Он... это он заставил меня пойти на кухню.

– Ты видела его лицо?

– Нет. Он стоял у меня за спиной.

– Когда вы вошли на кухню, прямо перед тобой было окно. Свет был включен, на улице темно. Ты могла увидеть его отражение в стекле. Помнишь?

Джулиет пыталась припомнить, однако воспоминания ускользали и таяли, словно туман.

– Нет. Помню только нож. И голос. Он говорил так, словно издевался надо мною. Не знаю, как объяснить. Как будто... – Она запнулась в поисках подходящего слова.

– Как будто очень доволен собой? – подсказала Зои.

– Да, – выдохнула Джулиет. – Как будто доволен собой.

Уголки губ Бентли дернулись в легкой улыбке.

– Спасибо, – сказала она и сжала руку Джулиет.

Та выдернула руку. Эта женщина, заставившая ее вглядываться в собственный кошмар, была ей ненавистна. Джулиет ничего не сказала, лишь бросила на нее свирепый взгляд. Но Зои, кажется, и не заметила этого. Вряд ли ее интересовали чувства Джулиет.

В половине девятого Зои вдруг сообразила, что с самого завтрака у нее ни крошки не было во рту. Хотя нет, не совсем. Когда все в участке праздновали спасение Джулиет, Лайонс принесла пончики, и Зои тоже взяла один. А на обратной дороге из больницы купила в автомате батончик «Сникерса».

Теперь она сидела в номере мотеля, разложив перед собой фотографии с мест преступлений, с блокнотом в руке, и торопливо записывала все идеи, что приходили ей в голову.

И тут у нее громко заурчало в желудке.

Зои вздохнула и отложила блокнот. Взяв телефон, открыла «последние контакты», нашла номер Джозефа, хотела уже его набрать, но призадумалась.

Джозеф – отличный парень, с ним весело и легко. И провести с ним еще одну ночь... м-м... приятная перспектива. Но что дальше? Все равно это никуда не ведет.

В ту ночь ей требовалось отвлечься. Измученная мыслями об Андреа, она готова была хвататься за что угодно – лишь бы хоть ненадолго забыть о том, что Род Гловер преследует ее сестру. А от Тейтума толку не было – он на нее злился... кстати, она так толком и не поняла, за что. Оставался Джозеф.

Вот ужин с Тейтумом – это совсем другое. Зои сама не смогла бы объяснить, почему. Потому что они работают вместе? Но у нее и раньше бывали напарники, и никогда Зои особенно не заботило, что думают о ней другие люди. А теперь всерьез беспокоит то, что Тейтум, возможно, до сих пор обижен...

Они ведь толком и не поговорили. Дело Шредингера и беда с Андреа оттянули на себя все ее внимание. Может быть, оно и к лучшему.

А может, и нет.

Наверное, стоит поговорить начистоту – и раз и навсегда покончить с ссорой. Зои уже пыталась извиниться, но тогда Тейтум был в ярости, а она, кажется, сказала что-то не то и все испортила. Есть смысл извиниться еще раз. А потом вместе поужинать: она умирает от голода!

Выйдя из номера, Зои направилась к двери Тейтума. Постучала. Из-за двери донеслось сонное:

– Сейчас!

Она ждала, возвращаясь мыслями к последнему месту преступления. Оно, конечно, даже на первый взгляд отличается от предыдущих. Ящик с девушкой почему-то не зарыт в землю полностью. Провод от камеры не обрезан, а просто отсоединен и торчит из земли. Почему убийца изменил своим привычкам?

Разумеется, серийные убийцы часто меняют тактику. Их фантазии развиваются. И с каждым разом – с каждым убийством – они оттачивают технику, находят

ходы и детали, лучше отвечающие их потребностям. Но почему он не закопал гроб целиком? Зои нахмурилась.

Отворилась дверь. На пороге, сонно моргая, стоял Тейтум: рубашка измята, всклокоченные волосы торчат во все стороны.

– Уснул прямо так, – вздохнул он. – Представляешь, как умаялся?

– Представляю, – пробормотала Зои. – Послушай, я хотела...

Почему же убийца отсоединил камеру?

– Так что ты хотела? – спросил Тейтум.

Бентли молча смотрела на него; мозг лихорадочно работал.

– Убийца, – сказала она. – Он понял, что мы вот-вот ее найдем. Поэтому отсоединил камеру. И поэтому... Вот – он пытался ее выкопать, чтобы убить! Чтобы она ничего нам не рассказала.

– Хм... очень может быть.

– Не может быть, а так и есть! – Зои протиснулась мимо него в номер и начала взволнованно расхаживать взад-вперед.

– Как раз собирался пригласить тебя войти, – подняв бровь, пробормотал Тейтум.

– Как ты и говорил, пистолета у него нет, – продолжала Зои. – Иначе он пристрелил бы Джулиет прямо через крышку.

– Тогда... почему же он не закончил свое дело?

– Должно быть, услышал, что подъезжают копы, испугался и бросился бежать. Они разминутись с ним всего на несколько минут.

– Не хочешь поужинать? – спросил вдруг Тейтум. – Я проголодался.

Зои подняла глаза. Ах да, для этого она сюда и пришла... Поесть.

– Хорошая мысль. Давай закажем пиццу или что-нибудь такое. Мне надо все обдумать.

Глава 69

Уже несколько часов он сидел в подвале, объятый паническим страхом. В голове крутились неотвязные мысли, планы, безумные идеи; но он не трогался

с места. В любую минуту в дом могут ворваться полицейские. Что, если кто-нибудь заметил, как он отъезжает от места погребения за несколько минут до того, как там появилась полиция? Что, если девушка видела его лицо и смогла описать так ярко и точно, что теперь любой коп с первого взгляда его опознает?

Конечно, рано или поздно это должно было случиться. В конце концов, он сам привлекал к себе внимание. И понимал: однажды сделает ошибку или что-то упустит из виду, и его поймают.

Но почему так скоро?

Здесь, на столе в подвале, лежал список будущих экспериментов. Всего двадцать. По нарастающей. Проведя очередной эксперимент, он вычеркивал его из списка.

Вычеркнуты только два. А третий он провалил.

В ярости убийца схватил листок со списком, изорвал на мелкие кусочки, зажал в кулаке.

И снова замер в ожидании конца.

Посмотреть неоконченное видео?... Нет, сейчас оно его не порадует. Скоро наверху послышатся тяжелые шаги, полиция вышибет дверь и, быть может, бросит в подвал световую гранату, чтобы ослепить его и избежать сопротивления...

Наконец, не выдержав напряжения, он набрал номер Дика.

Гудок. Второй гудок. Быть может, Дик сейчас в полицейском участке оглядывается на коллег и шепчет беззвучно: «Это он!» И все вскакивают, связываются с кем-то, чтобы срочно проследить звонок, а Дику шепчут: «Веди себя естественно!»

Сердце билось где-то в горле. Убийца уже готов был дать отбой, когда Дик ответил:

– Привет!

Голос веселый. Даже слишком. Ловушка? Они всё знают?!

– И тебе привет, – ответил он, очень стараясь, чтобы голос не дрожал. – Ну, как дела?

– Нашли девушку. Живую, представляешь? В шоке, но не пострадала.

– Потрясающе!

– И не говори! Я-то был уверен, что отыщем еще один труп... Тот редкий случай, когда радуешься, что ты коп!

– Не хочешь отпраздновать? – поинтересовался убийца, проглотив вертящийся на кончике языка вопрос: «Она видела его лицо?»

– Ох, нет, извини. Вымотался, как собака. Весь день сегодня охранял место преступления. Давай как-нибудь на неделе?

– Конечно. Значит, с девушкой всё в порядке?

– Ага. Только ничего не помнит. От шока, наверное. Доктора говорят, может, вспомнит немного погодя...

Он прикрыл глаза. Неужели Дик его дурачит? Нет, вряд ли. Лжец из него никудышный: помнится, когда у его жены был день рождения и они готовили вечеринку-сюрприз, Дик с самого утра места себе не находил, так что жена обо всем догадалась.

– Будем надеяться, – поспешно сказал он, вдруг сообразив, что молчание затянулось.

– А стейк для меня придержи, ладно?

– Ну! А ты приноси пиво.

– За мной не заржавеет! – Дик рассмеялся. – Ладно, пока!

– Пока.

Убийца положил телефон на стол. Ладони вспотели, пришлось вытереть их о рубашку. Выходит, он не на крючке?

Похоже, пока нет.

Впрочем, это лишь вопрос времени. Девушка что-нибудь вспомнит. Или по следам шин найдут его фургон. Или сообразят, что он должен искать информацию о расследовании, и спросят всех полицейских: кто, что и кому об этом говорил. И Дик скажет: «Да нет, никому. С какой стати мне об этом болтать с посторонними? Хотя подождите-ка... Это ерунда, конечно, и ничего не значит, но...»

Он разжал кулак и долго смотрел на клочки бумаги, оставшиеся от списка экспериментов.

Нужно продолжать. Сколько еще экспериментов он успеет поставить, прежде чем его схватят? Два? Три? Пять?

Один?

Придется скорректировать план.

Двадцатый эксперимент – лучший. Настоящий шедевр. То, что навеки впишет его имя в историю. Пожалуй, предыдущие стоит пропустить. Для этого эксперимента понадобится усилитель сигнала. Он провел предварительную работу, знает, где его купить, и, если заказать сегодня, усилитель доставят ему уже на следующий день.

И, может быть, на этот раз стоит выбрать такую жертву, которая действительно превратит его в легенду...

Глава 70

Сан-Анджело, Техас, понедельник, 12 сентября 2016 года

Полицейский участок с утра в понедельник гудел, словно рой разъяренных пчел, с той лишь разницей, что эти пчелы беспрерывно пили кофе, выкрикивали указания по телефону и ходили по коридорам быстрым деловым шагом, что-то мыча себе под нос. Все были страшно заняты, а кто бездельничал, те, видимо, прикидывались страшно занятыми, чтобы не отставать от коллег.

Насколько понимал Тейтум, на поиски Убийцы-Щредингера были брошены все силы отделения полиции Сан-Анджело. Магазинные воришки, скандальные мужья, наркодилеры и пьяные водители могли сегодня нарушать закон в свое удовольствие. Твори что угодно: полиция тобой заинтересуется, только если начнешь живьем закапывать женщин.

Официально за ход операции по-прежнему отвечал Дженсен, однако в деле наметились тектонические сдвиги. К расследованию присоединился Департамент общественной безопасности штата Техас. Участок наводнили техасские рейнджеры, и один из них, крепко сбитый седовласый человек, постепенно брал управление на себя. Перед таким ударом в спину Дженсен оказался бессилен. Тейтум понимал: через день или два дело и формально, и на практике перейдет в руки ДОБ.

А пока парадом командовал Фостер. Отправлял одних просматривать записи с камер наблюдения, других – опрашивать свидетелей, третьих – шерстить аккаунты потенциальных жертв, и так далее.

Утреннего совещания сегодня не было. Время разговоров прошло – настало время действовать. Поговорить еще успеется. А кроме того, все внимание Дженсена отвлекала пресс-конференция, назначенная сегодня на девять утра, на которой к нему собирался присоединиться офицер из ДОБ. Граждане Сан-Анджело – да и всего Техаса – жаждали услышать подробности о блистательной полицейской операции, вырвавшей из когтей злодея прекрасную и героическую Джулиет Бич. Да-да, так и сказали по радио сегодня утром, Тейтум сам слышал. Прекрасную и героическую.

Грею сложно было сосредоточиться. Его стол стоял напротив стола Фостера; и каждые несколько минут к Фостеру кто-нибудь подходил, наклонялся, выпятив зад в сторону Тейтума, и начинал что-то выяснять или о чем-то докладывать. Узкий проход между столами гарантировал, что корма любого, кто подойдет к Фостеру, окажется в нескольких дюймах от Тейтумовой физиономии. За

последние два часа он налюбовался сиденьями всех возможных видов и очертаний – и теперь предпочел бы посмотреть на что-нибудь другое.

При виде очередной задницы, обтянутой форменными брюками, Тейтум скрипнул зубами и вернулся к чтению отчета о месте преступления. В этот раз было с чем поработать!

Джулиет Бич захоронили в ящике, почти идентичном двум предыдущим. Металлический флакон с изображением черепа и костей, якобы с кислотой, был пуст и ни к чему не подсоединен – просто «реквизит», как и предположила Зои. Тейтум понимал, на что рассчитывал убийца. Ему хотелось максимально усилить нервозность и напряжение зрителей. Ради этого он прерывал трансляцию – и ради этого же добавил непосредственную угрозу: флакон, якобы с кислотой, способный убить жертву в любой момент.

На деревянной крышке ящика имелись царапины и вмятины. Одна вмятина, глубиной 0,6 дюйма, судя по форме, нанесена тяжелым орудием с тупым прямоугольным концом. Явно не лопатой. Орудие почти пробило крышку, а ведь она почти в дюйм толщиной...

Тейтум представил себе, как убийца – зловещая безликая тень – колотит по крышке чем-то тяжелым, спеша убить Джулиет Бич, пока до нее не добралась полиция.

Как и в предыдущих случаях, отпечатков пальцев, волос, обрывков ткани или чего-либо подобного на внешней стороне ящика не было. Внутренняя сторона полна отпечатков, следов крови, сломанных ногтей, клеток кожи... Скорее всего, сюрпризов не будет: экспертиза подтвердит, что все это принадлежит жертве.

На песке вблизи ямы обнаружили следы шин, в том числе совсем недавние. Они соответствуют тем следам, что были найдены возле захоронения Николь Медина.

Провод, идущий от инфракрасной камеры в ящике, на сей раз не был обрезан и торчал из песка. На его пластиковом разъеме нашелся один-единственный отпечаток пальца. Его уже прогнали через АСИОП – Автоматическую систему идентификации отпечатков пальцев, – однако, поскольку отпечаток лишь частичный и смазанный, система его не распознала.

Что бы ни писали в детективах, отпечатки пальцев – вовсе не волшебная улика, позволяющая сразу и безошибочно установить преступника. Если вам попадется хороший отпечаток, пожалуйста, введите его в систему, и часа через два она выдаст длинейший список возможных соответствий. Беда в том, что ее база данных слишком велика. Если отпечаток не очень хорошего качества – список соответствий растянется до бесконечности.

Однако Тейтум мысленно сделал себе пометку. Он знал, что тут можно сделать.

Ящик зарыт на глубину приблизительно трех футов от поверхности почвы. Под ящиком имеется полость, частично засыпанная обвалившейся землей. Яма обвалилась – вот почему убийца не смог закопать Джулиет так же глубоко, как остальных. Жизнь ей спасла счастливая случайность.

Жаль, никто не догадался снять место преступления до того, как полиция начала раскопки. Разумеется, в тот момент полицейских интересовало совсем другое – и на этот раз даже Зои не стала на них ворчать. Место несколько более отдаленное, чем в прошлые два раза; находится на большом частном поле, огороженном забором. Убийца, по всей видимости, попал на поле через ворота, которые не запираются. На воротах имеются множественные отпечатки пальцев, их сейчас сравнивают с отпечатками пальцев полицейских и хозяина поля, фермера. Следы шин убийцы ведут с места преступления в другую сторону, к месту, где часть ограды срезана кусачками. Там отпечатков нет.

На сколько же они с ним разминулись?

Фантазии о том, «что, если бы» и «как могло бы быть», Тейтум не считал признаком слабости. И теперь, прикрыв глаза, позволил себе чутко помечтать, как вовремя подсказал полицейским поставить на Барма-роуд блокпосты, и убийцу схватили, и теперь граждане Сан-Анджело устраивают парад в честь...

Новая пара ягодичек ткнулась ему в лицо.

– Ой, извините, – проговорил молодой следователь и придвинулся ближе к столу Фостера.

Тейтум встал и быстрым шагом вышел на улицу. Там нещадно пекло солнце – но все лучше, чем в заднице.

Достав телефон, он набрал номер единственной и неповторимой Сары Ли, своего личного аналитика.

– Тейтум, я не твой личный аналитик, – сразу заявила она. – И у меня сейчас важная и срочная работа!

– Вот это меня в тебе особенно восхищает – способность легко и непринужденно справляться со множеством дел сразу. Да еще и о собаке заботиться!.. Кстати, как там Грейс?

– У Грейс все отлично, Тейтум. – Он расслышал в ее голосе улыбку. – Так что тебе нужно?

– У меня есть отпечаток пальца.

– Подозреваю, даже десять. Если ты свои пальцы где-нибудь не потерял.

– Да нет, с места преступления.

– Введи в АСИОП, она сразу выдаст результат.

– Отпечаток смазанный, АСИОП его не берет.

– А от меня ты чего хочешь?

– Помнишь дело Клауса? В Лос-Анджелесе, года... года три назад.

Она на секунду задумалась.

– Кажется, помню. Грабитель банков, верно?

– Ну да. Там у нас было два частичных отпечатка, а ты произнесла какое-то заклятие и нашла аналогичные с места схожего преступления.

– Это не заклятие.

– Ну, посмотрела в хрустальный шар..

– Тейтум!

– Добавила глаз саламандры и пыльцу с крыльев феи, потом открыла книгу заклинаний...

– Все не так было!

– Произнесла волшебные слова...

– Я лишь посмотрела в другой базе данных, поменьше.

– Вот! – просиял Тейтум. – Я же говорю, магия! Сможешь сделать то же с моим нынешним отпечатком?

Сара вздохнула.

– Тогда я использовала базу данных по отпечаткам пальцев, найденным на местах ограблений в том же районе за предыдущие три месяца. И даже так, если помнишь, мы получили уйму ложных совпадений.

– И одно настоящее, – подчеркнул Тейтум.

– Ну, допустим.

– Сумеешь сравнить мой отпечаток с базой данных по преступлениям в Техасе за последние десять лет?

– И это ты называешь «поменьше»? Там мы точно ничего не найдем!

– Тогда ладно. – Поколебавшись, он предложил: – А если только в Сан-Анжело и за последние три года?

– М-м-м... – Это предложение тоже не слишком ее порадовало. – Работы будет много. А тут, знаешь, надо мной висят люди, которым действительно срочно нужно...

– Но они же не такие обаяшки, как я!

– Не хочу тебя разочаровывать... Ладно. Посмотрим, что я смогу сделать.

– Спасибо, Сара! Ты мой добрый гений!

– Ладно, ладно! – И она повесила трубку.

Улыбаясь во весь рот, Тейтум сунул телефон в карман, вновь нырнул в участок и с компьютера отправил Саре фотокопию смазанного отпечатка пальца. Затем, не желая больше любоваться чужими задницами, решил пойти куда-нибудь выпить кофе и съесть бутерброд.

Когда он вернулся на стоянку возле участка, в телефоне уже мигало письмо от Сары. Тейтум прочел его, не выключая мотор, чтобы кондиционер в машине поработал подольше. Имеются возможные совпадения с семью отпечатками, найденными на местах преступлений, писала Сара. Три случая – перестрелки между гангстерами, два взлома, один угон автомобиля, одно изнасилование. Подробностей в базе данных нет, только фамилии подозреваемых и номера дел.

Тейтум вошел в участок и склонился над столом Фостера, выставив в сторону пустого стула собственную корму.

– Нашел отпечатки пальцев, потенциально совпадающие с нашим. Один в деле об изнасиловании.

– Серьезно? – напрягся Фостер. – Имя знаешь?

– Дерек Вудард.

Плечи Фостера опустились.

– А-а! Нет, этот урод давно за решеткой. Отбывает срок за серию нападений на пенсионеров.

– Черт! – пробормотал Тейтум, стараясь не поддаваться разочарованию. – Но есть еще шесть совпадений.

– Показывай.

Вместе они прошли по списку, проверяя каждое дело по номеру. Трое в тюрьме, один покойник, один получил пулю в спину и с тех пор передвигается в инвалидной коляске.

Оставшиеся двое – угонщик и взломщик. За угон так никого и не привлекли, но известно, что нарушителей было трое; они проникли в машину, разбив стекло, покатались и бросили ее со спущенной шиной неподалеку от Сан-Анджело. Случилось это девять месяцев назад – и Тейтуму трудно было представить себе преступление, более несхожее с характером и почерком серийного убийцы.

«Взлом» на деле оказался попыткой проникнуть на местную бензозаправку, совершенной четыре месяца назад. Незнакомый разбил стекло, сработала сигнализация, и нарушитель сбежал. Скорее всего, это тоже был не убийца; однако в деле сообщалось, что неизвестный, разбивший окно, попал на запись охранной камеры. Самой записи в деле не было. Отпечатки пальцев на месте преступления проводили через АСИОП, совпадений не нашли.

– Надо бы взглянуть, – сказал Тейтум.

– Пошлю туда кого-нибудь, – ответил Фостер. – Тебе-то самому зачем ехать?

Грей окинул взглядом полицейский участок – жужжащий, гудящий, копошащийся ад.

– Я все равно собирался передохнуть, – сказал он.

Глава 71

Заправка находилась на выселках Сан-Анджело, и, кроме машины Тейтума, здесь находился всего один автомобиль. Женщина совершенно измученного вида стояла возле колонки и наполняла бензобак, а с заднего сиденья машины ей корчили рожи трое детей. Тейтум улыбнулся женщине – как надеялся, сочувственно – и вошел в магазинчик при заправке.

Доходяга за прилавком поднял на него глаза и икнул.

Тейтум достал свой значок.

– Агент Грей, ФБР. Хотел задать вам несколько вопросов о...

– Ик!

Тейтум моргнул. Громкая икота сбила его с мысли.

– Э-э... хотел расспросить вас о попытке...

– Ик!

– Извините... хм... выпейте воды!

– Не-а, – ответил доходяга. – Ик!

– От икоты поможет!

– Не поможет.

– Ну хорошо. – Тейтум заткнул большие пальцы за ремень и продолжал: – Хотел задать вам несколько вопросов о попытке ограбления, которая произошла у вас четыре месяца назад. Вы тогда здесь работали?

– Ик! Ага.

– Насколько я понял, человек, который пытался к вам вломиться, попал на камеру...

– Ага. – Продавец показал на экран, разделенный на четыре части. Все четыре демонстрировали видео с камер безопасности: две части торгового

зала, входная дверь и бензонасос. Женщина у колонки уже закончила свое дело и просто стояла, глядя в пространство, а за спиной у нее прижимались к оконному стеклу в машине рожицы детей.

– Можно мне посмотреть запись?

Продавец поднял бровь.

– Ик! Да это же когда было! У нас компьютер сохраняет записи только за последний месяц. Ик!

– Неужели вы не сделали копию видео? – недоверчиво спросил Тейтум.

– Да нет. А – ик! – зачем? Тот парень все равно был в маске.

– В какой маске?

– Лыжной. Такой, знаете, лица совсем не видно. Разбил стекло вон там. – Продавец указал на окно возле двери. – Тут сработала сигнализация, и он убежал. Так что интересного кина не вышло.

Тейтум молчал, ожидая следующего «ик!». Молчание затягивалось, вместе с ним нарастало странное напряжение.

– А можете мне сказать...

– Ик!

– Вы уверены, что не хотите попить воды? От икоты и вправду помогает!

– Мне не поможет.

– Почему?

– А я уже давно – ик! – икаю.

– Ну так попробуйте попить!

– Ик! Пробовал уже. Четыре года пробую. Не помогает.

– Вы что... четыре года икаете?

– Ик! Ага. И воду пил. И чего только не пил. Хрен там. Знаете, что еще пробовал? Задерживать дыхание. Пить воду – ик! – из опрокинутого стакана. Не помогает. И сильно удивиться или – ик! – испугаться. Не действует. И лимон жевал – не помогло. И – ик! – советы агентов ФБР не помогают тоже.

– Извините.

– Думаете, мне нравится икать? Да я – ик! – ночью просыпаюсь от этой гребаной икоты! А уж с женой в постели... Чертовски устал я от этого. А когда устаю, икаю еще сильнее. А некоторые думают, что это смешно. Ик! – И он с подозрением уставился на Тейтума.

– Я не думаю, что это смешно, – заверил тот; ему вдруг стало стыдно.

– В общем, записи нет. Ик! Но я ее несколько раз смотрел. Ничего особенного. Мужик в маске и в перчатках. Разбил молотком стекло, потом убежал. Ик!

– В перчатках? – удивленно переспросил Тейтум. – Мне сказали, остался отпечаток пальца.

– Ага. Перчатки были латексные, и – ик! – он их порвал, когда разбивал окно. Отпечаток остался на стекле.

Грей рассеянно кивнул. Нет, похоже, это не тот, кого они ищут.

– Спасибо. Удачи вам с...

– Ик!

– Ну да. С этим.

Тейтум вышел из магазина в слепящий жар тexasского полдня. Пока глаза заново привыкали к яркому свету, легко было вообразить, что ты где-нибудь в пустыне. Впрочем, через дорогу действительно расстилалась пустыня: плоская песчаная равнина, кое-где утыканная кактусами и камнями.

Тейтум вдруг нахмурился и оглянулся. Видеокамера висела прямо над входом в магазин, ее легко было заметить. И с того места, где он стоит, невозможно сказать, куда она направлена. Он снова повернулся к огромному пустому полю. Потом еще раз посмотрел на камеру.

Безумная, конечно, идея, но... Грей достал телефон и набрал номер Зои.

– Ты сейчас рядом с картой?

– Да.

– Можешь кое-что для меня проверить? Я на заправке на Шестидесят седьмом шоссе, примерно в миле к югу от Сан-Анджело. Посмотри, пожалуйста, нет ли там поблизости участков, пригодных для рытья?

– Секунду.

Он ждал, остро чувствуя, что зря тратит время.

– Да, заправка стоит на подходящем участке, – ответила наконец Зои. – А что?

– Видишь ли... четыре месяца назад сюда пытались вломиться. И отпечаток пальца, найденный на месте взлома, совпадает с тем, что мы получили вчера. А камера над дверью выглядит так, словно смотрит прямо на поле через дорогу.

Пару секунд Зои это обдумывала.

– То есть наш неизвестный пытался вломиться на заправку, чтобы уничтожить запись с камеры?

– Допустим, он здесь кого-то убивал, и ему показалось, что это попало на камеру. Как думаешь, такое возможно?

– Он чертовски осторожен. Сейчас. А если речь о первом убийстве... Скорее всего, он был сильно взволнован. Страх мог его подстегнуть и заставить действовать быстро... как вчера, когда он пытался выкопать Джулиет, чтобы убить. Та же реакция. Внезапный и сильный страх способен толкнуть на рискованные действия... Да, полагаю, это вполне возможно.

– Отлично! – приободрившись, ответил Тейтум. – Надеюсь, тот парень с собакой, натасканной на трупы, сейчас не занят. У меня для него есть работенка.

Глава 72

Меньше десяти минут понадобилось Шелли, натасканной на трупы, чтобы обнаружить вдали от дороги клочок земли, полускрытый кактусами и сухими кустарниками. Здесь собака остановилась, начала скрести землю и скулить. А Виктор оглянулся на Тейтума и сказал:

– Ну вот, нашли.

Спешить на этот раз было совершенно некуда, так что они всё сделали по правилам. Приехали криминалисты, обтянули место преступления желтой лентой и огородили трехстворчатым экраном, чтобы скрыть от глаз прохожих или проезжающих автомобилистов. Нескольких копов отрядили отгонять подальше журналистов и просто любопытствующих. Могилу раскапывали неспешно и аккуратно. Виктор и Тейтум ждали наверху; вскоре к ним присоединились Зои и Фостер. Окрестности наводнили копы и рейнджеры. Появился и доктор Кудряш – стоя рядом с Тейтумом, тоже ждал, когда покажутся на свет останки.

– Второе тело за пять дней, – грустно произнес Виктор.

– Для меня третье, – поправил Кудряш.

– Раньше в нашем городе такого не было, – пробормотал Виктор.

– М-да, дела...

Тейтум взглянул на собаку, нюхавшую его ботинок.

– Ваша собака... Шелли просто мастерица своего дела!

– Так и есть, – мрачно ответил Виктор. – А видели сегодня на первой полосе «Сан-Анджело стандарт таймс» Джонса и его Бастера с этой девушкой, Джулиет?

– Джонса и Бастера? – переспросил Тейтум. – Того парня с собакой, которые ее нашли? Да, конечно. Отличное фото.

– Отличное, это уж точно!

Полицейские выбрались из могилы, затем один снова спустился туда и сдернул крышку. Все дружно отвернулись, морщась и чертыхаясь себе под нос.

Виктор снова вздохнул и покачал головой.

– Ладно, Шелли, пошли. Нам еще рапорт писать.

Кинолог ушел, а Тейтум приблизился к могиле. Зои, как всегда, на пару шагов его опередила.

Да, здесь все было по-другому.

Для начала, останки намного старше. Тело сильно пострадало от насекомых и разложилось почти полностью. Как насекомые до него добрались, понятно: ящик сколочен далеко не так тщательно, как предыдущие, между досками заметные щели. По форме не продолговатый, а квадратный – с виду самый обычный ящик, вроде тех, в каких хранят овощи или фрукты. Тело, от которого остался почти один скелет, съжилось внутри в позе зародыша. Если и эту девушку похоронили живьем, как предыдущих жертв, то смерть ее была еще ужаснее: ей пришлось умирать в слишком тесном ящике, скорчившись в неестественной позе.

Тейтум отвернулся; его затошнило. Люди вокруг, судя по лицам, чувствовали то же самое.

– Камеры нет, – сухо сказала Зои.

Тейтум ощутил прилив гнева, трудно сказать, на кого: на себя – за то, что этого не заметил, или на Зои – за то, что может, глядя на эту кошмарную картину, спокойно подмечать детали. Он заставил себя взглянуть снова. Да, она права. Ящик очень простой – и ни инфракрасной камеры внутри, ни просверленного отверстия, в которое выводят провод.

– Прошу прощения, – проговорил Кудряш, проталкиваясь сквозь толпу.

– Надо достать ящик, – сказал ему Фостер. – В яме совсем нет места.

– Только, пожалуйста, не насыпьте землю внутрь, когда будете его поднимать!

Решено было снова закрыть ящик, а затем откопать его полностью и вытащить из ямы. Тейтум, отступив на несколько шагов, наблюдал за работой. Он поверил своей безумной догадке, догадка оказалась верной – и привела к еще одной убитой девушке. Но такая победа его совсем не радовала.

– Это первая жертва, – слышался рядом голос Зои.

– Точно?

Она пожала плечами.

– Очень похоже. Его основная фантазия: закопать девушку живьем, без всяких позднейших наслоений. Пока даже ящика подходящего нет. Место тоже не слишком удачное – близко к городу, не особенно укромное. Ему повезло, что никто не заметил.

– Может быть, он закапывал ее ночью, в кромешной тьме...

– Может быть. Однако здесь все кричит об отсутствии опыта. Закончив и получив сексуальную разрядку, он смог сосредоточиться и обратил внимание на заправку. И задумался.

– О камерах?

– Да, забеспокоился, что мог попасть на камеры. Надел лыжную маску и перчатки... Скорее всего, то и другое было у него с собой. И попытался вломиться внутрь, чтобы уничтожить запись.

– А камера вообще смотрит в другую сторону, – закончил Тейтум. – Вот ведь тупой ублюдок!

– Верно. – Зои подняла брови, удивленная его внезапным гневом. – Только теперь уже не тупой. У него было достаточно времени, чтобы подумать о своих ошибках и научиться их не повторять.

Тейтум кивнул. Он устал от попыток залезть убийце в голову. Сейчас, в кои-то веки, хотелось видеть в нем просто монстра, создание тьмы, понять которое невозможно, да и не нужно – главное, прийти с вилами и факелами и его уничтожить.

– Вероятно, эта жертва была как-то с ним связана, – добавила Зои. – Жила по соседству или с ним знакома. Если увидим связь, сможем его поймать.

– Ага, – пробормотал Тейтум.

Поняв, что он не в настроении общаться, Зои отошла и принялась разглядывать окружающую местность. Наверное, старалась представить, что видел той ночью убийца. Завтра она сможет рассказать, что и как произошло, так, словно сама при этом присутствовала.

Полицейские начали извлекать ящик из ямы; Кудряш подбежал к ним с криком: «Осторожнее, осторожнее!» Наконец ящик поставили на твердую землю, снова открыли, Кудряш надел перчатки и склонился над ним, осматривая останки. Тейтум вообразил, как он на всякий случай шупает скелету пульс, – и его губы растянулись в безрадостной улыбке.

Кудряш достал из ящика сумочку и молча протянул Фостеру. Тейтум шагнул к ним, чтобы посмотреть.

Фостер открыл сумочку и бросил беглый взгляд внутрь.

– Деньги – сорок долларов и мелочь, – объявил он. – Скомканный автобусный билет. А это что? Водительские пра... – Вдруг рот у него приоткрылся, глаза расширились, наполнились удивлением и болью.

– Что такое? – спросил Тейтум.

– Я ее знаю, – внезапно охрипшим голосом ответил Фостер. – Она... мы в школе вместе учились. Дебра Миллер. Вот черт!

– Мне очень жаль.

– Такая милая была, – продолжал Фостер, – все ее обожали... После школы уехала из города. Говорили, вроде бы в Калифорнию.

Тейтум промолчал, глядя, как Кудряш хлопочет над телом. Быть может, Дебра Миллер и мечтала уехать в Калифорнию, но убийца решил иначе, и она упокоилась в земле своей родины...

Глава 73

Лайонс поехала известить родителей Дебры, и Зои напросилась с ней.

– Не понимаю зачем, – сказала ей Лайонс по дороге. – В нашей работе нет ничего тяжелее, чем сообщать родным. Или тебе нравится страдание?

Зои не совсем поняла этот вопрос: сама ли она любит страдать, или ей нравится смотреть, как страдают другие? Ответ в любом случае был один.

– Совсем не нравится. Но люди, охваченные сильными чувствами, забывают об осторожности и начинают говорить правду.

– Ничего нет тяжелее, – повторила Лайонс.

– Не нужно рассказывать им кровавые подробности, – заметила Зои. – Тем более что подробностей мы и сами пока не знаем.

– Да я не об этом. Сообщать родителям, что их сын или дочь погибли насильственной смертью, всегда ужасно, однако хуже всего, когда не можешь сказать наверняка.

– Это верно.

Теперь Зои поняла, о чем говорит Лайонс. Они объявят родителям Дебры, что нашли тело их дочери... но дальше скажут, что тело разложилось до неузнаваемости, и попросят помочь найти подтверждение, что это она. И тут

– так же неизбежно, как всходит солнце по утрам – вздернет безобразную голову надежда. «Вдруг это не она! – зашепчет родителям. – Вдруг полиция ошибается!» Они увидят соломинку, за которую можно схватиться в штормовом море горя и утраты. До последнего не согласятся признать, что нет, убита не неизвестная воровка, похитившая сумочку их дочери, а именно их дочь.

А значит, о смерти своего ребенка им придется узнать дважды. В первый раз – когда они впервые об этом услышат; во второй – когда не останется сомнений.

Они припарковались у дома, покрашенного в веселые бело-желтые тона, с симпатичным зеленым штакетником вокруг двора. Однако, выйдя из машины и идя к дверям, Зои начала замечать повсюду следы небрежения и упадка. Цветы в саду – пожухшие, густо заросшие сорняками. Грязные окна. Облупившаяся краска на стенах. Повсюду жужжали мухи.

Лайонс постучала в дверь. Подождала, постучала еще раз.

– Минуточку! – раздался из-за двери мужской голос.

Ждали они гораздо дольше минуты; и, когда Лайонс уже готова была постучать еще раз, дверь наконец отворилась. Перед ними стоял лысый старик с усталым морщинистым лицом, в белой рубашке, покрытой пятнами. С первого взгляда Зои показалось, что ему не меньше восьмидесяти, потом она поняла: нет, намного моложе. Пожалуй, ближе к шестидесяти. Просто он так выглядит.

– Мистер Миллер? – спросила Лайонс.

– Да.

– Я детектив Лайонс. Позвольте войти?

Плечи его поникли.

– Что-то с Деброй?

– Лучше поговорить в доме.

– И во что она влипла на этот раз?

Лайонс поколебалась.

– Сэр... не присядете?

Он широко раскрыл глаза.

– Она что, ранена?

Лайонс вздохнула, видимо, смирившись с тем, что в дом их не пригласят.

– Мистер Миллер, боюсь, Дебра умерла.

– Умерла? – едва слышно прошептал он.

– Мы полагаем, что так. Да, сэр.

– Вы... полагаете? – Вот она, треклятая надежда. – То есть не уверены?

– Практически уверены. Мы обнаружили тело и сумочку с водительским удостоверением вашей дочери.

– А она похожа на мою дочь?

Лайонс стлотнула.

– Тело в плохом состоянии. Мы полагаем, что ее убили четыре месяца назад.

– Четыре месяца? – Надежда стремительно улетучилась. – Да... тогда все верно. Понимаю.

– Когда вы в последний раз видели вашу дочь? – спросила Лайонс.

Мистер Миллер испустил долгий дрожащий вздох.

– Ну... в последний раз – где-то в начале мая.

Лайонс и Зои переглянулись. Нападение на заправку произошло в ночь на шестое мая.

Мистер Миллер повернулся и, волоча ноги, побрел в дом. Дверь он оставил открытой, и Зои и Лайонс последовали за ним.

Дом казался заброшенным, нежилым. Повсюду пыль и грязь. Свет по большей части был выключен, шторы задернуты – освещенность ровно такая, чтобы не наткнуться на мебель. Миллер прошаркал в кухню и включил флуоресцентную лампу: она загудела и залила все вокруг резким белым светом. Старик тяжело опустился на стул возле ободранного стола. Здесь были еще два стула; Зои заняла один, Лайонс – другой.

– Вы сказали, ее убили. Кто это сделал? Как? – спросил он. Его голос охрип, глаза заблестели влагой.

– Точных деталей мы пока не знаем, – ответила Лайонс.

– А что знаете?

– Четыре месяца назад вы в последний раз видели свою дочь и с тех пор с ней не говорили, – не отвечая на его вопрос, мягко заговорила Зои. – Почему вы не сообщили о ее исчезновении?

– Мы думали, она просто уехала. – Он покачал головой. – Она всегда так делала – исчезала на месяцы. Потом появлялась без предупреждения, в ужасном виде. Мы знали, что она... ну... употребляет. Приезжала то с разбитой губой, то с синяком под глазом, а нам твердила одно: все прекрасно, не лезьте. И ничего не рассказывала. Иногда звонила из тюрьмы. Три раза я платил за нее залог.

Долгий, безнадежный вздох перешел в стон, и по щеке поползла одинокая слеза.

– Какая она была чудесная! В школе – настоящее солнышко, такая светлая, счастливая... Все ее любили, все хотели с ней дружить. А после школы... что сказать?... сбилась с пути. В колледж поступать не захотела, устроилась билетершей в кино неподалеку, начала курить. Мы не знали, что делать. Потом объявила: мол, поедет в Калифорнию, ей там предлагают какую-то необыкновенную работу. Мы так радовались! А когда она появилась в следующий раз, ясно было, что в жизни у нее происходит много всякого, но достойной работы нет точно. Да и вообще ничего достойного нет.

Миллер уставился пустыми белесыми глазами в стену. Слезы текли уже одна за другой, терялись в канавках морщин.

– Ее погубили мужчины, точно вам говорю. Не с теми она связывалась. Говорят, девушка учится выбирать себе парней, глядя на отца, – но, клянусь, я никогда не поднимал на нее руку!

– Некоторые женщины просто выбирают неправильных мужчин, и родители здесь ни при чем, – заметила Зои.

В ответ он улыбнулся дрожащими губами.

– Кто это сделал?

– Мы пока не знаем, – ответила Лайонс. – Вы кого-нибудь из них знаете по именам?

– Никого. Дебра говорила, что с ними покончено. Я спрашивал, кто поставил ей синяк, сломал палец или еще что-нибудь, а она отвечала: «Не важно, с ним покончено». Понятия не имею, возвращалась ли она все время к одному и тому же парню или каждый раз находила себе новых.

– А что произошло, когда вы виделись в последний раз? – спросила Лайонс.

– Дебра приехала накануне. Выглядела еще хуже обычного. Исхудала – краше в гроб кладут. И какая-то... сломленная. У вас, дамы, есть дети?

Обе покачали головами.

– Тогда вы и представить не можете, что это значит – увидеть своего ребенка таким. Мы с Мартой решили: на этот раз просто взять у нас денег и исчезнуть у нее не выйдет. Мы ее спасем. – Он всхлипнул, закрыл лицо руками, и его плечи мелко затряслись.

Наступило молчание, лишь тикали ходики на стене, и Зои казалось, что тикают они все медленнее и медленнее.

Наконец старик смог отнять ладони от заплаканного лица.

– Мы сказали, что ей придется остаться. Будешь лечиться, сказали мы. Ляжешь на реабилитацию. Мы тебе поможем. Она ответила, что ей это не нужно. Накричала на нас. Мол, в помощи не нуждается, а раз так, то уедет

навсегда. А я... я наговорил ей лишнего. Боже, что я ей наговорил! Если у вас когда-нибудь будут дети – никогда, никогда не показывайте им, что разочарованы в них!

Зои пожалела, что здесь нет Тейтума. Он умел утешать плачущих, она – нет.

– Дебра уехала. И больше не появлялась. Мы думали, вернется, как всегда... А потом умерла Марта. Месяц назад. Просто... просто умерла. Остановилось сердце. Разбилось, должно быть. Вот и всё.

Лайонс начала задавать вопросы: куда именно Дебра могла поехать, были ли у нее здесь друзья, и так далее. Однако старик отвечал все короче и односложнее.

Наконец, получив от Миллера заверение, что помощь ему не нужна, и фамилию дантиста Дебры (чтобы опознать ее по зубам), Лайонс и Зои встали – а старик остался сидеть, бессмысленно глядя в стену, словно механическая игрушка, у которой кончился завод.

Глава 74

Сан-Анджело, Техас, четверг, 5 мая 2016 года

Он толкнул дверь и вошел в пивную. Сел за стойку, как всегда, гневно стискивая челюсти. Стиснутые зубы, сжатые кулаки, все тело напряжено так, словно готово взорваться... и лишь после нескольких кружек пива жизнь становилась хотя бы терпимой.

В последние дни он начал пить раньше обычного. Свои обязанности он выполнил как положено, но что толку? Неудача есть неудача, даже если в ней нет твоей вины.

Он сделался здесь завсегдатаем, и бармен уже не спрашивал, что ему принести, – просто кивал и наливал пива.

– Эй! – послышался сбоку женский голос. – А ведь мы знакомы!

Он готов был пожать плечами, помотать головой, ответить: «Нет, вы обознались», – но решил сначала все-таки на нее взглянуть... и слова застряли у него в глотке.

– Точно, я тебя знаю! – просияв, продолжала она. – Мы в школе вместе учились!

– Дебра? – спросил он, не веря своим глазам.

Неужели она? Милая чистая девушка, фантазии о которой скрашивали ему бесконечно долгие уроки? Те же губы, тот же нос... однако на этом сходство кончалось. Она страшно исхудала, на изможденном лице торчали скулы. Волосы – когда-то каскад золотых кудрей – превратились в неопрятные, грязные даже на вид заросли белесой пакли. Кожа какая-то странная, словно маслянистая. И глаза. Пустые, мертвые глаза.

– Ну конечно! – откликнулась она, откровенно радуясь, что ее узнали. Должно быть, не так часто это случалось. – Как поживаешь?

Через несколько секунд он понял, что она не помнит, как его зовут – да и неудивительно. Он угостил ее пивом и в разговоре, рассказывая глупую историю о каком-то письме, полученном из школы, как бы невзначай упомянул свое имя. В глубоко запавших тусклых глазах отразилось облегчение: теперь можно было обращаться к нему по-человечески, без словечек типа «солнце» или «зая».

Он рассказал, чем сейчас занимается. На Дебру это явно произвело впечатление, да ему и самому стало чуть полегче. Задал тот же вопрос ей, упомянул: мол, слышал, что она уезжала в Калифорнию, – и Дебра отвела взгляд. Расплывчато ответила: да, там у нее была хорошая работа, только парень оказался урод. Теперь со всем этим покончено. И с работой, и с парнем. И с Калифорнией.

– Вообще-то я хочу уехать на автобусе, – сказала Дебра. – Может, даже сегодня.

– Куда?

Она пожала плечами.

– Не знаю. Куда глаза глядят. И начать сначала. С чистого листа, понимаешь?

– Понимаю.

– Что мне на самом деле нужно, – продолжала Дебра, – так это время. Чтобы подумать о своей жизни.

Он напрягся, словно она пнула его под дых.

– Да. Прекрасно понимаю, о чем ты. – Его голос дрогнул, и он сунул руку в карман. Полиэтиленовый пакетик почти обжег пальцы. Купил он его несколько месяцев назад – и носил с собой, вовсе не думая, что когда-нибудь использует. Просто еще одна фантазия. Конечно, на такое ему смелости не хватит! Но теперь он открыл пакетик и сжал в ладони круглую таблетку.

Через несколько минут Дебра вышла в туалет, быть может, желая уйти от неизбежных томительных пауз в разговоре. Едва она скрылась, он вытащил руку с зажатой в ней таблеткой из кармана. Оглянулся вокруг, заранее обливаясь потом. Никто на него не смотрел. Одно быстрое движение – и таблетка оказалась в ее недопитом стакане. Целая вечность прошла, пока таблетка растворилась и исчезла, – и все это время и бармен, и любой посетитель могли заметить, что он делает, и поднять тревогу...

Однако никто не заметил.

* * *

К тому времени, как он предложил подвезти ее на автобусную станцию, Дебра уже с трудом соображала. Призналась, что денег на автобус нет. Он сунул ей в руку стодолларовую купюру, и она без возражений убрала ее в карман – похоже, привыкла брать деньги у едва знакомых мужчин.

Стоило сесть в фургон, как Дебра откинула голову на спинку кресла и закрыла глаза. Ящика сзади даже не заметила. Лопаты тоже.

Некоторое время он всерьез размышлял над тем, чтобы все бросить. Сердце стучало оглушительно, словно подключенное к стереосистеме. Но мозг наполняли образы, которым невозможно было противиться, и... в конце концов, она сама сказала, что ей нужно время подумать!

Он повез ее в ближайшее место. Разумеется, было темно – но дорогу он знал. Остановил фургон в нескольких ярдах от вырытой ямы. Вышел, взял с собой фонарь и лопату, подойдя к яме, легко нашел свою метку. Счистил с дощатой крышки землю и песок, откинул крышку – и один взгляд в разинутую черную пасть земли заставил его содрогнуться от сладкого предвкушения. Неужели это не мечта, не фантазия, а на самом деле?!

Открыв заднюю дверь фургона, он достал ящик и потащил его по песку, жалея, что не подъехал ближе и не поставил машину к яме задом.

«В следующий раз», – сказал он себе. Эта мысль его поразила. Разве будет следующий раз? Нет, такое можно совершить только однажды.

Подошел к машине спереди, открыл дверцу с пассажирской стороны. Отстегнул ремень безопасности. Когда наклонялся, в ноздри ударил запах Дебры: от нее пахло дешевыми духами и гнилью. Когда вытаскивал ее из машины, она начала просыпаться, что-то забормотала.

До сих пор ему казалось, что ящик вполне нормального размера; лишь теперь, когда понадобилось втиснуть в него живую женщину, стало очевидно, что для этой задачи он мал. И что ему мешало найти «гроб» побольше?

«Ты же не всерьез собирался это делать», – подсказал внутренний голос.

Он начал заталкивать Дебру внутрь. Она сердито заворчала. Он толкнул сильнее. Она попробовала сопротивляться; тогда он налег на нее со всей силы. Дебра закричала – не слишком громко, да и услышать ее крики здесь было некому. Хныкала, пыталась вцепиться в него ногтями. Он с размаху ударил ее по лицу. Она упала в ящик, ударившись головой, и вскрикнула. Хотела выбраться, схватившись за край ящика, но в этот миг он захлопнул

крышку, попав ей по пальцам. С новым криком она отдернула руку, и он запер ящик на щеколду.

Самым сложным оказалось в кромешной темноте спихнуть ящик в яму. Едва сам туда не свалился. Наконец ящик неуклюже встал на место, и из него раздался приглушенный крик.

Он выпрямился, тяжело дыша от усилий и от возбуждения, схватил лопату, начал забрасывать ящик землей, но сразу обнаружил новую проблему. Земли вокруг не слишком много – большую яму легко не закопаешь. Ну что за идиот! Надо было привезти землю с собой!

В конце концов он сгреб лопатой землю вокруг, стараясь брать понемногу со всех сторон, чтобы не оставалось подозрительных неровностей, и добавил камней. Камни отлично заполняли пустоту, а когда они с глухим стуком падали на крышку ящика, в ответ раздавались новые и новые крики.

Он работал не покладая рук, боясь остановиться. Скоро крики затихли – а жаль, хотелось бы и дальше их слышать... Хорошо бы и видеть искаженное ужасом лицо, и следить за тем, как она бьется о стенки и крышу своей тюрьмы. Но это, разумеется, невозможно...

И тут его накрыло. Он готов был взорваться; тело властно требовало разрядки.

Всего несколько секунд – и за кульминацией последовало невероятное, никогда прежде не испытанное им чувство полной и блаженной пустоты. Он смотрел на пустую темную дорогу, на силуэт бензозаправки, в звездное небо. И говорил себе: теперь у Дебры есть время, много времени, чтобы подумать о своем поведении!

Вдруг его взгляд остановился на заправке уже по-новому, с иным чувством. До сих пор она его не беспокоила: стояла ночь, и заправка была закрыта. Теперь же словно ударило: а камеры? У них наверняка есть функция ночного видения. Если по несчастной случайности какая-нибудь камера направлена в его сторону...

Как же это она раньше не сообразил?

Но тут же пришел ответ – тот же самый ответ: «Ты не думал, что в самом деле решишься».

Может быть, выкопать Дебру, сказать ей, что пошутил? Отвезти на автобусную станцию, купить билет до Нью-Йорка. Она наркоманка – если начнет рассказывать, ей никто не поверит!

А если поверят? А если он попал на камеру...

О боже!

Нужно уничтожить запись.

Платить за модное «облачное» хранилище для записей с камер безопасности затрапезная бензозаправка, разумеется, не станет. Скорее всего, камеры

подсоединены к компьютеру. Надо лишь разбить окно, попасть внутрь, уничтожить запись и исчезнуть. Среди разнообразного снаряжения в фургоне есть лыжная маска. А перчатки у него всегда с собой.

Он начал рыться в коробке с инструментами. Разбить окно, проникнуть внутрь, уничтожить запись. Дело двух минут. И он будет в безопасности...

Глава 75

Дейл, Вирджиния, понедельник, 12 сентября 2016 года

Андреа проснулась внезапно: что-то вырвало ее из сна. Какой-то звук – она не поняла, какой.

Звук повторился. Стук в дверь. Она взглянула на часы. Половина двенадцатого. Какого черта?

Андреа встала и босиком прошлепала в гостиную. Кто-то снова постучал в дверь. Стук спокойный, вежливый: похоже, человек с той стороны не торопится.

– Да?

– Мэм, это офицер Браунинг из машины внизу, – послышался из-за двери приглушенный голос. – Мы получили сообщение, что в вашем доме посторонний. У вас всё в порядке?

– Здесь никого нет. Дверь заперта.

– Вы уверены, мэм? Соседка сообщила, что видела, как кто-то поднимался по пожарной лестнице. Не хотите, чтобы я зашел и взглянул?

У Андреа замерло сердце. Пожарная лестница ведет прямо к окну ее спальни! Она уверена, что окно закрыто на задвижку, но... Перед глазами возник ужасный образ: Род Гловер притаился под кроватью и ждет, словно чудище из ночного кошмара. «Мама, у меня под кроватью бука!»

– М-м, подождите... – Андреа подумала о том, чтобы надеть халат; но халат остался в спальне, рядом с окном – и с пожарной лестницей. Ладно, переживет офицер Браунинг, что на ней пижамный топик и нет лифчика.

Она подошла к двери, выглянула в глазок. У двери стоял мужчина в форме; он нетерпеливо оглядывался по сторонам, и Андреа не видела его лица.

Она отодвинула задвижку, отперла замок и распахнула дверь.

– Входите...

Он повернулся к ней лицом – и мир вокруг затрещал и рухнул. Невидимая угроза, смутное детское воспоминание, ночной кошмар – обернулись чудовищной реальностью.

Андреа хотела закричать, но он, каким-то змеиным броском выбросив руку, схватил ее за горло и сжал, и вместо крика из груди вырвался сиплый, задушенный писк. Гловер переступил порог, ногой захлопнул за собой дверь. Полицейская форма ему шла, только безумная свирепая ухмылка на лице никак не могла принадлежать служителю закона.

– Ну, здравствуй, Андреа! – прошипел он. Второй рукой приставил нож к ее щеке, прямо под глазом, и нажал, протыкая кожу острием. – Не сопротивляйся, или Зои достанется одноглазая сестренка. Не кричи. Вообще ничего не делай. Ясно? Если поняла, моргни.

Андреа в ужасе заморгала, открывая и закрывая рот, словно рыба, выброшенная на берег.

– У меня хорошая новость, – продолжал Гловер. – Ты нужна мне живой. Хочу, чтобы Зои, когда вернется, увидела страх в твоих глазах. Пусть пожалеет, что бросила сестренку одну. Пусть чувствует себя виноватой. Так что будешь вести себя тихо – я тебя не трону. Поняла?

Андреа снова моргнула, чувствуя, что на глазах вскипают слезы. Даже если б она и захотела сопротивляться, не смогла бы. Страх лишил ее сил, превратил мышцы в желе. Легкие горели от недостатка воздуха, перед глазами плясали черные мушки.

Гловер чуть ослабил хватку, и Андреа с хрипом втянула в себя воздух.

– Пойдем-ка в спальню, – предложил он.

Медленно шагнул вперед, и ей пришлось попятиться. Неожиданная мысль поразила ее: он знает, куда идти. Двигается спокойно и уверенно, не сводя глаз с нужной двери, как будто план квартиры Зои прекрасно ему известен.

Из груди Андреа вырвалось рыдание.

– Ш-ш-ш! Тихо, тихо!

Шаг. Еще шаг. Одна рука у нее на горле, другая держит нож, пляшущий перед глазом, совсем близко. Андреа в ужасе зажмурилась.

– Открой глаза. И шагай.

Когда они проходили мимо гостевой комнаты, ее дверь открылась. Гловер, казалось, этого не заметил – полностью сосредоточился на двери спальни и на испуганном лице Андреа. Из гостевой спальни показался растерянный Марвин. Встретился с Андреа взглядом – и в его глазах она прочла понимание. Он уже начал двигаться, но Гловер развернулся стремительно, как змея, отшвырнул Андреа к стене, а нож с размаху вонзил Марвину в грудь. Тот ахнул, глаза его остекленели; а Гловер с силой ударил его кулаком в лицо. Что-то хрустнуло, Марвин пошатнулся и упал навзничь, по дороге

стукнувшись головой о дверную ручку. На полу вокруг неподвижного тела почти сразу начала растекаться лужа крови.

– Нет! – закричала Андреа.

В следующую секунду нож возник у нее перед глазом.

– Интересный у тебя телохранитель, – прошипел Гловер. – За этот сюрприз я тебе так отплачу, что надолго меня запомнишь!

Он грубо втолкнул ее в спальню. Теперь его лицо затвердело, на нем читался гнев, зубы оскалились в злобной нечеловеческой усмешке. Он развернул ее спиной к себе – и Андреа почти ощутила облегчение от того, что больше не видела его лица. Гловер с силой толкнул ее на кровать.

Несколько секунд пустоты – а затем вокруг горла обвилось что-то мягкое. Какая-то тряпка. Андреа вспомнила, что говорила ей Зои: Гловер помешан на удушении своих жертв.

Ей не выжить.

Даже если изначально он и намеревался оставить ее в живых, то просто не справится со своими желаниями. Изнасилует и задушит, как и всех прочих девушек.

И уже ничего не сделаешь. Тряпка врезалась в горло, Андреа начала задыхаться. Она бессильно цеплялась за простыню, а Гловер, бормоча проклятия, издавая какие-то нечеловеческие звуки, стаскивал с нее пижамные штаны.

Она уже теряла сознание, впадала в блаженное забытие, когда он слегка ослабил давление, и Андреа вновь смогла глотнуть воздуха. Об этом Зои тоже рассказывала: Гловер старается, чтобы его жертвы оставались в сознании до самого конца.

Вместе с воздухом она вдохнула его запах – мерзкий запах пота и чего-то еще, звериного и нечистого. Отчаянно забилась, не желая, чтобы эта тварь к ней прикасалась. А он, сдавленно рыча, тискал и лапал ее обнаженное тело.

И вдруг раздался грохот.

У Андреа зазвенело в ушах. Тряпка, сдавливающая горло, куда-то исчезла, и теперь она могла кричать свободно, во всю мочь, сколько пожелает. Обернувшись, увидела расплывчатый силуэт у дверей. Марвин с пистолетом в руке.

Поискав глазами Гловера, увидела, что он скорчился в углу и с гримасой держится за бок. Глаза его – глаза зверя – метнулись к Марвину, и во взгляде промелькнул страх.

Снова оглушительный грохот – еще один выстрел. Зазвенело, разбиваясь, оконное стекло, и Андреа поняла, что Марвин промахнулся – должно быть, ослаб из-за потери крови и не мог как следует прицелиться. Сейчас Гловер

тоже это поймет, бросится на старика и в несколько секунд с ним расправится!

Однако Гловер не стал нападать. Страх ясно читался в его лице – страх хищника, привыкшего к легкой добыче и непривычного к боли. Необходимость сражаться застала его врасплох. Он бросился вперед – не к Марвину и его пистолету, а к двери. Марвин попытался выстрелить в третий раз, но Гловер уже выбежал из комнаты.

Мгновение никто из них не двигался, а затем Марвин шагнул вперед, пошатнулся и рухнул на пол лицом вниз, по-прежнему сжимая в руке пистолет.

Глава 76

Зои сидела на кровати. Вокруг были в беспорядке разбросаны бумаги: снимки с мест преступлений, рукописные заметки, подытоживающие все, что проливало какой-то свет на роль Дебры Миллер.

Зои не оставляло чувство, что личность Дебры может сообщить им что-то важное. Она не похожа на других жертв: нет аккаунтов в «Инстаграме» или «Фейсбуке» (по крайней мере, Зои их не нашла), поэтому убийца не мог выследить ее так же, как других. И, разумеется, она гораздо старше.

Что в ней подтолкнуло его к действию? Напомнила ему кого-то знакомого? Может быть, мать? Или, возможно, его чем-то привлекла ее внешность? Отец сказал, что выглядела Дебра еще хуже обычного. Фотографий этого времени у него, естественно, не сохранилось, но как выглядят наркоманы с многолетним стажем, Зои себе представляла. Скорее всего, очень худая. Плохие волосы и зубы. Обломанные ногти. Нервный тик. Что из этого «завело» убийцу?

Зои очень старалась размышлять хладнокровно, не думая о том, каково пришлось Дебре. Судя по всему, ей пришлось умереть на редкость мучительной смертью.

Зазвонил телефон. Бентли не сразу взяла трубку: ее мысли блуждали далеко отсюда. Затем поднесла мобильник к уху, по-прежнему вглядываясь в свои заметки.

– Алло!

Пару секунд в трубке слышалось лишь шумное, затрудненное дыхание. И вдруг Зои поняла:

– Андреа?!

– Зои... я... пожалуйста, приезжай домой!

– Что такое? – В сознании сиреной взвыла тревога. – Что случилось?

– Гловер ворвался в квартиру. И... напал на меня.

– Ты ранена? – Зои вскочила с кровати. Одной рукой прижимая к уху телефон, а другой взяла сумку и начала лихорадочно швырять в нее вещи. Это невозможно! Почему он напал сейчас? Она не сомневалась, что Гловер будет выжидать, он всегда был осторожен!

– Да... нет. Не знаю. Здесь парамедики. Марвин стрелял в Гловера.

– Марвин стрелял?.. А где полиция? Гловер мертв? – Да что там происходит? И где, черт побери, ее туфли?

– Пожалуйста, возвращайся домой! Пожалуйста, Зои! Ты мне нужна! Я тебя жду! Приезжай скорее! Пожалуйста, приезжай! – Голос сестры дрожал, как в истерике. На заднем плане незнакомый мужчина проговорил, что надо бы дать ей успокоительное.

– Андреа, я уже еду, слышишь? Еду к тебе!

Сестра на другом конце провода горько разрыдалась – и каждый всхлип ножом вонзался Зои в сердце. А потом раздались короткие гудки.

Туфли нашлись в ванной. Зои надела их, двигаясь на автомате, как робот. Все происходящее подернулось дымкой нереальности. По дороге назад схватила сумку, смутно понимая, что собрала совсем не все, что очень много вещей остается здесь... сейчас это не важно. Ничего не важно. Она сбежала с крыльца – и только тут сообразила, что до Андреа пешком не добраться. Заметалась, не понимая, что делать. Тейтум – вот кто поможет! Она подбежала к его номеру и забарабанила в дверь.

– Открой!

Дверь отворилась, на пороге номера возник Тейтум, встрепанный, с дикими глазами и пистолетом в руке. Впрочем, учитывая, как она кричала и колотила в дверь, это было довольно естественно.

– Что случилось?

– Гловер напал на Андреа. Мне нужно домой. Дай мне ключи от машины.

Тейтум, нахмурясь, молча смотрел на нее. Сейчас ей хотелось завизжать, хотелось его ударить.

– Ключи от машины! Скорее!

– Как Андреа? – спросил он, чуть отступая назад, в номер.

– Жива. Больше ничего не знаю. Марвин стрелял в Гловера.

– Что?! С Марвином всё в порядке? – Он еще о чем-то спрашивал, что-то еще говорил, но Зои не понимала ни слова.

– Не знаю! – завопила она. – Дай мне ключи, мать твою!

Ключи он нашел в кармане куртки. Отдал ей. Сказал еще что-то, чего она не поняла, – кажется, спросил, как она собирается добраться в Вирджинию.

– Поеду в Остин. Оттуда можно улететь и ночью, – ответила Зои и, схватив ключи, бросилась на улицу.

Кажется, Тейтум бежал за ней, окликал, о чем-то просил, уговаривал... Она почти не слышала. В ушах, заглушая все, звенели рыдания Андреа – и звали ее домой.

Глава 77

Тейтум стоял и смотрел, как Зои исчезает во тьме, а потом вернулся к себе, глубоко потрясенный. Такой он никогда ее не видел. Она казалась почти обезумевшей. Взгляд, обычно острый и пристальный, был замутнен страхом, по лицу текли слезы, которых Зои даже не замечала.

Наконец, выйдя из ступора и встряхнувшись, Тейтум схватил со стола телефон и набрал номер. Гудок. Еще гудок. И третий.

Наконец Марвин ответил.

– Тейтум? – проговорил он сильно в нос.

– Марвин, с тобой все нормально?

– Я его подстрелил! Подстрелил чертова ублюдка! Он пожалел, что со мной связался!

– А что у тебя с голосом?

– Он мне нос сломал. Но, Тейтум, я его подстрелил!

На заднем плане послышался посторонний голос:

– Сэр, пожалуйста, положите пистолет!

– Черта с два! – рявкнул Марвин. – А если он вернется? Кто отстреливаться будет, ты, что ли?

– Сэр, если вы не положите пистолет, мне придется...

– Отвали от меня!

– Марвин, что у тебя там происходит? – заорал в трубку Тейтум.

– Хотят отобрать у меня пушку. Черта с два я ее отдам!

– Смотри, куда стволом тычешь, старый придурок! – завопил кто-то на заднем плане.

Тейтум стиснул зубы.

– Марвин. Отдай пушку копам.

– Да ты свихнулся! А за Андреа кто будет присматривать? Золотая рыбка?

Он потер ладонью лоб.

– Хорошо. Дай трубку полицейскому.

– Эй! Вот, внучок мой хочет с вами парой слов перемолвиться! Он из ФБР.

Секунда молчания, затем другой голос в трубке:

– Алло!

– Специальный агент Грей, – сказал Тейтум. – Кто говорит?

– Офицер Коллиер. Вы – внук этого человека?

– Да. Офицер, что происходит?

– Послушайте, агент, скажите вашему чокнутому деду, чтобы положил чертов ствол! Он нас едва не перестрелял, когда мы вошли. И вообще, по-моему, он спятил.

– Не беспокойтесь, он никого не застрелит, – отвечал Тейтум, молясь про себя, чтобы так и оказалось. – А что с Андреа? Она в порядке?

– Физически почти не пострадала. С ней сейчас парамедики. А вот ваш дед, если не положит пистолет, истечет кровью!

– Истечет кровью?

– Преступник ударил его ножом. А парамедики к нему даже подойти не могут, он ведет себя как ненормальный! Видимо, от шока.

– Да нет, он всегда такой, – вздохнул Тейтум. – Включите громкую связь.

– Э-э... сейчас.

Секунду спустя послышался щелчок – видимо, включилась громкая связь.

– Марвин! – позвал Тейтум.

– Да, чего тебе еще?

– Отдай офицеру пистолет.

– С какой радости, Тейтум? Он мне самому пригодится. Вдруг этот ублюдок решит вернуться и закончить начатое?

Удивительно, даже истекая кровью и со сломанным носом, дед вызывает жгучее желание его придушить!.. Тейтум едва не заорал, но вовремя сообразил, что это делу не поможет. Старый упрямец лишь упрется еще сильнее.

– Хорошо. Ты не хочешь отдавать пистолет полиции. А Андреа отдашь?

– Ну, может быть, – ворчливо ответил Марвин.

– На время. Пока тебя не заштопают.

– Да не надо меня штопать! Подумаешь, царапина!

– Ради меня, Марвин, хорошо? Отдай Андреа пистолет, и пусть на тебя взглянут медики.

– Ты просто заноза в заднице!

Тейтум вздохнул с облегчением и еще некоторое время слушал, как Марвин, Андреа, полицейские и парамедики ведут четырехсторонние переговоры. Наконец трубку снова взял офицер Коллиер.

– Теперь о вашем деде позаботятся, – сообщил он.

– Спасибо.

– Тяжеловато с ним.

– Это уж точно!

– Но, знаете, насколько мы понимаем, он спас девушке жизнь. Крепкий орешек ваш дед!

– Да, он такой. – Тейтум в изнеможении опустился на кровать. – А что с Родом Гловером? Убит?

– Сбежал. Местонахождение неизвестно.

– Как неизвестно? – Тейтум сжал зубы. – Вы же следили за домом, черт побери! Куда он мог деться?

– Сейчас выясняем. Найдем, не беспокойтесь, никуда не денется! Он оставил за собой кровавые следы. Далеко уйти не мог.

– Хорошо, – проворчал Тейтум. – Ладно, офицер, мне пора. Спасибо за помощь.

Он повесил трубку и, прикрыв глаза, задумался о Зои. Ей нельзя сейчас садиться за руль!

М-да, зря он отпустил ее одну...

Сан-Анджело, Техас, вторник, 13 сентября 2016 года

Несмотря на хаос прошлой ночи, с утра Тейтум появился на похоронах Николь Медина. Скорбный голос священника разносился под сводами многолюдной церкви, и фоновым шумом звучали на заднем плане приглушенные голоса гостей. Оглядываясь вокруг себя, Тейтум понимал: хорошо, если один из десяти здесь знаком с Николь Медина или ее родителями. Большая часть людей в церкви – репортеры или любопытные зеваки.

Спать Тейтуму сегодня почти не пришлось. Почти до рассвета он общался по телефону с Манкузо, с полицейскими, начавшими охоту на Рода Гловера, с медиками, что оказывали помощь Марвину и Андреа. Потом лег в кровать и попытался уснуть. Удалось минут за пять до того, как зазвонил будильник, – по крайней мере, такое у него осталось ощущение.

Вспомнив, что машины теперь нет, Тейтум позвонил Фостеру, объяснил ему ситуацию и попросил подвезти. Полицейский ответил, что на похороны не пойдет, слишком занят расследованием, но попросит Лайонс его подхватить. Лайонс появилась четверть часа спустя, и ей тоже пришлось объяснять, где машина и что случилось с Зои.

Теперь, сидя рядом на скамьях, они внимательно оглядывали собравшихся. Тейтум сомневался, что убийца здесь появится, но мало ли. Он всматривался в лица, соображая, кто из них подходит по профилю, – и, честно говоря, подходили очень многие. Долгие часы они с Зои посвятили исследованию разума убийцы и, кажется, более или менее разобрались в этом – однако в вопросе о том, как он выглядит, особого прогресса не было. Около сорока, достаточно крепкий. Белый. На первом видео показал свои руки и ноги, но по ним много не скажешь.

Внимание Тейтума привлекло знакомое лицо. Он нахмурился, пытаясь понять, кто это, потом в мозгу щелкнуло: Гарри Барри. Скромно сидит на задней скамье, что-то записывает в блокнот. Их взгляды встретились, и Гарри кивнул ему.

Был здесь и полицейский фотограф: снимал всех входящих. Позже Фостеру и Лайонс придется провести несколько часов за сортировкой фотографий. Тейтум уже решил, что присоединяться к ним не станет. После похорон он быстро закончит здесь все дела и тоже рванет домой. Он нужен Марвину. И Зои.

– Наши ребята с радаром нашли еще одну яму, – прошептала ему Лайонс, прочтя сообщение в телефоне.

– Хорошо, – пробормотал Тейтум.

Круг сужается. Теперь поймать убийцу – дело нескольких дней, и полиция Сан-Анджело вполне справится без него.

И все же он вглядывался в людей вокруг, пытаясь угадать, не сидит ли по соседству тот, за кем они гонялись всю неделю.

Священник уже заканчивал церемонию. Хоронили Николь в закрытом гробу.

Зазвонил телефон, на экране высветился незнакомый номер. Тейтум отклонил звонок и сунул мобильник в карман.

– Похоже, закругляются, – прошептал он. – Выйду наружу и присмотрюсь к людям, когда будут выходить. А тебе, наверное, лучше остаться.

– Ага, – ответила Лайонс, явно слушая его вполуха. Она читала новое сообщение.

Заглянув ей через плечо, Тейтум увидел доклад о месте убийства Дебры Миллер – увы, очень короткий. На месте преступления не найдено ничего, кроме трупа и ящика, в котором он был захоронен. В отличие от других убийств, в ящике и рядом с ним нет посторонних предметов – ни камеры, ни провода, ни какого-либо «реквизита». При трупе лишь сумочка. Лайонс пальцем прокрутила экран вниз и начала читать рапорт о вскрытии.

Склонив голову и стараясь не шуметь, Тейтум вышел наружу. Стояла невероятная жара, даже для Техаса – и то, что на похороны пришлось надеть костюм, делу явно не помогло. Едва оказавшись на улице, Грей начал обливаться потом. «Вернусь в мотель – первым делом в бассейн, – думал он. – А потом прикину, каким рейсом улететь».

Двери церкви отворились, и люди высыпали наружу. Больше десятка фотографов пятились перед процессией или сопровождали ее по бокам, щелкая камерами. Тейтум покачал головой и сосредоточился на остальных. Мог ли убийца замаскироваться под фоторепортера? Сомнительно.

Снова зажуужал телефон – тот же номер.

Он поднес трубку к уху.

– Алло!

– М-м... это Тейтум? – Женский голос, смутно знакомый.

– Да, кто это?

– Сестра Зои.

– Андреа! – Голос такой, словно от девушки одна тень осталась – неудивительно, что он сразу ее не узнал. – Как вы?

– Немного лучше. Только в голове все плывет. Я сейчас на успокоительных. Послушайте, вы не знаете, где Зои? По телефону она не отвечает.

Тейтум ощутил укол тревоги.

– Ну, она сказала, что полетит из Остина, так что, видимо, сейчас в самолете. Поэтому и недоступна.

– Да... да, наверное. Тогда всё в порядке. – Андреа вздохнула с явным облегчением, которого Тейтум не разделял. – Если она с вами свяжется, пожалуйста, попросите, чтобы позвонила мне и сказала, когда приезжает, хорошо?

– Конечно.

– Спасибо, Тейтум! До свиданья.

Она повесила трубку. Грей рассеянно смотрел, как гроб в сопровождении множества людей несут к могиле. Заметив в конце процессии Лайонс, переглянулся с ней и показал жестом, что скоро присоединится. Она кивнула.

Тейтум набрал номер Зои – и попал прямиком на автоответчик. Затем набрал Фостера.

– Да? – нетерпеливо ответил тот.

– Фостер, послушай, это Тейтум. Я... извини, что тебя беспокою, но у Зои не отвечает телефон. Может быть, она просто сейчас в самолете – но вчера уехала в таком состоянии... Я беспокоюсь. Вдруг с ней что-то случилось?

– Хочешь, чтобы я проверил сообщения о дорожных происшествиях за прошлую ночь?

– Если не слишком сложно, – ответил Тейтум с большим облегчением от того, что Фостер сам предложил. – Она ехала в Остин, серебристый «Хёнде Эксент».

– Конечно. Перезвоню.

– Спасибо!

Повесив трубку, он двинулся следом за процессией. Когда гроб опускали в землю, мать Николь горько разрыдалась, и Тейтум оставил все попытки притворяться, что отслеживает здесь преступника. Нет: он пришел отдать последнюю дань уважения девушке, которую они не смогли спасти.

Снова зажужжал телефон. Тейтум вышел из толпы и, отойдя на несколько шагов, ответил. Звонил Фостер.

– Происшествий, в которых участвовала бы женщина, по описанию совпадающая с Зои, сегодня ночью не было.

– Значит, она в самолете! – с облегчением выдохнул Тейтум.

– Из Остина в Вирджинию нет рейсов в воздухе.

Грей нахмурился.

- Может, она уже прилетела и забыла включить телефон?
 - Не исключено. Последний самолет приземлился в Вирджинии два часа назад.
- У Тейтума упало сердце. Нет, если б Зои прилетела домой два часа назад, сейчас уже добралась бы до Андреа или хотя бы позвонила ей.
- Спасибо, Фостер.
 - Когда с ней поговоришь, сообщи мне, ладно?
 - Конечно. Пока.

Тейтум снова набрал номер Зои – и снова попал на автоответчик. Попробовал еще дважды, с перерывами – с тем же успехом. Капля по капле, в душу начал просачиваться холодный ужас.

Глава 79

Внутренние часы Тейтума отсчитывали минуты и секунды. Ровно пятьдесят минут с того момента, когда он понял, что Зои нигде нет.

Расхаживая по гостиничному номеру, он обзванивал людей в Сан-Анджело, Остине, Квантико – всех, кто мог дать хоть какую-то информацию. Думал о том, в каком состоянии уехала вчера Зои: с безумными глазами, изнемогающая от страха и тревоги. Как можно было ее отпустить? Но в тот момент он беспокоился о Марвине, поэтому и совершил ошибку. И теперь с пугающей ясностью представлял себе, как серебристый «Хёнде» лежит колесами вверх где-нибудь в канаве и Зои – без сознания, истекающая кровью, быть может, уже мертвая...

Зазвонил телефон. Манкузо.

- Зои не зарегистрировалась ни на один полет, – напряженным голосом сообщила она. – Есть новости о дорожных происшествиях?
- ДОБ разослал патрули по всем дорогам между Сан-Анджело и Остином, ищут,
- ответил Тейтум. – Скорее всего, она поехала по Семьдесят первому, а там заблудиться негде. Если б она попала в аварию, мы бы уже... – Вдруг у него упало сердце. – Уже знали... Черт! Манкузо, я перезвоню!

Он дал отбой и выбежал из номера.

Зои не села на самолет. На дорогах между Сан-Анджело и Остином ее тоже найти не могут. Но есть одно место, которое он не проверял. Черт, просто в голову не пришло!

Парковка с другой стороны мотеля.

Арендованный «Хёнде» по-прежнему стоял там. Зои так и не села за руль.

Может быть, поняла, что ей не надо вести машину, и уехала на такси? В этом Тейтум очень сомневался. И для начала решил проверить ее комнату.

Он вошел в холл мотеля, стараясь выглядеть как можно беззаботнее. Чтобы попасть в номер к Зои, можно, конечно, предъявить значок – но тогда дежурный клерк позвонит менеджеру, а тот потребует ордер на обыск... На все эти церемонии нет времени. Девушка за стойкой много раз видела, как они с Зои входили и выходили вместе.

– Добрый день! – заговорил он, натянув на лицо улыбку. – Моя подруга вышла из номера, захлопнув за собой дверь, а ключ забыла внутри. Вы не дадите запасной ключ?

Девушка взглянула на него неуверенно. Тейтум отвел взгляд и кашлянул, изображая смущение.

– Она... гм... ждет у меня. Видите ли, сейчас у нее нет с собой одежды.

Девушка покраснела и, стараясь спрятать улыбку, вручила Грею запасной ключ.

В номере Зои царил беспорядок. На кровати и на полу были разбросаны бумаги. Он быстро их проглядел – все связаны с делом Шредингера. В углу за кроватью нашел пару грязных носков. Зубная щетка и прочее осталось в ванной – видимо, в спешке Зои забыла упаковать туалетные принадлежности. На ночном столике лежали снимки с последнего места преступления. Тейтум взял их, чтобы просмотреть, и под ними заметил визитную карточку.

Джозеф Додсон, электрик, специалист по ремонту кондиционеров. Тейтум нахмурился, потом вспомнил, как несколько дней назад столкнулся в коридоре с незнакомцем, выходящим из комнаты Зои.

Здоровяк в клетчатой рубашке.

Вертя в пальцах визитку, он задумался, не может ли этот человек что-то знать, и тут зазвонил телефон. Номер снова незнакомый. Впрочем, за последний час он говорил со множеством незнакомых номеров.

– Алло!

– Агент Грей? – Человек на том конце провода тяжело дышал, и голос его подрагивал от волнения. – Это Гарри. Репортер.

– Сейчас у меня нет времени...

– Я только что получил еще одно письмо от Шредингера. Видео. – Наглого и циничного репортера, которого помнил Тейтум, словно подменили; казалось, этот человек на грани нервного срыва. – Пересылаю вам ссылку.

И дал отбой.

Секунду спустя телефон пискнул, возвестив о приходе сообщения. На этот раз ссылка вела не на никому не известный сайт, чье имя состояло из бессмысленного набора букв и цифр, а на «Ю-тьюб». Тейтум щелкнул по ссылке, и на экране появилось видео.

Колени у него подогнулись, и он упал на кровать, не сводя глаз с лица Зои.

Глава 80

Тьма.

В первую секунду Зои показалось, что еще ночь и в номере задернуты шторы. Во рту пересохло, и стоял вкус шерсти. Она попыталась повернуться, чтобы взять телефон и посмотреть, который час. И обнаружила, что не в состоянии шевельнуть рукой. Руки были связаны за спиной, в запястья вгрызалось что-то жесткое. Во рту сидел кляп. И все тело ныло, будто ее избили.

Зои попыталась поднять ногу – и сразу уперлась во что-то твердое над собой.

Это сон. Порой она так погружалась в свои дела, что начинала видеть о них кошмары. Однако боль во всем теле, давление на запястья, ощущения во рту... нет, все это слишком реально.

И абсолютная темнота вокруг. Такая, в которой не важно, открыты или закрыты у тебя глаза.

Зои начала извиваться, пытаясь высвободить руки. Тут же наткнулась плечами на стенку слева, стенку справа. Запаниковав, попыталась сесть – и ударилась лбом.

Причем это тесное темное место было наполнено глухими вздохами, стонами, воплями. И лишь когда горло запылало огнем, Зои поняла: объятая ужасом, кричит и стонет сквозь кляп она сама. Куда бы она ни рвалась, везде натыкалась на стену, жесткую, неумолимую. И понимала: дальше только земля. Сверху и снизу, слева и справа: камни и песок. Даже освободив руки, она останется погребенной.

Ужас вымыл из головы все рациональные соображения; тело взяло верх над разумом.словно зверь в ловушке, Зои выла, билась и мотала головой в тесной клетке, среди бесконечной ночи.

Зои снова закричала. Тейтум окаменел: слушать это было невозможно.

– Выключи звук, черт побери! – дрогнувшим голосом приказал Фостер. Он разговаривал по телефону.

Вместе с Фостером и Лайонс Тейтум сидел в оперативной комнате. На столе стоял ноутбук, на экране транслировалось видео. По всему отделению полиции, на всех столах, на всех компьютерах крутилось это же видео, из всех динамиков раздавались эти же крики. Грей взглянул на часы – должно быть, уже в десятый раз с тех пор, как сюда вошел. Видео длится час двадцать. А сколько Зои провела в ящике? Два часа? Три?

Или восемь?

Лайонс с опухшими от слез глазами сидела перед вторым компьютером. Звук она не выключила, и все понимали, почему. Есть шанс – пусть и ничтожный, – что им удастся повернуть тот же трюк, что с Джулиет Бич. Едва Тейтум рассказал Фостеру о видео, тот разослал по городу и окрестностям патрульные машины, приказав им проигрывать через динамики музыку на полной громкости.

Но когда Зои затихала, с экрана не доносилось ни звука. И Тейтум знал: Шредингер не повторяет своих ошибок. Где бы он ни закопал пленницу, она зарыта глубоко, там, куда никакой звук не донесется.

– Новый коммент, – сказала Лайонс. – «Это фэйк». «Фэйк» через «э».

В первый раз у видео Шредингера появились комменты. И счетчик просмотров, и даже лайки и дислайки. На «Ю-тьюбе» Шредингер расположился как у себя дома: завел собственный канал, назвал его тоже, разумеется, «Шредингером». Видео озаглавил «Эксперимент номер четыре». Киберкоманды ФБР и ДОВ пытались найти цифровые следы канала, но Тейтум особых надежд не питал.

Он ходил по комнате взад-вперед, периодически застывая и снова вглядываясь в экран. Видео казалось темнее обычного, детали различались с трудом. Зои лежала на спине, с кляпом во рту: волосы растрепаны, лицо мокро от слез. Позади видна деревянная стенка.

Никаких декораций, никаких намеков на яд или взрывчатку. Видео идет без перерывов.

На миг Тейтума охватила паника, все мыслительные процессы прервал леденящий страх за жизнь Зои. Потом он заставил себя дышать глубоко и мыслить рационально. Истерика Зои точно не поможет.

Снова взглянул на часы. Час двадцать три минуты с начала видео.

Две команды с радарными работами так быстро, как только могли. Используя формулу Зои, Тейтум расширил радиус поисков; однако могила Бентли, скорее

всего, была засыпана глинистой почвой, так что шансы оставались почти нулевыми. Даже проведя радаром прямо над ней, ее вряд ли найдут. Тот же сектор прочесывали кинологи с собаками.

– Шеппард чист, – сказал Фостер, кладя телефон. – Я только что говорил с ребятами, которые за ним следят. Он никак не мог схватить Зои.

У Тейтума болезненно сжалось сердце. До сих пор Шеппард был их основной версией. Что же остается?

– Единственный оставшийся у нас подозреваемый – парень по имени Джозеф Додсон, – словно ответил на его мысли Фостер. – Сейчас его везут сюда. Есть соображения?

Тейтум напряг все силы, чтобы сосредоточиться, чтобы думать об этом просто как об еще одном «деле».

– По возрасту приблизительно подходит. Физически сильный. Занимается ремонтом кондиционеров, так что, скорее всего, располагает рабочим фургоном. Вполне возможно, обладает необходимыми техническими навыками, чтобы установить в ящике камеру и транслировать видео в Интернете. Кроме того, близок с Зои, мог получать от нее сведения о ходе расследования.

– Ставлю на него, – угрюмо заметил Фостер.

Все замолчали – слышалось лишь взволнованное, затрудненное дыхание Зои с той стороны экрана.

– Но почему «Ю-тьюб»? – в третий раз за последний час спросила Лайонс.

– Из-за комментов, – нетерпеливо ответил Фостер. – Хочет почитать, в каком все ужасе и шоке.

Тейтум нахмурился.

– Не укладывается в профиль. Этот парень хочет не развлечься, а показать, какой он умный. Интересуй его комменты, он сделал бы возможность комментировать видео у себя на сайте. Нет, думаю, на них ему плевать.

– Тогда что?

Грей снова взглянул на видео. Что получают пользователи «Ю-тьюба», кроме комментов? Что-то такое, что на собственном сайте убийце недоступно... Пока в голову приходила только реклама, но вряд ли убийца надеется подзаработать на рекламных роликах...

– Трафик! – вдруг сказала Лайонс, указав на меняющиеся цифры под видео. Число просмотров достигло уже нескольких тысяч и постоянно росло.

– Точно! – согласился Тейтум, стараясь не обращать внимания на подступающую к горлу тошноту. – Уже с Джулиет Бич у него возникла эта проблема. Сайт с трудом справлялся со множеством обращений. А на этот раз, похоже, он хочет широкой публичности. Чтобы «эксперимент» видели все. Хочет своей вожацкой славой.

– Как только кто-нибудь пожалуется на это видео, «Ю-тьюб» его заблокирует,
– заметила Лайонс. – И что тогда?

Сердце Тейтума пропустило такт.

– Не позволим. С этим я разберусь.

Он позвонит Манкузо, попросит связаться с руководством «Ю-тьюба» и объяснить им ситуацию, чтобы они не блокировали видео, пока Зои не окажется в безопасности. Пусть это и будет именно то, чего хочет убийца... Черт, они сами делают за ублюдка его работу!

У Фостера зазвонил телефон.

– Да, – сказал он в трубку. – Ведите сюда, в допросную номер один. – И дал отбой.

– Джозеф Додсон? – спросила Лайонс.

– Он. Только что привезли. Собираем основания для ордера на обыск.

– Может, нам и не хватит материала, чтобы получить ордер, – заметила Лайонс.

Фостер поднял на нее мрачный взгляд.

– Мы обыщем его дом, – коротко ответил он. – Так или иначе.

Глава 82

Зои не знала, сколько прошло времени с тех пор, как она очнулась. Измученная, порой она вообще переставала себя ощущать – то ли теряла сознание, то ли мозг просто отключался, и тело панически трепыхалось по собственному разумению. Следить за течением времени здесь можно было лишь по нарастающему давлению в мочевом пузыре да по тому, как все нестерпимее становилась жажда. Вспоминая вчерашний день, Зои понимала, что почти не пила, и теперь очень об этом жалела.

Впрочем, убьет ее не жажда, а нехватка воздуха.

В первый раз после пробуждения, не в силах больше ни метаться, ни кричать, она немного успокоилась и принялась обдумывать свое положение.

Когда расследование только начиналось, аналитик из Квантико предположил, что Николь Медина могла прожить под землей двенадцать часов. Джулиет Бич пролежала в ящике около девяти часов – и, когда ее нашли, была на грани

смерти. Зои не знала, какого размера ящик, в котором она похоронена, но логично предположить, что примерно такой же, как предыдущие. Сама она маленького роста и хрупкая; вероятно, воздуха в ящике ей хватит на дольше, чем прошлым жертвам.

Правда, она кричала и металась, сильно снизив свои шансы.

Чтобы снизить потребление кислорода, надо уснуть. К несчастью, это не вариант: слишком уж ей плохо. Значит, просто лежать тихо и оставаться спокойной.

Вот со спокойствием-то как раз проблема... И сейчас на краю ее сознания бродит ужас, только и поджидая, когда она снова наткнется на стенку, снова ощутит, что мир смыкается вокруг нее, снова вспомнит о тоннах земли и песка над своей тесной тюрьмой.

Зои попробовала применить обычную технику релаксации: сосредоточилась на своем теле, глубоко и ровно дыша, постаралась расслабить мышцу за мышцей. Однако сосредоточиться не удавалось – по-прежнему мучили пугающие мысли.

Успокоиться, освободить разум у нее не выходит. Значит, надо наполнить его мыслями – только другими.

Зои попробовала сосредоточиться на сестре – но в этих мыслях было слишком много неопределенности, тревоги и страха иного сорта, так что этот вариант она быстро отмела. В конце концов, Андреа жива – и сейчас, по всей вероятности, в куда лучшем положении, чем сама Зои.

Вполне возможно, ее сейчас снимают и показывают в Интернете. Если она додумается до чего-то интересного и даст знать об этом зрителям... Черт, тогда сможет спасти себе жизнь! Надежда своими силами выбраться из ловушки увлекла ее и сильно приглушила страх.

Немного поворочавшись, Зои прижалась к стенке щекой. Дерево, довольно гладкое. Она попыталась вспомнить, были ли гладко обструганы ящики предыдущих жертв. Вроде бы нет. Этот какой-то другой? Принюхалась – никаких запахов, кроме своего собственного, не ощутила. Затаила дыхание и целую вечность лежала, напряженно вслушиваясь во тьму.

Ни звука.

Зрение и вкус здесь ничем ей не помогут. А слух, обоняние и осязание, похоже, бессильны.

Она постаралась вспомнить, что случилось прошлой ночью. Воспоминания возвращались обрывками, отдельными картинками – наверное, потому, что тогда Зои была расстроена и напугана почти до умопомрачения. Она помнила, как решила лететь домой из Остина. Короткий разговор с Тейтумом – что он ей говорил? Потом побежала на парковку, а там...

Боль. Все мышцы вдруг свело болью. Она упала и не могла пошевелиться.

Шокер! Он обездвижил ее шокером, а затем как-то вырубил. Изменил своей обычной тактике. Стал более уверен в себе? Или не хотел ждать? Возможно, и то, и другое.

Зои изо всех сил старалась припомнить еще хоть что-нибудь полезное. Однако память показывала лишь силуэт «Хёнде» в полумраке и... ничего, только боль.

Разумеется, нельзя терять надежду. Зои знала, как работает память. Воспоминания, которые кажутся безнадежно утраченными, могут вернуться в самый неожиданный момент и с потрясающей ясностью. Надо подождать. Подождать – и занять мозг чем-то другим. С закрытыми глазами и не шевелясь можно почти забыть о том, где она.

И Зои нашла лучший способ отвлечься – сосредоточилась на деле. Работая, она забывала обо всем: часами пыталась влезть в голову убийце, понять, как он думает, что чувствует, каковы его мотивы и потребности, что его заводит. Обычно для этого она окружала себя фотографиями жертв и снимками с мест преступлений, но теперь приходилось работать с тем, что есть.

Вчера вечером, перед тем, как позвонила Андреа (на мысли о ней Зои задержалась на секунду, а затем поспешно ее отбросила), она думала о Дебре Миллер. Дебра Миллер – первая жертва, та, что подтолкнула убийцу перейти от фантазий к действиям.

Если убийца знал Дебру и знал, что она бежит из города, то понимал, что о ее исчезновении никто не заявит.

И это всё?

Точно нет. Мало ли на свете одиноких и бездомных девушек! Легче было бы подобрать какую-нибудь проститутку в баре или на дороге. Этот убийца всегда интересовался девушками, у которых есть дом и семья. Дебра катилась по наклонной, и все же у нее были любящие родители и место, куда можно вернуться.

Найти бы что-то общее между Деброй и тремя другими жертвами!.. Дебра значительно старше остальных. Наркоманка, явно нездорова. Остальные молоды и в полном порядке. Дебра стремилась бежать от своей нынешней жизни: похоже на Мэрибел Хоу, но не относится к Николь Медина и Джулиет Бич.

Хорошо, сказала себе Зои, зайдём с другой стороны. Посмотрим, что общего у этих трех жертв, а потом – применимо ли что-то из этого к Дебре Миллер.

Физически все три девушки разные, но все хороши собой. Джулиет Бич просто красавица, две другие очень ничего. Может, убийцу привлекла внешность Дебры? Она была худой, как Джулиет и Николь; однако Мэрибел была довольно пухленькая, с круглыми щеками. Нет, вряд ли ответ в фигуре.

Он следил за девушками через социальные сети. Все три девушки часто обновляли «Инстаграм», все выглядели вполне довольными жизнью. Впрочем, в мире соцсетей, полном фальшивых улыбок, это неудивительно. Все фотографировались с разными мужчинами – может быть, это его цепляло? Может, и Дебра Миллер, на его взгляд,ставляла себя напоказ, вела себя развратно или непристойно?

Да нет, насколько Зои могла судить, аккаунты у девушек, по стандартам соцсетей, очень невинные. Никаких откровенных снимков, никаких бикини, голых спин или даже «дакфейсов». Девушки как девушки, живут обычной жизнью, развлекаются, ходят куда-то с друзьями...

С друзьями. Все три были популярны. По крайней мере, в виртуальном мире. Много снимков с разными людьми, много подписчиков. У всех трех – более пятисот фолловеров в «Инстаграме».

Итак, три девушки были красивы и популярны, а Дебра одинока, да и выглядела не очень.

Неужели он искал полную противоположность Дебре? Или...

В памяти всплыли слова отца Дебры. «В школе – настоящее солнышко, такая светлая, счастливая. Все ее любили, все хотели с ней дружить...» Здесь, в тесной камере-одиночке, лишенная и зрения, и слуха, Зои услышала его голос так ясно, словно он повторил эту фразу над самым ее ухом.

«В школе».

Для убийцы все четыре жертвы были одинаковы. Красивые, популярные девушки.

Но Дебра после школы быстро стала одинокой и несчастной.

Местный парень... Он учился с ней в школе!

Теперь Зои не сомневалась, что права. Однокашники! Она – очаровательная девушка со множеством друзей; он – странноватый застенчивый парень, одиночка. Часами фантазирует о ней в классе. По профилю ясно, что он склонен к навязчивым фантазиям; наверняка таким же был и в детстве. Дебра стала для него наваждением, избавиться от которого окончательно ему не удалось. И вот, много лет спустя, он снова ее встречает. Он расстроен и зол, может быть, из-за каких-то проблем на работе: уволили, не дали повышения, начальник наорал, что-нибудь такое... И вдруг – она! Возвращается в его жизнь больше чем двадцать лет спустя. Триггер! Он срывается и осуществляет свою давнюю фантазию.

Что ж, это уже на что-то похоже. Сколько ребят учится одновременно в местной старшей школе? Отбираем тех, кто соответствует по возрасту и по профилю, снимаем отпечатки пальцев, сравниваем с тем частичным отпечатком, что у нас есть, – и готово!

К несчастью, для нее все это сейчас недоступно. Но есть полиция. И Тейтум. Как сообщить им то, что она поняла?

Полицейский в форме заглянул в оперативную.

– Фостер, Джозеф Додсон здесь.

– Хорошо, – ответил тот. – Иду.

Офицер закрыл дверь, а Фостер повернулся к Тейтуму и Лайонс.

– Так, придется соображать быстро! Время поджимает.

Обычно подозреваемому сначала дают попотеть, а потом принимаются обрабатывать – по очереди, по принципу «доброго и злого следователя». Но сейчас на счету каждая минута. Пока подозреваемый потеет, Зои задыхается в могиле. Тейтум взглянул на экран. Последние двадцать минут она лежала неподвижно, с закрытыми глазами – и это пугало куда сильнее, чем крики и борьба.

– Как думаешь, как лучше повести дело? – спросил он.

– Ты заходи первым, – ответил Фостер. – Тебя он уже видел и в курсе, что ты знаешь, кто он. Может, это выбьет его из колеи. Пожалуй, стоит взять с собой реквизит, как тогда, с Шеппардом. Снимки с мест преступлений, толстую папку, его визитку в пакете для улики. Пусти ему пыль в глаза, сделай вид, что мы знаем больше, чем на самом деле. Потом захожу я и говорю, что могу снять у него с хвоста федералов, если он скажет, где Зои... Как-то так.

Тейтум поколебался. С обычным преступником такое бы сработало, но с серийным убийцей?..

– А что с ордером на обыск? Проще будет прижать его к стенке, если найдем что-то конкретное.

Фостер вздохнул.

– Если не получим через десять минут, мы просто... – И он неопределенно повел рукой в воздухе. Тейтум понял его и кивнул. Фостер намерен обыскать дом Джозефа Додсона с ордером или без.

Однако Грея беспокоило кое-что еще.

Очевидно, Зои переспала с этим Додсоном. Неужели не заметила никаких признаков? Настолько слепа? В детстве Зои дружила с соседом, Родом Гловером, а он оказался безжалостным серийным убийцей. Тейтуму хотелось верить, что его напарница не способна повторить такую ошибку.

Хотя, конечно, из психопатов иногда выходят прекрасные актеры...

– Вот что я тебе скажу, – ответил он наконец. – Первым иди ты. С реквизитом и всем прочим. Через полчаса присоединюсь я, и разыграем эту сцену про ФБР. А Лайонс, будем надеяться, тем временем найдет в квартире у этого парня что-нибудь полезное.

– Уверен? – нахмурившись, переспросил Фостер.

– Да. Мне нужно кое-что обдумать. Привести мысли в порядок.

Долгое мгновение детектив смотрел на монитор, затем шумно выдохнул и вышел, прикрыв за собой дверь.

Тейтум повернулся к компьютеру. Теперь Зои лежала с открытыми глазами. Иногда мигала – лишь это подсказывало, что она жива. Число просмотров измерялось уже шестизначной цифрой. История распространилась по всем новостным каналам, ссылка на видео облетела все социальные сети. Убийца получил то, что хотел. На дело рук его смотрел весь мир.

– Что бы ты сказала, будь ты здесь? – спросил Тейтум, обращаясь к экрану. Затем снова начал мерять шагами комнату. Допустим, Джозеф – не тот, кто им нужен. Что тогда? Что сделала бы Зои?

Проанализировала бы все, что им известно. Оценила бы значение каждого факта. И постаралась бы сделать новые умозаключения.

Зои опять закричала сквозь кляп и забилась в своей темнице. Широкими шагами Тейтум подошел к компьютеру и выключил звук. Чертово видео смотрит множество народу, и если там прозвучит что-то важное, он и так об этом узнает.

Он сел за стол, достал блокнот. Закусил губу. Затем написал: «Неизвестный напал на парковке».

По крайней мере, в этом можно не сомневаться. С ключами от машины Зои вряд ли побежала куда-то еще. И на парковке темно и пустынно. Подумав еще, приписал снизу: «Следил за ней и ждал подходящего случая».

Значит, у убийцы изменилась стратегия. Он выбрал своей мишенью именно Зои и целенаправленно следил за ней. Почему? Ради славы? Решил убрать с дороги человека, который подобрался к разгадке ближе прочих? Зои публично опозорила его в интервью. Может быть, это подтолкнуло его действовать?

Тейтум попытался представить, что убийца – тот парень, Джозеф. Нет, не сходится. Если б Джозеф хотел похитить Зои, достаточно было бы прийти к ней в номер и постучать в дверь. Она его знает. Открыла бы – а дальше уже можно обездвигить, подсыпать наркотик ей в питье или что-нибудь еще.

Едва он об этом задумался, начали всплывать и другие странности. Когда убийца пытался вломиться на бензоколонку, на нем были латексные перчатки. Но Джозеф – электрик. Дядя Тейтума тоже работал электриком. И Тейтум помнил, что на работе он пользовался особыми резиновыми перчатками, куда плотнее и крепче обычных латексных.

Джозеф очень крупный. Телосложение убийцы по первому видео оценить сложно, но все же Тейтуму показалось, что он человек обычных размеров. И будь убийца необычно высоким или широкоплечим, вряд ли он стал бы снимать себя на видео – побоялся бы, что это заметят.

И прежде всего, тогда Зои знала бы.

Глава 84

Зои пыталась произнести хоть что-то через кляп. В результате ее чуть не вырвало. Последовала паническая атака, однако она заставила себя успокоиться. Не удастся ли избавиться от кляпа? Она попробовала вытолкнуть его языком... и вдруг замерла.

Не только полиция смотрит видео. Наверняка смотрит и он. И если удастся убрать кляп или подать какой-то сигнал, он тут же прервет трансляцию. Все шансы помочь своим сведутся к нулю.

Нужно придумать что-то такое, чего он не заметит. Или заметит лишь задним числом, когда она уже передаст сообщение. Значит, никаких слов, звуков, жестов.

Единственный безопасный способ – моргать.

Как она жалела сейчас, что не знает азбуки Морзе! Впрочем, кто вообще в наше время ее знает? Серией морганий, коротких и долгих, она смогла бы сообщить все что угодно. Но Морзе исключается. Единственная возможность – передавать морганием числовые значения букв. В алфавитном порядке: А – одно мигание, Б – два, и так далее... Черт, тридцать три мигания для буквы Я! После каждой буквы долгая пауза. Пробелы между словами пусть как-нибудь расставят сами.

Мысленно она составила короткое сообщение. «Убийца знал Дебру Миллер в школе». Определенно лучше сократить. И, по возможности, придерживаться первой половины алфавита. «Он знал Дебру в школе». Намного лучше!

Так, ладно. О – это 16, Н – 15, З – 9... попробуем!

Задача оказалась почти невыполнимой.

Мигать надо натурально, чтобы убийца не заподозрил неладное. Коротко и легко, почти незаметно. И внимательно считать, сколько раз мигнула. В кромешной тьме, где трудно понять, открыты у тебя глаза или закрыты...

Зои дошла до буквы Л, потеряв по дороге вторую Н – и поняла, что больше не может.

Она всхлипнула. Что же теперь, начинать сначала? Убийца не дурак. Он скоро заметит, что мигает она как-то неестественно. Нет! Это вообще не сработает! Сообщение должно быть короче – намного короче! Но таким, чтобы хоть кто-то смог понять, что она имеет в виду. Надо обратиться к конкретному человеку.

Тейтум! Да, Тейтум поймет. С ним она обсуждала связь между убийцей и Деброй. И, уезжая, оставила в номере свои заметки о Дебре – он должен был их видеть. Он догадается, о чем речь!

Новое ее послание было короче и проще некуда: ШКОЛА. 26-12-16-13-1.

Надо попробовать.

Однако, если не давать убийце то, что ему нужно, он может прекратить трансляцию просто с досады или от скуки. А этого позволить нельзя.

Так что Зои снова задергалась и закричала.

* * *

Он сидел на работе, заперев дверь, чтобы никто не зашел, и смотрел на Зои Бентли. Дел было полно, но он не мог оторваться от видео. Лучше всего получился первый час: вне себя от ужаса, она вопила и билась, принося ему невообразимое наслаждение. Где теперь ее хладнокровие и расчетливость? Вот что случается с людьми, когда им дают время подумать!

Потом Зои успокоилась, и это начинало его раздражать. Как же так? Всего семьдесят три минуты качественного материала? Он ожидал большего!

Целую вечность она лежала спокойно, а он жалел, что не может как-нибудь ее расшевелить. Пожалуй, в следующих экспериментах...

Она открыла глаза и некоторое время просто моргала. Что это у нее с глазами? Какая-то нервная реакция?

А потом снова начала вопить и биться, еще сильнее, еще яростнее прежнего. Ах, какое наслаждение!.. Скоро им овладела похоть; покрасневшись, тяжело дыша, он потянулся к ящику за «Клинексом».

Когда закончил, Зои уже успокоилась и лежала с закрытыми глазами. Он испустил долгий дрожащий вздох. Самый удачный эксперимент!

* * *

Зазвонил телефон – Гарри. Тейтум поднес мобильник к уху.

– Да?

– Вы смотрите видео? – взволнованно спросил Гарри.

– Нет, а что?

– А вы посмотрите! По-моему, Зои пытается что-то нам передать!

Тейтум подбежал к компьютеру и взглянул на экран. Вначале он не заметил ничего необычного. Лежит с открытыми глазами, моргает. Как-то странно моргает... Быстро-быстро, потом останавливается, потом снова быстро...

– Она... она моргает в каком-то определенном порядке!

– Это не азбука Морзе, я проверил.

Зои вдруг зажмурилась, а через несколько секунд вновь начала извиваться и пинать ногами крышку своего гроба. Тейтум сморщился и отвернулся.

– По-моему, притворяется, – сказал Гарри.

Грей повернулся к экрану.

– Откуда вы знаете?

– Я много лет пишу о секс-скандалах и знаменитостях. И, уж поверьте, вижу, когда кто-то играет на публику, – самодовольно заявил Гарри. – Скоро прекратит. Она уже два раза так делала. Сейчас увидите сами.

Как и предсказывал Гарри, Зои вдруг замерла с закрытыми глазами. Вид у нее был измученный.

– Готовьтесь, сейчас начнет.

Зои открыла глаза и заморгала. Лишь через секунду Тейтум отреагировал.

– Считайте! – заорал он в трубку. – Считайте, сколько раз она моргнула!

И сам начал считать, записывая результаты в блокнот. Минуту спустя Зои снова закрыла глаза.

– Есть! – сказал Гарри. – Двадцать пять – двенадцать – шестнадцать – тринадцать.

– У меня вышло: двадцать четыре – двенадцать – шестнадцать – двенадцать – один, – пробормотал Тейтум. – И, кажется, пауза после второй дюжины.

– Если там пауза, значит, «двенадцать и один» – всего тринадцать.

– Нет. Именно двенадцать и один. Если это не Морзе, то, скорее всего, номера букв в алфавитном порядке. Количество миганий – номер буквы.

– Ладно. Так, посмотрим. Двадцать четыре – это... А, Б, В...

– Можно не вслух? – рявкнул Тейтум. – Я так думать не могу!

Он быстро выписал в блокнот азбуку, поставил под каждой буквой порядковый номер и начал сравнивать с тем, что успел записать. Зои на экране снова закричала.

– Ага, – сказал в трубке Гарри. – У меня получилось... ЦКОЛ. Бессмыслица какая-то.

– А у меня ЧКОКА, – пробормотал Тейтум.

– Если в конце была единица, то... ЦКОЛА... ЧКОКА...

– Школа! – заорал Грей. – Это «школа»!

– Точно! – радостно откликнулся Гарри. – Она говорит, что ее закопали в школе!

– В этом есть смысл... – Тейтум колебался. – Откуда ей знать, где ее закопали?

– Может быть, слышала какие-нибудь звуки и поняла?

– Может быть, – согласился агент. – Немедленно проверим!

– Отлично! Держите меня в курсе.

– Угу, – промычал Тейтум, повесил трубку и хотел уже бежать прочь из комнаты, но вдруг остановился.

Зои пыталась найти связь между убийцей и Деброй. А что, если она имеет в виду именно это?

Снова проклятая неизвестность! Неверное решение заставит их потерять драгоценное время – и, скорее всего, будет стоить Зои жизни. Необходимо исследовать обе версии. Фостера и Лайонс он попросит поискать Зои в местных школах. Это самый вероятный сценарий.

А сам заглянет в школьные годы Дебры – на случай, если Зои говорит именно о них...

* * *

Кристин Манкузо сидела перед компьютером, открытым на странице «Ю-тьюба», и беспрерывно говорила по телефону. Звук она давно выключила, а выключить видео так и не смогла. Не решалась. Как будто это значило предать Зои, бросить ее одну во тьме.

Она только что закончила долгий разговор с главой отделения ФБР в Сан-Антонио. Шесть его лучших людей были сейчас в Сан-Анджело; аналитики бегали по потолку, пытаясь разыскать Зои. По крайней мере, так он говорил.

Слова, слова, слова, думала Манкузо. Все для того, чтобы успокоить ее, или прикрыть свою задницу – или, вернее всего, и то, и другое. Но что ей остается? Только вести разговоры со всеми, кто в состоянии помочь.

Она снова набрала Тейтума, чтобы узнать новости. Номер был занят.

И вдруг телефон у нее в руке зазвонил.

– Алло!

– Агент Манкузо? – Знакомый голос, хотя сразу она его не узнала.

– Шеф Манкузо.

– Ах да, шеф. Верно. Это Митчелл Лонни из полиции Гленмор-Парк. Помните меня?

Вспомнила она не сразу. Молодой парень, симпатичный, с грустным взглядом зеленых глаз.

– Да, Лонни, помню.

– Послушайте, я сейчас смотрю видео...

– Я тоже, Лонни. Очень жаль, но новостей пока нет.

– Нет, послушайте. Я кое-что понял! Зои пытается что-то нам сказать! Она мигает в определенном порядке, и...

– «Школа», – прервала его Манкузо. – Она вымигивает слово «школа».

Наступило молчание.

– Ну да, – сказал наконец Лонни.

– Знаю. Это мне уже сообщили напарник Зои и трое аналитиков.

– Я просто хотел помочь...

Манкузо прикрыла глаза, досадуя на себя.

– Понимаю, – ответила она мягче. – Спасибо. Мы делаем все, что можем.

Делают все, что могут... В этом-то и беда. До Зои не дотянуться. Ни Манкузо, ни Лонни, никто другой практически ничего не в силах сделать. Только смотреть.

* * *

В непроглядной тьме Зои продолжала свое дело. Тридцать секунд панических метаний. Затем досчитать до десяти и промигать послание. Минута отдыха. И все сначала. Паника – пауза – мигание – отдых. Паника – пауза – мигание – отдых.

Зои не знала, видит ли ее кто-нибудь. Не знала, расшифровали ли ее послание. Понимала, что скоро придется остановиться. Она потребляет слишком много воздуха.

И все же, пока могла, она продолжала. Мигала в пустоту – и ждала.

* * *

Что-то подозревать он начал на четвертом приступе паники. Как-то слишком регулярно происходили у нее истерические припадки. Словно по расписанию. Верно, Зои Бентли – такой человек, от которого ждешь, что и истерики у нее будут случаться по заранее продуманному плану. Тем не менее...

Он внимательно смотрел, как она мечется, дергается и мотает головой. Глаза закрыты, но что-то не так. Он видел в таком положении уже несколько женщин, включая и ее саму, и сейчас... как-то неправильно она себя ведет.

Бентли замерла на полминуты, а потом началось нервное мигание.

Нет, не нервное. Наоборот! Методическое.

Он всмотрелся, чувствуя, как сердце уходит в пятки. Она передает какие-то сигналы! Как же он раньше не заметил? Слишком поглощен был собственным возбуждением, слишком упивался ее страхом...

Она его одурачила!

Он быстро поставил видео на паузу, прервав трансляцию. Прокрутил экран вниз и начал читать комментарии:

– «Школа»! Она мигает слово «школа»!

– Да фейк это все.

– А по-моему, «шхуна».

– Нет, определенно «школа».

– Я начал считать, но сбился.

– ФЕЙК

– Школа!

– Точно, школа!

Сотни людей заметили это раньше него!

Он был близок к панике, но усилием воли заставил себя успокоиться. «Школа»? Что это вообще значит? Она что, думает, что он закопал ее в школе?

Он усмехнулся и покачал головой. Ничего подобного! И очень хорошо, что он отключил трансляцию, пока она не сообщила что-нибудь еще.

Глава 85

Человек, открывший ему дверь, выглядел ужасно, краше в гроб кладут. Мертвенно-бледное лицо, налитые кровью глаза. Исходящий от него запах напомнил Тейтуму, как умирала в больнице его тетушка. Как бы старательно медсестры ни проветривали палату, как бы часто ни протирали дезинфектантами изъеденное болезнью тело, ничто не могло истребить вонь подступающей смерти.

– Мистер Миллер? – спросил Тейтум.

Старик кивнул устало и раздраженно, как бы говоря: «Какого черта вам здесь надо?» В его дыхании чувствовался запах алкоголя.

– Агент Грей, ФБР. – Он показал значок, на который мистер Миллер даже не взглянул. – Можно вас на несколько минут?

– Конечно, – хрипло ответил старик. – Вы насчет Дебры?

– Да. Хотел узнать... у вас сохранились ее школьные альбомы?

Он ожидал вопросов, не удивился бы, если б скорбящий отец попытался сорвать на нем гнев; однако мистер Миллер просто кивнул и жестом пригласил его зайти. В доме было темно, и в воздухе висела та же тонкая вонь умирания. Тейтум старался дышать неглубоко и через рот.

Мистер Миллер провел его в комнату, которая могла принадлежать только самой Дебре. В отличие от остального дома, она была залита светом: солнце било в большое запыленное окно. На кровати Тейтум заметил углубление, словно недавно здесь кто-то сидел. Должно быть, последние сутки мистер Миллер провел в этой комнате, оплакивая давно убитую дочь.

В углу стоял небольшой книжный шкаф, полный книг и фотоальбомов.

– Можно мне их забрать? – спросил Тейтум.

– Лучше не надо, – ответил старик. – А смотреть можете, сколько хотите.

Тейтум не стал спорить и достал последний по времени школьный альбом, за 1993 год.

– Не хотите чего-нибудь выпить, агент Грей?

– Просто воды, спасибо, – ответил Тейтум, уже перелистывая страницы.

Никакого определенного плана у него не было. Тейтум решил обращать внимание на ребят, которые чем-то выделяются: странно одеты, не улыбаются, не появляются на групповых фото.

Скоро стало ясно: Дебра в самом деле пользовалась невероятной популярностью. Какой групповой снимок ни возьми – везде в центре она, хорошенькая, как куколка, и сияющая улыбкой. В полном соответствии с самыми замшелыми клише, даже выступала в команде чирлидеров. Какой контраст с той женщиной, что встретил убийца много лет спустя!

Вдруг Тейтум застыл: на одной фотографии его внимание привлекло знакомое лицо. Улыбающийся подросток-афроамериканец. Сэмюэл Фостер.

Черт, ну разумеется! Как он не сообразил? Фостер говорил, что учился вместе с Деброй в школе. Он зря тратит драгоценное время – надо было сразу пойти к Фостеру и расспросить его о бывших одноклассниках! Тейтум уже готов был отложить альбом, поблагодарить Миллера и вернуться в участок, как вдруг его внимание привлекло еще одно лицо. Парень в очках и с буйными кудрями. Подпись под фотографией: Клайд Прескотт.

Тейтум нахмурился, вглядываясь в снимок: вроде бы этого парня он уже где-то видел, и не раз. Полистал альбом – на групповых снимках или на клубных фото Клайда не было.

Клайд Прескотт. Клайд Прескотт... Тейтум снова взглянул на серьезное лицо, на непослушную массу мелких кудряшек...

Кудряш!

Патологоанатом. Теперь понятно, почему его так прозвали! Когда-то он и в самом деле был до изумления кудряв. И тоже учился вместе с Фостером.

Накануне, когда они нашли Дебру, Кудряш, вопреки обыкновению, тоже приехал на место убийства. И, едва откопали тело, поспешил к нему, словно боялся, что кто-то его опередит. Хотел что-то спрятать? Может быть, улики?

Фостер, узнав в жертве бывшую одноклассницу, отреагировал на это вполне понятно и естественно. А вот Кудряш, сколько помнится, промолчал. И это уже откровенно странно. Не мог он совсем не отреагировать!

Если только не боялся показать, что был с ней знаком.

Тейтум глубоко вздохнул. Не спеши, сказал он себе, подумай. Проверь, подходят ли прочие детали. Убийца вовремя узнал, что они вот-вот найдут Джулиет Бич, как будто ему кто-то подсказал. Да, Кудряшу очень легко

пошустрить в полицейском участке, послушать разговоры или просто позвонить кому-нибудь из многочисленных знакомых в полиции и поинтересоваться, что происходит.

А как насчет профиля? Около сорока, белый, высокий интеллект... Работа, требующая не быстроты, а тщательности и аккуратности...

И он определенно старается себя показать, подчеркнуть свой профессионализм. Вспомнить только, как он оценил время смерти Мэрибел Хоу! Просто на удивление точно. И со временем смерти Николь Медина то же самое. Демонстрирует свои способности...

Время смерти... Тейтуму припомнились подробности дела Уитфилд, проститутки, убитой и закопанной в пустыне. Во время суда выяснилось, что время смерти следствие установило неверно. В результате подозреваемый был оправдан – и, очевидно, среди прочих полицейское начальство винило в этом Кудряша. Стал бы он, рискуя снова ошибиться, указывать настолько точное время смерти Николь и Мэрибел? Конечно нет! Если только... если только точно его не знал. Если не убил их своими руками.

Должно быть, эта история и стала стрессовым фактором, тем, что заставило его сорваться! Тело Уитфилд обнаружили около восьми месяцев назад. Суд прошел, видимо, несколько месяцев спустя... значит, плоды своей ошибки Кудряш начал пожинать в апреле или в мае. Именно тогда, когда была убита Дебра Миллер.

Они предположили, что убийца захочет участвовать в расследовании, поэтому открыли горячую линию. Но Кудряш и так стал важным участником расследования! У него был доступ в оперативную комнату, к карте, к наброскам собственного профиля, к фото с мест преступлений...

Конечно, все это очень расплывчато. Ни одного прямого доказательства. Но Тейтум чувствовал, что прав.

Он взглянул на часы. Почти два. Зои под землей около шести часов. Времени остается все меньше. Раз появилась догадка, нужно ее проверить, и немедленно! Если окажется, что он неправ, – что ж, сядет с Фостером и переберет поодиночке всех прочих учеников этой чертовой школы. Вот только, пожалуй, времени уже не хватит.

Черт побери, он должен быть прав! От этого зависит жизнь Зои.

Глава 86

Клайд Прескотт готовил образцы для токсикологического исследования. С кровью и стекловидным телом он уже закончил и теперь отделял, одну за другой, ткани внутренних органов, упаковывал и снабжал ярлычками. Доктор

чертовски устал: поспать сегодня удалось меньше трех часов, а сизифов труд, которым он сейчас занимался, был изнурительным и совершенно бесполезным.

Предстоящий визит агента Грея тоже не радовал. Тот позвонил минут двадцать назад, попросился взглянуть на тело Мэрибел Хоу, что-то там проверить. Что ему нужно, Клайд так и не понял. Все прочие сейчас, не покладая рук, обшаривали местные школы.

Послышались шаги, и Клайд поднял глаза. Перед ним стоял Сэмюэл Фостер.

– Привет, Кудряш. – Он устало улыбнулся.

– Привет, Сэмюэл, – ответил Клайд. – Как успехи?

– Плохо. Не хватает собак. Запросили подкрепление из Остина и Хьюстона. Пока никакого прогресса.

– А как Зои?

– Трансляция прервалась около часа назад, – угрюмо ответил детектив. – Надеемся, что в порядке, но, по нашим оценкам, закопали ее не меньше семи часов назад. А может, и больше. Так что я готовлюсь к худшему.

– Жуткое дело, просто кошмар! – проговорил Клайд, помечая черным маркером пробирку с тканью почки. – Чем могу тебе помочь?

– Меня сюда позвал Грей. Сказал, приведет какого-то свидетеля.

Клайд слегка напрягся.

– Свидетеля?

– Ну да. Я толком не понял. Что-то связанное с телом Мэрибел Хоу. – Фостер пожал плечами. – Попросил идти сюда, сказал, что сам подойдет через минуту. И был очень расстроен.

– Это-то понятно.

– Представляю, каково ему!

Клайд кивнул, и оба погрузились в тяжелое молчание. Фостер хотел уже что-то сказать, но тут отворилась дверь и вошел агент Грей.

– А, вот и вы! – сказал Фостер. – Так что стряслось?

– Просто хочу, чтобы на тело Мэрибел Хоу взглянул мой свидетель. – С этими словами агент Грей обернулся к кому-то у себя за спиной и произнес: – Входите, мисс!

Послышались шаги – неуверенный перестук высоких каблуков, и в прозекторскую вошла Джулиет Бич. Встретившись взглядом с Клайдом, она застыла на месте, глаза расширились от ужаса. Девушка громко ахнула и поднесла руку ко рту.

Внутри у Клайда все оледенело. Он оперся о стойку, чтобы удержаться на ногах. Отчаянно старался выглядеть как обычно, но чувствовал, что у него трясутся руки.

– Итак, мисс, если не возражаете взглянуть... – Тут Тейтум вгляделся ей в лицо. – Мисс!

Джулиет ахнула и бросилась бежать.

– Агент Грей, – начал Фостер, – что...

– Никому не двигаться! – рявкнул Тейтум. – Оба оставайтесь здесь!

И бросился за девушкой.

– Да что происходит? – воскликнул Фостер. – Зачем он ее сюда привел? Девочка уже достаточно пережила, на кой черт тащить ее в морг?

Клайд прочистил горло.

– Может, мне за ней сходить? – сипло предложил он. – В самом деле, это место... гм... не для посторонних.

– Не обижайся, Кудряш, но ты не особенно-то ладишь с людьми. Лучше я за ними схожу и выясню, что все это значит.

– Да, иди, – поспешно ответил Клайд. – Чем скорее, тем...

Грей вернулся в прозекторскую, захлопнул за собой дверь. Лицо его изменилось: челюсти были сжаты, глаза пылали гневом.

Машинально, прежде чем сообразил, что делает, Клайд отступил на пару шагов, так, чтобы от федерального агента его отделял стол для вскрытия.

– Что ж, Прескотт, – прорычал агент Грей. – Игра окончена!

– О чем вы? – выпалил Клайд. – Эта девушка...

– Как мне вас называть? Кудряш или Шредингер? Какое прозвище предпочитаете?

– Что?! – изумленно воскликнул Фостер. – Агент Грей, да что такое...

– Он знает, о чем я! – отрезал агент Грей, ткнув в Клайда пальцем. – Правда?

– Неправда! – Кровь отлила у Клайда от лица. Девушка его узнала! Один взгляд – и память к ней вернулась. – Я понятия не имею, что здесь происходит!

Его мозг лихорадочно работал. Выбраться отсюда, как угодно выбраться, прыгнуть в машину и...

– Агент Грей, вы хотите сказать, что доктор Прескотт... и есть серийный убийца?

– Поговорите с Джулиет, – ответил агент. – Пусть она вам ответит.

Несколько мгновений никто не двигался.

– Просто смешно! – воскликнул наконец Клайд. – Даже если этой девушке кажется, что она меня узнала... вспомните, сколько ей пришлось пережить! Да она сейчас видит убийцу в каждом встречном! А ведь совсем недавно говорила, что не помнит, кто ее схватил!..

Фостер, прищурившись, внимательно смотрел на него.

– Идите за ней! – продолжал Клайд. – Приведите ее сюда! Давайте вместе это обсудим!..

– Вы правы, – сказал вдруг агент. – На пустые обвинения и споры времени нет.

– Вот именно!

– Так что давайте быстро все проясним. Возьмем у вас отпечатки пальцев.

– Ч-что?

– Сравним их с тем частичным отпечатком, что есть у нас. И с отпечатком, найденным на разбитом окне бензозаправки. Понадобится всего пятнадцать минут. У меня есть личный аналитик, она очень быстро все сделает.

– Что скажете, доктор Прескотт? – медленно спросил Фостер, не сводя глаз с Клайда. – Не возражаете, если мы снимем ваши отпечатки?

Что ж, он знал, что рано или поздно это произойдет. Сопротивляться бесполезно; главное теперь – держаться с достоинством.

– Не нужно, – с напускным бесстрашием ответил он. – Вы не ошиблись. Это я.

И подумал о Зои Бентли глубоко под землей. Последний эксперимент. Тот, что прославит его имя.

Никогда, ни за что он не скажет им, где она. Никогда.

Тейтум вышел из морга на улицу. Он чувствовал себя совершенно измотанным – а самое сложное только начиналось. Прескотта они прижали к стенке, но он ясно дал понять, что не выдаст местоположение Зои. Ни за что. Нужно как-то его расколоть, и быстро.

У дверей ждала Джулиет.

– Вы... вы его арестовали? – дрожащим голосом спросила она.

– Да. Он уже признался.

– И его посадят? Не... не выпустят под залог, или что-нибудь такое?

– Нет. Он слишком опасен.

– И мне не придется давать показания? В суде? Раз он сам признался...

– Надеюсь, что нет, – колебавшись, ответил Тейтум.

Джулиет судорожно вздохнула, по щеке скатилась слеза.

Дверь открылась, и на крыльцо вывалился потрясенный Фостер. Грей повернулся к нему:

– Где он?

– В допросной. Молчит как рыба.

Тейтум кивнул.

– Съезжу к нему домой. Может, там найдется что-нибудь полезное – карта, дневник...

– Только поторопитесь. Времени у нас все меньше. – Фостер повернулся к Джулиет. – Хорошо, что вы его узнали, мисс! Быть может, это спасет жизнь Зои Бентли.

Джулиет недоуменно уставилась на Фостера. Тейтум невольно фыркнул.

– Я его не узнала, – ответила она наконец. – Просто сделала то, о чем попросил агент Грей. Я ведь говорила вам: я совсем не помню, что случилось той ночью! Да и вряд ли могла увидеть его лицо.

Фостер заморгал, затем повернулся к Тейтуму.

– Так это был блеф?!

– Он умирал от желания признаться. Все, что требовалось, – слегка его подтолкнуть.

– Но как, черт возьми...

– Позже, детектив. Всё позже. Сейчас мне нужно попасть к этому ублюдку домой. Вы послали туда патруль?

– Да, они вас там встретят.

– Хорошо. И отправьте кого-нибудь отвезти домой нашу актрису. Джулиет, отличная работа! Сегодня вы заслужили «Оскар».

Глава 88

В допросной стояла удушающая жара. Тейтум заставил себя захлопнуть дверь, перекрыв доступ свежего воздуха. Прескотт привык работать в морге, где температура значительно ниже, чем в остальном здании, и можно было надеяться, что для него жара будет непереносима.

Хотя... могилы-то он копал под палящим солнцем.

Пока Тейтум обыскивал дом Прескотта, Фостер отпустил Джозефа Додсона, очевидно, ни в чем не повинного. Затем начал допрашивать Прескотта – и мурыжил его уже больше часа. От адвоката Прескотт отказался, о предыдущих убийствах рассказывал подробно и с явным удовольствием. Не удавалось от него добиться лишь одного: где Зои?

Тейтум сел напротив и некоторое время молча смотрел на него. Вид у Прескотта был спокойный и расслабленный, даже скучающий. Однако Тейтум не сомневался: это маска. Когда Джулиет «узнала» Прескотта, в глазах у него мелькнул страх и кровь отхлынула от лица. Пусть лишь на несколько секунд, пусть в следующее мгновение он собрался и дальше вел себя вполне хладнокровно, – Тейтум успел разглядеть, каков он на самом деле.

Теперь надо снова добраться до того, настоящего Прескотта. И заставить его расколоться.

К несчастью, в использовании самого эффективного орудия – времени – он сильно ограничен. Еще несколько часов, и Зои неминуемо умрет. Нельзя терять ни секунды. Но нельзя и выдать свою тревогу Прескотту.

Длилось молчание. Тейтум отсчитывал про себя секунды, слушая, как они, одна за другой, с грохотом валятся в пустоту.

– У вас на компьютере есть запароленное приложение, – сказал он наконец. – Оно отвечает за видеотрансляцию с места захоронения Зои?

– Правильно, – ответил Прескотт. Голос спокойный, бесстрастный. Пожалуй, с ноткой самодовольства.

– У меня предложение. Назовите пароль. Я включу трансляцию.

Прескотт поднял бровь.

– И за это?..

– Дам вам посмотреть.

Прескотт скрестил руки на груди, слегка улыбнулся и промолчал.

– Я же знаю, вы этого хотите.

– Вы ничего обо мне не знаете, агент!

– Последняя возможность взглянуть на одно из ваших драгоценных видео. Подумайте. В тюрьме такое кино показывать не будут.

На миг Прескотт, кажется, заколебался – и Тейтум усилием воли заставил себя сохранять бесстрастный вид. Ему нужно знать, жива ли Зои! Она в гробу уже почти десять часов. Может, и дольше. Страх за ее жизнь грыз его сознание, неотвязным белым шумом заглушал мысли.

Прескотт покачал головой.

– Нет.

Иной реакции Тейтум не ожидал. Это часть маски Прескотта – и не стоит надеяться, что маску он сбросит быстро. Тем не менее Грей не смог удержаться от искушения спросить – и теперь жалел, что позволил врагу одержать маленькую победу.

Он достал из портфеля блокнот, перелистнул страницы.

– Вы, должно быть, не видели составленный нами профиль Убийцы-Землекопа?

Прескотт кашлянул.

– Нет, не приходилось. А интересно было бы послушать ваше мнение.

– Возраст от тридцати до сорока пяти, – начал зачитывать Тейтум. – Белый. Владеет фургоном. Профессия из таких, где важны точность и аккуратность. С виду обычный человек, не привлекает внимания. Это все довольно очевидно. А вот дальше начинается любопытное...

Отворилась дверь; вошел Фостер с несколькими уликами в полиэтиленовых пакетах и положил их на стол. За ним шла Лайонс с портативным измельчителем бумаги. Не глядя на Прескотта, она поставила свой агрегат туда же, и оба вышли, закрыв за собой дверь.

Прескотт внимательно рассматривал улики. Тейтум встал, подсоединил к измельчителю шнур.

– Так на чем я остановился?.. Ах, да. По-настоящему интересно стало, когда мы попытались понять, что вас заводит. – Он включил измельчитель в розетку на стене и сел. Открыл один пакет, достал оттуда ноутбук. – Вам следовало запаролить весь компьютер. А то чего только мы там не обнаружили!

– Быть может, я хотел, чтобы вы это нашли.

Тейтум включил ноутбук, пребывавший в спящем режиме.

– Допустим. Но люди часто забывают, какая масса информации о них сохраняется на компьютере.

Старый ноутбук медленно пробуждался к жизни. Тейтум ждал, усилием воли заставляя себя не проявлять нетерпения, даже не смотреть на часы в правом нижнем углу. Время, время! Как же его не хватает!

– Например, одна примечательная деталь: вы одержимы жаждой славы.

Прескотт презрительно фыркнул.

– Ну разумеется! Голливуд за углом, там только меня и ждут!

Тейтум поднял бровь.

– Слава бывает разная. У вас собственный зал славы, верно? Позвольте, я прочту кое-что из истории поиска в вашем браузере. – Он открыл на компьютере вкладку «История». – Знаменитые серийные убийцы. Известные серийные убийцы. Самые известные серийные убийцы. Знаменитые маньяки... подбираете синонимы, отлично. Что еще? О, вот это мне нравится: значительные серийные убийцы. Поиск по этим словам вы задавали почти каждый день. Должно быть, представляли в этих списках и статьях свое имя?... К этой статье вы возвращались снова и снова: «Двадцать самых печально известных серийных убийц Америки». Интересно, какое место вы отводили себе? Тринадцатое? Девятое? Седьмое?

– Об этом я не думал.

– Что ж, тем лучше, потому что у меня есть для вас новость. Серийный убийца, которому удалось убить всего трех-четыре человека, в такие списки не попадает.

Прескотт только усмехнулся и поерзал, поудобнее устраиваясь на стуле.

– Впрочем, место в списке вас не заботит, верно?

– Совершенно верно.

– А о чем же вы заботитесь, Прескотт?

Тот скрестил руки на груди.

– О человечестве.

В одно слово он вложил уйму пафоса. Тейтуму очень хотелось схватить доктора за горло и придушить, но он заставил себя тонко улыбнуться.

– Разумеется. Вы же у нас известный человеколюб!

– Иногда приходится убивать немногих, чтобы многих спасти.

Тейтум вздернул бровь.

– Спасти от чего?

– От самих себя. – Напускное безразличие стерлось; теперь глаза Прескотта пылали фанатичным огнем. – Вы заметили, что у нас больше совсем нет времени подумать? Раньше каждый из нас задумывался постоянно. Стоя на автобусной остановке, в очереди в магазине, даже сидя без дела у себя дома, мы думали! А теперь чем занимаемся?

Тейтум молчал, не мешая собеседнику читать проповедь.

– Сразу достаем мобильные телефоны. Проверяем «Твиттер», «Инстаграм» или начинаем играть в «Тетрис». Боже упаси нас задуматься хотя бы на пять минут! Как полагаете, к чему это со временем приведет? Что станет с человечеством, бегущим от собственных мыслей?

– Так вот что вы давали своим жертвам! Время подумать...

– Не только им. Я дал время подумать всем. Каждый раз, когда я останавливал трансляцию, все начинали ломать голову: жива девушка или мертва?

– Суперпозиция?

– Именно! Суперпозиция. Вопрос без ответа. Я выкрутил им руки и заставил думать!

Тейтум вздохнул, на губах выступила легкая усталая улыбка.

– Да, понимаю. Знаете, что написала в вашем профиле Зои? Вы настолько одержимы собой и вашей так называемой миссией, что она ожидает найти у вас дома дневник с подробным описанием всех ваших подвигов. – Тейтум открыл следующий пакет с уликами, извлек оттуда стопку бумажных листов. – И взгляните-ка, что я нашел! Не дневник – лучше! Незаконченную рукопись – вашу автобиографию. Вот предисловие, а в нем написано все то, что вы сейчас изложили. Человечество, время подумать, мобильные телефоны, бла-бла-бла – вся эта утомительная чушь... Но вы по-настоящему работали над рукописью. На этих страницах множество ваших пометок и исправлений. Да, вы очень старательно ее готовили! Наверное, не могли дожидаться, когда же допишете последние две или три главы и отправите книгу в издательство. Судя по истории браузера, уже начали подыскивать литературного агента. Вы – методичный человек, Прескотт, все планируете заранее...

Тейтум взял в руки верхнюю страницу.

– Надеюсь, свои заметки вы хорошо помните. – С этими словами, окинув страницу скучающим взглядом, он повернулся и сунул ее в измельчитель. Тот заурчал, пробуждаясь к жизни, и принялся жевать бумагу и выплевывать ее длинными белыми лентами.

Тейтум сунул в измельчитель вторую страницу, затем третью – и задумчиво смотрел, как растет на полу горка резаной бумаги.

– Вы уничтожаете улики, – заметил Прескотт. Говорил он по-прежнему спокойно; но под покровом этого спокойствия Тейтум ощутил нечто новое.

– Улик против вас столько, что на десять судов хватит, – ответил Тейтум, скармливая измельчителю четвертую страницу. – Как полагаете, сколько глав вам еще осталось? – Пятая страница.

– Несколько. Точно не знаю. Этому допросу я точно посвящу отдельную главу.

– Знаете, что я думаю? – поинтересовался Тейтум, берясь за следующую страницу. Урчание измельчителя звучало у него в ушах сладкой музыкой. Он надеялся только, что сейчас в допросную с криком: «Вы уничтожаете улики!» не ворвется Дженсен. – По моим прикидкам, вам осталось... три главы. Про Зою. Про то, как вас поймали. И про суд. Ну и, может быть, эпилог – в ожидании смертного приговора.

– Это профессиональное мнение редактора?

– Скорее, небезразличного читателя. – Тейтум открыл еще один пакет для улики, достал оттуда книгу. – «Убийства Банди». Найдена в вашей библиотеке вместе с еще четырьмя книгами схожего содержания. Увлекаетесь Тедом Банди?

– Он мне интересен.

– На некоторых страницах в книге множество пометок и подчеркиваний. Вы, конечно, их помните.

Прескотт не отвечал. Молчание затягивалось, и Тейтум скормил измельчителю еще несколько листов рукописи. С каждой секундой Зою была все ближе к смерти – и Тейтуму хотелось, чтобы Прескотт тоже ощутил цену времени.

– Я о тех страницах, где описаны побег Банди. Скажите, Прескотт, неужели вы действительно надеетесь бежать из тюрьмы?

– Никогда об этом не думал.

– Тед Банди бежал в семьдесят седьмом году. С тех пор многое изменилось. И я лично позабочусь о том, чтобы вас держали в самом изолированном и надежно охраняемом из возможных мест и следили за вами двадцать четыре часа в сутки. Поверьте, главы о том, как вам удалось удрать, в вашем жизнеописании не будет. – Теперь настала его очередь усмехнуться.

– Вы неверно меня понимаете, агент. Со мной покончено.

– Вот тут вы правы! – Тейтум взял еще одну страницу, проглядел ее. – Нравится мне вот эта пометка: «Этот раздел переработать, слишком банально». Должен признаться, с вашей оценкой я согласен. Кроме того, вы делаете ошибку в слове «диссонанс» – правильно пишется с двумя «с».

И эта страница отправилась путем всех предыдущих. Прескотт по-прежнему «держал лицо», однако по легкому, почти незаметному изменению позы Тейтум безошибочно ощущал, что тот напряжен. Все-таки действует! Но долго ли еще придется ходить вокруг него, прежде чем он заговорит?

– Насколько мы можем судить, копий вашей автобиографии не существует. Криминалисты, конечно, ищут, но я уверен, что это единственный экземпляр. На столе у вас мы нашли пачку бумаги в пятьсот листов, наполовину опустевшую. Рукопись составляет – точнее, составляла – двести тридцать листов. Через двойной интервал – оставили место для пометок, верно? – Тейтум сунул в измельчитель следующую страницу. – Да, только одна копия. Не считая той, что в компьютере. – Отложив рукопись, он повернулся к ноутбуку. – Вот она. Файл, как вы, наверное, помните, называется «Время подумать». – Он щелкнул мышью по иконке. – Если я его сотру... вы сможете восстановить книгу по памяти? – Палец его застыл над клавишей «Delete».

Прошло несколько секунд. Прескотт не двигался, не произносил ни слова, лицо его было бесстрастно. Но уже не спокойно.

– Что ж, давайте проверим. – Тейтум нажал одну клавишу, затем вторую. – «Shift», «Delete». Или, может, достанем ее из «корзины»?

Вот оно! Нервно дернувшиеся губы, первая вспышка гнева в глазах. Тейтум откинулся на стуле и вновь принялся отправлять бумагу в измельчитель. Теперь взгляд Прескотта не отрывался от его руки, и Тейтум понял, что не ошибся. Других экземпляров рукописи у Прескотта не было.

– Надеетесь написать книгу заново? – продолжал он. – Пытаетесь припомнить любимые абзацы? Удачные выражения? Старайтесь, Прескотт, старайтесь, – только будьте уверены, я позабочусь о том, чтобы вам нечем было писать. У вас не будет ни ручек, ни карандашей, ни даже гребаных цветных мелков. Что до бумаги – вы даже почтовой открытки не получите! Не получите туалетной бумаги – будете подтираться пальцами! Ваша автобиография никогда не увидит света дня, если я не получу то, что мне нужно.

Еще страница. И еще. И еще.

– Где. Зои. Бентли.

Прескотт стиснул челюсти, словно заставлял себя молчать.

– В вашем компьютере остались следы покупки. В воскресенье вы заказали в интернет-магазине усилитель сотового сигнала. Зачем? Что это за место, в котором нужен усилитель?

Нет ответа.

«Еще немного! Ну же! Зои, держись!»

– А знаете? – вдруг просияв, заговорил Тейтум. – Я ведь так и не рассказал о самой любопытной детали вашего профиля. Об этом догадалась Зои, а побывав у вас дома и порывшись в вашей библиотеке, я понял, что она попала в точку. Дома у вас хранятся медицинские справочники и книги о серийных убийцах. И еще книга под названием «Заживо погребенные»: не нужно открывать, чтобы догадаться, что в ней вызвало ваше любопытство.

– И что с того? – оскалился Прескотт. – Я читал о том, что меня интересует.

– Знаете, чего не хватает в вашей библиотеке? Я не нашел там ни одной книги о Шредингере, физике или квантовой механике. Ничего по философии, социологии или психологии. Даже ни одной брошюры об умственном и нравственном упадке человечества. Как будто на самом деле все это вам совсем не интересно. Странно, правда?

Прескотт не отвечал.

– Позвольте, я прочту вам кое-что из заметок Зои. – Тейтум отложил листы рукописи, пододвинул к себе блокнот, полистал. – «Неизвестный одержим своей миссией, своей целью. Он хочет верить, что именно это движет им и побуждает убивать. Ради этого он создал сайт, ради этого транслирует видео, себя называет Шредингером, а свои убийства – “экспериментами”. Но все это ложь, которой он обманывает самого себя».

Тейтум поднял глаза, встретился взглядом с Прескоттом и продолжал читать:

– «Истина в том, что всех этих женщин неизвестный убил лишь по одной причине. Закапывание женщин живьем его сексуально возбуждает. А “миссия” – просто ширма, призванная избавить его от невыносимого стыда».

Тейтум отложил блокнот и вновь стал скармливать измельчителю листы рукописи.

– Зои выражается по-научному, – заметил он. – А суть проста: мужик – извращенец, он закапывает женщин живьем и на это дрожит. И сам так стыдится этого странного фетиша, что целую теорию сочинил, лишь бы не признаваться себе, кто он такой на самом деле – чокнутый неудачник!

Еще страница. Прескотт молчал; его трясло.

– Разделавшись с этим дерьмом, которое вы именуете книгой, – продолжал Тейтум, – я соберу пресс-конференцию. Объявлю, что мы поймали Убийцу-Землекопа. И скажу: этот несчастный лузер смотрел видео и полировал свои причиндалы. Вот и вся ваша миссия. Таким люди вас и запомнят.

Еще страница.

– Если вы не скажете. Где. Зои. Бентли.

– Делайте что хотите! – дрожащим от ярости голосом выкрикнул доктор Прескотт. – Ничего вы от меня не узнаете! И ваша драгоценная доктор Бентли стгнет под землей! Она была у вас под самым носом, а вы ничего и не поняли!

Охваченный радостным волнением, Тейтум отложил рукопись.

– Была у нас под носом, – медленно повторил он.

– Вот именно! – выплюнул Прескотт, побагровев. – Она у вас под носом, черт побери!

– Следите за словами, доктор. В первый раз вы сказали: «Была у вас под самым носом». А дальше? Вы куда-то ее перенесли?

Наступило молчание. Тейтум сверлил убийцу взглядом и напряженно размышлял. Зачем понадобился усилитель сотового сигнала? Что изменилось?

По какой-то причине в этот раз Прескотт не смог вывести шнур из ящика на поверхность земли. Поэтому сигнал пришлось усиливать... Черт! Похоже, теперь все встало на свои места!

– Нет. Разумеется, не вы. Мы сами ее перенесли. И она действительно была прямо у нас под носом!

Тейтум вскочил. Прескотт испуганно вжался в стул, но Грей, больше не обращая на него внимания, кинулся к дверям.

Теперь он знал, где Зои.

Глава 89

Сколько она здесь? Зои понимала, что на собственное ощущение времени полагаться не стоит. Клонило в сон, но она старалась не засыпать. Казалось бы, во сне человек потребляет меньше кислорода, однако Зои понимала: если уснет – скорее всего, уже не проснется. Нет, она не готова сдаться.

От первого сообщения – «школа» – она перешла к чуть более длинному: «Дебра школа». Это оказалось сущим кошмаром. Передать сообщение Зои пыталась трижды и каждый раз пропускала буквы, путалась в цифрах, мигала слишком часто или останавливалась не там. Со вниманием и концентрацией было худо – и становилось все хуже.

Наконец она оставила попытки и теперь просто лежала, отдавшись разноголосице мыслей.

Голова кружилась, в висках пульсировала боль. От изнеможения, от жажды или от недостатка кислорода?

В миллионный раз Зои задавалась вопросом, не испортила ли все, постаравшись связаться с людьми наверху. В конце концов, они ее ищут, а она передала им слово «школа». Что, если она сама направила их по ложному пути?

Ну, по крайней мере, Тейтум сообразит, что убийца не решился бы зарыть жертву в общественном месте, где столько возможных свидетелей.

Теперь ей стали слышаться голоса: Андреа, родители, старые друзья и коллеги... Хотя бы на пороге смерти сознание сумело отвлечься от серийных убийц и психопатов.

Из полузабытья ее вырвал сильный удар, донесшийся сверху. Зои распахнула глаза, вглядываясь во тьму. Ничего. Вокруг все так же темно.

Но над головой раздавались звуки – настоящие звуки! Приглушенные голоса людей, удары, скрежет. Проведя вечность во тьме и тишине, наконец-то Зои слышала что-то, кроме собственного дыхания. Она попыталась закричать, позвать на помощь – но уже не могла.

Послышался скрип, следом в глаза ударил ослепительный свет. Зои мгновенно зажмурилась, однако солнечные лучи, пробившись сквозь веки, окатили голову острой болью.

Кто-то уже присел над ней и вынимал изо рта кляп. Зои подвигала языком. Что за блаженство: наконец-то свободна! Хотела попросить воды, но не смогла произнести ни слова.

Над ухом послышался знакомый голос, полный тревоги, волнения и заботы. Тейтум! Он помог ей выбраться из ящика и встать. Колени у Зои тут же подогнулись, и Тейтум подхватил ее, чтобы не упала. Кто-то перерезал путы на запястьях. Люди вокруг галдели, чей-то голос громко звал врача.

К ее губам поднесли горлышко бутылки. Зои набрала в рот прохладной свежей воды – и едва не разрыдалась от восторга.

Сильная рука, обнимающая ее за плечи. Голос Тейтума:

– Всё-всё. Всё хорошо. Мы тебя нашли.

Не без труда Зои разлепила один глаз. Она ожидала увидеть вокруг пейзаж, знакомый по предыдущим местам преступлений: бесконечная равнина, кактусы, камни и песок. Однако увидела нечто совершенно иное: аккуратно подстриженная зеленая трава, деревья, шумящие над головой, крупные белые камни странно знакомой формы... могильные плиты?

Зои открыла второй глаз. Что это? Кладбище?

– Где?... – сипло спросила она.

– Кладбище Фейрмаунт, – ответил Тейтум. – Мы в Сан-Анджело.

Кладбище! Ее похоронили на кладбище! Зои пыталась сообразить, как так вышло, но мозг отказывался работать. Обернувшись, она увидела глубокую яму, откуда ее вытащили, и в ней гроб с открытой крышкой – не ящик, настоящий гроб.

– Это... могила?

– Могила Николь Медина, – объяснил Тейтум. – Перед самыми похоронами он подменил ее тело твоим.

Зои снова взглянула вниз. В гробу блестело что-то металлическое – инфракрасная камера. Она вздрогнула. «Перед самыми похоронами...» Кто мог такое сделать? Священник? Директор ритуального бюро? Зои обхватила себя руками: в мозгу у нее всплыл ответ.

– Патологоанатом... Соответствует профилю... Стрессовый фактор?

– Дело Уитфилд, – ответил Тейтум.

– Неверное время смерти... Ну конечно! Как мы сразу не догадались?! Ты получил мое сообщение? Я пыталась передавать буквы миганием, но все время сбивалась со счета, боялась, ты ничего не поймешь, пробовала снова и снова...

– Мы поняли, что ты хотела сказать, Зои. По твоей подсказке его и нашли. Он учился вместе с Деброй в старших классах. Послушай, давай отойдем...

– Когда он подменил тело? Сколько времени я лежала в гробу?

– Тебе надо отдохнуть. – Тейтум помахал парамедику.

– Скажи мне, сколько?

Грей кашлянул.

– Судя по тому, что нам известно, совершить подмену он мог только сегодня ночью. Позвонил в ритуальное бюро, сказал, что ему необходимо срочно провести на теле какие-то последние тесты. Вечером гроб с телом привезли в морг, а в пять утра увезли.

Зои снова оглянулась на гроб. Теперь она заметила, что в нем нет обивки – внутри лишь голые доски. Должно быть, обивку убийца снял, чтобы на видео не было заметно, что этот «ящик» чем-то отличается от предыдущих.

– Должно быть, он ждал до последнего. Вколол мне снотворное как можно позже, чтобы я не очнулась во время похорон. И чтобы подольше протянула. Скорее всего, в четыре тридцать. А сейчас сколько времени?

Подошел парамедик с медицинским саквояжем. Зои сделала шаг назад.

– Сколько сейчас времени?!

Парамедик бросил взгляд на Тейтума; тот поднял руку, призывая его подождать.

– Половина седьмого или чуть больше.

Зои моргнула.

– Четырнадцать часов... – «Что это стучит?» – подумала она. Какой-то неприятный клацающий звук, совсем рядом. – Четырнадцать часов... – И вдруг поняла: это она сама стучит зубами. – Я пролежала здесь четырнадцать часов. Он положил меня сюда. Я... я... – Почему здесь так холодно? В Сан-

Анджело всегда невыносимая жара, почему же сейчас она дрожит и никак не может согреться?

– Мисс, я дам вам кое-что, чтобы вы успокоились, хорошо? – осторожно предложил парамедик.

Зои отступила еще на шаг, дрожа как осиновый лист. Ладони вспотели, зубы стучали, и никак не унималась дрожь. Она беспомощно взглянула на Тейтума. Сама не понимала, чего от него хочет, – но пусть сделает что-нибудь! Кто-то ей поможет...

– Я здесь, – сказал он.

Она повернулась к парамедику. Тот уже готовил шприц.

– Мисс?

Зои неохотно кивнула – скорее, дернула головой, – и медик взял ее за руку. Игла пронзила кожу, и в тот же миг сверкнуло воспоминание: она на стоянке, что-то жалит ее в шею, и по телу распространяется острая боль. Вот так убийца ее схватил.

– Не уходи! – прошептала она Тейтуму.

И он ответил:

– Я здесь. Я никуда не уйду.

Глава 90

Дейл, Вирджиния, понедельник, 19 сентября 2016 года

О посттравматическом синдроме Зои знала очень немного, однако была уверена: людям, на которых обрушилась эта напасть, не полезно заботиться о других таких же бедолагах. И тем не менее именно этим занимались они с Андреа – заботились друг о друге. И, пожалуй, получалось неплохо.

Конечно, не обходилось без проблем. Так вышло, что их травмы друг другу противоречили. Зои стремилась круглые сутки держать открытыми все окна в квартире. Ей нужны были свет и воздух, уличный шум звучал для ее ушей сладкой музыкой. Андреа предпочитала, чтобы и двери, и окна были закрыты и заперты на все замки. Она превратила квартиру в маленькую крепость, куда не проникнут незваные гости. Сестры искали и находили компромиссы. Например, в гостиной окно будет открыто, а в спальне – то, что выходит на пожарную лестницу – всегда закрыто и заперто на задвижку.

Обеим снились кошмары.

Поначалу они спали в одной комнате и даже в одной кровати. После того как Андреа среди ночи, отбиваясь от невидимого противника, оставила на лице у Зои длинную царапину и едва не выдавила ей глаз, от совместных ночевок пришлось отказаться. Однако сегодняшнее утро, ленивое и ласковое, словно в долгожданный выходной, казалось почти нормальным. Зои проснулась от грохота кастрюль и сковородок – Андреа что-то готовила, – вылезла из постели и, моргая, прошлепала на кухню.

Сестра стояла у плиты, что-то напевая себе под нос, – пожалуй, довольно бодро. Рядом с ней на тарелке высилась груда жареных оладий. Андреа сняла со сковородки очередной подрумянившийся оладушек, перевернула и отправила на тарелку, улыбнувшись тому, как ловко подбросила его в воздухе и как ровно он лег.

Зои потянулась к оладьям, но Андреа хлопнула ее лопаткой по руке.

– Ой!

– Не сейчас, – строго сказала Андреа. – Будем есть их с маслом и кленовым сиропом. И еще я купила апельсиновый сок!

– Пожалуйста, только один! – взмолилась Зои. И опять потянулась к оладушкам.

Лопатка опустилась в джюмек от ее пальцев.

– Смотри у меня! – пригрозила Андреа, поигрывая своим орудием.

– Ну хоть чашечку кофе можно? – проворчала Зои, пожирая оладушки жадным взглядом.

– Кофе – пожалуйста.

Зои приготовила себе кофе, терпеливо ожидая, когда темная влага жизни наполнит чашку. Отпила глоток, вдохнула пряный запах. Что за чудо!

А затем – одно молниеносное движение, и верхний оладушек у нее в руках! Зои торопливо запихнула его в рот, при этом едва не подавившись.

– Ты бы себя сейчас видела! – фыркнула Андреа. – Точь-в-точь хомяк!

Зои улыбнулась с набитым ртом и, дожевывая оладушек на ходу, ушла в гостиную.

– Я включу музыку? – спросила она оттуда. Музыка ей теперь требовалась почти постоянно – чтобы заглушить тишину.

– Ладно, только не Бейонсе и не Тейлор – их я больше не вынесу!

– Кэти Перри пойдет?

– Пойдет... – Андреа тяжело вздохнула.

Зои включила «Teenage Dream» и подошла к окну в гостиной, которое Андреа снова закрывала. Распахнула окно и высунулась наружу, глядя на снующие туда-сюда автомобили.

Не нужно быть экспертом по травмам, чтобы понимать огромную разницу между бедой Андреа и ее собственной. Человек, пытавшийся ее убить, сейчас в федеральной тюрьме и ждет суда. А человек, пытавшийся убить Андреа, – на свободе. Копы оцепили здание, проверили все входы-выходы, перекрыли соседние улицы, обыскали весь город – и все же Роду Гловеру удалось уйти.

– Хотела бы я в пятницу вечером так же веселиться! – сказала Андреа у нее за спиной.

– Что? – недоуменно переспросила Зои.

– Как в песне.

– А-а... – Зои не вслушивалась в слова песни, да и мелодией мало интересовалась. Ей просто нужны были звуки. Постоянные звуки, успокаивающие, напоминающие, что она больше не одна и не взаперти.

– Завтрак подан, мадам. Может, выключим этот шум?

– М-м... еще пару песен, а? Сейчас как раз начнется «Firework»!

Андреа вздохнула и с недовольным видом пошла на кухню. Зои поплелась за ней, чувствуя себя виноватой.

Со временем полегчает. Хотелось бы надеяться.

На обеих тарелках высились по горе оладий, плавающих в озере кленового сиропа. На третьей тарелке нарезанные фрукты – бананы, яблоки, клубника, черника. Такие завтраки созданы, чтобы фотографировать их и выкладывать в «Инстаграм», однако сестры Бентли полагали, что еду лучше есть, а не постить в Интернете.

Зои разрезала оладушек, окунула кусочек в кленовый сироп, наколола сверху на вилку банан и отправила в рот. Закрывала глаза, дыша через нос, всем телом впитывая необычайную сладость. В соседней комнате Кэти распевала припев «Firework» – и Зои хотелось, чтобы этот блаженный миг длился вечно.

– Вчера я слышала, – сказала Андреа, – как ты говорила по телефону со своей начальницей. О том, что у вас в отделе кто-то сливает информацию.

– А, ничего особенно. Не беспокойся. Просто кто-то рассказал тому репортеру, что я...

– Это я рассказала.

Зои уставилась на сестру, словно громом пораженная.

– Ты знаешь, что он пишет о тебе книгу? Он позвонил мне. Сказал, что очень хочет посмотреть вблизи, как ты работаешь, что он сумеет прославить твою

имя. И все эти идиоты у тебя в отделе, что смотрят на тебя свысока, потому что ты не агент, сразу...

– Андреа! Ты хоть понимаешь, что могло выйти? – Жаль, что Гарри Барри здесь нет: с каким удовольствием она воткнула бы ему вилку в глаз! – Я занимаюсь своим делом не для того, чтобы прославиться. Плевать мне и на эту дурацкую книгу, и на то, кто как на меня смотрит!

– И напрасно. Это очень важно – как ты выглядишь в глазах людей.

– Никогда. Так. Больше. Не делай! Ясно? Не смей разговаривать обо мне с журналистами у меня за спиной! Особенно сейчас, когда мы живем вместе...

– Ну, об этом можешь больше не беспокоиться.

– Вот и хорошо. – Зои все еще злилась – на Гарри. Ей ли не знать, что этот сладкоречивый сукин сын умеет быть чертовски убедительным? Ничего удивительного, что ему удалось запудрить мозги Андреа.

Примерно минуту они ели в молчании, а потом Андреа сказала:

– Я собираюсь съездить к маме.

Во второй раз за сегодняшнее утро Зои едва не подавилась.

– Что?!

– В последние дни она мне покоя не дает. Тревожится за нас обеих. И хочет хоть одну из нас увидеть лицом к лицу.

– Поговори с ней по видеочату.

– Не смешно, Зои.

– Ну ладно, поезжай. Мне-то что? Это тебя она за три секунды с ума сведет... И когда улетаешь?

– Завтра. Уже купила билет.

– А когда вернешься? Могу забрать тебя из аэропорта, если только прилетишь не среди ночи.

– Я... не знаю.

Зои вдруг почувствовала, что что-то не так. Андреа не ела, сидела, опустив глаза в тарелку, и вид у нее был виноватый.

– Дело не в маме?

– Ну почему, в маме тоже...

– Ты не хочешь больше здесь жить.

– Сама пока не знаю. – Андреа подняла голову; в глазах у нее стояли слезы.
– Но мне нужно уехать. Хотя бы на время. Подальше от этого города, от воспоминаний, от...

– От меня?

Андреа потянулась за стаканом. На вопрос она не ответила.

– Я не хочу, чтобы ты уезжала, – сказала Зои. Ей вдруг показалось, что она тонет.

– Зои, послушай, может быть, это только на несколько дней, чтобы развеяться! Ничего особенного...

– Развеяться?! С мамой?!

– С собой!... Дело не только в Гловере. Просто мне нужно изменить свою жизнь. Я приехала сюда, плохо понимая, как буду жить и чем заниматься, – и мне здесь не очень-то весело.

Зои положила вилку и закусила губу.

– Я люблю тебя, Зои! – сказала Андреа. – Но сейчас мне нужно побыть одной. Без тебя. Хорошо?

– Хорошо.

– Не сердишься?

– Что ты, Рей-Рей! Как я могу на тебя сердиться! – Она сунула в рот еще кусочек оладьи и начала жевать, не чувствуя вкуса. – Ешь лучше, остынут.

Глава 91

Подходя к палате интенсивной терапии, Тейтум чувствовал, как сердце его сжимается от беспокойства. Вчера, когда он навещал Марвина, старик был под успокоительными: смазанная речь и бледная, почти прозрачная кожа. Подробностей Тейтум не уловил, но слышал, что в рану попала инфекция, и, пожалуй, в первый раз за долгое время задумался о том, что его дед и вправду уже очень стар.

Он собирался с духом, готовясь к еще одному невеселому посещению, как вдруг из палаты донесся взрыв женского смеха. Следом раздался игривый визг, и из палаты вышла средних лет медсестра, качая головой, с широкой улыбкой на лице.

Увидев Тейтума, она остановилась.

– Вы сын Марвина Грея, правильно? – спросила она. – Ну просто вылитый он!

– На самом деле внук, – ответил Тейтум, не слишком польщенный таким замечанием.

Она покатилась со смеху.

– Ах вот оно что!.. Так я и подумала.

Грей вздохнул.

– Ему лучше?

– Я бы сказала, намного лучше! Ваш папаша еще нас всех переживет! Думаю, завтра его выпишут.

– Э-э... уверены, что не нужно оставить его в больнице на день-другой, на всякий случай?

– Знаете, молодой человек, – ответила медсестра, – мы вряд ли смогли бы его здесь удержать! – Она подмигнула ему и удалилась.

Тейтум вошел в палату. Марвин хмуро разглядывал какой-то листок бумаги. Нос у него был еще красный и распухший, но, пожалуй, выглядел он получше, чем вчера.

– Что это у тебя? – спросил Тейтум, присаживаясь на стул у постели.

– Скажи-ка мне, внучек, это семерка или единица? – поинтересовался Марвин, показывая ему листок.

– По-моему, семерка... это что, телефон медсестры?

– Не твое дело. – Марвин положил листок на тумбочку и взялся за телефон. – Кстати, будут спрашивать – всем говори, что ты мой сын. Понял? Это очень важно!

– Хорошо, буду иметь в виду. Говорят, тебя завтра выписывают?

– Давно пора, Тейтум, давно пора! Что за удовольствие торчать в этой дыре? Пить нельзя, курить нельзя...

– Ты же семь лет назад бросил.

– Да, представь, и не хотелось! Не вспоминал даже, пока мне не сказали, что здесь курить не положено. Теперь только и думаю: как я жил-то без сигарет? – Марвин постучал по экрану телефона. – Вот, читаю статью об этом твоём парне.

– Каком парне?

– О Прескотте. – И дед показал Тейтуму открытый сайт – разумеется, «Чикаго дейли газетт»!

Грей закатил глаза. Гарри Барри, как видно, собирался выдоить эту историю досуха.

– Не верь всему, что пишут в газетах.

– Парень-то оказался хитрой сволочью! Неужто вправду был патологоанатомом в полиции? И ты с ним вместе работал?

– Ну да. С виду ни за что не догадался бы.

– А все потому, Тейтум, что ты никогда внимательно на людей не смотришь. Вот окажись там я – сразу его раскусил бы! Я ведь тебе всегда говорил: смотреть надо в глаза. Как бы человек ни врал, а глаза о нем правду скажут!

Тейтум встретился с ним взглядом.

– И какую же правду говорят мои глаза?

– Что тебе не терпится от меня свалить! – ухмыльнулся Марвин.

Грей невольно улыбнулся в ответ. Интересно, подумал он, почему сегодня дед так мирно настроен – уж не переборщил ли с обезболивающими?

– Андреа передает тебе привет.

Марвин сразу посерьезнел, на лице его отразилось беспокойство.

– Как она там?

– Учитывая обстоятельства, очень неплохо.

– Напугал он ее сильно, бедную девочку! – проворчал Марвин. – Тейтум, когда уже вы посадите этого ублюдка за решетку? Ты там что-то совсем мышей не ловишь!

– У меня, дедуля, отпуск. Блаженное одиночество в пустой квартире. – Тейтум снова вздохнул, вспомнив, что наслаждаться одиночеством ему остался только один день.

– Да, как там Тимоти? – вдруг с тревогой спросил Марвин. – С тех пор как этот сукин сын пырнул меня ножом, я его и не кормил!

– У Тимоти все прекрасно. Плавает себе в аквариуме.

– Отлично! – с явным облегчением откликнулся Марвин. – А кот?

– И у Веснушки все хорошо, можешь не волноваться.

– Ну, не бывает же так, чтобы одни хорошие новости...

– Он по тебе скучает.

– Хватит надо мной издеваться! Лучше скажи, что с твоим внутренним расследованием? Тебя больше не обвиняют в том, что сделал мир чуть лучше?

– Похоже, нет. Дело закрыли. Новый свидетель оказался другом матери Уэллса, и все говорит за то, что его даже не было на месте происшествия.

– Кто такой Уэллс?

– Тот педофил, которого я пристрелил.

– Так и говори: педофил! Буду я еще по фамилиям запоминать всех уродов, в которых ты стрелял!

– Вообще-то я стрелял только в одного и... Ладно, не важно, – пробормотал Тейтум. И, немного помолчав, спросил: – Ты не возражаешь поговорить о... о том вечере?

– С чего бы мне возражать?

– По показаниям Андреа и по следам на месте происшествия полиция составила общее представление о том, что случилось. Но хочу послушать и тебя.

– Хм... Ну, просыпаюсь я оттого, что кто-то стучит в дверь. Встал не сразу – и, пока вставал, Андреа сама подошла к двери и открыла.

– Ты слышал, как он вошел?

– Да сам не знаю, что я слышал, Тейтум. Помню, дверь захлопнулась. И дальше какой-то странный звук. То ли стон, то ли всхлип, бог его знает. В общем, я нутром почуял: что-то не так! Открываю дверь – и смотрю, этот парень заталкивает Андреа в спальню. Я шагнул вперед...

– Интересно, что ты собирался сделать? Поколотить его? – Вопрос прозвучал куда резче, чем Тейтуму хотелось.

– Послушай, ты хочешь послушать, как было дело, или лекции мне читать? Сделал я куда больше, чем эти чертовы копы!

– Да, это правда... Так что же?

– Он мне врезал. Не слишком сильно, прямо скажем. Может, этот парень и считает себя крутым, но откровенно тебе скажу, Тейтум, дерется он как девчонка!

– Вообще-то он сломал тебе нос, пырнул ножом и устроил сотрясение мозга.

– Тейтум, кто здесь рассказывает историю? Я или ты? Или, может, ты там был? Если ты так же проводишь допросы, нечего удивляться, что этого козла никак не поймать!

– Извини. Итак, он дерется как девчонка.

– Вот именно. В общем, возвращаюсь я к себе за пушкой и иду в спальню. Выстрелил в него – и попал. Он поворачивается ко мне. Тогда я делаю предупредительный выстрел в окно...

– Иначе говоря, ты промазал.

– Ну ты и заноза, Тейтум!.. Да, промазал! Было темно, комната маленькая, у меня чертовски болел нос, и я боялся попасть в Андреа, ясно?

– Ясно.

– А дальше он смылся.

Тейтум наклонился к деду:

– Как?

– Ногами. Через дверь. Пробежал мимо меня и был таков.

– Как он при этом выглядел?

Марвин на секунду задумался.

– Вот помнишь, когда Веснушка в последний раз вцепился мне в ногу, я гонялся за ним со сковородкой?

– И разбил телевизор. Да, Марвин, этот великий день навеки останется в моей памяти.

– Я загнал гада в ванную и там зажал в угол!.. Так вот, Марвин, выражение морды у этого парня, когда он бросился наутек, было точь-в-точь как у Веснушки!

– Как у зверя в капкане, – подсказал Тейтум.

– Именно, – подтвердил Марвин. – Теперь я и думаю: может, надо было не с пушкой на него идти, а со сковородкой?

Глава 92

Дейл, Вирджиния, вторник, 20 сентября 2016 года

При Андреа Зои «держала лицо» любящей сестры, поддерживающей любое ее решение. Но когда Андреа села в такси и отбыла в аэропорт, дала слабинку. Страх ждал Зои в засаде, сторожил по углам, темной тенью мелькал в неосвещенной комнате или за закрытой дверью – и теперь, когда она осталась одна, почувствовал себя хозяином.

Зои открывала все окна. Гуляла до изнеможения. Включала музыку на полную громкость, чтобы в квартире не осталось ни единого тихого уголка. Заставляла себя работать: читала расшифровки допросов Клайда Прескотта, жалела, что не может заняться им сама. Почему бы и нет? Допрашивала же она Джеффри Олстона и еще некоторых серийных убийц. Но встретиться с Прескоттом лицом к лицу... нет, просто невозможно.

Зои читала его неоконченную автобиографию. Тейтум разыграл перед Прескоттом драматический спектакль, предварительно сохранив файл с рукописью на другой носитель. А вот бумажную рукопись действительно уничтожил, и об этом Зои жалела: ей хотелось бы посмотреть, как Клайд редактировал свой текст и вносил правки.

На долгое время – иногда на целых пятнадцать или двадцать минут – Зои удавалось забыть в работе: она размышляла, делала заметки, уточняла профиль, зная, что все это когда-нибудь может оказаться бесценно для другого профайлера. А потом вдруг обнаруживала, что снова смотрит в стену, напряженная, как струна, боясь вздохнуть, чувствуя, как со всех сторон ее окружает мертвое молчание.

От неожиданного стука в дверь зашло сердце. Она хотела уже бежать на кухню и хватать самый большой нож, который там найдется, когда донесся голос Тейтума:

– Зои, ты дома? Это я.

Она отперла дверь и впустила его, почти презирая себя за то, какое испытала облегчение.

– Читаешь? – поинтересовался он, кивнув на разложенные листы рукописи.

– Очень увлекательно. Прескотт пишет ярко и выразительно. Из этой рукописи я узнала о нем очень много нового.

– По-моему, чем меньше знать об этом монстре, тем лучше.

– Он не... – Тут Зои помотала головой и не закончила фразу. – Жаль, что ты уничтожил его пометки. Хотела бы я на них взглянуть! – К собственному удивлению, она ощутила, что говорит сердитым тоном.

– Извини, я был слишком занят – спасал твою жизнь. Обо всем остальном как-то не думал.

– Можно же было измельчить чистые листы, а исписанные оставить. Или заранее скопировать рукопись. Или...

– О чем ты вообще говоришь? Я с ума сходил от тревоги за тебя! Ты представляешь, что мне пришлось пережить?

– Нет! – выкрикнула Зои. Сама не понимала, почему взорвалась – как-то ее вдруг замкнуло. – Не представляю! Наверное, мне все-таки пришлось хуже!

Тейтум взял ее за руку и очень осторожно привлек к себе. Зои не сопротивлялась; прижалась щекой к его груди, и он обнял ее – нежно, почти невесомо, словно чувствуя, что все давящее и стесняющее для нее сейчас невыносимо. Закрыв глаза, Зои слушала биение его сердца.

Через некоторое время она глубоко вздохнула и отстранилась.

– Прости.

– Не за что извиняться.

– Выпить хочешь?

Было три часа дня, и Зои ожидала, что он откажется.

– Не прочь.

Она открыла шкаф, достала бутылку «Талискер Скай» и два бокала. Плеснула немного янтарной жидкости Тейтуму и куда более щедрую порцию – себе.

– А почему так мало? – поинтересовался Грей, разглядывая бокал на свет.

– Середина дня. – Зои пожала плечами.

– Но у тебя в четыре раза больше.

– Мне можно. Я травмирована.

– Я тоже травмирован, и еще как! Только что был в больнице у Марвина.

Зои подлила ему виски, и Тейтум коснулся бокалом ее бокала.

– За травму!

Она фыркнула.

– За травму!

Оба отпили по глотку. Зои немного посмаковала горькую жидкость с дымным привкусом, затем проглотила, чувствуя, как в груди разливается приятное тепло. Пили в уютном молчании; Зои не думала ни о чем конкретном, мысли бродили сами по себе, и в этом была какая-то не знакомая прежде свобода.

В конце концов она, вздохнув, заговорила:

– Ладно. Манкузо сказала мне, что делом Гловера теперь занимаешься ты.

– Сама сказала? – удивился Тейтум. – А мне она велела тебе не говорить...

Зои промолчала, слегка усмехнувшись. Немного подумав, Грей чертыхнулся.

– Блефуешь! Ничего она тебе не рассказывала!

– Она – нет. – Зои отпила еще виски, довольная собой. – А вот ты только что рассказал. Правильно я понимаю: ты сам напросился?

– Конечно.

– Есть какие-нибудь идеи, как он умудрился сбежать?

– Полиция считает, что ушел по крыше. Оттуда спустился по водосточной трубе в переулок, где полицейского кордона не было, и удрал.

– Ниндзя какой-то... А потом, видимо, убрался на автомобиле, несмотря на то, что по всему городу объявили план «Перехват».

– В целом как-то так, да.

– Еще и истекая кровью.

– Они полагают, что Марвин не так уж серьезно его ранил.

– А ты что думаешь?

Тейтум взглянул ей в глаза.

– Что-то здесь не бьется.

– Давай посмотрим.

Вместе они вошли в спальню Зои – где Тейтум, разумеется, никогда прежде не был. У порога она на секунду замаялась, вспомнив, что у нее не прибрано: повсюду разбросана одежда, в том числе и белье, на столе три чашки с остатками кофе, на кровати и на полу кипы бумаг. Ну и черт с ним!

– Не обращай внимания на... – она обвела спальню неопределенным жестом, – на все.

– Договорились, – усмехнулся Тейтум.

– Судя по следам крови и по показаниям Андреа, когда Марвин выстрелил в Гловера, тот стоял здесь. – Зои встала у кровати.

– Значит, Марвин – у двери. – Тейтум занял место своего деда. – У него сотрясение и сломан нос. Скорее всего, прислонился к стене или к косяку.

– Он стреляет. Ранит Гловера в бок.

– К сильной боли Гловер не привык, – задумчиво произнес Тейтум. – Насколько нам известно, в детстве его не били. Он никогда не лез в драки – по крайней мере, такие, в которых не имел явного преимущества. И охотился всегда на слабых.

– В Чикаго я задела его ножом, – медленно покачала головой Зои, вспоминая тот день. – Порез был неглубокий, но он испугался до полусмерти.

– Итак, ему больно.

– Второй выстрел – и промах, пуля выбивает окно. Но Гловеру вряд ли становится легче.

– В Марвине он видит непосредственную угрозу. И понимает, что стрельба привлечет копов. – Зои закусил губу. – Надо бежать.

– Окно разбито, повсюду острые осколки стекла, и он не хочет поворачиваться спиной к Марвину. – Тейтум устремил взгляд куда-то в пространство, словно видел то, что происходило здесь несколько дней назад. Зои знала этот взгляд, не раз слышала от Андреа, что сама, когда задумывается, смотрит так же.

– И бежит к дверям.

– Верно. – Тейтум повернулся к двери, готовый повторить путь Гловера.

– Тейтум! – вырвалось вдруг у Зои. Она сама не поняла, почему его остановила.

– Что такое? – удивленно спросил он.

– Ничего. Пойдем вместе.

Они вышли из спальни. Тейтум открыл входную дверь и выглянул в холл. Лестничная площадка, лифт, двери соседних квартир.

– Куда же дальше?

– Он напуган, – напомнил Тейтум. – И ранен.

– И знает, что снаружи копы, – добавила Зои. – Не случайно же он сам переоделся копом.

– А как он, переодетый копом, попал в здание? – спросил вдруг Тейтум.

– Как он вообще попал в здание? Час был уже поздний. Полицейские наверняка обращали внимание на всех, кто входил и выходил.

Зои привыкла думать в одиночку. Прежде, работая с Тейтумом, она лишь проверяла на нем свои теории. Но теперь словно включилась какая-то связь между ними – и они начали думать в унисон, как шестеренки единого механизма.

– Мы знаем, что в Дейле он прожил несколько недель, – сказал Грей.

– И, стоило мне уехать, – выполз из своей норы.

– Андреа сказала копам, что он как будто хорошо знал твою квартиру, – продолжал Тейтум. – Знал, где что расположено. Они предположили, что он уже залезал сюда, когда никого из вас не было дома.

От этой мысли Зои охватила тошнота.

– Не обязательно. В таких домах все квартиры одинаковые.

– Он ждал. – Тейтум огляделся вокруг. – Обычная его тактика, верно? Засесть в засаде и ждать добычу. Найти подходящее место, затаиться там... и просто ждать.

Зои кивнула.

– Ждать, пока мимо пройдет одинокая девушка.

Глава 93

Управляющий домом, ворчливый старик, поначалу наотрез отказывался общаться с ними без ордера. Однако Зои и Тейтум – все в той же новой манере, которая и ставила ее в тупик, и безмерно радовала, – поняли друг друга без слов и разыграли целый спектакль. Зои была жертвой, к которой кто-то вломился домой, а Тейтум – суровым федеральным агентом, готовым покарать негодяя.

Не прошло и семи минут, как управдом готов был хоть первенца в жертву принести. Впрочем, первенец им не потребовался. Только имена и описание внешности всех новых жильцов.

Описывать людей управдом оказался не мастер. Впрочем, среди новых жильцов нашелся один-единственный одинокий мужчина средних лет: некий Дэниел Мур.

Ключи от квартиры управдом им не дал, зато сообщил, что сходит туда сам, а они, если хотят, могут пойти с ним вместе.

Полчища мух и витающий в квартире запах с порога сообщили, что в этой квартире уже несколько дней никто не живет.

В кухонной раковине валялась гора грязной посуды с остатками тайской еды навывнос. Воняло неопишимо; управдом, зажав нос, бормотал что-то о насекомых, счетах за уборку и судебных исках.

Зои, не обращая на него внимания, двинулась напрямик в спальню. Тейтум – за ней.

И на полу, и на простынях темнели пятна засохшей крови. Сомнений не оставалось. словно подстреленный зверь, Гловер убрался в свое логово и здесь зализывал раны.

Зои нахмурилась, соображая. Здесь он был в безопасности, а потом снова бросился бежать... почему?

– Что-то его спугнуло, – произнес у нее за спиной Тейтум.

– На следующий день после нападения на Андреа полицейские опрашивали соседей, – ответила Зои. – Ходили из квартиры в квартиру, интересовались, не видел и не слышал ли кто-то чего-нибудь подозрительного.

– Постучали и сюда.

– Наверное, еще и объявили: «Откройте, полиция!» – Зои представила, как Гловер скорчился в углу, зажимая себе рот, чтобы не издать ни звука, – и при мысли о том, что он был ранен и напуган, испытала некоторое удовлетворение.

– Подождал, пока они уйдут, собрал самое необходимое и бросился наутек, – проговорил Тейтум, разглядывая бумаги на тумбочке у кровати. – Телефонные счета на имя Дэниела Мура... Похоже, он состряпал себе полноценную фальшивую личность.

– Или украл, – добавила Зои. – Он уже много лет в розыске и все это время умудрялся как-то скрываться от полиции.

– Взгляни-ка! Счет из больницы.

На секунду Зои подумала, что Гловер обратился в больницу со своим огнестрельным ранением. Но нет, настолько он еще не обнаглел. Счет был за МРТ, трехнедельной давности.

Результаты МРТ она нашла скомканными на полу. Развернула, перечитала несколько раз – и широко раскрыла глаза.

– Что там? – спросил Тейтум.

– Подозрение на злокачественную опухоль мозга, – ответила Зои. – Возможно, он умирает.

Вот и сложилась головоломка! Последний элемент со щелчком встал на место. Теперь понятно, почему Гловер не стал ждать, пока уляжется шум и охрана Андреа потеряет бдительность. Он просто не мог себе позволить долго ждать.

– Все-таки есть на свете справедливость! – с мрачным удовлетворением заметил Тейтум.

Зои не ответила: в ее душу по капле просачивался холодный ужас.

Раненый зверь ползет в берлогу и там зализывает раны.

Но умирающий... умирающему зверю терять нечего. Он становится непредсказуемым – и намного более опасным.

Возвращаться домой Зои не хотела, так что они отправились в бар в Вудбридже. Тейтум неторопливо посасывал пиво «Блю мун», а Зои пила уже второй «Гиннесс». Впервые за долгое время она по-настоящему опьянела. Обычно любая потеря контроля над собой заставляла ее нервничать; сейчас алкоголь, сглаживающий острые углы реальности, стал для Зои желанным подарком.

– Знаешь, что мне нравится? – спросила она.

– И что же? – поинтересовался Тейтум.

– Пиво.

Он поднял бровь.

– Да ты, похоже, наклюкалась!

– Ты мне не мать! – прикрикнула она.

– И слава богу.

– С моей матушкой вообще невозможно ладить. Не понимаю, почему Андреа решила к ней переехать!

– Ну... может быть, ваша мать не так уж плоха, – вздохнул Грей.

Зои спорить не стала.

– Тейтум, тот вечер...

– Какой?

– Когда я сказала, что ты застрелил того парня, потому что думал, что он того заслуживает.

– Ну. – Он сделал большой глоток.

Зои точно знала, что должна извиниться, – и вдруг сообразила, что не помнит, из-за чего именно они поссорились. Мало того, вполне возможно, она была права. Впрочем, сейчас лучше свою правоту не доказывать.

– Я была дурой, – изрекла она наконец.

Не так уж часто Зои Бентли называла себя дурой. Строго говоря, вообще никогда. Но искусство дипломатии требует жертв.

– Что ж, спасибо, что призналась. – Тейтум благодарно улыбнулся ей.

И всё? Похоже, в самом деле всё. Вопрос исчерпан. Каким-то чудом ей удалось пройти с завязанными глазами через минное поле и остаться невредимой!

– И еще я хотела сказать тебе спасибо за то, что спас Андреа.

– Не я ее спас.

– Нет, ты. Ты попросил присмотреть за ней своего деда, а тот выстрелил в Гловера и спас Андреа. Так что я у тебя в долгу за жизнь Андреа. Или она в долгу за свою жизнь. Или мы пополам... – Зои хихикнула. – Если я должна половину ее жизни, и она должна половину...

– Так, тебе определенно хватит. Давай-ка я отвезу тебя домой, – предложил Тейтум и начал вставать с табурета.

– Подожди! – Она схватила его за руку. – Еще немного!

Он со вздохом сел.

– Ты даже не представляешь, как будешь завтра маяться похмельем.

– Я... ик... не знаю, что такое похмелье.

– Вот завтра и узнаешь.

На заднем плане заиграла «Girls Just Want To Have Fun» Синди Лопер.

– О-о, обожаю эту песню! – воскликнула Зои.

– И почему я не удивлен?

– Что ты имеешь в виду?

– Да ничего. – Тейтум усмехнулся.

Несколько минут они сидели молча, слушая песню. Потом Зои снова заговорила – посерьезнев, даже, кажется, слегка протрезвев.

– Мне нужно найти Рода Гловера. Понимаю, звучит как навязчивая идея...

– Ты права.

– Что?

– Ты права. Его нужно найти. И я тебе помогу.

– А... тогда хорошо. – Ее охватило странное тепло, не имеющее ничего общего с алкоголем в крови. – Спасибо.

– Всегда пожалуйста... напарница. – Тейтум осторожно взял у нее полупустой стакан.

Она старалась остаться серьезной; ведь они говорили о серьезных вещах. Но Синди за спиной пела о том, что девушки просто хотят веселиться, по телу и душе разливалась приятная легкость... и впервые за много дней Зои по-настоящему улыбалась.

Сейчас она чувствовала себя почти в безопасности.

Благодарности

Эта книга никогда не увидела бы света дня, если б не моя жена Лиора. Вместе со мной она обдумывала сюжет, читала и редактировала книгу, оказывала бесценную поддержку всегда, когда я в ней нуждался. Она часто просит, чтобы я перешел на романы о цветах и бабочках, но никогда не отказывается помочь, когда я пишу об убийцах-психопатах. Когда-нибудь напишу триллер о цветах и бабочках специально для нее.

Кристин Манкузо, многому научившая меня по части писательского ремесла, прочитала первый черновик этой книги. Сделала массу интересных замечаний, помогла мне развить характер Джулиет Бич, взаимоотношения Зои и Джозефа – и многое, многое другое.

Джессика Триббл, мой редактор, оказала мне неоценимую помощь. С ее поддержкой я сократил все, что стоило сократить, «докрутил» логику детективного сюжета и переписал начало так, что оно стало сильнее и ярче.

Вторым редактором этой книги стал Брайан Квитермес. Он исправил проблемы с темпом повествования, придал блеск диалогам и помог удалить две ненужные и слабые главы.

Окончательной редактурой занималась Стефани Чу: она пригласила мою неуклюжую грамматику, исправила огромное количество орфографических ошибок, а также обратила мое внимание на несколько фактических неточностей, прокрававшихся в текст, – например, на то, что у меня в одном месте слишком долго длился закат.

Сара Хершман, мой агент, неизменно верила в меня. В том, что эта серия книг вышла и имеет успех, ее заслуга не меньше моей.

Спасибо друзьям из «Авторского уголка» за то, что болели за меня, поддерживали и поздравляли, когда вышла в свет первая книга из серии. Лучших друзей и желать нельзя!

Спасибо родителям за неизменную поддержку в моем путешествии по тем американским горкам, что именуются «писательской карьерой».

notes

Примечания

1

Квантико – город в штате Вирджиния, неподалеку от которого находится военная база Корпуса морской пехоты США, где, в числе всего прочего, находится Лаборатория ФБР.

2

Здесь и далее: вспоминаются события, подробно описанные в романе М. Омера «Внутри убийцы».

3

Четвертая поправка к Конституции США в широком смысле запрещает незаконное получение информации в качестве доказательства вины субъекта.

4

Теодор Роберт (Тед) Банди (1946–1989) – американский серийный убийца, насильник и некрофил. В 70-х годах его жертвами стали более 30 женщин.

Рэдрик Делантик Дэвис (р. 1980, более известный под сценическим псевдонимом Гуччи Мейн) – популярный американский рэп-исполнитель.